

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

18+

ЙЕН МАКДОНАЛД

Лауреат
премии
«Хьюго»

Лауреат
премии
«Локус»

ВОЛЧЬЯ ЛУНА

ОТ АВТОРА «НОВОЙ ЛУНЫ»

Annotation

Луна может убить. Луна может принести целое состояние. На Луне всем заправляют пять Драконов, пять корпораций, власть которых абсолютна. Так было раньше. Но теперь все изменилось. Пятый Дракон пал, его богатства делят между собой победители. Рухнул годами выстраиваемый порядок, рвутся бывшие связи, и в новой ре-альности даже самые опытные политики и интриганы начинают до-пускать ошибки. А Луна не прощает ошибок. А еще не прощает са-модовольства. Ведь тот, кому нечего терять, тот, кто выжил после падения «Корта Элиу», не остановится ни перед чем, чтобы отомстить и вернуть былую мощь Пятого Дракона. И ради этого предпримет самоубийственное и невозможное путешествие – вернется на Землю, где тем, кто родился на Луне, жить нельзя. Драконы еще не знают, что их политические интриги, непрочные союзы и далеко идущие планы скоро померкнут перед лицом настоящей войны.

- [Йен Макдональд](#)
 -
 -
 - [После падения: Овен 2103](#)
 - [1: Дева 2105](#)
 - [2: Дева – Весы 2105](#)
 - [3: Овен 2103 – Близнецы 2105](#)
 - [4: Весы 2105](#)
 - [5: Весы – Скорпион 2105](#)
 - [6: Близнецы 2105](#)
 - [7: Весы – Скорпион 2105](#)
 - [8: Скорпион 2105](#)
 - [9: Лев – Дева 2105](#)
 - [10: Скорпион 2105](#)
 - [11: Скорпион 2105](#)
 - [Глоссарий](#)
 - [Список действующих лиц](#)
 - [Лунный календарь](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)

Йен Макдональд

Волчья Луна

Ian McDonald
LUNA: WOLF MOON
First published by Gollancz London.

Печатается с разрешения издательства Orion при содействии
литературного агентства Синописис

Copyright © 2017 by Ian McDonald
© Наталия Осояну, перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Названия месяцев для «Фермерского альманаха» заимствованы у
коренных жителей территории, которая в настоящее время представляет
собой северо-восток Соединенных Штатов.

«Волчья Луна» – это январь, на протяжении которого волки воют от
голода и бедствий; месяц самого сильного холода и самой непроглядной
тьмы.

После падения: Овен 2103

– Унесите меня на Землю, [\[1\]](#) – сказал Лукас Корта. Команда отстегнула его от капсулы «лунной петли» и затащила в шлюз страдающим от недостатка кислорода, гипотермии и обезвоживания.

– Вы на борту циклера ВТО «Святые Петр и Павел», сеньор Корта, – сказала администратор шлюза, закрывая герметические двери.

– Убежище, – прошептал Лукас Корта, и его вырвало. Он стойко продержался пять часов, пока капсула удалялась от гибнущей «Корта Элиу». Пять часов, на протяжении которых направленные удары уничтожали его промышленные комплексы, расположенные посреди лунных морей, боевые программы замораживали его финансы, рубаки Маккензи потрошили его город. Его братья размахивали ножами, защищая дом Корта, а он бежал, через Море Изобилия, вверх и прочь от Луны.

«Спаси компанию, – сказал Карлиньос. – У тебя есть план?»

«У меня всегда есть план».

Пять часов он кувыркался, улетаая прочь от разрушения «Корта Элиу», словно осколок взрыва. А потом чьи-то руки ему помогли, кто-то обратился к нему с теплотой, вокруг оказался плотный корабль – настоящий корабль, а не пузырь из алюминия и пластика, – натянутые ремни мышц ослабли, и его стошнило. Подступили докеры ВТО с портативными вакуумными очистителями.

– Будет лучше, если вы расположитесь вот так, сеньор Корта, – сказала администратор шлюза. Она укутала плечи Лукаса одеялом из фольги, а остальные перевернули его стоймя и, маневрируя, завели в лифт. – Мы очень скоро вернем вас в лунную гравитацию.

Лукас почувствовал, как лифт начал двигаться и порожденная вращением циклера сила тяжести вцепилась в его ноги. «Земля», – попытался проговорить он. Кровь задушила слова. Лопнувшие альвеолы клочкотали в груди. Он вдохнул вакуум там, в Море Спокойствия, когда Аманда Сунь попыталась его убить. Он семь секунд провел на обнаженной поверхности Луны. Без костюма. Без воздуха. Выдохнуть. Таково первое правило лунных бегунов. Опустошить легкие. Он забыл, забыл про все, исключая воздушный шлюз станции «лунной петли» впереди себя. Его легкие повреждены. Он стал лунным бегуном. Мог бы получить булавку: Дона Луна, лицо наполовину черное, наполовину – белый череп. Лукас Корта рассмеялся. На миг он подумал, что захлебнется. Кровавая мокрота

пролилась на пол лифта. Надо было четче проговаривать слова. Эти воронцовские женщины должны понять.

– Отведите меня туда, где земная сила тяжести, – сказал он.

– Сеньор Корта... – начала администратор шлюза.

– Я хочу отправиться на Землю, – сказал Лукас Корта. – Мне надо отправиться на Землю.

* * *

Он лежал на диагностической кровати медцентра в одних трусах-боксерах. Он всегда питал отвращение к боксерам. Нелепость и ребячество. Он отказывался их носить, даже когда они были в моде, а они были, поскольку на Луне одна мода сменяет другую. Кожа была бы лучше. Он бы с достоинством носил свою наготу.

Женщина стояла у изножья диагностической кровати. Сенсорные руки и инжекторы окружали ее, словно божество. Белая, средних лет, уставшая. Она всем тут заправляла.

– Я Галина Ивановна Воликова, – сказала эта женщина. – Я буду вашим личным врачом.

– Я Лукас Корта, – прокаркал Лукас.

Правый глаз доктора Воликовой замерцал: она считывала информацию с медицинского интерфейса.

– Сжатое легкое. Многоочаговое мозговое микрокровоотечение – вы были, по всей вероятности, в десяти минутах от смертельной церебральной гематомы. Повреждение роговицы, внутреннее кровоотечение в обоих глазных яблоках, разорванные альвеолы. И пробитая барабанная перепонка. С ней я разобралась.

На губах женщины мелькнула напряженная улыбка, выражавшая мрачное веселье, и Лукас понял: они сработаются.

– Как долго... – прошипел он. В левом легком заскрежетало битое стекло.

– По меньшей мере одна орбита, прежде чем я вас отсюда выпущу, – сказала доктор Воликова. – И не пытайтесь говорить.

Орбита: двадцать восемь дней. Мальчиком Лукас изучал физику циклеров; умные орбиты с минимальной затратой энергии, которые они описывали вокруг Луны, дважды сближаясь, а потом возвращаясь к лику Земли, словно выпущенные из катапульты снаряды. Процесс назывался орбитой с переворотом. Лукас не понимал математику, но это было частью

бизнеса «Корта Элиу», так что ему пришлось изучить принципы, если не детали. Петли вокруг Луны и Земли – те сами описывали круги вокруг Солнца, а Солнце и его миры на протяжении четверти миллиарда лет танцевали вокруг центра галактики. Все двигалось. Все было частью великого танца.

Новый голос, новая фигура в изножье кровати – ниже и мускулистее, чем доктор Воликова.

– Он может меня слышать? – Женский голос, ясный и мелодичный.

– Может.

– И говорить, – проскрежетал Лукас.

Вторая женщина шагнула на свет. Капитана Валентину Валерьевну Воронцову знали в двух мирах, но она официально представилась Лукасу КORTE.

– Добро пожаловать на борт «Святых Петра и Павла», сеньор Корта.

Капитан Валентина была крепкого телосложения, приземистой; земные мышцы, русские скулы, казахские глаза. В двух мирах знали и то, что ее сестра-близнец Екатерина была капитаном «Богоматери Казанской». Они были легендарными женщинами, эти капитанши Воронцовы. Первая легенда заключалась в том, что они были идентичными зародышами, выношенными разными суррогатными матерями при несопоставимой силе тяжести. Одна родилась в космосе, другая – на земле. Второй живучий миф заключался в том, что они обладали врожденной телепатией, глубинной особенностью, превосходящей любой вид коммуникации и действующей на любом расстоянии. Какая-то квантовая магия. Согласно третьему мифу, они регулярно обменивались командованием двумя циклерами ВТО. Из всех легенд о капитанах-близнецах Лукас Корта верил только этой. Врагов нужно держать в недоумении.

– Я так понимаю, вас еще не проинформировали о ситуации на Луне, – сказала капитан Валентина.

– Я готов.

– Не думаю. Лукас, у меня для вас новости, худшие из возможных. Все, что вы знали, утеряно. Ваш брат Карлиньос убит во время обороны Жуан-ди-Деуса. Боа-Виста уничтожен. Рафаэл умер во время разгерметизации.

Пять часов, одинокое путешествие по промежуточной орбите «лунной петли», стена капсулы пляшет в ответ: воображение Лукаса побывало в темных местах. Он видел свою семью мертвой, свой город – разрушенным, свою империю – сокрушенной. Он ожидал от Валентины Воронцовой этих новостей, но все же удар оказался тяжелым и опустошительным, как

вакуум.

– Разгерметизация?

– Вам лучше не разговаривать, сеньор Корта, – сказала доктор Воликова.

– Рубаки «Маккензи Металз» взорвали поверхностный шлюз, – объяснила капитан Валентина. – Рафаэл доставил всех в убежище. Мы считаем, он проверял, не отстал ли кто-то, когда обиталище разгерметизировалось.

– Это в его духе. Благородно и глупо. Луна? Робсон?

– Асамоа спасли выживших и доставили в Тве. Брайс Маккензи уже обратился в Суд Клавия с иском об официальном усыновлении Робсона.

– Лукасинью?

Теперь его чувства оцепенели, а тело находилось под достаточным контролем, чтобы произнести имя, которое он хотел прокричать в первую очередь. Если Лукасинью мертв, он встанет с этой постели и выйдет из воздушного шлюза.

– Он в безопасности в Тве.

– Мы всегда доверяли Асамоа. – Осознание того, что Лукасинью ничего не угрожает, было радостью, жаркой, как солнце: гелий при теплоте плавления.

– Телохранительница Ариэль помогла ей сбежать в Байрру-Алту. Она скрывается. Как и ваш брат Вагнер. Стая Меридиана приютила его.

– Волк и калека, – прошептал Лукас. – А компания?

– Роберт Маккензи уже ассимилирует инфраструктуру «Корта Элиу». Он разослал контракты вашим бывшим работникам.

– Они будут идиотами, если не согласятся.

– Они соглашаются. Он объявил о новом дочернем предприятии: «Маккензи Фьюзибл». Генеральным директором назначил своего внучатого племянника Юрия Маккензи.

– Австралийцы после второй-третьей все на одно лицо. – Лукас издал смешок, низкий и полный крови, повеселев от собственной мрачной шутки. Шутить – это как бросать пыль в лицо превосходящего противника. – Вы знаете, что это были Суни. Они натравили нас друг на друга.

– Сеньор Корта, – снова проговорила доктор Воликова.

– Они заставили нас с наслаждением резать друг другу глотки. Они планируют на десятилетия, эти Суни.

– «Тайян» приступил к исполнению ряда опционов на экваториальную недвижимость, – сообщила капитан Валентина.

– Они собираются превратить весь экваториальный пояс в солнечную

электростанцию, – со свистом проговорил Лукас. Кусочки его легких выходили наружу вместе с густой кровавой слизью. Он выкашлял свежую кровь. Машинные руки пришли в движение, промокая красное.

– Хватит, капитан, – сказала доктор Воликова.

Капитан Валентина собрала пальцы щепотью и опустила голову; поклонилась по-лунному, хоть и была женщиной с Земли.

– Мне жаль, Лукас.

– Помогите мне, – сказал Лукас Корта.

– ВТО «Космос» и ВТО «Земля» держатся на расстоянии от ВТО «Луна», – сказала капитан Валентина. – У нас особое слабое место. Защита нашей электромагнитной катапульты в точке Лагранжа и наших пусковых установок на Земле превыше всего. На нас устремлены ревностные взгляды русских, китайцев и индусов.

Машинные руки опять задвигались. Лукас внезапно ощутил, как ему что-то впрыснули под правое ухо.

– Капитан, мне нужно, чтобы на Луне поверили в мою смерть.

Капитан и доктор, медленные и благоговейные руки медицинской системы – все расплылось и растаяло в белизне.

* * *

Он не смог определить момент, когда осознал музыку, но он выплыл в нее словно пловец, пересекающий мениск^[2]. Она окружила его, как воздух, как околоплодные воды, и ему было приятно лежать внутри нее, закрыв глаза, дышать, не чувствуя боли. Музыка была благородной, здоровой, упорядоченной. Какая-то разновидность джаза, решил Лукас. Не его музыка, не та музыка, которую он понимал или ценил, но он признавал ее логику, узоры, которые она рисовала во времени. Он долго лежал, пытаясь осознать одну лишь музыку.

– Билл Эванс, – сказал женский голос.

Лукас Корта открыл глаза. Та же постель, те же медицинские боты, тот же расфокусированный мягкий свет. Все те же бречание системы кондиционирования и мощный гул, которые сообщают, что он находится на корабле, а не на планете или спутнике. Та же доктор промелькнула на краю его поля зрения.

– Я считывала вашу нейронную активность, – сказала доктор Воликова. – Вы хорошо реагируете на модальный джаз.

– Он мне понравился, – сказал Лукас. – Можете включать в любое

время.

– Да что вы говорите? – отозвалась доктор Воликова, и Лукас опять расслышал в ее голосе веселое изумление.

– Как мои дела, доктор?

– Вы были без сознания сорок восемь часов. Я починила самые вопиющие повреждения.

– Спасибо, доктор, – сказал Лукас Корта. Он шевельнулся, чтобы приподняться на локтях. Внутри него что-то разорвалось, и доктор Воликова, тихо вскрикнув, ринулась к кровати. Она опустила Лукаса на податливую поверхность.

– Вам надо восстановиться, сеньор Корта.

– Мне надо работать, доктор. Я не могу оставаться здесь вечно. Мне надо отстроить свой бизнес, а ресурсы мои ограничены. И я должен отправиться на Землю.

– Вы родились на Луне. Для вас невозможно отправиться на Землю.

– Это не невозможно, доктор. Все куда проще. Это закончится смертью. Но все заканчивается смертью.

– Вам нельзя на Землю.

– Мне нельзя на Луну. Маккензи убьют меня. Я не могу остаться здесь. Гостеприимство Воронцовых не бесконечно. Окажите мне любезность, доктор. Вы специализируетесь на медицине в условиях небольшой силы тяжести. Гипотетически?..

Началась новая мелодия, стремительная и модальная. Пианино, бас-гитара, шепчущие барабаны. Такие малые силы. Такой мощный эффект.

– Гипотетически, при интенсивных тренировках и медицинской поддержке, рожденный на Луне человек может продержаться в земных условиях два месяца.

– Гипотетически, возможно ли четыре месяца?

– Для этого понадобятся многие месяцы физической подготовки.

– Сколько месяцев, доктор? Гипотетически?

Он увидел, как доктор Воликова пожала плечами, потом услышал тихий раздраженный вздох.

– По меньшей мере год. Четырнадцать, пятнадцать месяцев. Даже в этом случае шанс пережить старт будет не больше пятидесяти процентов.

Лукас Корта никогда не был азартным игроком. Он имел дело с несомненными фактами. В качестве вице-председателя «Корта Элиу» он договаривался о том, чтобы неясное превращалось в определенное. Теперь его осаждали прочные, как железо, факты, и оставалось надеяться лишь на то, что ставка окажется выигрышной.

– Тогда у меня есть план, доктор Воликова.

1: Дева 2105

Мальчик падает с крыши города.

Он худой и гибкий, как силовой кабель. Кожа у него медная, усеянная темными веснушками. Глаза зеленые, губы чувственные, полные. Волосы – копна дредов цвета ржавчины, которая вырывается из-под лаймово-зеленой головной повязки. Две полосы белого блеска подчеркивают скулы, вертикаль проходит через центр губ. На нем мандариновые спортивные лосины с низкой талией и белая, чрезмерно большая майка. «ФРЭНКИ ГОВОРИТ...» – заявляет майка^[3].

Три километра – таково расстояние от потолка до пола огромной лавовой полости, в которой расположена Царица Южная.

Подростки бежали по крыше города; вольным стилем одолевали старые, автоматизированные промышленные уровни, носились туда-сюда сквозь оснастку мира с изяществом и мастерством, от которых захватывало дух; спрыгивали с ограждений и опор, сигали от стены к стене, метались, бросались, кувыркались, летали над безднами, поднимались выше и выше, как будто вес был горючим, которое они сжигали, чтобы обратить силу тяжести против самой себя.

Этот мальчик самый младший в компании. Ему тринадцать; он храбрый, проворный, дерзкий, его тянет к высоким местам. С друзьями-трейсерами^[4] он разминается на нижнем лесистом уровне Царицы Южной, но взгляд его то и дело обращается к огромным башням – туда, где они соединяются с солнечной линией. Растянуть мышцы, надеть перчатки-хваталки на руки и ступни. Немного попрыгать, чтобы расслабиться, ступить на карниз – и в мгновение ока он в десяти метрах от земли. В сотне метров. В тысяче метров; приплясывая, движется вдоль парапетов и пятиметровыми прыжками поднимается по лифтовым каркасам. К вершине города. К самой верхотуре.

Нужна всего лишь бесконечно малая ошибка; реакция запаздывает на долю секунды, не хватает миллиметра, чтобы дотянуться, один палец оказывается слабее. Его рука соскальзывает с троса, и он падает в пустоту. Крика нет, лишь тихий изумленный вздох.

Падающий мальчик. Спиной вперед, руки и ступни пытаются схватиться за чужие ладони в перчатках, которые тянутся вниз с путаницы водопроводных и изоляционных труб, идущей вдоль крыши Царицы. Когда трейсеры понимают, что случилось, наступает шок, а через секунду они

срываются со своих насестов и мчатся по крыше к ближайшей башне. Им ни за что не обогнать силу тяжести.

Есть правила падения. Прежде чем впервые куда-то вскочить, забраться или спрыгнуть, мальчик научился падать.

Правило первое: перевернись. Если не видишь, что под тобой, в лучшем случае покалечишься, в худшем – ты труп. Он поворачивает голову, смотрит в огромные пространства между сотней башен Царицы. Выкручивает верхнюю часть тела; вскрикивает, растянув одну из абдоминальных мышц во время поворота всего тела животом вниз. Под ним – смертоносная сетка пересекающихся мостов, канатных дорог, узких мостиков и волоконных трасс, протянутых между небоскребами Царицы. Ему надо проложить путь между ними.

Правило второе: увеличь до максимума сопротивление воздуха. Он раскидывает руки и ноги. Атмосферное давление в лунном обиталище составляет 1060 килопаскалей. Ускорение под воздействием силы тяжести на поверхности Луны – 1,625 метров в секунду в квадрате. Предельная скорость падения тела в атмосфере – шестьдесят километров в час. При ударе о пол Царицы Южной на скорости шестьдесят километров в час вероятность смерти равна восьмидесяти процентам. При ударе на скорости пятьдесят километров в час вероятность того, что он выживет, равна восьмидесяти процентам. Его модная майка хлопает на ветру. И ФРЭНКИ ГОВОРИТ: так и живем.

Правило третье: позови на помощь.

– Джокер, – говорит он.

Фамильяр мальчика проступает на линзе в его правом глазу, просыпается в импланте в левом ухе. Истинные трейсеры бегают без помощи ИИ. Слишком легко, если фамильяр прокладывает лучший маршрут, определяет скрытые опоры для рук, дает советы относительно микроклимата. Суть паркура в этом полностью искусственном мире – в аутентичности. Джокер анализирует ситуацию.

«Ты в чрезвычайной опасности. Я уведомил спасательную и медицинскую службы».

Правило четвертое: время – твой друг.

– Джокер, сколько?

«Четыре минуты».

Теперь у мальчика есть все необходимое, чтобы выжить.

Растянутая абдоминальная мышца адски болит, и что-то рвется в левом плече, когда он стягивает майку. На несколько секунд он перестает быть похожим на орла с распростертыми крыльями и опасно ускоряется.

Ветер рвет из рук майку. Если он ослабит хватку, если он потеряет майку, он труп. Ему надо завязать три узла, падая на предельной скорости. Узлы – это жизнь. И поперечный мостик на 77-м уровне уже близко: «Вот он!» Мальчик растопыривает руки, применяет то, чему научился: наклоняет верхнюю часть тела вперед и руки тоже, перемещает центр тяжести выше центра масс. Отслеживает позицию. Скользит вперед и пролетает в считанных метрах от моста. Лица обращаются к нему. Снова смотрят: они видели летунов. Этот мальчик не летит. Он падает.

Он завязывает горловину и рукава, превращая майку в бесформенный мешок.

– Время.

«Две минуты. По моим расчетам, ты ударишься на...»

– Заткнись, Джокер.

Он сжимает майку в кулаках. Все дело во времени. Слишком высоко – и у него будет ограниченная маневренность, чтобы увернуться от переходов и трубопроводов, паутиной сплетающихся между башнями. Слишком низко – и его наспех сделанный парашют не опустит его вниз на скорости выживания. А он хочет приземлиться сильно медленней, чем пятьдесят километров в час.

– Сообщи, когда останется минута, Джокер.

«Хорошо».

Торможение будет беспощадным. Оно может вырвать майку из его рук. И он умрет.

Он не может себе такое вообразить.

Он может представить себе, что ранен. Может представить, как все смотрят на его труп и плачут из-за трагедии. Ему эта мысль нравится, но она не равна смерти. Смерть – ничто. Даже меньше, чем ничто.

Он снова прижимает руки к груди, чтобы пролететь под канатной дорогой на 23-м уровне.

«Сейчас».

Он выбрасывает руки вперед. Майка грохочет и хлопает на шквальном ветру. Он прячет голову в пространство между локтями, выбрасывает руки вперед. Завязанная в узлы майка надувается, словно шар. Внезапное замедление скорости – жестокая вещь. Он вскрикивает, когда напряженное плечо выворачивается из сустава. Держись держись дер... Боже боже боже земля так близко. Парашют мотает и дергает, как будто он сражается с мальчиком и хочет убить. Напряжение в предплечьях и запястьях вызывает мучительную боль. Если он сейчас отпустит майку, удар будет тяжелым и неправильным: ногами вперед, его тазовые и берцовые кости сломаются, и

осколки вонзятся в органы. Держись, держись. Он кричит, он судорожно вытягивает воздух от усилий и страха.

– Джокер, – выдыхает он. – Как быстро...

«Я могу оценивать, лишь исходя из...»

– Джокер!

«Сорок восемь километров в час».

Это по-прежнему слишком быстро. Он видит, куда упадет, остались всего секунды. Чистое пространство между деревьями, в парке. Люди бегут по осевым дорожкам, кто-то прочь, кто-то туда, где он, по их оценкам, ударится о землю.

«Медицинские боты отправлены», – объявляет Джокер. Эта яркая штука, такая большая и громоздкая, это что? Плоскость. Что-то торчит наружу. Павильон. Может, для музыки, для шербета или чего-то такого. Он из ткани. Это может отнять последние несколько километров в час, от которых он должен избавиться. А еще там всякие штуки, которые торчат – стойки, опоры. Если он ударится об одну из них на такой скорости, она проткнет его, словно копье. Если он ударится о землю на такой скорости, то все равно может умереть. Надо правильно распорядиться временем. Он тянет одну сторону майки-парашюта, пытаюсь маневрировать, скользнуть к павильону. Это так трудно так трудно так трудно. Он вскрикивает, вывернув плечо, которое терзает мучительная боль, пробуя совершить последнее движение в сторону. Земля спешит навстречу.

В последнюю секунду он отпускает майку и силится наклониться вперед, раскинув руки и ноги, чтобы увеличить свою поверхностную площадь. Слишком поздно, слишком низко. Он ударяется о крышу павильона. Она такая жесткая, такая твердая. Мгновенная оглушительная боль, потом он прорывает крышу насквозь. Его проносит мимо всего, что оказывается внутри павильона. Он закрывает лицо руками и ударяется о землю.

Он еще не испытывал такого сильного удара. Замах кулака размером с луну вышибает из него дыхание, лишает чувств и мыслей. Чернота. Потом он возвращается, пытается вдохнуть, не может пошевелиться. Круги. Машины, лица, в некотором отдалении друзья-трейсеры, бегущие к нему.

Он вдыхает. Больно. Каждое ребро скрежещет, каждая мышца стонет. Он перекачивается на бок. Медицинские боты взлетают и висят на своих пропеллерах. Он пытается оттолкнуться от земли.

– Нет, малый, не надо, – раздается голос из круга лиц, но ничья рука не тянется, чтобы остановить его или помочь. Он – сломанное чудо. С криком он поднимается на колени, вынуждает себя встать. Он может стоять. У него

ничего не сломано. Он делает шаг вперед – тощий беспризорник в мандариновых лосинах.

– Джокер, – шепчет он, – какой была моя финальная скорость?

«Тридцать восемь километров в час».

Он сжимает кулак в знак победы, потом ноги подгибаются и он валится вперед. Руки и боты спешат подхватить его – Робсона Маккензи, мальчика, который свалился с крыши мира.

* * *

– И каково это, быть знаменитостью?

Хоан Рам Хун прислоняется к двери. Робсон не заметил, как он пришел. Мальчик был занят – наслаждался своей внезапной известностью. Слухи дважды обошли вокруг Луны, пока Робсона переводили в медцентр. Мальчик, который упал на Землю. Он не падал на Землю. Это не Земля. Он упал на почву. Но этого сплетникам было мало. И случилось не падение. Он соскользнул. Остальное было управляемым спуском. Он ушел оттуда сам. Сделал всего шаг, но ведь сделал же. Невзирая на недопонимание, вся Луна говорила про него, и он велел Джокеру просканировать сеть в поисках историй о себе и фотографий. Вскоре он понял, что основную часть траффика составляли одни и те же истории и фото, которыми все делились снова и снова. Некоторые картинки были очень старыми, из тех времен, когда он был пацаном, когда он был Корта.

– Через час становится скучно, – говорит Робсон.

– Больно?

– Ничуть. Меня по уши накачали всякой всячиной. Но было больно. Охренительно больно.

Хоан вскидывает бровь. Он не одобряет сквернословия, которому Робсон учится у своих приятелей-трейсеров.

Когда Робсон был одиннадцатилетним пацаном, а Хоану было двадцать девять, они несколько дней были в браке. Тиа Ариэль расторгла его своими юридическими суперспособностями, но единственная ночь, которую они провели вместе, была забавной: Хоан приготовил еду, что всегда необычно, и обучил Робсона карточным фокусам. Ни тот ни другой на самом деле не хотели сочетаться браком. Это была династическая женитьба, чтобы привязать Корта к сердцу клана Маккензи. Чтобы он стал почетным заложником. Корта исчезли; рассеяны, покорены, мертвы. Теперь у Робсона другой семейный статус, он один из приемных детей Брайса

Маккензи. Это делает Хоана братом, не око. Братом, дядей, охранником.

Робсон по-прежнему заложник.

– Что ж, тогда пошли.

Лицо Робсона – немой вопрос: «Что?!»

– Мы направляемся в «Горнило». Или ты забыл?

Робсон забыл. В паху у него все сжимается от ужаса. «Горнило». Хоан привез Робсона в Царицу Южную, чтобы спрятать от Брайса, с его аппетитами, и от политики семьи Маккензи, но рывок веревки, который тянет его и Хоана назад в цитадель Маккензи, вызывает у Робсона великий страх.

– Вечеринка, – напоминает Хоан.

Робсон падает обратно на постель. Сто пятый день рождения Роберта Маккензи. Собрание Дома Маккензи. Хоан и Джокер разместили десять, двадцать, пятьдесят напоминаний, но Робсон не сводил глаз с упоров для рук, клейких подошв, моды для трейсеров и того, как нарядиться для первого свободного бега, довести физическую форму до совершенства и достичь бегового веса.

– Вот дерьмо.

– Я тебе напечатал кое-что из одежды.

Хоан бросает упакованный костюм на кровать. Робсон его распечатывает. Аромат ткани только что из принтера. Костюм от Марко Карлотты, бледно-голубой, с черной майкой с v-образным вырезом. Лоферы. Никаких носков.

– Восьмидесятые! – говорит Робсон с наслаждением. Это новый тренд – после 2010-х, после 1910-х, после 1950-х. Хоан застенчиво улыбается.

– Тебе помочь переодеться?

– Нет, я в порядке. – Робсон отбрасывает простыню и выворачивается из кровати. Диагностические боты отступают. Робсон падает на пол. Бледнеет. Вскрикивает. Его колени подгибаются. Робсон удерживается на ногах, схватившись за край кровати. Хоан подсакивает, поддерживает его. – Может, не настолько.

– Ты фиолетовый с головы до ног.

– Правда?

Джокер получает доступ к камере в палате и демонстрирует Робсону, что его коричневая кожа покрыта черными и желтыми пятнами, целым созвездием синяков, перетекающих друг в друга. Робсон морщится, когда Хоан просовывает его руки в рукава пиджака. Чувствует уколы боли, натягивая лоферы. Финальный штрих: на дне пакета с костюмом последний

сюрприз, солнцезащитные очки «Рейбен Тортуга Авиатор».

– О, великолепно. – Робсон надевает их на нос, настраивает оправу, стукнув указательным пальцем между стеклами. – Ох. Даже от них больно.

И еще один штрих. Робсон закатывает рукава своего пиджака от Марко Карлотты до локтей.

* * *

На горизонте сияет ослепительный свет: зеркала «Горнила» фокусируют солнце и направляют его в плавильни десятикилометрового поезда. Ребенком Робсон любил этот свет, поскольку он означал, что до встречи с «Горнилом» остались считанные минуты. Он спешил в обзорный вагон состава, прижимал ладони к стеклу, предвкушая момент, когда попадет в тень «Горнила» и взглянет наверх, на тысячи тонн обиталищ, плавилен, загрузочных и обрабатывающих устройств над головой.

Теперь Робсон все это презирает.

Воздух был вонюч – перенасыщен CO₂ и водяными парами, – когда лучи спасательной команды ВТО, словно копья, пронзили замерзшую, пустую тьму Боа-Виста. Убежище было рассчитано на двадцать человек. В него набилось тридцать две души; они дышали неглубоко, сберегая каждую секунду. С каждого угла капал холодный конденсат, бусинами покрывавший все поверхности. «Где пайзинью?» – крикнул он, когда команда ВТО запихнула его в транспортную капсулу. «Где пайзинью?» – спросил он Лукасинью в трюме лунного корабля. Лукасинью бросил взгляд через переполненный народом трюм на Абену Асамоа, потом прижался к Робсону головой. Эти слова надо было сказать наедине. «Вагнер в бегах. Ариэль пропала. Лукас исчез, предположительно он мертв. Карлиньоса повесили за пятки на мосту в квадрате Сан-Себастьян. Рафа мертв».

Его отец умер.

Правовые баталии были яростными и, по лунным меркам, краткими. Через месяц Робсон оказался в автомотрисе «Маккензи Металз», которая мчалась через Океан Бурь, Хоан Рам Хун сидел напротив, а отряд рубак обосновался на благоразумном расстоянии исключительно затем, чтобы продемонстрировать мощь «Маккензи Металз». Суд Клавия вынес решение: Робсон Корта теперь стал Маккензи. В свои одиннадцать с чем-то лет Робсон не смог прочитать выражение лица Хоана. В тринадцать он знает, что это лицо человека, которого вынудили предать то, что он любит.

Потом Робсон увидел яркую звезду на горизонте, свет «Горнила», полыхающий в бесконечном полудне, и из приветственной звезды он превратился в адскую. Робсон помнит ориша Боа-Виста, их огромные каменные лица, высеченные прямо в скале, их постоянное присутствие, уверяющее, что жизнь выстояла пред холодной жестокостью Луны. Ошала, Йеманжа, Шанго, Ошум, Огун, Ошосси, Близнецы Ибеджи, Омолу, Йанса, Нана. Он все еще может назвать их двойников среди католических святых и перечислить атрибуты. В личной религии семейства Корта было мало божественного, еще меньше теологии и никаких обещаний рая или ада. Бесконечное возвращение. Это было естественно, души перерабатывались так же, как углерод перерабатывался заббалинами, как вода и минералы отвергнутых тел. Ад был бессмысленным, жестоким и странным местом. Робсон все еще не понимает, зачем богу наказывать кого-то вечно, если от этого совершенно точно не будет никакого толка.

«С возвращением, – сказал Роберт Маккензи из глубин системы жизнеобеспечения, которая не дает ему умереть. Дыхательная труба в его горле пульсировала. – Теперь ты один из нас». У его левого плеча фамилляр, Рыжий Пес. У правого – его жена Джейд Сунь, ее фамилляр – обычная для «Тайяна» гексаграмма из «Книги перемен»: Ши Кэ. Роберт Маккензи раскинул руки, выставил пальцы-крючья. «Мы присмотрим за тобой». Робсон отвернулся, когда эти руки его обняли. Сухие губы коснулись его щеки.

Потом Джейд Сунь. Безупречные волосы-кожа-губы.

Потом Брайс Маккензи.

«С возвращением, сынок».

Хоан никогда не говорил о том, какие сделки ему пришлось заключить, чтобы перевезти Робсона из «Горнила» в старый семейный особняк Кингскорт в Царице Южной, но Робсон уверен, что заплатить пришлось немало. В Царице он мог бегать, в Царице он мог быть тем, кем хотел, дружить с теми, с кем хотел. В Царице он мог забыть, что навсегда останется заложником.

И вот он снова направляется к «Горнилу». Яркое сияние плавильных зеркал огромного поезда нарастает, пока не делается ослепительным, несмотря на фотохромное стекло обзорного пузыря. Робсон поднимает руку, чтобы прикрыть глаза, и наступает тьма. Он смаргивает послеобразы. По обе стороны от него возвышаются вагонные тележки, которые несут «Горнило» по главной линии Первой Экваториальной; тысяча таких тележек тянется перед ним, изгибаясь и прячась за близким горизонтом. Тяговые двигатели, силовые кабели, служебные платформы и сигнальные

мостики, смотровые лестницы: бот-ремонтник спешит по опорной ферме, и Робсон следит за ним взглядом. Звезды этого неба – огни фабрик и жилых модулей, расположенных наверху.

Будучи лунным ребенком из третьего поколения, Робсон не понимает, что такое клаустрофобия – замкнутые пространства означают для него уют и безопасность, – но сегодня окна, прожекторы и предостерегающие маяки «Горнила» давят, как рука, и он не может избавиться от осознания того, что над теми малыми огнями расположен раскаленный добела фокус плавильных зеркал и тигли с жидким металлом. Автомотриса замедляет ход. С брюха «Горнила» спускаются захваты. Лишь слабая дрожь оповещает о том, что крепежные механизмы встали на место, подняли и переместили автомотрису в док.

Прикосновение к плечу: Хоан.

– Пошли, Робсон.

* * *

«Вот он, вот он!»

Открываются двери трамвайного шлюза, и к нему обращается море лиц. Через пять шагов Робсона окружают молодые женщины в вечерних платьях: одежды короткие и облегающие, ра-ра^[5] и пышные юбчонки; блестящие чулки, убийственные каблуки, начесы-гало. Губы цвета фуксии, подводка на веках, словно крылья, скулы подчеркнуты прямыми мазками румян.

– Ой! – Кто-то его пихнул. – Да, это больно.

Смеясь, девушки торжественно уводят Робсона в конец вагона, где собралась молодежь. Оранжерея – Лощина Папоротников, как ее принято называть у Макензи, – достаточно велика, а ее извилистые тропы и зеленые насаждения достаточно запутанны, чтобы позволить вечеринке разбиться на дюжину поменьше. Официанты с подносами, полными «1788-го» – фирменного коктейля Маккензи^[6], – покачиваются среди изогнутых папоротниковых ветвей: внезапно в руке Робсона оказывается бокал. Он пробует коктейль, сглатывает горечь, наслаждается теплом, которое распространяется по телу. Шелестят папоротники; кондиционеры перемешивают влажный воздух. Живые птицы поклевывают побеги, порхают, едва заметные, от прицветника к прицветнику.

Робсон в центре круга из двадцати молодых Маккензи.

– Можно взглянуть на синяки? – спрашивает девушка в туго облегающей малиновой юбке, которую она все время тянет вниз, и на опасных каблуках, в которых она все время проверяет свое чувство равновесия.

– Ладно, валяй. – Робсон снимает пиджак, поднимает майку. – Тут и тут. Глубокие повреждения тканей.

– А как высоко они идут?

Робсон задирает майку на голову и чувствует по всему телу руки парней и девушек, которые с широко распахнутыми глазами смотрят на желтую массу синяков на его спине и животе, похожую на карту темных лунных морей. Каждое прикосновение – гримаса боли. Прохладные каракули на животе: одна из девушек нарисовала смайлик розовым блеском для губ на его прессе. В один миг девчонки и мальчишки достают косметику и осаждают Робсона розовым и фуксией, белым и зеленоватым-флуоресцентным-желтым. Смеются. Постоянно смеются.

– Господи, до чего ты тощий, – говорит веснушчатый, рыжий мальчишка-Маккензи.

– Почему ты не разбился на части?

– А тут больно? А тут и вот тут; а как насчет вот этого?

Робсон съеживается, в спину ему тыкают помадами, руки его скручены над головой.

– Ну-ну.

Кто-то легонько стучит по его плечу титановым прутом вейпера.

– Оставьте его.

Они убирают руки.

– Надень что-нибудь, дорогой. У нас встреча.

Дариус Маккензи всего на год старше Робсона, но молодежь расступается перед ним. Дариус Маккензи – последний выживший сын Джейд Сунь-Маккензи. Для третьего поколения он низенький, смуглый, чертами лица пошел скорее в Сунь, чем в Маккензи. Никто на «Горниле» не верит, что он продукт замороженной спермы Роберта Маккензи. Но командный голос у него от старого хозяина.

Робсон натягивает майку, освобождает пиджак из плена.

Робсон так и не понял, отчего Дариус к нему привязался – он ведь той же крови, что и человек, убивший брата Дариуса, Хэдли, на арене Суда Клавия. Но если у него и есть друг в «Горниле», то это Дариус. В тех случаях, когда Робсон возвращается из Царицы Южной – на чей-то день рождения или чтобы Хоан смог почтить Брайса тем образом, о котором они не говорят, – Дариус всегда узнает о прибытии мальчишки и разыскивает

через несколько минут. Их отношения существуют только в «Горниле», но Робсон ценит благосклонность Дариуса. Он подозревает, что даже Брайс боится Дариуса Маккензи.

Вот что Робсон ненавидит в «Горниле»: страх. Обнаженный, дрожащий страх, которым заражены каждый жест и слово, каждая мысль и вздох. «Горнило» – орудие страха. Страх бежит по кабелям, протянутым вдоль десятикилометрового хребта «Горнила», они подергиваются и шепчут, тянут и дергают за крючки секретов и долгов, что сидят глубоко под шкурой каждого члена экипажа огромного поезда.

– На самом деле они завидуют, – говорит Дариус, глубоко затягиваясь вейпером и обнимая одной рукой Робсона за талию. – А теперь идем со мной. Мы должны пообщаться с людьми. Все хотят с тобой познакомиться. Ты знаменитость. Это правда, что никто из бегунов не пришел к тебе в медцентр, чтобы повидаться?

Дариус знает ответ на собственный вопрос, но Робсон все равно говорит «да». Он знает, почему Дариус Маккензи об этом спросил. Кабели страха протянуты от «Горнила» до старых квадр Царицы Южной. Даже детишки-трейсеры знают легенду, что Маккензи платят трижды.

* * *

– Роббо!

Робсон ненавидит, когда его имя дружелюбно коверкают на австралийский лад. Он никого не узнает в этом кружке модниц с высокими начесами, молодых белых женщин, но они как будто претендуют на приятельские отношения. Их прически пугают.

– Какой костюм, Роббо. «Марко Карлотта», шикарно. С рукавами ты правильно поступил. Слыхали, с тобой приключился несчастный случай.

Компания издает ухающий смех. Робсон в подробностях излагает свою историю, все сочувственно охают и закатывают глаза, но Дариус уже засек следующее общество и, сославшись на протокол, утаскивает Робсона прочь.

Под сводом папоротниковых ветвей, небрежно держа в руках бокалы с «1788-м», Мейсон Маккензи и группа юных самцов говорят о гандболе. У Маккензи принято, чтобы женщины собирались поговорить отдельно, мужчины – отдельно. Мейсон – новый владелец «Ягуаров Жуан-ди-Деуса». Он выписал Джоджо Окуае из команды «всех звезд» Тве и хвастается перед друзьями тем, как Джоджо в Тве выдавил глаза Диего Кворти. Робсон

ненавидит слушать, как Мейсон говорит о своей команде. Это не команда Мейсона и никогда ею не будет. Они не «Ягуары»; они никогда не будут «Ягуарами» – и что вообще такое ягуар? – они «Мосус». Парни, девушки. Можно украсть команду, но нельзя украсть имя. Имя вырезано в сердце. Он помнит, как пай сажал его на перила директорской ложи, вручал мяч. Тот лег в руку естественно и оказался тяжелее, чем Робсон представлял себе. «Брось его туда». Все игроки, все фанаты и гости Эстадио-да-Лус смотрели на него. На миг он едва не заплакал и не попросил пайзинью, чтобы тот спустил его с перил, подальше от этих глаз. Потом он поднял мяч высоко и бросил изо всех сил, и тот поплыл над стадионом куда дальше, чем Робсон думал его забросить, над запрокинутыми лицами людей на террасах внизу, к зеленому прямоугольнику.

– «Мосус» никогда не одержат для тебя победу, – говорит Робсон. Мужчины от такого вмешательства прекращают разговор. На миг они гnevаются, а потом узнают мальчишку, который упал с вершины мира.

Дариус опять цепляет Робсона за руку.

– Ладно. Достаточно. – Дариус заметил среди папоротниковых теней дичь покрупнее. – Все равно он тупой, этот ваш спорт.

Кузены и более отдаленные родственники проходят мимо и делают комплименты Робсону по поводу его одежды, известности и спасенной жизни. Никто не просит показать измазанные блеском для губ синяки. Музыканты играют босанову. Она стала популярней некуда после падения «Корта Элиу»; глобальная музыка. Гитара, акустический бас, шепчущие барабаны.

Робсон замирает. Между музыкантами и баром устроились Дункан Маккензи и обе его око, Анастасия и Апполинария, а также Юрий Маккензи, генеральный директор «Маккензи Фьюжн», сводные братья Юрия – Денни и Адриан вместе со своим око, Джонатоном Кайодом, Орлом Луны собственной персоной. Дариус нежно тянет Робсона за руку.

– Будь с ними повежливее.

Анастасия и Апполинария проявляют по поводу приключения Робсона безудержный восторг. Обнимают, целуют, заставляют повернуться в одну сторону, потом в другую, чтобы проверить ущерб – «У него кожа лучше твоей, Ася». Юрий улыбается, но он не впечатлен, Дункан не одобряет; падение с крыши мира – вопиющее нарушение семейной безопасности, но его неодобрение не имеет веса. У Дункана Маккензи нет власти с той поры, как Роберт Маккензи вернул себе контроль над «Маккензи Металз». Юрий – генеральный директор компании по гелию-3, которую «Маккензи Металз» соорудила из трупа «Корта Элиу». Денни – напряженный сгусток

энергии со стиснутыми зубами, сдавленный, как гелий в пинче с обращенным полем^[7]. Денни – звено в цепи мщения: Карлиньос убил его дядю Хэдли в Суде Клавия; Денни перерезал горло Карлиньосу в тупике Жуан-ди-Деуса. Схвати упавшее оружие врага и обрати против него.

Орел Луны хочет узнать секрет Робсона. «Ты упал с высоты три километра и ушел на своих двоих?» Робсон благоговееет. Он никогда не видел Орла Луны во плоти: тот выше, чем Робсон себе представлял, почти такой же высокий, как третье поколение, но сложен, как гора. Официальный наряд-агбада лишь подчеркивает его важность.

«Секрет? – отвечает Дариус взамен Робсона, у которого отнялся язык. – Надо попытаться сделать так, чтобы не удариться о землю».

– Разумный совет.

Голос тихий и изысканный, низкий и мягкий, но он заставляет умолкнуть даже Орла Луны. Мужчины Маккензи опускают головы. Орел Луны берет протянутую руку и целует.

– Леди Сунь.

– Джонатон. Дункан, Адриан.

С незапамятных времен Вдову из «Тайяна» называют Леди Сунь. Никто не знает истинный возраст Сунь Цыси – и никто не посмеет спросить. Возможно, по годам она соперничает даже с Робертом Маккензи. Ретро 1980-х не для Леди Сунь. На ней костюм из искусственной шерсти в стиле 1935 года, юбка ниже колена, жакет до бедер с броскими широкими лацканами, на одной пуговице. Федора с широкой лентой. Классика никогда не выходит из моды. Она миниатюрная даже по меркам первого поколения; рядом возвышаются телохранители – красивые, улыбчивые мальчики и девочки из Суней, в хорошей форме, проворные, в стильных зеленовато-голубых костюмах от Армани и убийственных плащах от Едзи Ямамото. Она притягивает все взгляды. Каждое ее движение сообщает волю и целеустремленность. Ничто не остается необдуманным. Она сдержанна, она волнует, она искрится от мощи. Ее глаза темны и блестящи, все видят, ничего не отражают.

В протянутую руку вкладывают коктейль. Сухой мартини, едва разбавленный вермутом.

– Я принесла свой, – говорит Леди Сунь и делает глоток. На стекле бокала не остается даже намек на след помады. – И да, это ужасно грубо, но я просто не могу пить мочу, которую вы называете «1788-м». – Она обращает пронзительный взгляд на Робсона.

– Я слыхала, ты тот мальчик, который упал с самого верха Царицы Южной. Полагаю, все говорят тебе, какой ты молодец, раз выжил. А я вот

скажу, что ты, прежде всего, полный дурак, потому что упал. Если бы мой сын такое устроил, я бы лишила его наследства. На месяц или два. Ты же Корта, не так ли?

– Робсон Маккензи, цяньсуй^[8], – говорит Робсон.

– Цяньсуй. Манеры Корта как они есть. Вы, бразильцы, всегда были льстивыми. У австралийцев нет изящества. Береги себя, Робсон Корта. Вас осталось немного.

Робсон сжимает пальцы правой руки и опускает голову, как его научила мадринья Элис. Леди Сунь улыбается от такой демонстрации этикета Корта. Рука обнимает Робсона за плечи; он морщится от боли. Дариус уводит своего приятеля дальше, в глубь вечеринки.

– Они теперь будут говорить о политике, – объясняет он.

* * *

Робсон чувствует запах Роберта Маккензи до того, как видит его. Антисептики и антибактериальные средства лишь маскируют мочу и дерьмо. Робсон улавливает маслянистый, ванильный запах свежей медицинской электроники; сальные волосы, застарелый пот, дюжина грибковых инфекций и еще дюжина противогрибковых препаратов, которые с ними борются.

Подключенный и помещенный в свой аппарат взаимодействия с окружающей средой, Роберт Маккензи обитает в зеленой, полной шепчущих папоротников перголе в центре сада. В папоротниках чирикают и кружатся птицы, мелькают яркие цветочные пятна. Они – яркость и красота. Роберт Маккензи – человек, поправший возраст, поправший биологические ограничения. Он сидит на троне из насосов и очистителей, проводов и мониторов, источников электропитания и капельниц с питательными растворами; не человек, а кожаный мешок в самом центре пульсирующего клубка трубок и проводов. Робсон не может на него смотреть.

Позади Роберта Маккензи – тень за тронем – Джейд Сунь-Маккензи.

– Дариус.

– Мама.

– Дариус, опять вейпер. Нет.

Существо в кресле каркает и конвульсивно содрогается, издавая сухой смех.

– Робсон.

– Сунь цяньюсуй.

– Ненавижу, когда ты так говоришь, я от этого кажусь себе своей двоюродной теткой.

Теперь раздается голос существа на троне, такой медленный и скрипучий, что Робсон сперва не понимает – обращаются к нему.

– Молодец, Роббо.

– Спасибо, во. С днем рождения, во.

– Это не комплимент, мальчик. И ты Маккензи, так что говори на долбаном королевском английском.

– Прости, дед.

– И все же хороший трюк – упасть с высоты в три кэмэ и уйти на своих двоих. Я всегда знал, что ты один из нас. Ты хоть что-то с этого получил?

– Что?

– Киску. Член. Ни то ни другое. То, что тебе нравится.

– Мне всего лишь...

– Возраст – чепуха. Из всего извлекай выгоду. Так делают Маккензи.

– Дед, могу я тебя кое о чем попросить?

– Это мой день рождения. Я должен быть великодушным. Чего ты хочешь?

– Трейсеры... вольные бегуны. Ты не станешь их преследовать?

Роберт Маккензи вздрагивает от искреннего изумления.

– С чего бы мне так поступать?

– Потому что они там были. Маккензи мог умереть. Отплати три раза, так заведено у Маккензи.

– Верно, Роббо, верно. Твои спортивные приятели мне не интересны. Но если ты хочешь официального подтверждения, то вот – я не трону ни одного из твоих вольных бегунов. Рыжий Пес, засвидетельствуй.

Фамильяр Роберта Маккензи, названный в честь города в Западной Австралии, где он нажил свое состояние, раньше носил оболочку пса, но за много итераций и десятилетий изменился, как и хозяин, став узором из треугольников: уши, очертания морды, шея; щели глаз; абстрактное изображение собачьей головы. Рыжий Пес помечает слова Роберта Маккензи и пересылает их фамильяру Робсона, Джокеру.

– Спасибо, дед.

– Попытайся не произносить это так, словно тебя сейчас вырвет, Роббо. И поцелуй деда в честь дня рождения.

Робсон знает, что Роберт Маккензи видит, как он закрывает глаза, когда касается губами чешуйчатой, жесткой, как бумага, щеки.

– Ах да, Роббо. Брайс хочет с тобой повидаться.

У Робсона напрягается живот. Мышцы болезненно сжимаются. В желудке как будто открывается пустота. Он смотрит на Дариуса, прося о помощи.

– Дариус, побудь с мамой хоть пять минут, – говорит Джейд Сунь. – Я в последнее время тебя почти не вижу.

«Я тебя найду», – сообщает Дариус через Джокера. На миг Робсон задумывается, не затеряться ли в лабиринте тропинок и кустарников Лощины Папоротников, но Брайс это предвидел: Джокер рисует на линзе Робсона маршрут через короткие платья, костюмы с большими плечами и еще бо́льшие начесы.

* * *

Брайс разговаривает с женщиной, которую Робсон не знает, но, судя по росту, дискомфорту в лунной силе тяжести и покрою одежды, догадывается, что она с Земли. Китайская Народная Республика, решает он, оценив ее уверенность и ауру привычной власти. Женщина извиняется и уходит. Брайс кланяется ей. Для крупного, необычайно крупного мужчины у него легкие движения. Он грациозен.

– Ты хотел меня увидеть?

У Брайса Маккензи восемь приемных сыновей. Старший – тридцатитрехлетний Байрон, протеже Брайса в финансовом отделе. Младший – десятилетний Илья, осиротевший после повреждения обиталища в Шварцшильде. Он выжил восемь часов в гробу убежища, заваленный трупами и камнями. Робсон это понимает. Беженец, нищий, брошенный, сирота – Брайс Маккензи всех взял в семью. Тадео Маккензи даже женился, причем на женщине, но все те же кабели страха, которые, по ощущениям Робсона, пронизывают выбеленный солнцем скелет «Горнила», словно нервы, прошивают шкуру каждого из приемных сыновей. Стоит дернуть, и их сразу тащит ближе друг к другу.

– Робсон.

Полное имя. Подставленная щека, сыновние поцелуи.

– Чтоб ты знал, я на тебя очень-очень сержусь. Возможно, мне понадобится много времени, чтобы тебя простить.

– Я в порядке. Просто пара синяков.

Брайс оглядывает его с головы до ног. Робсон чувствует, как этот взгляд сдирает одежду.

– Да, мальчишки – необычайно выносливые создания. Сколько ни лупи, все ни по чем.

– Я пролетел мимо опоры. Я ошибся.

– Да, и физические упражнения очень важны, но, Робсон, честное слово. Хоан за тебя отвечал. Я отдал тебя под его опеку. Нет, я попросту не могу так рисковать снова. В «Горниле» тебе будет безопаснее.

Робсону кажется, что его сердце остановилось.

– У меня для тебя подарок. – Робсон слышит возбуждение в голосе Брайса. Его вот-вот стошнит от страха и отвращения.

– Мой день рождения в месяц Весов, – возражает Робсон.

– Это не на день рождения. Робсон, это Микаэлла.

Она поворачивается от человека, с которым разговаривала – невысокая, мускулистая, белая Джо Лунница. За время, проведенное на Луне, она изучила этикет Маккензи: короткий отрывистый кивок.

– Она твой личный тренер, Робсон.

– Мне не нужен личный тренер.

– Это нужно мне. Тебе надо окрепнуть. Я люблю, чтобы мои мальчишки были мускулистыми. Начнешь завтра.

Брайс прерывается, смотрит вверх. Робсон тоже это видит: свет падает под другим углом.

Свет никогда не движется. В этом мощь «Горнила»: незыблемый полуденный свет, сфокусированный на плавающих над головой.

Свет сдвинулся. Он движется.

– Робсон, если хочешь жить, за мной.

Легконогий Брайс еще и быстр. Он хватает Робсона за руку и почти летит, совершая огромные лунные скачки; звучит сигнал тревоги, и на каждой линзе появляются многочисленные уведомления о чрезвычайном происшествии. Общая эвакуация. Общая эвакуация.

* * *

Солнечный свет касается лица Дункана Маккензи, когда он смотрит вверх. Каждый Маккензи в Лощине Папоротников смотрит вверх, и лица их исполосованы внезапными тенями листьев. Леди Сунь приподнимает бровь.

– Дункан?

Одновременно с нею Эсперанса, фамилльяр Дункана, шепчет ему на ухо слова, которых он страшился всю жизнь.

«Железный Ливень».

Апокалиптический миф «Маккензи Металз»: день, когда тонны жидких редкоземельных металлов прольются из небесных плавильных печей. Никто на «Горниле» никогда не верил, что это возможно. Все на «Горниле» знают эти слова.

– Леди Сунь, мы должны эвакуироваться... – начинает Дункан Маккензи, но свита Вдовы Тайяна уже сомкнулась вокруг нее и без колебаний проталкивается через ошеломленных гостей вечеринки. Они отпихивают с дороги Джонатона Кайода; охранники Орла собираются вокруг него плотной фалангой, руки тянутся к ножам в чехлах.

– Оставьте это, вытащите нас отсюда! – кричит Эдриан Маккензи. Течение народа к шлюзу, ведущему в следующий вагон, переходит в паническое бегство. Возгласы становятся воплями. – Не туда, идиоты! К спасательным модулям!

– Эдриан, что происходит? – спрашивает Орел Луны.

– Я не знаю, – отвечает Эдриан Маккензи, присев в убежище в кольце телохранителей. С ножами наголо охранники Орла отталкивают сбитых с толку, растерявшихся гостей вечеринки с дороги. – Это не разгерметизация. – Потом его глаза широко распахиваются, когда фамильяр шепчет те же самые слова: «Железный Ливень».

– Мистер Маккензи. – Подчиненный Дункану Маккензи начальник «Горнила» – невысокий танзаниец, мускулистый Джо Лунник. – Мы потеряли контроль над зеркалами.

– Над сколькими?

– Всеми.

– Что?

– Сэр, через минуту температура достигнет двух тысяч кельвинов.

Свет, что льется через папоротники, яркий и горячий, словно свежевыкованные ножи. Каждая птица, каждое насекомое в папоротниковых джунглях затихли. Воздух обжигает ноздри Дункана.

– Мой отец...

– Сэр, мне поручено защищать вас.

– Где мой отец? Где мой отец?

* * *

Хватка у Брайса Маккензи стальная. Под его жиром прячутся мышцы. Он отшвыривает в стороны гостей вечеринки, мальчишек и девчонок –

макияж поплыл, каблуки сломаны, – пока волочит Робсона к зеленым мерцающим кругам света, которые отмечают спасательные модули.

– Что такое, что происходит? – спрашивает Робсон. Вокруг него голоса задают тот же вопрос, шум становится все громче по мере того, как неуверенность переходит в страх, а тот – в панику.

– Железный Ливень, мальчик.

– Но этого не может быть. Я...

Свет делается интенсивнее, тени укорачиваются.

– Конечно, не может. Это не несчастный случай. На нас напали.

«Хоан», – шепчет Джокер, и его лицо появляется на линзе Робсона.

– Робсон, где ты? Ты в порядке?

– Я с Брайсом, – кричит Робсон. Теперь вокруг ужасный шум и гам. Руки тянутся к нему, пытаются оторвать от Брайса и от места в спасательной капсуле. Брайс Маккензи тащит мальчика, словно буксир, через хваткие руки и цепкие пальцы. – С тобой все нормально?

– Я выбрался, я снаружи. Робсон, я тебя найду. Обещаю. Я тебя найду.

Лицо Хоана превращается во вспышку пикселей. «Сеть упала», – сообщает Джокер. Краткая, ужасная тишина наполняет Лощину Папоротников. Все фамильяры исчезли. Все отключены. Все в одиночестве, друг против друга. Потом крики начинаются всерьез.

– Брайс! – вопит Робсон и тянет его руку обратно. Все равно что двигать саму Луну.

Арьергард из двойного ряда рубак с ножами наголо защищает шлюз.

– Брайс, где Дариус?

Рубаки расступаются, впуская Брайса и Робсона. Потом отталкивают нахлынувших в панике гостей вечеринки. Шлюзовая камера открыта, кольцо огней пульсирует зеленым.

– Брайс! – Робсон пытается высвободить пальцы. Брайс останавливается, поворачивается, в изумлении таращит глаза.

– Тупой, неблагодарный щенок.

Пощечина оглушает Робсона. Челюсть щелкает, в глазах взрываются звезды. Он чувствует, как течет из ноздрей кровь. Каждый синяк на его теле вопит. Робсон шатается, а потом руки хватают его за ворот пиджака и через шлюзовую камеру втаскивают в спасательный модуль.

– Вперед, вперед, – кричит Брайс. С гудящей от удара головой Робсон падает на скамью с мягким сиденьем. Шестеро рубак вваливаются в капсулу, и дверь закрывается, словно ножницы.

«Выброс через десять, – говорит ИИ. Брайс пристегивается рядом с Робсоном, прижимает его к массивному рубаке-украинцу. – Девять».

– Роббо. Робби. Робсон.

Робсон трясет головой, пытаясь вернуть зрению четкость. Дариус пристегнут напротив него. Его глаза широко распахнуты, лицо побелело от ужаса. Он стискивает вейпер в плотно сжатом кулаке.

– Дариус.

«Два, один. Пуск».

У мира отваливается дно.

* * *

Внутренний шлюз плотно закрывается, наружный открывается. Джейд Сунь чинно усаживается в спасательном модуле. Система жизнеобеспечения Роберта Маккензи маневрирует в тесном шлюзе. Внутренняя дверь словно превратилась в фестивальным барабан, так по ней стучат: кулаки, кулаки, кулаки. Техника Маккензи построена для Луны: человеческие руки ничто для нее, как бы их ни было много и как бы они ни отчаялись. Через несколько секунд зеркала сфокусируются на Лощине Папоротников, на каждом из тысячи вагонов «Горнила». Двадцать тысяч зеркал, двадцать тысяч солнц. Техника Маккензи не выстоит перед светом двадцати тысяч солнц.

И тогда барабанная дробь по двери прекратится.

«Пятьдесят секунд до Железного Ливня», – сообщает фамилляр Джейд Сунь. Сеть упала, но фамилляр Роберта Маккензи должен был сказать ему то же самое.

– Джейд, помоги мне, женщина. Я не могу заставить эту хрень сдвинуться с места.

Джейд Сунь-Маккензи устраивается поудобнее на скамье с мягким сиденьем.

– Джейд. – Это приказ, не просьба.

Джейд Сунь-Маккензи пристегивается. В шлюзе Роберт Маккензи дергается и рвется, насколько ему позволяет чахлая, ломкая сила, как будто он мог бы сдвинуть массивный трон жизнеобеспечения с помощью собственного воробыиного веса.

– Почему эта штука не движется, мать твою?

– Потому что я этого не хочу, Роберт.

* * *

У Дункана Маккензи что-то дергается в животе, когда открываются стопоры и модуль выпадает наружу. Джонатон Кайод, сидящий по другую сторону расположенных кольцом кресел, вперил в него взгляд. Орел Луны серый от страха. Его пальцы тесно переплелись с пальцами его око. Ни один из его телохранителей не добрался до капсулы с ним. Несколько секунд модуль свободно падает на тросах, потом включаются тормоза; внезапное падение скорости вынуждает Орла Луны всхлипнуть от страха. Модуль мягко приземляется и надежно встает на колеса. Разрывные болты отцепляют тросы, каждый с небольшим содроганием. Завывают моторы; модуль мчится прочь от умирающего «Горнила». Огромный поезд превращается в линию ослепительного света, изогнутую вдоль горизонта: восход сверхновой.

– Мой отец в порядке? – спрашивает Дункан Маккензи. – Он в порядке?

* * *

Кресло не хочет двигаться. Хилое тело Роберта Маккензи содрогается, когда он пытается заставить устройство жизнеобеспечения повиноваться. Его глаза, мышцы его челюсти, в которых хранятся последние резервы его чудовищной воли, вены его горла, его запястья, его виски напрягаются и выпячиваются. Трон его игнорирует.

– Мы взломали твоё устройство жизнеобеспечения, Роберт, – говорит Джейд Сунь. – Давным-давно. Рано или поздно мы бы все равно тебя отключили. – Спасательный модуль вибрирует от мягких сотрясений, когда другие модули вываливаются из аварийных шлюзов. – Зеркала – это не наших рук дело, но какой из меня Сунь, если я не ухвачусь за открывшуюся возможность?

Толстые струи слюны повисают в углах рта Роберта Маккензи, когда он поднимает руки к трубкам, вставленным в шею.

– Ты не можешь отключиться, Роберт. Ты слишком долго был частью этой системы. Я закрываю шлюз прямо сейчас.

Каждый вдох обжигает горло Джейд Сунь. «Температура воздуха внутри „Горнила“ составляет четыреста шестьдесят кельвинов», – говорит Ши Кэ.

Стук по двери шлюза прекратился.

– Я. Не пытаюсь. Отключиться, – говорит Роберт Маккензи. Пальцы-крючья что-то выдергивают из воротника. Что-то движется расплывчатым

пятном: Джейд Сунь вздрагивает в своем противоударном кресле, когда к ней с молниеносной скоростью подлетает миниатюрный жужжащий объект. Она вскидывает руку к месту на шее, где внезапно ощущает болезненный укол, и роняет ее. Лицо женщины обмякает, глаза и рот распахиваются. Нейротоксины АКА быстры и надежны. Джейд Сунь оседает в кресле, ремни безопасности удерживают ее в прямом положении. Муха-убийца жужжит у нее на шее.

– Надо было немедленно закрыть шлюз, сука, – шипит Роберт Маккензи. – Гребаным Суням нельзя доверять.

Потом его каркающее презрение переходит в ужасный крик, когда зеркала обращают на него полный фокус и превращают старика, каждого человека и каждый предмет в Лощине Папоротников в пламя. Титан, сталь, алюминий, строительный пластик проседают, тают, становятся жидкостью в интенсивном жаре, а потом разлетаются вверх и наружу во вспышке расплавленного металла, когда на «Горниле» происходит взрывная разгерметизация.

* * *

Когда Робсон Маккензи упал с вершины Царицы Южной, ему было страшно. Страшней, чем когда-либо в жизни. Он не мог себе представить более сильный страх. Но такой страх существует. Робсон погружен в него, пока над головой плавится «Горнило». Во время великого падения жизнь и смерть зависели от его выбора и мастерства. Здесь он беспомощен. Ничто из того, что он может сделать, его не спасет.

Робсона бросает вперед, на ремни безопасности. Его желудок кувыркается. Момент невесомости, потом модуль жестко приземляется. Он движется, он пытается уйти на безопасное расстояние, но куда, как быстро, как скоро, Робсон не знает. Что-то дергает его влево, потом вправо. Трясет, кренит. Скрепит, трещит и завывает. Робсон понятия не имеет, где он и что происходит. Шумы, удары. Он хочет видеть. Он должен увидеть. Все, что Робсон может увидеть, это лица вокруг него – они бросают взгляды друг на друга, но не позволяют, чтобы эти взгляды заметили, потому что тогда можно блевануть от страха.

Капсула останавливается. Раздается долгий скрежет. Модуль опять начинает двигаться, очень медленно.

Робсон снова в Боа-Виста, в конце всего, когда отключилось электричество и погас свет, и ничего нельзя было увидеть, кроме лиц,

которые глядели друг на друга в зеленом свечении аварийных биоламп убежища. Шумы. Робсон помнит треск взрывов и то, как все каждый раз закрывали глаза, боясь, что следующий снаряд раздавит убежище, словно оброненный чайный стакан. Один сильный взрыв, а потом ужасное шипение, как будто мир рвут напополам; убежище затряслось и заходило ходуном на своих пружинных опорах, и все были слишком испуганы, чтобы кричать, и мощное шипение перешло в тишину, и так Робсон Корта понял, что дворец Боа-Виста раскрыт для вакуума. Так Робсон понял, что его отец мертв.

«Мы в безопасности. – Мадринья Элис крепко обнимала Луну и говорила ей снова и снова. – Ты в безопасности. Убежище нельзя взорвать». «Они взорвали Боа-Виста», – подумал Робсон, но ничего не сказал, потому что знал: от одной искры в переполненном убежище начнется пожар страха и весь кислород сгорит в одно мгновение.

Убежище нельзя взорвать. Спасательные модули могут пережить что угодно.

В тот раз, когда во тьме появились движущиеся из стороны в сторону сигнальные огни, он не знал, спасители это или убийцы.

Робсон бьет по кнопке фиксатора на груди. Подтягивает себя к иллюминатору.

Он не может умереть в стальном пузыре. Он должен увидеть. Должен!

«Горнило», линию расплавленного света, сотрясает череда малых извержений. Дальний конец умирающего поезда прячется за горизонтом, но Робсон видит светящиеся слезы из расплавленного металла, каждая размером со спасательный модуль, они летят по дуге, подымаясь на километры, вертятся, кувыркаются и разделяются. Он прикрывает глаза от света. Зеркала все еще оставляют следы, все еще движутся, рассекая своими двухтысячекельвиновыми лезвиями колонны и вагонные тележки. Лишенные опоры, ретортные печи падают. Фермы гнутся, конвертеры изгибаются и изливают содержимое. Железный Ливень. Редкоземельные металлы проливаются и утекают. Ярко светящиеся лантановые льдины, потоки церия и фермия, длинные языки раскаленного рубидия. Детонируют воздушные карманы; взрываются сложные, красивые машины. Над Океаном Бурь идет дождь из расплавленного металла.

И вот начинают рушиться сами зеркала, их опорам нанесен непоправимый ущерб. Один за другим они искривляются и падают, рассекая световыми мечами небо, рассекая море, выплавляя стеклянные дуги из пыли Океана Бурь. Робсон видит, как погибает модуль, разрезанный смертоносным, неумолимым фокусом плавильного зеркала, а

за ним еще один. Один за другим двадцать тысяч зеркал «Горнила» падают. Зеркало за зеркалом гаснут, нисходит тьма. Теперь единственный свет – тот, что излучает расплавленный металл и аварийные маяки спасшихся бегством модулей.

Робсон понимает, что плачет. Крупными, беспомощными слезами. Его грудь ходит ходуном, дыхание сбивчивое. Это скорбь. Он ненавидел «Горнило», ненавидел интриги, секретность и таящийся по углам страх, политику и то чувство, что каждый встреченный человек лелеет план, в котором он жертва. Но это был дом. Не в том смысле, в каком Боа-Виста был домом; ничто и никогда не сможет стать вторым Боа-Виста; ему не суждено туда вернуться. Но это был дом, и теперь его нет, он погиб, как погиб Боа-Виста. Мертв. Убит. У Робсона было два дома, и оба погибли. Каков связующий фактор? Робсон Жуан Баптиста Боа Виста Корта. Должно быть, с ним что-то не так. Мальчик, у которого не может быть дома. Дом у него все время отнимают. Как пайзинью, как майн, как Хоана. Пай послал его в Царицу, на «Горнило», где Хэдли попытался сделать из него защитника. Когда он вернулся в Боа-Виста, пайзинью бросал в него гандбольные мячи, достаточно сильно, чтобы причинить боль, чтобы оставить синяки, чтобы заставить его ненавидеть. Все. Всегда. Отнимают.

Стальной дождь закончился. Эвакуационный модуль несется по морю в металлических кляксах, связываясь со спасательными центрами, шахтерскими базами и обиталищами по всему огромному Океану Бурь. Зеркала глядят, словно горящие глаза, с тех мест, куда упали и где нашли свое последнее упокоение. Разрушение «Горнила» достаточно яркое, чтобы его увидели с Земли. Небо озарено движущимися созвездиями, мерцающими огнями – Робсон знает, что это маневровые двигатели. ВТО подключила каждый поисковый и спасательный корабль на Луне. Нет нужды искать, нечего спасать. Либо ты выживаешь, либо Луна тебя убивает.

Робсон обнаруживает в своей руке какой-то предмет. Прямоугольный, с закругленными углами, толстый и тяжелый на ощупь. Он глядит вниз. Его карты, колода, которую Хоан подарил ему, когда был его око, и которую он с той поры берег. Он снимает колоду, медленно, не торопясь. В том, как пальцы перебирают карты, ощущается утешение и надежность. С этим он может справиться. Карты в его власти.

2: Дева – Весы 2105

Тела в каждой комнате и туннеле, каждом коридоре и шлюзе. Тела сидящие, лежащие, на корточках, со скрещенными ногами, с опущенными головами. Тела прислоняются друг к другу. Тела в вечерних нарядах: «Шанель», «Дольче Габбана», «Фиоруччи», «Вествуд». Тела мало говорят, движутся еще меньше, ждут. Тела берегут воздух. Комнаты, туннели, коридоры Лансберга гудят от синхронизированного неглубокого дыхания выживших. Каждые несколько минут открывается какой-нибудь шлюз и входят новые спасенные в вечерних нарядах, глубоко вздыхают и чувствуют влажный, вонючий, переработанный воздух; потом их чибы переходят в режим чрезвычайной ситуации и понижают дыхательный рефлекс до легкого шороха. Дыша со свистом, силясь вдохнуть полной грудью, они отыскивают себе место среди сбившихся в кучи выживших, чтобы там сидеть и ждать.

Лансберг – депо в Первой Экваториальной, обслуживающее Центральную магистраль Бурь; редут, выкопанный под кратером Лансберга для ботов, служебного транспорта и бригад путевых рабочих, чья вахта длится два лунных месяца. Система жизнеобеспечения депо предназначена для пятидесяти человек в крайнем случае. В темных помещениях набилось в двадцать раз больше. Через восемь часов после Железного Ливня спасательные модули все еще заползают в шлюзы на резервном питании и выгружают выживших, страдающих от гипоксии и обезвоживания, охваченных ужасом. Инженеры Лансберга печатают установки для очистки воздуха от CO₂, но теперь отказывает система переработки воды. Туалеты сдались много часов назад. Еды нет.

Дариус Маккензи шипит от досады и швыряет карты веером через коридор. «Я не понимаю», – говорит он через Аделаиду, своего фамильяра. Робсон собирает карты. Выравнивает колоду и медленно повторяет фокус для Дариуса. Резкое движение большим пальцем, плавный переход в захват Тенкая. Он демонстрирует руку, растопыривает пальцы. Понятно? Точность трюка зависит от относительного угла между ладонью и картой, благодаря которому карту совсем не видно. Это один из наиболее трудных шулерских трюков. Робсон отрабатывал его перед камерой час за часом. Память тела неподатлива, оно учится медленно; только многократное повторение позволяет внедрить движение, плавность, своевременность в самую ткань мышц. Карточные фокусы – вид исполнительского искусства, который

удостаивается наибольшего количества репетиций. Фокусник повторит движение десять тысяч раз, прежде чем осмелится показать его зрителям.

Брайс ненадолго заглянул проверить, как у Робсона дела, прежде чем изъять лунный корабль ВТО, чтобы тот доставил мальчика в Царицу Южную. «Горнило» погиб, «Маккензи Металз» должна выстоять. Это было пять часов назад. На протяжении первого часа Робсон и Дариус цеплялись друг за друга, опустошенные немыслимым масштабом разрушений. Потом Робсон осмелился выйти в сеть. Его захлестнули ужасы. Цифры, имена. Имена людей, которых он знал; имена тех, кто ему улыбался, разговаривал с ним, тыкал в его синяки, невинно дурачась, расписывался блеском для губ на его ребрах; имена с большими начесами и в вечерних нарядах. Восемьдесят погибших; сотни пропавших без вести. Он сидел, ощущая каждый вдох, поступающий в сдавленную грудь, не в силах осознать услышанное. Он три часа слушал новости. Потом достал колоду.

«Я хочу научить тебя, как прятать карту, – прошептал он. – Утаивание карты – это вроде как сердце карточного фокуса. Она есть, но спрятана прямо под носом у публики, и если она мне понадобится, я в любой момент могу ее вернуть».

Он показал Дариусу классику, захваты Югара и Тенкая, а новые беженцы в это время осторожно переступали через их вытянутые ноги, и отряды водоносов и медиков ВТО пробирались по коридорам туда-сюда.

«Теперь попробуй сам».

Дариус берет колоду, поднимает верхнюю карту, зажав ее между первым и вторым пальцами, делает фальшивый бросок и сгибает пальцы так, чтобы карта притаилась между кончиком и основанием его большого пальца. Что-то его отвлекает: трюк так и остается незаконченным. Карты сыплются из его руки. Робсон, прищуриваясь, вглядывается во влажную, пыльную дымку. Леди Сунь и ее свита осторожно переступают через лежащих без сил беженцев. Она дышит свободно и глубоко, через маску, один из охранников несет баллон с кислородом. Она убирает маску от рта.

– Дариус. Подъем, подъем.

Она машет пальцами: вставай. Дариус, шатаясь, поднимается на ноги. С обеих сторон к нему подступают телохранители, чтобы помочь сохранить равновесие. Они как будто не испытывают неудобств от неглубокого дыхания. Леди Сунь обнимает Дариуса. Робсон стискивает зубы, когда ее тонкие, словно у жертвы голода, руки, ее костлявые пальцы обхватывают его друга.

– О, мой дорогой мальчик. Мой дорогой мальчик. Мне так жаль.

– Мама... – говорит Дариус. Леди Сунь прижимает длинный

указательный палец к его губам.

– Не говори. – Она прижимает дыхательную маску к своему лицу, потом – к лицу Дариуса. – Нас ждет автомотриса. Ты будешь в безопасности во Дворце Вечного света.

Красивые девушки и парни окружают Дариуса защитным кольцом. Он бросает взгляд на Робсона, и Леди Сунь впервые его замечает.

– Сеньор Корта, я рада, что с вами все в порядке.

Робсон поджигает пальцы и коротко кивает в семейном жесте уважения. Леди Сунь улыбается. Быстрый трюк фокусника, и Робсон протягивает Дариусу половину колоды. Дариус прячет карты во внутренний карман пиджака. Охранники уже уводят его по коридору, расчищая путь среди толкающихся, теснящихся Маккензи, которые услышали слово «автомотриса». Дариус в последний раз бросает взгляд назад, а потом свита Леди Сунь выталкивает его в шлюз, ведущий на станцию.

«Я тебя больше никогда не увижу, верно?» – шепчет Робсон.

* * *

Лансберг пустеет, тело за телом. Легкие Робсона расширяются, вдох за вдохом. Объявления о поездах, люди встают и уходят. Работники ВТО спрашивают, ты идешь? «Нет. Я жду». Кого ты ждешь?

Теперь Робсон остался в коридоре один. Он сидит и ждет, потому что это единственный путь на станцию и с нее. Этой дорогой пройдет тот, кого он ждет. И в конце концов Робсон засыпает, потому что ожидание – это тупая, тошнотворная боль, вроде как душевный тиннитус^[9].

Кто-то пинает его в подошву. И еще раз.

– Эй.

Хоан, присевший перед ним на корточки. Настоящий, истинный, Хоан.

– Ох, это ты, ох... – Робсон бросается на Хоана. Они валятся поперек пустого коридора. – Где ты был? Где же ты был?

– Попал на поезд и уехал в Меридиан. Ушло много времени, чтобы разыскать поезд, идущий к Лансбергу. Очень много. – Хоан крепко обнимает Робсона; такая вот любовь, выворачивающая суставы. Новые синяки поверх старых.

– Я так испугался, – шепчет Робсон Хоану на ухо. – Все... – но слов не хватает.

– Идем, – говорит Хоан. – Надо привести тебя в порядок. Когда ты в

последний раз ел? Я принес еду.

Когда слов не хватает, на помощь приходит всякая чепуха.

* * *

Старые женщины должны сидеть на солнце. Каждое место вокруг стола освещается сверху солнечным лучом. В луче дрейфуют пылинки. Игра древняя, но стоит того, чтобы в нее играть; нужно отследить пятно обратно к зеркалу, от зеркала к зеркалу, к сотне ярких, как солнце, зеркальных точек в вечной тени бассейна Шеклтона, к высокому, ярко горящему маяку Павильона Вечного света. От вечной тьмы к вечному свету. Вся эта чепуха с зеркалами развлекает тех, кто знает, как устроен трюк, но все же она, как и раньше, чувствует всплеск благоговения, когда зеркала движутся во тьме, улавливают свет и вспыхивают.

Когда зеркала движутся, совет директоров «Тайяна» заседает.

– Леди Сунь?

Двенадцать лиц, каждое озарено личным солнцем, обращаются к ней.

– Мы разорвем их на части.

Вы думали, я не слушаю, вы думали, я старая дурочка, которой позволили сидеть на свету лишь из уважения к моему возрасту, слабоумная развалина, которая наслаждается теплыми лучами на лице.

– Прошу прощения, двоюродная бабушка? – спрашивает Сунь Лицю.

– Братья всегда друг друга ненавидели. Они держались вместе лишь благодаря компании и своему отцу. Роберт мертв, а «Горнило» – лужа расплавленного металла в Океане Бурь. У нас идеальная позиция, чтобы украсть бизнес для солнечного пояса.

– Брайс начал переговоры по поводу запасов «Маккензи Фьюзибл» в L5, – говорит Сунь Гуань-инь, иньюнь «Тайяна». Сильный, направленный вниз свет порождает на каждом лице густые, жесткие тени.

– О, это недопустимо, – говорит Леди Сунь. – Нам нужен какой-то рычаг давления на Брайса.

– Человек в долгу – это человек, который ведет себя благовоспитанно, – говорит Тамсин Сунь. Она возглавляет юридический отдел «Тайяна». Леди Сунь восхищается и не доверяет ее отточенному, амбициозному интеллекту.

– Любые меры будут надежными, – говорит Сунь Ливэй. – Ничто не свяжут с нами.

– Все догадаются, – возражает Аманда Сунь. Свет, направленный вниз,

обошелся с нею еще суровей, чем с остальными членами правления. Тени в ее глазах, под скулами, говорят: «Убийца». Ты хорошо все обстряпала, думает Леди Сунь. Я тебе не верю. У тебя нет ни таланта, ни качеств, чтобы убить Лукаса Корта. Нет-нет, маленькая убийца, тот человек, чьей смерти ты на самом деле хочешь и всегда хотела, это я. Ты так и не простила меня за тот жестокий никак, что приковал тебя к Лукасу Корта.

– Позвольте им, – говорит Леди Сунь.

Теперь все головы поворачиваются к Сунь Чжюаню, шоу-си ^[10] «Тайяна».

– Я согласен с бабушкой. Мы будем разделять и властвовать. Как сделали с Маккензи и Корта.

У Корта был стиль. Леди Сунь часто сожалеет о том, что их уничтожили ради такой безвкусной вещи, как выгода.

* * *

Абена Маану Асамоа не отвечает на его голосовые звонки. Не пишет сообщения, не хочет общаться ни на каком социальном форуме. Не признает, что Лукасинью Корта существует в той же самой вселенной. Он связывается с друзьями и друзьями друзей. Он обращается к семье. Он посылает в ее квартиру написанные от руки письма на ароматизированной бумаге ручной работы. Платит племяннице, чтобы писала. Лукасинью Корта не умеет писать. Он постит извинения. Он постит няшности, кавайи и эмодзи. Он посылает цветы и ароматизированных бабочек. Он становится сентиментальным, он становится жалким, он начесывает волосы на глаза и чуть надувает полные губы, потому что знает – так он неотразим, а еще он сердится.

И вот наконец он приходит к ней домой.

Из всех городов Луны Тве сильнее прочих сбивает с толку; он наименее структурирован, наиболее органичен и хаотичен. Его корнями было скопление сельскохозяйственных труб, уходящих в глубь Маскелайна, которые с годами и десятилетиями обросли туннелями, линиями электроснабжения и трубопроводами, тянущимися сквозь камень, связывающими, объединяющими, раздувающими пузыри обиталищ, и пробурили новые шахты и цилиндры, идущие вверх, к солнцу. Это город клаустрофобных коридоров, которые переходят в высоченные шахты, где все блестит от зеркал, передающих солнечный свет от яруса к ярусу, где уровень над уровнем созревают зерновые. Зеркала посылают шальные лучи

через лабиринт Тве, на стены, в квартиры, лестничные колодцы в определенные моменты дня. В долгой лунной ночи пурпурный свет массы светодиодов просачивается из трубоферм в лабиринт туннелей и переходов. Лукасинью нравится этот грязный, сексуальный розовый. Он превращает каждый туннель и каждую шахту в эрогенную зону.

Общественных пространств мало, и они забиты киосками, продуктовыми ларьками, печатными мастерскими и барами. Туннели и улицы Тве, слишком узкие для такси-моту, кишат пауэрбордами и скутерами. Гудки гудят, колокольчики звенят, люди вопят. Тве – это какофония, радуга, банкет. Граффити, девизы, адинкра, библейские стихи украшают каждую поверхность. Лукасинью любит шум Тве, его целесообразность, то, как преднамеренно неправильный поворот может привести к новым местам и людям. Больше всего он любит запах. Сырость, плесень, что-то растущее и что-то гниющее, нечистоты и глубокая вода. Рыба, пластик. Неповторимый резкий дух воздуха, как следует прогретого на сильном солнце. Аромат и фрукты.

На протяжении восемнадцати месяцев с той поры, как Лукасинью Корта прибыл в Тве, он был принцем в изгнании и наслаждался защитой и благоволением Асамоа. Лукасинью любит Тве. Сегодня Тве не любит Лукасинью Карту. Друзья отворачиваются, не хотят смотреть в глаза; компании распадаются, стоит ему приблизиться; люди исчезают в толпе, переворачивают свои пауэрборты, меняют направление и скользят прочь.

Выходит, все знают про Аделаю Оладеле.

Коллоквиумная квартирка Абены расположена на двадцатом уровне обиталища Секонди; это цилиндр глубиной в полкилометра, в котором жилые пространства кольцом окружают вертикальный сад из абрикосов, гранатов и инжира. Строй зеркал под стеклянной крышей посылает длинные осколки света вниз, сквозь листву. Абена переехала сюда, когда присоединилась к коллоквиуму «Кваме Нкрума». Это ведущий коллоквиум Тве по политической науке, но Лукасинью больше нравилось ее старое жилье. Оно было более уединенным. Меньше людей, и те, с кем он все же сталкивался, не осуждали его постоянно за какой-нибудь изъяз по части идеологии, привилегий или политики.

И секса на старом месте у него было куда больше.

«Дверь мне не отвечает», – сообщает его фамилляр, Цзиньци. Лукасинью проверяет свой внешний вид через линзу, проводит расческой по волосам, поправляет узел белого галстука на черной рубашке. Все его пирсинг-украшения в положенных местах. Они ей нравятся. Он стучит по двери костяшками пальцев.

Внутри движение. Они должны узнать, кто стоит на галерее.

Он стучит снова. И снова.

– Абена!

Снова.

– Абена, я знаю, ты там.

– Абена...

– Абена, поговори со мной.

– Абена, я лишь хочу поговорить. Это все. Просто поговорить.

К этому моменту он прислонился к двери, прижимается щекой к дереву, легонько постукивает полусогнутым средним пальцем правой руки.

– Абена...

Дверь открывается достаточно широко, чтобы показались глаза. Они принадлежат не Абене.

– Лукас, она не хочет с тобой говорить. – Афи – коллега по коллоквиуму, которая меньше всех презирает Лукасинью. «Это прогресс», – думает он.

– Мне жаль. Честно. Я просто хочу, чтобы все было правильно.

– Ну, может быть, тебе стоило подумать об этом, прежде чем трахаться с Аделаей Оладеле.

– Я не трахался с Аделаей Оладеле.

– Да ладно? Ты кончил пять раз за три часа. И как такое называется?

– Управление оргазмом. Чтоб ты знала, он безумно, безумно в этом хорош.

– Значит, управлять оргазмом – это не трахаться.

С чего вдруг ему взбрело в голову, что Абена подсказывает Афи реплики?

– Управлять оргазмом – это не трахаться. Управлять оргазмом – это управлять оргазмом. С помощью рук. Это не что-то интимное, как трах.

– Аде три часа держал твой член в руках, и это не что-то интимное?

У Аделаи Оладеле руки ангела, признается Лукасинью самому себе. Три часа. Пять оргазмов.

– Это... просто игра. Для парней.

– Для парней. Ладненько.

Лукасинью не одержит здесь победу. Надо спастись, пока цел.

– Дело не в том, что я...

– Ты – что?

– Люблю его или что-то в этом духе.

– Потому что ты любишь меня. Ее. Ее!

– Я не люблю Аделаю Оладеле.

Изнутри квартирки раздается всхлип. Афи бросает взгляд через плечо.

– Лукасинью, просто уйди.

– Я просто уйду.

«Я мог бы тебя проинструктировать», – говорит Цзиньцзи, пока Лукасинью пялится на закрытую дверь.

– Ты ИИ, – говорит Лукасинью. – Что ты знаешь о девушках?

«Больше, чем ты, судя по всему», – отвечает фамилляр.

Но у Лукасинью есть план. Блестящий, безупречный, романтический план. Достигнув входного туннеля на уровень 12, он бежит во весь опор. Полы пиджака от «Армани» развеваются. Цзиньцзи делает заказ, и пауэрборд встречает его на пересечении Восьмой и Даун. Лукасинью приседает, раскинув руки для равновесия, складки брюк хлопают в зоне пониженного давления, которую он создает сам. Борд танцует в потоке пешеходов и машин. Лукасинью останавливается снаружи квартиры тиа Лусики – руки сложены, сама бесстрастность в костюме от «Армани».

Когда кухонное пространство раскрывается, он голый.

– Луна, давай-ка пойдем за шербетом, – говорит мадринья Элис. Тиа Лусика возражает против восторженной наготы Лукасинью, но тиа Лусика теперь почти не бывает дома: обязательства новой омахене Золотого трона удерживают ее в Меридиане. Луна привыкла, что кузен щеголяет в чем мать родила. Из кухни ее и мадринью изгоняет само присутствие Лукасинью. Он превращается в примадонну.

Обнаженный Лукасинью, шлепая босыми ногами, подходит к столешнице. У него есть рецепт, есть ингредиенты, есть талант. Лукасинью делает глубокий вдох, трет ладонями крепкий брюшной пресс, вогнутости на невероятной тугой заднице, напряженные мышцы внизу спины. Это тебя уложит наповал, Абена Маану Асамоа. Он разминает мышцы и щелкает костяшками пальцев. Подымает пластиковое сито с мукой и устраивает медленный снегопад, падающий в рабочую миску. Чудесное вещество. Лукасинью знает, сколько она стоит и как она редка. Это плод любви, искусство, превосходящее кустарщину. Лукасинью погружает руки в миску и наслаждается шелковистым потоком муки; она почти жидкость, что вихрится вокруг его пальцев. Он берет щепотку и смотрит, как мука опускается, падая каплями из облака, где пудра сбилась в комок.

Лукасинью погружает указательный палец в муку, что еще не улеглась, и рисует линии вдоль каждой скулы. Линию через центр лба. Мазки муки на каждый сосок. И наконец белый круг на коричневой коже его чакры свадхиштхана. Творчество, секс, страсть, желание. Взаимодействие, отношение, сексуальная память. Он готов.

– Будем печь.

* * *

Кремом он украшает ее. Мазок на горле, по одному на каждый сосок, на живот, пупок. Она останавливает его палец с кремом на полпути между остатками торта и своей вульвой.

– Помечаешь кремом мои чакры? – говорит Абена Маану Асамоа. Лукасинью наклоняется и помещает каплю крема на капюшон ее клитора.

Абена ахает от холода и дерзости. Она берет руку Лукасинью и обсасывает остатки крема с его пальцев.

– И что же я теперь буду есть? – спрашивает Лукасинью, и Абена издает низкий, грязный смешок, а потом ерзает, предлагая ему свои груди. В ее горле слышится тихое рычание, когда он облизывает ее соски.

– Анахата, манипура, свадхиштхана, – говорит Абена. Она нежно, твердо кладет руку Лукасинью на затылок и направляет его меж своих открывающихся бедер. – Муладхара. Оставь место для добавки.

Он ждал за дверью, серебристый от мелкого дождя из системы орошения вертикального сада, пятнадцать минут. Вода конденсировалась и капала с коробки с тортом, которую он держал в руках. Вода окропляла и заставляла опуститься его высоко взбитую челку. Вода увлажняла его костюм от «Иссэй Миякэ» и пробиралась в складки. Вода бежала с каждого серебристого украшения, которое он продел сквозь отверстия в коже. Когда открылась дверь, за ней была Абена.

– Лучше входи, пока не подхватил что-нибудь.

Ему почудилось или она прятала улыбку?

Абена попыталась проигнорировать торт, который он положил на шезлонг рядом с собой.

Он попытался не заметить, что все ее товарищи по коллоквиуму исчезли.

– Я сделал тебе торт.

– По-твоему, это ответ на все вопросы? Ты просто идешь делаешь торт и все становится правильным?

– В большинстве случаев.

– Почему ты трахался с Аделайей Оладеле?

– Я с ним не трахался.

– Вы с ним занимались онанизмом...

– Доведением до оргазма....

– Ну да, он классно доводит до оргазма. Все так говорят.
– Легенда. Мне сказали, такое нельзя пропустить. И поскольку ты...
– Я – что?
– Ну, ты все время занята...
– Не пытайся. Переводить стрелки. На меня. Не смей. Даже заикаться.
Что ты занимался сексом с Аделаей Оладеле, потому что я работала.
– Ладно. Но мы договорились. И ты согласилась. Никаких ограничений. Мы можем встречаться с другими людьми.
– Потому что ты на этом настоял.
– Я такой. Ты знала об этом прежде, чем мы сошлись.
– Ты бы мог спросить, – сказала Абена. – Не возражаю ли я, чтобы ты устроил встречу с Аде. Я, может быть, захотела бы посмотреть. Парень с парнем, ну, ты понимаешь.

Лукасинью так и не смог перестать удивляться тому, как его могла удивить Абена. Вечеринка в честь Лунного бега, прямо перед попыткой покушения на Рафу, когда она поместила особое пирсинг-украшение в мочку его уха и насладились вкусом его крови. Свадьба, когда он воспользовался силой, сокрытой в том пирсинге, и предпочел защиту Асамоа браку с Денни Маккензи: Абена ждала его за герметичным стеклом на станции Тве. Когда пал Боа-Виста, она без колебаний надела скафандр и вышла с ним к поджидавшему кораблю ВТО, и весь полет держала его за руку. Она спустилась в лишенный света, пустой ад, который был когда-то его домом.

Она была героиней, богиней, звездой. Он – дураком, который пек торты.

– Можно скинуть с себя эти мокрые вещи?
– Пока нет. И еще долго будет нельзя, сеньор. Знаю я тебя. Раз сверкнешь прессом и думаешь, что прощен. Но, возможно, я съем кусочек торта.

Лукасинью открыл коробку.

– Это ягодный торт со взбитыми сливками.
– С какими ягодами?
– Я знаю это слово только на португальском.
– Скажи его.

Он сказал. Абена закрыла глаза от удовольствия. Ей нравилась музыкальность португальского, на котором говорили Корта.

– Клубника. Мне в самом деле нравится клубника. Определенно, я хочу кусочек твоего клубничного торта.

– Со сливками.

– Не наглей, Лукасинью.

В кухонном пространстве – оно было намного больше того, что у тиа Лустики, но оказалось намного хуже оснащенным – он нарезал торт на кусочки, надеясь, что они достаточно маленькие, и приготовил мятный чай.

– Ты дрожишь?

Лукасинью кивает. От дождя он продрог до костей.

– Давай снимем с тебя эти мокрые вещи.

Тогда-то ему и пришла в голову отличная идея со взбитыми сливками.

* * *

После торта, игры и примирительного секса Абена улеглась в обнимку с Лукасинью, своим теплом изгоняя последние остатки холода из его костей. Ее холодное отсутствие его будит.

Она забрала торт с собой.

Лукасинью находит Абену сидящей со скрещенными ногами на полу общей комнаты, ссутулившейся от сосредоточенности. Она натянула мешковатую майку и шортики, собрала и подвязала волосы зеленой тканой лентой. Лукасинью подмечает, насколько чиста и сильна ее концентрация. Если бы он позволил Цзиньцзи соединиться с ее фамильяром, то увидел бы комнату, полной призраков и политиков – ее форум. Она объясняла, в чем суть: это группа увлеченных людей, которые изучают новые варианты будущего для всех. Лукасинью не может думать о вариантах будущего. Его собственное будущее с того места, где он есть, выглядит со всех сторон одинаковым и блеклым, как Море Спокойствия. Каждый час, который Абена проводит за пределами коллоквиума, она как будто безмолвно разговаривает со своими политическими друзьями. Разные вещи происходят, говорит она Лукасинью; там, на Земле.

Корта не занимаются политикой. Они однажды попытались. Это их убило.

Он кладет одну ладонь между лопатками Абены, другую – ей на поясницу, и выпрямляет ее спину. Абена вскрикивает от неожиданности.

– У тебя осанка хуже не придумаешь.

– Лука...

Он любит, когда она называет его этим самым интимным семейным именем.

– Возвращайся в постель.

– Все еще продолжается.

– «Горнило».

– Число погибших достигло ста восьмидесяти восьми. Роберт Маккензи и Джейд Сунь пропали без вести.

– Они сгорели. Я рад.

– Форумы безумствуют. Рынки свихнулись. Я отслеживаю панические закупки на рынках гелия. – Тут Абена осознает, что сказал Лукасинью. – Ты рад? Люди умерли, Лука.

– Они устроили Рафе разгерметизацию. Они подвесили Карлиньоса за пятки. Они сломали Ариэль спину. Вагнер в бегах, а про моего отца никто не знает, жив он или мертв. Они послали за мной рубак. Ты это помнишь? Они сгорели. Не могу я об этом сожалеть. Ты видела Боа-Виста. Ты видела там Рафу.

– Он в безопасности.

Лукасинью трясет головой от внезапного скачка, перепрыгивает через эмоциональную расщелину во вселенной.

– Что? Кто?

– Твой кузен. Робсон.

– Робсон в Царице Южной.

– Робсон был на вечеринке Роберта Маккензи. Он в безопасности, Лука. Но ты об этом не знал.

Лукасинью снова оседает на шезлонг. Абена отключается от своего форума.

– Лука, он твоя семья.

Это старый разговор, борозды его глубоки, эмоциональные повороты – хорошо обозначены.

– По-твоему, я этого не знаю? По-твоему, я не хотел помешать Брайсу Маккензи его забрать? Я не смог этого сделать. Мне девятнадцать лет. Я наследник. Последний Корта. Я даже не смог сделать так, чтобы Робсон остался со мной. Я не смог его уберечь.

– Лука, ты не юрист.

– Аби, заткнись. Ты всегда права. Все вы, Асамоа, вы всегда правы, мудры, и у вас на все есть ответ: тра-ля-ля. Заткнись и слушай меня. Мне страшно. Когда Маккензи начнут искать, на кого бы свалить вину, на кого они посмотрят первым делом? На Корта. Мне все время страшно, Аби. Та встреча с Аделаейей, она была не ради секса. Она была ради трех часов без страха. Ты знаешь, каково это – все время бояться?

Абена понимает, что она обитает в мире, где все можно потрогать и изменить, где ее слова и мысли имеют силу и власть. Лукасинью живет в мире, за который несет ответственность, но который бессилен изменить, и

на него возложена вина за вещи, которых он не делал. Расстояние будет увеличиваться и в конце концов приведет к разрыву между ними. Абена видит это четко. Еще она видит искалеченного, уязвимого мальчика, испытывавшего то, что за пределами ее воображения. Мальчика, которому она не может помочь, и потому понимает его, ибо в этом она также ответственна и бессильна.

Абена обнимает Лукасинью.

Такими Афи их и находит, когда неуверенной после коктейля походкой приходит искать очищающий чай. Обнаруживается кое-что получше: торт. Она отрезает себе ломтик. Должно быть, парнишка сделал. Они милы рядом на шезлонге, спящие в обнимку. Он такой хорошенький в самоуверенной бразильской манере, но сама Афи ни за что бы не вкладывала силы в нечто до такой степени поврежденное.

А вот торт вышел на славу.

* * *

Штатный миксолог «Маккензи Металз» создал памятный коктейль. Старомодная водка промышленного производства, сироп гибискуса, лайм, веточки австралийской акации и шарик геля, ароматизированного корицей и миртом, постепенно расправляющего в розовом оранжевые щупальца. Все это служит напоминанием об эпохальной жизни Роберта Маккензи в стакане. Официанты с полными подносами притаились у дверей и вкладывают коктейли в руки.

— А это что?

— «Рыжий пес», мэ.

Леди Сунь берет коктейль, нюхает, делает глоток и передает его человеку из своей свиты. Безвкусица во всем, от бокала до смеси и имени. Как и все у Маккензи. Один из охранников наливает стаканчик ее личного джина. Набравшись сил, она с гордым видом входит в гостиную, чтобы присоединиться к поминкам.

Мавзолей ее удивил. Никто из Маккензи ранее не демонстрировал религиозных побуждений, но в сердце Кингскорта, старого дворца в Царице Южной, таится маленький храм: чистая белая комната, безупречный куб с ребром три метра. Дункан вошел туда один, а потом пригласил родственников и гостей, чтобы каждый отдал последнюю дань усопшему. Любопытство подстегнуло Леди Сунь войти. Комната была маленькой, совершенно белой, помещалось в ней самое большее три

человека. Белые стены покрывали цветные диски диаметром десять сантиметров. Леди Сунь оказалась внутри помещения, разукрашенного в горошек. Каждый диск был фамильяром усопшего Маккензи, замороженным в керамической схеме. Тело перерабатывали, электронная душа продолжала жить. Здесь был Роберт Маккензи, кровавый диск в центре дальней стены. Рыжий Пес был его фамильяром, припомнила Леди Сунь. Она коснулась Рыжего Пса, ожидая ощутить вибрацию данных, эхо издавна горевшего гнева и амбиций. Но это был диск из легированного стекла, чья текстура наощупь напоминала бархат – и больше она ничего не почувствовала.

После погребения важное событие: прием. Леди Сунь составила план бесед, пока ехала в автотрисе из Дворца Вечного света. Порядок целования щек – важная вещь.

Первый в очереди – Евгений Воронцов в сопровождении дочерей. Кости у них хорошие, но все равно они тупые плоды близкородственных браков. Слишком много радиации вплетено в их ДНК.

– Евгений Григорьевич.

Генеральный директор «ВТО-Луна» – необычайно массивный мужчина с длинными волосами, густой бородой, безупречно одетый и ухоженный. Леди Сунь в особенности восхищена камчатной тканью его рубашки. В его руке стакан чистой водки. Они пожимают руки. Осведомители шепчут Леди Сунь, что его проблема с алкоголем – хроническая и что руководство ВТО перешло к более молодому и жесткому поколению. Не столько перешло, сколько поколение перетянуло руководство на себя.

– Леди Сунь. Сожалею о вашей потере.

– Благодарю. Похоже, эта трагедия не обошла ни один дом.

– Нам всем доводилось нести утраты, Леди Сунь.

Джейд Сунь была делом всей жизни – десятилетия аккуратного маневрирования и манипуляций пошли прахом, стоило на них упасть лучу полыхающего солнца. Джейд была отточенным оружием: у Аманды никогда не было остроты, изысканности и терпения, какими обладала ее старшая сестра. Лукас Корта обставил Аманду Сунь по всем параметрам. Надо было выдать Аманду за Рафу, пусть и третьей око, но Трое Благородных настояли, что однажды Лукас Корта возглавит «Корта Элиу».

– Мрачные времена, Евгений.

Евгений Григорьевич Воронцов понимает намек на окончание разговора с первого раза.

Теперь к Лусике Асамоа, элегантной и убийственно-красивой в платье

от «Клод Монтана». Политика АКА непостижима для Леди Сунь, но она понимает, что Лусика в настоящее время является омахене Котоко, то есть некоего совета, и этот пост передается всем членам Котоко по очереди, и эти члены постоянно сменяются. Это кажется Леди Сунь жутко скрупулезным и неэффективным. Асамоа хранят секреты, принадлежащие всем остальным. Это все, что хочет знать Леди Сунь.

– Яа Доку Нана. – Фамильяр сообщает, что так полагается обращаться к омахене.

– Леди Сунь.

Они говорят о семьях, о детях и внуках и о том, как уна делает каждое последующее поколение более странным, чем предыдущее.

– Твоя дочь в Тве, – говорит Леди Сунь.

– Луна, да. Со своей мадриньей.

– Никогда я не понимала эту традицию Корта, не говоря уже о том, зачем ты ее оптом импортировала в Тве. Прости меня, я старая женщина и потому прямолинейна.

– Она к этому привыкла.

– Видимо, да. Я понимаю, сколько пользы от материнского долга, когда ты так редко бываешь в Тве, после того как заняла Золотой Трон. Скажи мне, что ты чувствуешь по этому поводу? Ты зачала дитя, а другая женщина его выносила, родила и выкормила.

Леди Сунь замечает намек на раздражение на безупречно сдержанном и безупречно загримированном лице Лусики Асамоа и наслаждается маленькой каплей крови, которую сумела пустить. Асамоа хранят секреты, я их выведываю. Когда-нибудь, если нужда заставит – а такое может и не случиться, – она засунет клин в эту маленькую рану и использует его, чтобы разбить Лусику Асамоа на части.

Леди Сунь мало-помалу подводит Лусику Асамоа к краю пространства, занятого Брайсом Маккензи, и без усилий переходит с одной социальной орбиты на другую. Леди Сунь не ощущала физическое присутствие Брайса Маккензи вот уже много лет и едва сдерживает отвращение. Он ужасен. Непристойен. Она может выносить его соседство, лишь убеждая себя в том, что его габариты – некая извращенная форма боди-арта. Сегодня с ним только два катамита^[11]. Ухоженные мальчишки. Тот, что выше ростом, вроде как уже слишком взрослый.

– Брайс. – Она кладет руки поверх его рук. Радует, что надела перчатки. – Нет слов. Просто нет слов. Ужасная, ужасная потеря.

– Как и ваша.

– Спасибо. Я все еще не до конца верю, что была там – мы оба были.

Трагедия – и зверство. Это дело чьих-то рук. Не несчастный случай.

– Наши инженеры заняты расследованием. Физические улики добыть тяжело, а ВТО хочет как можно скорее заново открыть Первую Экваториальную.

– Но «Маккензи Металз» продолжается. Так было всегда. Мы были первыми, я и твой отец. Вы наконец-то заполучили гелиевый бизнес. Не мое это дело, давать советы мужчине о том, как ему руководить своей компанией, но иногда быстрое, авторитетное заявление успокаивает взволнованный рынок. Пока не прояснится вопрос с завещанием вашего отца.

– Дела Маккензи – это дела Маккензи, Леди Сунь.

– Разумеется, Брайс. Но, ради старой привязанности между нашими семьями, не будь чужаком во Дворце Вечного света.

– Дворец Вечного света, – повторяет Брайс. – Это туда вы забрали Дариуса?

– Да, и там он останется, – говорит Леди Сунь. – Я не допущу, чтобы мальчик кончил как еще один из твоих щеночков. – Приемные сыновья Брайса неловко переминаются с ноги на ногу. Их дежурные улыбки делаются напряженными.

– Он Маккензи, Леди Сунь.

– Дариус – прежде всего Сунь и всегда будет Сунем. Но ведь мы могли бы с готовностью предложить какой-нибудь выкуп?

Брайс кивает, изображая легчайший намек на поклон, и Леди Сунь переходит к своей последней жертве. Дункан Маккензи прислонился к балконному ограждению, на перилах балансирует его бокал с «Рыжим псом». Башни Царицы Южной пестрят флагами и знаменами, стягами и аэростатами, мифическими животными: приготовления к великому празднеству Чжунцю. В хаосе Железного Ливня и его последствий Леди Сунь забыла про праздник. Во Дворце Вечного света лазеры будут соревноваться на традиционном Фестивале лунных пирогов, соревновании ледяных скульптур.

– Я всегда завидовала вашему Кингскорту, – говорит Леди Сунь. – Мы позволили твоему отцу заполучить центральный участок. Надо было мне сражаться лучше.

– Со всем уважением, Леди Сунь, что моему отцу требовалось, то он и брал.

Она помнит, как Роберт Маккензи стоял на этом самом каменном полу и заявлял, что здесь создаст свою штаб-квартиру. Лавовую полость еще даже не загерметизировали, чтобы создать атмосферу, когда он привез сюда

строителей и начал возводить первые уровни Кингскорта. Царица Южная была самым подходящим местом, чтобы пустить корни на Луне – лавовая полость пяти километров длиной и трех в высоту, близкая ко льду в кратере Шеклтон, – но Маккензи быстро переехали в Хэдли, где построили свою первую плавильню, а потом настал черед безумно амбициозного «Горнила», вечно циркулирующего под ударами солнечного молота. Кингскорт остался утробой Маккензи, где дети рождались и возвращались, изобретались династии. На протяжении десятилетий Леди Сунь наблюдала за тем, как это место растет, стремясь к потолку, и вот теперь оно превратилось в центральный хребет леса, целого кафедрального собора из колонн.

– Прости, Дункан.

Дункан Маккензи, как всегда, одет в серое, и его фамильяр Эсперанса тоже серого цвета, но для Леди Сунь это выглядит не как оттенок цвета, а как обесцвеченная душа, зачерствевший дух.

– Роберт Маккензи. – Дункан ставит бокал на перила. – Я не могу поднять бокал этой мочи в память об отце.

Через фамильяра Леди Сунь вызывает телохранительницу. Молодая женщина достает два маленьких стаканчика. Леди Сунь вытаскивает флягу из сумочки.

– Это, я думаю, подойдет.

Они чокаются запотевшими стаканчиками и выпивают джин залпом.

– Я вижу, даже посреди бедствия у «Маккензи Металз» речь идет, как всегда, о бизнесе. Твой отец гордился бы. Брайс стабилизирует ценовые колебания на земных рынках гелия-3. Очень ловко. Пройдет некоторое время, прежде чем подразделение редкоземельных металлов снова наладит производство. Делать деньги на гелии – умно.

– Брайс как глава финансового отдела всегда действовал на опережение, – говорит Дункан. Леди Сунь заново наполняет стаканчики.

– Сильная рука на руле. Любая рука на руле. Землянам это нравится. Они думают, мы сборище анархистов, преступников и социопатов. Рынки и впрямь весьма ненавидят неопределенность. А вопрос с наследованием не решен. Мы слишком хорошо знаем, как медленно вращаются колеса лунного правосудия. – Она вручает Дункану второй стаканчик с чистым джином.

– Я наследник «Маккензи Металз».

– Ну разумеется, ты. Вопрос не в этом. – Леди Сунь поднимает стаканчик. – Вопрос в том, кто главный, Дункан? Ты или твой брат?

* * *

Леди Сунь возвращается в гостиную, где идет прием. Там приветствие, здесь – комплимент, оскорбительное замечание или вздох. Выдержав приемлемую паузу, она неспешно подходит к Сунь Чжюаню.

– Ты довольна, найнай?

– Конечно, нет. Это место провоняло лаоваями.

– Выпивка отвратительная.

– Никуда не годится. – Леди Сунь наклоняется ближе к своему суньцзы. – Я установила фитиль. Теперь ты поднесешь огонь.

* * *

Маккензи из Кингскорта будут праздновать в этой гостиной. Пиньяты, наполненные подарками, свисают с потолка. Бар подготовлен. Вот здесь сцена для музыкантов. Через несколько дней наступит Чжунцю, и девушки в пышных коротких юбках, парни в пиджаках с подплечниками, асексуалы в элегантных нарядах будут пить-танцевать-кайфовать-тискаться в этой комнате. В ближайшие дни Маккензи съедутся со всей Луны, отдадут последнюю дань усопшему и отправятся в бар. Воспоминания быстротечны. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов.

Теперь Брайс Маккензи интригует. Он вызвал четверых администраторов «Маккензи Металз». У них есть сила, опыт, власть. Все мужчины. Двадцатью уровнями ниже в здании мемориала Роберта Маккензи пошло на очередной виток представление, сочетающее уважение и лицемерие.

– Вы здесь потому, что я знаю вас и доверяю вам, – говорит Брайс Маккензи. – У меня есть надежные предложения по поводу нашего резерва гелия-3 в L5. – Брайс кое-что припрятал в гравитационном лимбе точки Лагранжа L5, чтобы застраховаться от ценовых колебаний.

– Сколько? – спрашивает Альфонсо Перес-Трехо, финансовый директор «Маккензи Фьюзибл».

– Все.

– Это приведет к падению цен, – предупреждает Альфонсо Перес-Трехо.

– На это я и надеюсь, – отвечает Брайс Маккензи. – Я не хочу, чтобы земная добыча гелия-3 была выгодной. Мы не в той форме, чтобы

участвовать в конкуренции. Выпуск по-прежнему составляет всего лишь тридцать процентов.

– Моря Изобилия, Кризисов и Змеи все еще непродуктивны, – подтверждает Хайме Эрнандес-Маккензи. Он начальник отдела эксплуатации «Маккензи Металз», джакару-ветеран с легкими, которые после десятилетий лунной пыли наполовину обратились в камень. Редкоземельные металлы, гелий, органика, вода; он может взять луну в ладони и извлечь из нее прибыль. – Давняя вотчина «Корта Элиу». Там есть признаки саботажа. Бразильцы, они мстительные.

– Тогда я хочу, чтобы Жуан-ди-Деус приструнили, – говорит Брайс Маккензи. – Чего бы это ни стоило. Я хочу, чтобы «Маккензи Гелиум» заработала в полную мощь через два месяца.

– «Маккензи Гелиум»? – переспрашивает Роуэн Сольвейг-Маккензи. Он главный аналитик «Маккензи Металз»; молодой, умный и амбициозный; образец капиталистических добродетелей.

– Мой отец мертв, – говорит Брайс Маккензи. – «Маккензи Металз» – та компания, которую построил мой отец, и которую мы знали, – мертва. Век семейных корпораций завершился. С металлами покончено. Теперь мы гелиевая компания.

– Выходит, с наследованием все решено, – сухо замечает Роуэн Сольвейг-Маккензи.

– Если будем ждать адвокатов, этой компании кранты, – отвечает Брайс.

– Со всем уважением, но если вопрос с наследованием не решен, мы не можем выделять дополнительное финансирование, – говорит Дембо Амаечи. Он глава корпоративной безопасности; молчун, который до сих пор не сказал ни слова. – Нет лица, которое обладает полномочиями заключать сделки.

– У меня есть финансы, – говорит Брайс. – Сунь Чжюань со мной уже поговорил.

– Чужие деньги, – хмурится Хайме.

– Брайс, ваш отец никогда... – начинает Дембо.

– И уж тем более от Суней, – подхватывает Роуэн.

– На хрен моего отца, – взрывается Брайс. От сильного душевного волнения он весь трясется. – «МГ». «Маккензи Гелиум». Вы со мной или нет?

– Прежде чем мы начнем оформлять контракты, – говорит Дембо Амаечи, – у меня есть информация относительно неисправности зеркал.

Никто не упускает из вида интонацию, с которой он произносит слово

«неисправность».

– Нас взломали, – говорит Дембо.

– Ясное дело, – отвечает Брайс Маккензи.

– Это был умный код. Он стал частью нашей операционной системы, замаскировался, прячась от нашей безопасности, он обновлялся одновременно с нами.

– И вы хотите лечь в постель с Сунями? – кричит Хайме на Брайса. – Да тут везде написано: «Тайян».

– Вот что странно, – продолжает Дембо. – Этот код был внутри нашей системы очень долго. Сидел. Ждал.

– Как долго? – спрашивает Брайс Маккензи.

– Тридцать – тридцать пять лет.

– Восточный Океан Бурь, – шепчет Брайс Маккензи.

Брайсу было восемь, когда Корта нанесли удар по «Горнилу». Дункан вырос среди жара и уродливости Хэдли, Брайс – среди интриг и политиканства Кингскорта. Политика Роберта Маккензи заключалась в том, чтобы держать наследников отдельно друг от друга. Никакая катастрофа не могла обезглавить «Маккензи Металз». Как-то раз его мать Алисса сказала: «Все готово. Мы переезжаем в новый дом». Поездка на поезде из Царицы была долгой, потом из Меридиана – еще дольше, но когда мать позвала его к окну автотрисы, он увидел на горизонте горящую звезду и ощутил нечто, что до сих пор не испытывал. Благоговение и страх. Его семья – его отец – смог зацепить крюком звезду в небесах и приковать к Луне. Это была сила, превосходящая то, о чем мог помыслить восьмилетний мальчик. Он пялился на ряды зеркал, полных пойманного солнца. Все было новым, свеженапечатанным, пахло пластиком и органикой. Это было как запах нового ровера, только вот новым был целый город. «Я буду здесь жить, в величайшей машине во вселенной».

А потом Корта ударили, подорвали рельсы перед поездом и позади него. Брайс смотрел, как солнце садится, опускаясь в горнило вечного света, и его охватили два новых чувства: оскорбление и унижение. Корта испортили чистоту и красоту, которых даже не понимали. Они никогда бы не достигли такой силы и чуда и потому из мелочности и зависти нанесли удар. В отличие от брата, Брайс не знал, как выглядит мир, свободный от тени Корта. В отличие от брата, Брайс был нескладным мальчиком, страдал диспраксией и плохо координировал движения, не преуспевал в видах спорта, которые обожали его отец и дядья, но с ранних дней в растущем шпиле Кингскорта с интересом изучал семейный бизнес. К семи годам он понял принципы добычи редкоземельных металлов, их очистки и продажи.

«Горнило» было продолжением его, третьей рукой. От того, что поезд посрамлен, Брайс ощущал физическую боль.

Тридцать пять лет код прятался внутри ИИ «Горнила», рос, приспосабливался и расширялся.

– Первые находки показывают, что его задействовали дистанционно, – говорит Дембо.

– Это Корта, – говорит Брайс Маккензи. – Надо было уничтожить их до последнего ребенка.

– Мы бизнесмены, не рубаки, – возражает Роуэн. – От Корта осталось трое детей, один так называемый волк-оборотень и адвокатесса, вышедшая в тираж. Итак, Корта уничтожили наш дом. Мы поступим лучше: заберем их машины, их рынки, их город, их людей, все, чем они владели и чем дорожили, и через пять лет никто даже не вспомнит имя Корта. Как там говорил ваш отец, Брайс? «Монополия – ужасная штука».

– Пока она не становится твоей, – отвечает Брайс.

* * *

Робсон просыпается с криком. Его лицо, что-то накрыло его лицо, он не может поднять руки, чтобы спихнуть это с себя. Тяжелые, неподатливые поверхности со всех сторон. И тук-тук-тук, тук-тук-тук. Он мертв, он в бункере. Ждет переработки. Тук-тук-тук – это заббалины, тащат его гроб по полу, и тот постукивает в местах сочленений. Они ножами срежут все полезное; потом боты подвешат его в печи для сушки и извлекут воду до последней капли, высосут ртами-трубками. Затем возьмут кожу и все, что осталось, и бросят в дробилку. И он не может пошевелиться – не может говорить, – ничего не может сделать, чтобы остановить их.

– Робсон.

Свет. Робсон моргает. Теперь он понимает, где находится: в капсуле для сна в спальном отделении ВТО Лансберг.

– Робсон. – Лицо на свету. Хоан. – Все хорошо, Робсон. Это я. Двигаться можешь? Тебе надо вставать.

Робсон хватается за рукояти и выталкивает себя из капсулы. Стены спального отделения покрыты капсулами, лестницами, тросами. Горячие постели и спальные отсеки, теплые, с запахами тел.

– Который час? – Робсон все еще чувствует себя тупым из-за навязчивого кошмара.

– Четыре, – говорит Хоан. – Это не имеет значения. Робсон, нам пора.

– Что?

– Нам надо идти. Брайс думает, твоя родня уничтожила «Горнило».

– Моя родня что?

Хоан ныряет в капсулу и вытаскивает из сетчатой полки скомканную и помятую одежду. Робсоновский костюм от «Марко Карлотты».

– Одевайся. Солнечные печи взломали. Выглядит как код «Корта Элиу».

Робсон натягивает костюм. Воняет почти так же, как и он сам. Он ныряет в капсулу и прячет половину колоды карт в карман, который ближе всего к сердцу.

– Код Корта?

– Времени нет. – Хоан касается указательным пальцем лба. «Отключаем фамильяров». – Идем.

На станции Лансберг не протолкнуться из-за людей и багажа. Прокладчики путей из Меридиана и Царицы и работники огромного сортировочного терминала ВТО в Святой Ольге меняются поездами с выжившими во время Железного Ливня.

– Я забронировал тебе билет до Меридиана, но ты там не сойдешь, – говорит Хоан, направляя Робсона к шлюзам. – Ты сойдешь в Земмеринге. Местечко ВТО, как и это. Там тебя встретят.

– Почему не Меридиан?

– Потому что Брайс направит рубак встречать каждый поезд.

Робсон останавливается как вкопанный.

– Брайс не может меня убить. Я Маккензи.

– Для Брайса ты ближайший Корта. И он тебя не убьет. По крайней мере пока не насладится сполна. Ты захочешь умереть задолго до того. Идем со мной.

Хоан протягивает руку. Королевы путей ВТО неуклюже топают мимо, их пов-скафы спрятаны в тяжелых рюкзаках, шлемы под мышкой.

– В последний раз, когда я сбежал от Брайса... – говорит Робсон.

Он не видел, как умерла его мать. «Не смотри назад, – сказала она. – Что бы ни случилось, не смотри назад». Он был хорошим сыном и потому не увидел бота, лезвий, которые подрезали сухожилия его матери, сверла, которые с завыванием пробивали щиток ее шлема. «Запускай, Камени. Забери его отсюда». Ее последние слова. И все же он не обернулся. Капсула БАЛТРАНа закрылась, он схватился за ремни, а потом ускорение размазало в его теле кровь до последней капли. У него потемнело в глазах. Невесомость. Он боролся с тошнотой. Тебя вырвет в шлем в невесомости – и ты труп. Потом торможение, такое же жестокое, как и запуск. Все

повторилось. И опять. И опять. Робсон радовался шоку, боли, тошноте и необходимости ее сдерживать, поскольку все это маскировало истину: она умерла. Его мама умерла.

– Держись ближе, Робсон. – Хоан проталкивается через толпу из погрузочных шлюзов и пробирается к ним. Объявление, едва различимое за ревом толпы. Чего-то там тридцать семь. Сил не жалеть. Не жалеть сил.

– А как же ты? – спрашивает Робсон Хоана.

– Я поеду другим поездом.

Хоан обнимает Робсона, и чувства его велики, словно небо. Щека к щеке.

– Ты плачешь, – говорит Робсон.

– Да. Я тебя всегда любил, Робсон Корта.

Потом Хоан заталкивает Робсона в шлюз.

– Кто меня встретит? – кричит ему Робсон, пока шлюзовая камера подключается к поезду.

– Твой дядя! – вопит в ответ Хоан. – Волк!

3: Овен 2103 – Близнецы 2105

Бот-уборщик нашел его лежащим без сознания в коридоре наружного кольца – того, что с земной гравитацией, – в трех метрах от двери лифта.

– Еще пять минут – и вы бы задохнулись под весом собственного тела, – сказала доктор Воликова, сопровождавшая носилки с Лукасом Кортой через среднее кольцо с половинной гравитацией к лунным уровням.

– Мне нужно было это ощутить.

– И как ощущения?

Как будто каждая мышца ослабела и начала плавиться. Каждый сустав наполнился стеклянной крошкой. Пустоты внутри каждой кости залили расплавленным свинцом. Каждый вдох был железом в каменных легких. Каждый удар сердца порождал вспышку пламени. Он опустился на лифте в колодец боли. Он едва сумел оторвать руки от поручней. Двери открылись, и он увидел плавный изгиб гравитационного кольца. Холм агонии. Ему пришлось выйти. На втором шаге он почувствовал, как бедра подворачиваются. Пятый – и колени подогнулись, не в силах удерживать его. Центробежная сила тяжести пришила его к колесу и стала ломать вдох за вдохом. Гравитация оказалась суровой хозяйкой. Гравитация никогда не ослабевала, не останавливалась, не уступала. Он попытался подняться с пола. Почувствовал, как кровь приливает к рукам, к лицу, как опускает щека, прижатая к полу.

– Мы говорили о теориях, – сказал Лукас Корта, когда его носилки соединились с ИИ. Развернулись диагностические «руки». – Я хочу поговорить о практике. Я практичный человек. Вы сказали, для подготовки к земным условиям понадобятся четырнадцать месяцев. Через четырнадцать месяцев я отправлюсь в челноке на Землю. Билет забронирован. Через четырнадцать месяцев, доктор, я буду на том корабле, с вами или без вас.

– Не шантажируйте меня, Лукас.

Назвала по имени. Маленькая победа.

– Я уже это делаю, доктор. Вы выдающийся эксперт по микрогравитационной медицине. Если вы говорите, что это гипотетически возможно, значит, физически это возможно, Галина Ивановна. – Лукас запомнил имя и отчество доктора ровно тогда, когда она назвалась его личным врачом, стоя у изножья кровати.

– Не надо мне льстить, – сказала доктор Воликова. – Вы

физиологически отличается от земного человека в тысяче разных смыслов. Фактически вы инопланетянин.

– Мне нужно провести на Земле три месяца. Четыре было бы лучше. Дайте мне схему тренировок, и я буду добросовестно ее соблюдать. Я должен туда отправиться, Галина Ивановна. С чего вдруг кому-то соглашаться помочь мне вернуть компанию, если я сам не готов на жертвы?

– Это будет труднее всего, что вы предпринимали до сих пор.

«Труднее, чем смерть моих братьев, уничтожение моего города и разгром моей семьи?» – подумал Лукас Корта.

– Не могу обещать успех, – прибавила доктор Воликова.

– Я об этом и не прошу. За это я сам отвечаю. Вы мне поможете, Галина Ивановна?

– Помогу.

Диагностические «руки» койки приблизились к шее и рукам Лукаса. Он медленно поднял собственные свинцовые конечности, чтобы их отогнать, но манипуляторы были проворными, а боль от уколов – быстрой, острой и чистой.

– Что это было?

– Еще одно профессиональное злоупотребление, – сказала доктор Воликова, считывая физиологические параметры Лукаса с линзы. – Кое-что, чтобы вас взбодрить. Вам назначена встреча.

Жгучий свет хлынул по артериям Лукаса Корта в мозг. Он вскочил с постели, как будто она ударила его током. Его ступни ударились о палубу. Он не чувствовал боли. Совсем не чувствовал.

– Мне нужно напечатать костюм, – объявил Лукас Корта.

– Вы одеты должным образом, – заверила доктор Воликова.

– Шорты и майка, – констатировал Лукас с вялым пренебрежением.

– Вы будете одеты лучше того, кто вас примет. У Валерия Воронцова мода вызывает идиосинкразию.

* * *

«Вам они понадобятся, – сказали работники лифта. – Практикуйтесь. Это не так легко, как кажется».

Лукас Корта натянул перепончатые носки и перчатки. Потрогал воздух, ступил по воздуху. Воронцовы. Эта их вечная насмешка над неумелостью и неспособностью людей, запертых в ловушке миров. Лукаса достало быть неумелым. Он бросился из лифта в хаб. Даже лунные мышцы

ног были слишком сильными для незначительной силы тяжести в центре корабля. Лукас раскинул руки, поймал воздух в перепонки, принялся грести в обратную сторону от направления полета. Он растопырил пальцы и расправил плавники, словно воздушный тормоз. Это было легко. Инстинктивно. Он остановился в центре цилиндра. Ось вращения корабля. Невесомость. Лукас медленно закружился, точно человек-звезда.

Он пинал и толкал воздух. Сдвинуться с места не удавалось. Он конвульсивно извивался, как будто спазмы сами по себе могли выволить его из гравитационной ловушки. Со стороны двери лифта раздался смех. Он снова судорожно задержался. Ничего. Гибкие фигуры во флуоресцентных костюмах плавно нырнули к нему от дальнего шлюза. Две молодые женщины в тугих лётных комбинезонах, с аккуратно спрятанными под сетки волосами подхватили Лукаса с двух сторон и резко остановились.

– Помощь нужна, сеньор Корта?

– Я справлюсь.

– Держите этот линь, сеньор Корта.

Женщина в розовом костюме прикрепила линь к рабочему поясу и рванулась прочь. Резкий толчок едва не вырвал линь из хватки Лукаса. Он двигался. Он летел. Он чувствовал воздух на лице, на волосах. Это было захватывающе. Вторая корабельная работница плыла рядом с ним. Он заметил у нее на поясе маленький пылесос.

В шлюзе, за которым располагалась личная каюта Валерия Воронцова, он поблагодарил девушек за увлекательную поездку.

– Следите за ветками, – таков был их единственный совет.

Каюта в сердце «Святых Петра и Павла», в которой Валерий Воронцов принимал гостей, была цилиндрическим лесом. Лукас плыл в туннеле из ветвей и листьев. Он не видел стен, так густо здесь все росло. Где-то там, наверное, прятались стволы и корни, аэропоника, которая поддерживала в невесомости этот лес. Влажность, ноты растущего и гниющего были Лукасу знакомы – таков сокровенный запах Тве, – но нашлись и новые оттенки запахов, которые он узнал благодаря своим сделанным на заказ джинам: можжевельник, сосна, какие-то цветы и прочая растительность. Подсветка леса пряталась где-то глубоко, среди корней, но ветви украшали тысячи биоламп. Звезды наверху, звезды по обе стороны, звезды внизу. Лукасу понадобилось несколько секунд, чтобы приспособиться к сумеречной среде, а потом он увидел, что листовенному покрову придали формы извивов и спиралей, гребней и волн. Древесный ландшафт. Время от времени одинокие шишковатые ветки поднимались над топиарием, точно вышколенные слуги, держа аккуратно выстриженный «плот» из

листьев, словно подношение. Глаза Лукаса в полной мере привыкли к свету, и он увидел чью-то фигуру в центре леса-в-невесомости. Нечто мелькнуло, наполовину скрытое листьями, двигаясь медленно и осмотрительно.

Через центр цилиндра был натянут трос. Лукас подтащил себя к фигуре среди ветвей. Человек – нет, понял он, приближаясь: нечто, похожее на человека. То, что когда-то было человеком. Обращенный спиной к Лукасу, он усердно трудился над листвой с помощью ручных садовых ножниц, подрезая, отсекая, придавая форму. Его окружало гало хвойных обрезков. Лукас ощутил новый, неприятный запах, примешивающийся к смоле и листе: моча. Грибковые инфекции.

– Валерий Григорьевич.

Человекоподобное существо повернулось к тому, кто прервал его занятия. Жизнь в микрогравитации изменила его тело столь же уверенно и необратимо, как он изменил свой лес. Его ноги были скрюченными веретенами, лентами иссохших мышц. Грудная клетка по ширине и обхвату казалась героических пропорций, но Лукас видел по тому, как она заполняла компрессионную рубашку, что нет в ней ни глубины, ни силы. Тонкий материал обтягивал ребра. Грудина была острой, как лезвие. Его руки были длинными, их оплетали сухожилия, похожие на провода. Огромная голова и человеческое лицо, пересаженное на шар из кожи. Фриз серебристых волос вокруг основания черепа лишь подчеркивал размеры. Двойная трубка тянулась из затылочных костей к парящей рядом помпе. Второй набор трубок выходил из колостомы на левом боку и шел к скопищу наполненных органикой мешков, которые вращались в невесомости.

Вот что полвека в микрогравитации делали с человеческим телом.

– Лукас Корта.

– Это честь для меня, сэр.

– Неужели? Неужели? – Валерий Воронцов снял с пояса для инструментов маленький пылесос и с накопленным за десятилетия мастерством собрал парящие древесные обрезки. – Я никогда не встречался с другими Драконами. Вы об этом знали?

– Я больше не Дракон, сэр.

– Наслышан. Это глупости, разумеется. Все дело в генах. Такое для меня внове. Как и для вас.

– Валерий Григорьевич, я должен спросить...

– О, придержите свои отвратительные вопросы. Знаю, чего вы хотите. Посмотрим, позволит ли вселенная вам это получить. Но в том-то все и дело, верно? Мы вечно задаем вопросы о вселенной. Лукас Корта, вы когда-

нибуть видели нечто подобное?

Валерий Воронцов взмахом ножниц указал на лес, озаренный звездным светом.

– Не думаю, что хоть кто-то видел, сэр.

– Не видел. Знаете, что это такое? Это вопрос, который я задал вселенной. Каким будет расти лес в небесах? Хороший вопрос. Вот ответ. Он растет, не останавливаясь, постоянно изменяется. Я работаю над ним, я изменяю его форму согласно своей воле. Это медленная скульптура. Она переживет меня. Мне это нравится. Мы создания, чересчур поглощенные собой. Считаем себя мерой всех вещей. Время отнимет у нас все, чем мы являемся, все, что мы имеем, все, что мы когда-нибудь построим. Хорошо мыслить в масштабах, превосходящих срок нашей жизни. Может, мой лес продержится миллион лет, а может быть, и миллиард. Может, в конце концов он погибнет в огне, когда взорвется солнце. Когда я умру, то, из чего я состою, перейдет в корни, ветви и листья. Я стану един с ним. Это меня весьма утешает.

Валерий Воронцов отцепил мусоросборник от пылесоса и толкнул его вдоль цилиндра. Заббалин-бот метнулся из листвы, чтобы схватить мусор и направить к шлюзу.

– Моя мать была сторонницей Сестринства Владык Сего Часа, – сказал Лукас. – Их миссия распланирована на десятилетия, даже на века.

– Я осведомлен о работе Сестринства. Вы не веруете, Лукас Корта?

– Речь о сверхъестественной силе? Я не в состоянии в такое поверить.

– Хм. Я слышал, вы хотите отправиться на Землю. Это желание, не вопрос. Вселенная не обязана удовлетворять наши желания, но может ответить на хороший вопрос. Что вы хотите спросить?

– Как я могу вернуть то, что было украдено у моей семьи?

– Хм. – Валерий Воронцов отломал веточку, понюхал и протянул Лукасу. – Что вы об этом думаете? Настоящий можжевельник. Все, что вы нюхали до сих пор, – синтетика. Эти Асамоа, я знаю, на что они способны. Играются с ДНК. Меняют гены местами. Ребячество. Я создаю среду и позволяю жизни реагировать на нее. Я выращиваю настоящий можжевельник в самой искусственной среде, которую когда-либо создавало человечество. Нет-нет-нет, Лукас Корта, этот вопрос никуда не годится. Правильный вопрос таков: каким образом человек, рожденный на Луне, может отправиться на Землю и выжить?

– Доктор Воликова разрабатывает для меня схему тренировок.

– Если вход в плотные слои атмосферы вас не убьет. Если у вас не откажет сердце в акклиматизационном комплексе. Если вы не умрете от

солнечного ожога. Если от миллиона аллергий не раздуетесь, как калоприемник. Если земная кишечная бактерия не вывернет вас наизнанку. Если грязный воздух не разорвет ваши мягкие, маленькие легкие. Если вы сможете спать в гравитационной дыре без того, чтобы апноэ будило вас каждые пять минут, от одного ночного кошмара до другого.

– Прислушиваясь к «если», мы не стали бы Драконами, – сказал Лукас. Двое мужчин исподволь, неосознанно сориентировались так, чтобы парить лицом к лицу.

– Вы сами сказали, что больше не являетесь Драконом. На Земле будете чем-то еще меньшим. Луна – не государство. Луна – офшорный промышленный аванпост. У вас не будет ни документов, ни гражданства, ни удостоверения личности. В юридическом смысле вы не будете существовать. Вы не будете знать правила, обычаи, законы. Они будут к вам применяться, но вы не будете иметь представления о том, как они работают. Они подобны гравитации. Им подчиняются. С ними нельзя договориться. У вас не будет власти, чтобы договариваться.

Никто не будет знать, кто вы такой. Всем наплевать, что вы человек с Луны. Вы окажетесь там выродком, чудом на десять дней. Никто не станет вас уважать. Никто не примет всерьез. Никому от вас ничего не нужно. Никому не нужно то, что у вас есть. Вы разумный человек. Вы это придумали, еще когда были в капсуле. И все же я вижу вас здесь, с вашим планом и услугами, которые вам требуются от меня, и тем, что вы припасли – что бы это ни было, – что, по-вашему, может убедить меня оказать вам эти услуги.

Каждый контрдовод Валерия Воронцова был гвоздем, вбитым в палец, в ступню, в кисть, в колено и плечо. Унижение. Лукас Корта никогда не знал угрызений совести или раскаяния. Его доблестью была гордость. Гордость подергала эти гвозди и вырвала их из его тела. Боль была ничем по сравнению с тем, что он потерял.

– Не могу с вами спорить, Валерий Григорьевич. Мне нечего предложить и не о чем торговаться. Мне понадобится ваша поддержка, ваши корабли, ваша электромагнитная катапульта, и все, что я могу делать, – это разговаривать.

– Вселенная полна разговоров. Разговоров и водорода.

– Асамоа считает вас монстрами, порожденными близкородственными браками. Маккензи женятся на вас ради транспортных прав, но с помощью генной инженерии изгоняют вашу ДНК из своих детей. Моя собственная семья думала, что вы пьяные клоуны. Суни вовсе не считают вас людьми.

– Мы не нуждаемся в уважении.

– На уважение воздух не купишь. Я предлагаю кое-что более осязаемое.

– Да что вы можете предложить? Вы, Лукас Корта, потерявший бизнес, семью, богатство и имя?

– Империю.

– Давайте поговорим, Лукас Корта.

* * *

– От начала до конца? – спросила доктор Воликова.

– От начала до конца, – подтвердил Лукас Корта. Коридор перед ним круто изгибался. Потолок был низким, близким горизонтом. – Пройдите со мной.

Доктор Воликова предложила руку. Лукас ее оттолкнул.

– Вам не полагается еще даже на ногах стоять, Лукас.

– Я попросил пройти рядом со мной, а не под руку.

– От начала до конца.

– Я методичный человек, – сказал Лукас Корта. Даже в лунной силе тяжести внутреннего кольца при каждом шаге его пронзала мучительная боль от лодыжек до горла. – Воображение у меня развито очень слабо. Я должен действовать по плану. Ребенок сначала учится ходить, потом – бегать. Я пройду по лунному кольцу, я пробегу по лунному кольцу. Я пройду по промежуточному кольцу, я пробегу по промежуточному кольцу. Я пройду по земному кольцу, я пробегу по земному кольцу.

Лукас теперь ступал уверенно и целеустремленно. Доктор Воликова держалась чуть позади. Лукас заметил в ее глазах предательское мерцание. Она считывала данные с линзы.

– Мониторите меня, Галина Ивановна?

– Всегда, Лукас.

– И?

– Продолжайте идти.

Лукас спрятал улыбку, знак маленькой победы.

– Вы слушали тот плейлист? – спросил он.

– Слушала.

– И что думаете о нем?

– Эта музыка изысканнее, чем я думала.

– Вы не сказали, что она похожа на ту, которую включают в торговых центрах. Я полон надежд.

– Я слышу ностальгию, но саудади не совсем понимаю.

– Саудади – это больше, чем ностальгия. Это разновидность любви. Это утрата и радость. Сильная меланхолия и радость.

– Полагаю, вы хорошо в этом разбираетесь, Лукас.

– Можно испытывать саудади и по поводу чего-то в будущем.

– Вы никогда не сдаетесь, верно?

– Верно, Галина Ивановна.

Его суставы заработали лучше, боль ослабла, жесткие мышцы стали разрабатываться.

– У вас повысилось сердцебиение и кровяное давление, Лукас.

Он окинул взглядом изгибающийся коридор.

– Я собираюсь дойти до финиша.

– Ладно.

Еще одна маленькая победа.

Лукас остановился.

И снова вперед, вверх по изгибу мира. Легкие Лукаса были сжаты, дыхание затруднено, сердце болело, словно стиснутое в кулаке. Двадцать метров, десять метров, пять метров до двери в медцентр. Финишируй. Финишируй!

– Так принято, – пропыхтел Лукас. Он дышал с трудом и говорил отрывисто. Прислонившись к дверной перемычке, он посмотрел назад, на изгибающийся коридор. – Когда предлагают. Плейлист. – Он едва мог говорить. Сто метров в его родной лунной гравитации, и он цепляется за стены, еле дышит, все болит. Ущерб оказался больше, чем ему представлялось. Четырнадцать месяцев интенсивной тренировки выглядели непреодолимым препятствием. – Предложить плейлист. Собственный, взамен.

– Билл Эванс? – спросила доктор Воликова.

– И больше в таком же стиле. Кажется, это называется модальный джаз. Возьмите меня под опеку. Устройте мне путешествие по стране джаза. Мне нужно что-то, чтобы справиться с тренировкой.

* * *

Он проснулся в капсуле, щелчком включил свет. Скрип и дребезжание. Спальный отсек трясся. Корабль трясся. Капсула дернулась. Лукас схватился за поручни, схватился крепко и сжимал хватку, пока ногти не вонзились в ладонь. Капсула снова дернулась. Лукас вскрикнул. Он

почувствовал, как мир куда-то падает. Держаться было не за что. И это был не мир. Это был корабль, вертящийся волчок из алюминия и строительного углерода. Он был человеком в капсуле, в колесе, в малюсеньком корабле за пределами невидимой стороны Луны.

– Токинью, – прошептал он. – Что происходит?

Корабль под ним опять начал падать. Лукас схватился за твердые и бесполезные поручни. Голос в импланте был незнакомым, со странным акцентом. «Святые Петр и Павел» был слишком мал, чтобы на борту действовала полноценная сеть.

«Я совершаю серию импульсов для корректировки курса, – сказал Токинью. – Моя орбита стабильна и предсказуема на одиннадцать лет вперед. Периодические маленькие корректировки каждые десять орбит или около того передвигают это окно предсказуемости вперед. Они происходят ввиду второго периселения^[12] орбиты с двумя встречами. Процесс полностью управляемый и довольно рутинный. Если пожелаете, могу предоставить схемы».

– В этом нет необходимости, – сказал Лукас, и дрожь, рывки, ужасное, ужасное ощущение вечного падения в пустоту прекратились. «Святые Петр и Павел» обошел Луну по кругу, и Луна швырнула его к синему самоцвету Земли.

Токинью звякнул. Файлы от доктора Воликовой. Лукас их открыл. Музыка – хватит на много месяцев. Путешествие начинается.

* * *

Первые три месяца Лукас штудировал хард-боп: его язык и инструментарий, его отличительные черты и тональности, его трехчастные гармонии и плагальные каденции. Он изучил имена героев. Мингус, Дэвис, Монк и Блэйки: они были его апостолами. Он изучил ключевые записи, Евангелие и Деяния хард-бопа. Он научился тому, как слушать, к чему прислушиваться и когда слушать то, что требовалось. Он отследил корни направления в бибопе и узнал, как оно бунтовало против движения-прародителя и одновременно пыталось его реформировать. Он совершил вылазку на неортодоксальную территорию, где различия между фанковым джазом и соул-джазом, где «развод» между кул-джазом западного побережья и хард-бопом восточного привели к схизме в музыкальном космосе. Эта музыка была худшей из возможных для тренировки. Лукас ее полюбил. К тренировке он испытывал отвращение. Она была трудной и

скучной. Карлиньос превращался в проповедника, когда говорил о жжении в мышцах, допаминовых приходах и роли гормонов в механизме стресса. То, что возносило Карлиньоса к трансцендентному, Лукаса делало параноиком и приводило в бешенство.

Он выходил из тренажерного зала, полыхая от ярости, готовый накинуться на любого, кто хоть посмотрит в его сторону, отправлялся в постель, охваченный ноющей болью и раздражением, с ужасом думая о тренировках следующего дня. Пять часов. Шесть истин посылали его обратно в тренажерный зал и Арт Блэйки в плейлисте. Карлиньос и его эндорфины мертвы. Рафа мертв. Ариэль прячется. Лукасинью под защитой АКА. Боа-Виста – безвоздушные руины, а этот корабль, «Святые Петр и Павел», несет контейнеры с украденным гелием-3 «Корта Элиу» к термоядерным реакторам Земли. И он продолжал тренироваться. Хард-боп был местом по ту сторону бесконечной полосы беговой дорожки, отмеченных галочкой подходов к поднятию гирь, оскорбительного повышения тонуса. Хард-боп был временем за пределами течения дней, переходящего в течение месяцев. Год этой рутины казался вечностью; год следовало разбить на последовательность не сессий, снов, дней, орбит, но действий. Задумать что-то, начать, проработать, закончить. Потом еще что-то. И еще что-то. Квант за квантом. Год с чем-то-там будет измерен не постепенным увеличением веса гирь, не улучшением личных результатов, не растущей силой и гибкостью его тела, но квантами новой музыки. После хард-бопа он изучит модальный джаз, потом перейдет через фри-джаз к афро-кубанскому и бразильскому джазу, который свернет в его обожаемую босанову. В следующий раз он будет слушать босанову, стоя на земле, под открытым небом. Но на протяжении тех первых орбит хард-боп был высоким, четким горизонтом; дальше и шире любого из горизонтов Луны.

Через полмесяца он пробежал по внутреннему кольцу. По всей его длине. Через месяц он прошел по среднему кольцу, при половинной земной гравитации, трех лунных. Он шел без чьей-то помощи и без поддержки, без остановок, и ему понадобился час, чтобы одолеть этот путь. Через два месяца он пробежал по среднему кольцу. Через три месяца Лукас Корта там спал. В первую ночь он чувствовал себя так, словно латунный демон пристроился у него на груди и испражнялся расплавленным свинцом в его сердце и легкие. На вторую ночь, на третью и четвертую. Через пятнадцать ночей он проспал всю ночь, и единственным кошмаром был тот, в котором он очутился в ловушке под железным льдом стального моря. После этого он каждую ночь спал при трехкратной лунной гравитации.

На протяжении следующих трех месяцев Лукас Корта изучал

модальный джаз – страстное увлечение доктора Воликовой. Его шаги в музыке были увереннее; он обозрел эти края, пребывая в другой стране, и знал, где здесь высятся горные хребты, а где – текут реки. Географические метафоры теперь имели для него смысл, потому что переход к модальному джазу происходил одновременно с переключением внимания Лукаса на Землю. Вот что можно изучать на протяжении целой жизни. География, геология, геофизика. Океанография, климатология и их дочь – метеорология. Взаимоотношения воды, тепла, вращения, термодинамики и красивые и хаотичные системы, возникшие из этих базовых элементов, заморозили его. Изобильные, непредсказуемые, опасные. Он любил читать метеорологические отчеты и видеть, как их предсказания вырисовываются белым и серым поперек синего глаза планеты. Лукас Корта был заядлым наблюдателем за Землей. Он следил за тем, как шторма и ураганы катились через океаны; тускло-коричневые равнины становились зелеными, когда их омывали дожди, пустыни темнели, расцветая, болота и мангровый лес Сундарбан исчезали под мерцающей поверхностью воды во время наводнений. Он следил, как времена года наплывают с полюсов, пока облетал планету месяц за месяцем. Он следил, как снега приходят и уходят и как изобильная тьма муссона обрушивается на миллионы, изнуренные жарой.

За кое-чем он не наблюдал, и этим кое-чем была земная встреча, во время которой циклер обменивался капсулами с персоналом с орбитальным кабелем и ронял контейнеры с грузом для контролируемого приводнения. В своей каюте он чувствовал дрожь, сопровождавшую выпуск капсул и дополнительного оборудования, рывки, с которыми пристыковывались грузовые отсеки, но никогда не присоединялся к зрителям в обзорном пузыре. Он не удостоит грабеж своим вниманием. Он ни разу не обернулся, чтобы взглянуть на Луну.

Почти в самом начале года орбит доктор Воликову перевели на Землю, на побывку в Санкт-Петербург. Ее заменил Евгений Чесноков, самоуверенный молодой человек тридцати с чем-то лет, который не мог понять, почему Лукас его презирает. Он оказался излишне фамильярным, за такие манеры его прирезали бы в любом кафе Жуан-ди-Деуса, а его музыкальные вкусы были отвратительны. Ритм не создает музыку. Ритм прост. Даже Токиню в своем ограниченном состоянии мог изобрести новый ритм. Лукас привык к новой, безыскусной личности своего фамильяра. Один корабль, один голос, один интерфейс. Пусть Токиню теперь и говорил о себе как о воплощении «Святых Петра и Павла», его колебания и паузы делали сказанное отнюдь не проявлением всеведения.

Запаздывание, связанное со скоростью света, осложняло доступ в реальном времени к земным библиотекам, но системы циклера содержали достаточно информации, чтобы Лукас мог структурировать свои исследования. Он позволил геофизическим и климатологическим знаниям о планете увести себя в геополитику. Земля испытывала климатический сдвиг; он – от длящейся десятилетиями засухи в Сахеле и западной части США до постоянных ураганов, терзающих северо-западную Европу – наводнения следовали одно за другим, – сделался основой планетарной политики. Лукас никак не мог взять в толк, что это за безумие – жить в мире, который не подчиняется человеческому контролю.

Он познал силу гелия, на которой его семья выстроила состояние. Чистое электричество – ни радиации, ни углеродосодержащих выбросов. Строгий контроль. Термоядерные реакторы были малочисленными и дорогими. Каждое государство охраняло свои установки с яростной жестокостью от других национальных государств, от нестандартных вооруженных сил парагосударств, армий борцов за свободу и милитаристов, которых согнали с насиженных мест засухи, неурожая, голод и гражданские войны. Лукас вычитал, что на протяжении последних пятидесяти лет на Земле в любой момент времени полыхало более двух сотен микровойн. Он потратил много времени, пытаясь понять, что собой представляют национальные государства и многочисленные, очень многочисленные группировки, объединенные какой-либо идеей и бросившие вызов государствам. Луна выживала, не позволяя группам и фракциям обрести власть. Были индивиды и были семьи. Пять Драконов – Четыре Дракона, – исправился Лукас и ощутил болезненный укол, который должен был обуздать его сентиментальность, – были семейными корпорациями. Корпорация по развитию Луны – неэффективный совет начальников из международной холдинговой компании; она нужна для того, чтобы постоянно быть на ножах с самой собой.

Государства с их идентичностями и наборами привилегий, обязательств, а также географическими границами, где все это прекращалось, казались Лукасу Кортэ произвольными и неэффективными. Сама мысль о том, чтобы хранить верность одному берегу реки и испытывать жгучую ненависть по отношению к другому, была нелепа. Реки, как узнал Лукас Корта, бежали меж берегов. И ничто из этого не решалось путем согласования воли. Лукас не понимал, как же люди терпят свое бессилие. Закон заявлял, будто защищает и подавляет всех одинаково, но беглый обзор потока новостей – Лукас сделался заядлым потребителем известий о жизни на Земле, от религиозных войн до слухов о

знаменитостях – опровергал старую ложь. Богатство и власть позволяли купить закон классом повыше. В этом Земля не так уж сильно отличалась от Луны. Лукас не был юристом, но понимал, что лунное право держится на трех опорах: чем больше законов, тем хуже; все, включая закон, может служить предметом переговоров; и в Суде Клавия можно судиться по поводу чего угодно, включая и сам Суд Клавия. Земные законы защищали людей, но что защищало их от закона? Все предписывалось. Ни о чем нельзя было договориться. Правительства навязывали блоковые политики, основанные на идеологиях, а не на фактах. Как эти правительства предлагали компенсировать интересы тех граждан, кто пострадал от их политик? Загадки, вложенные в тайны, спрятанные в головоломках.

Об этих вещах Лукас спрашивал доктора Чеснокова во время запланированных проверок, пока тот изучал данные многочисленных медицинских мониторов Лукаса. Вы любите московский футбольный клуб ЦСКА и любите Россию. Которая из двух любовей сильнее? Вы платите налоги, но закон не позволяет вам хоть как-то повлиять на то, как они тратятся, не говоря уж о возможности удержать их до той поры, пока вам не захочется повлиять на политику правительства. Ну разве это хороший контракт? Образование, правовая система, военные и полиция подконтрольны государству, а вот здравоохранение и транспорт – нет. Неужели такое совместимо с капиталистическим обществом? Доктор Чесноков умолкал, когда Лукас задавал вопросы о его правительстве и политике, как будто боялся, что их подслушивают.

Настал день, когда доктор Чесноков отправился вниз, а доктор Воликова вернулась на циклер, чтобы начать очередную вахту. Увидев Лукаса Кортю в своем кабинете, она вздрогнула.

– Вы чудище, – сказала доктор. – Медведь.

Он и забыл, как сильно изменился за два месяца, которые она провела на Земле. Сделался шире на десять сантиметров. Его плечи соединились с шеей под уклоном. Его грудь превратилась в две плиты жестких мышц, на ногах появились изгибы и выпуклости. Бедра не сходились. Вены на бицепсах и икрах выступали, словно борозды на поверхности Луны. Даже лицо сделалось квадратным, широким. Он ненавидел свое новое лицо. Оно делало его похожим на пылевика. Придавало ему глупый вид.

– Это все благодаря ненависти и Биллу Эвансу, – сказал Лукас. – Я хочу пройти по третьему кольцу.

– Я пойду с вами.

– Нет, спасибо, Галя.

– Тогда я буду за вами следить.

Новая гравитация, новая музыка. В лифте он велел Токинью составить показательный плейлист с фри-джазом. Музыкальные инструменты отбивали ритм в его голове, ноты налетали шквалами и устраивали стычки, трубы и саксофоны звучали обостренно и доводили звуки до чистоты. Его разум кружился. Итак, вот они – вызовы. Орнетт Коулман призывал бури триолей, и Лукас чувствовал, как гравитация берет над ним власть, и тянет, и проверяет на прочность, и рвет его огромное, отвратительное тело.

Двери лифта открылись. Лукас вышел. По лодыжкам ударила боль. В колено как будто воткнули снизу вверх прут из горячего титана. Связки смещались, скручивались и грозили порваться. Он стиснул зубы. Хаотичная музыка была рукой и голосом безумного гуру. Двигайся. Два шага, три, четыре шага, пять. В ходьбе при земной гравитации надо было уловить ритм, который отличался от лунной походки от бедра; нужно было приподняться и направить себя вперед, а потом – опустить вес. На Луне он бы от такого взлетел. В наружном кольце «Святых Петра и Павла» – всего лишь с трудом избежал встречи с палубой. Десять шагов, двадцать шагов. Он уже забрался дальше, чем при первой глупой попытке одолеть Земную силу тяжести. Теперь он смог бросить взгляд через плечо и увидеть, как та точка исчезает за горизонтом кольца. Циклер проходил по направленной вовне кривой орбиты; в наружном кольце кишели Джо Лунники и ученые из Университета Невидимой стороны, а также горстка бизнес-путешественников, корпоративных представителей, политиков и туристов. Через несколько дней им предстояло переместиться в среднее колесо, а потом – во внутреннее кольцо с лунной силой тяжести, где из-за вращения, низкой гравитации и воздействия нового способа передвижения на внутреннее ухо восемьдесят процентов должны были слечь с «морской болезнью». Они кивали Лукасу, когда тот шагал мимо, размахивая руками, с лицом, напряженным от решимости. Стальные ленты стягивали его разбухшее сердце, глаза застилало красным от пульсации крови при каждом ударе, глазные яблоки как будто усыхали в глазницах.

Он может это сделать. Он делает. Он сделает.

Он увидел двери лифта за изгибом кольца. Он посчитал количество шагов. Его сердце вострепнулось от маленькой радости. Радость сделала его небрежным. Аккуратный ритм его шагов нарушился. Он потерял равновесие. Гравитация его сцапала. Лукас ударился о палубу так, что утратил способность дышать и мыслить, не считая мысли о том, что за всю свою жизнь он еще ни разу не получал настолько сильных ударов. Он лежал, парализованный болью. Лежал на боку и не мог шевельнуться. Гравитация припилила его к палубе. Вокруг столпились земляне. Все ли с

ним в порядке? Что случилось? Он вяло отбил руки, тянувшиеся помочь.

– Оставьте меня в покое.

По коридору примчался медицинский бот, издавая высокие звуки. Такое унижение Лукас бы не стерпел. Он приподнял торс, опираясь на трясущиеся руки. Подтянул ноги под себя. Переход из положения сидя в положение стоя казался невозможным. Мышцы его правого бедра трепетали, и он сомневался, что колено выдержит его вес. Красный глаз бота уставился на него обвиняюще.

– Да пошел ты, – сказал Лукас Корта и встал, невзирая на раздирающую боль, от которой невольно вскрикнул. Бот объехал его по кругу и пристроился за спиной, словно ручной хореок, жаждущий внимания. Лукас бы с радостью его пнул. Когда-нибудь, не в этот раз. Он сделал шаг. Боль, словно кислота, пролилась от его правой ступни до правого плеча. Он судорожно втянул воздух.

Шаг был твердым. Это всего лишь боль.

Бот тащился следом за Лукасом Корттой, пока тот одолевал последние пару десятков метров до лифта.

– Повезло, что вы ничего не сломали, – сказала доктор Воликова. – Это был бы конец всему.

– Кости срастаются.

– Земные кости. Кости Джо Лунников. Нет никакой литературы по костям лунного происхождения с земной плотностью костной ткани.

– Вы могли бы написать обо мне какую-нибудь научную работу.

– Уже пишу, – сказала доктор Воликова.

– Но плотность моей костной ткани – земного типа.

– Земного типа, как у семидесятилетнего, страдающего остеопорозом.

Придется снова увеличить вам дозу кальция.

Лукас уже строил план на фундаменте из слов «земной тип». Ходить, пока ступни не научатся тому, как это делается, пока бедра не поймут ритм раскачивания. Еще ходить. Потом ходить три минуты, бежать одну минуту. Повторять, пока боль будет переносимой. Ходить две минуты, бежать две минуты. Ходить одну минуту, бежать три минуты. Бежать.

– Как вам нравится фри-джаз? – спросила доктор Воликова.

– Он требует особого подхода, – сказал Лукас. – Он не идет на компромиссы.

– Я не могу к нему подступиться. Он для меня чересчур джазовый.

– Надо потрудиться, чтобы обнаружить красоту.

Лукасу эта музыка не нравилась, но все-таки он ею восхищался. Она была идеальной звуковой дорожкой для того, чем ему приходилось теперь

заниматься. Для трудного. Для того, что ему удавалось лучше всего, того, что он всегда выполнял в лучшем виде, для его единственного дара и таланта. Для интриг.

С правительствами всегда было сложнее всего, так что он взялся за них в первую очередь. Китай, разумеется, потому что это Китай, и еще из-за его затяжной войны с Сунями. Соединенные Штаты Америки – за их богатство, за историческую враждебность к Китаю и за то, что ни одна империя не бросается защищать свою честь быстрее, чем разлагающаяся. Гана. Не самый важный игрок, но эта страна видела, что горстка ее смелых граждан смогла построить на Луне, и хотела поучаствовать. И Аккра всегда хотела обскákat своего более крупного и более влиятельного соседа, Лагос. Индия, которая пропустила лунную гонку и все еще страдала из-за этого. Россия, из-за сделки, которую он заключил с ВТО, и еще из-за того, что однажды, возможно, ему придется предать Воронцовых. Для правительств этих государств крах «Корта Элиу» был местным скандалом, важным лишь в связи с его последствиями для цен на гелий-3. Придется научить их прислушиваться к нему. Были каналы, имена, к которым следовало обратиться, чтобы одни дали доступ к другим именам. Цепи имен, медленный подъем по политической иерархии. Это должно было быть трудно и увлекательно. Орнетт Коулман лучше всех аккомпанировал такой работе.

Изучая творческое наследие Джона Колтрейна, Лукас подбирался к земным корпорациям. Робототехника, да, но предприятий было пучок за пятак, а ему требовалось такое, которое поняло бы суть его предложения, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Банки и венчурное финансирование: тут он ступал осторожно, поскольку хоть и знал толк в деньгах и иже с ними, так и не разобрался в безумно сложном финансовом инструментарии и замысловатых способах его применения на глобальных рынках. Эти встречи устраивать было проще, люди, с которыми он беседовал, искренне заинтересовались – даже восхитились – смелым планом. Они должны были его изучить, узнать о его падении. Уничтожение «Корта Элиу» должно было задеть их за живое. Они должны были прислушаться к человеку с Луны, готовому пожертвовать годом жизни и своим здоровьем, чтобы спуститься с небес ради разговора с ними.

Каждый день, пока колеса «Святых Петра и Павла» вертелись вокруг Луны, он разговаривал с властью имущими. Имя за именем, он с трудом пробрался в конференции и встречи один на один. В своей койке он натравливал друг на друга инвесторов и спекулянтов, правительства разных стран. Кому доверять, и как сильно, и до каких пор. Кого предать, и в какой

момент, и как именно. Кто благосклонен к взяткам, кого следует шантажировать. Чьему тщеславию он мог бы польстить, чью паранойю разжечь? Встреча за встречей ставили все на свои места. Ему понадобятся по меньшей мере три месяца на Земле.

– Я бы предпочел четыре, – опять сказал он доктору Воликовой. Он теперь пробегал по третьему кольцу каждый день. Он был мужчиной среднего возраста, миновавшим свой расцвет, и он взял на себя физическую нагрузку, которая ошеломила бы человека вдвое моложе. Она все еще могла его убить или покалечить так, что и лунная медицина не исцелит.

– Вам нужен еще месяц, – ответила доктор Воликова. – Лучше два.

– Я не могу позволить себе два. Помню, я вам сказал, что улечу на Землю через четырнадцать месяцев. Есть окно, всего одно окошко.

– Один месяц.

– Спустя один земной месяц с этого момента я отправлюсь в орбитальном аппарате вниз. Так и не сумев понять Орнетта Коулмана.

На протяжении последнего месяца, как Лукас и планировал, он расслаблялся, слушая афро-кубанский джаз. От этих звуков и ритмов в его душе рождались теплые чувства, и он улыбался. Отсюда он мог дотянуться и поймать босанову за руку. Он наслаждался безмятежностью композиций в плейлисте, но вскоре обнаружил, что их ритм слишком авторитарный, слишком навязчивый. Когда Лукас занимался в спортзале внешнего кольца, ритм вынуждал его двигаться в такт, а он такое ненавидел. Это казалось слишком фривольным для трудов, которые занимали его последние дни и касались его собственной личности и безопасности. Валерий Воронцов сделал его служащим «ВТО-Космос»: «ВТО-Земля» мудро раздала взятки и добыла для него казахский паспорт. То небольшое, что осталось от его состояния, было переведено в формы, к которым он мог быстро и легко получить доступ. Земля с подозрением относилась к деньгам в движении. На каждом шагу были проверки, вопросы, наведение справок об отмывании денег. Лукас оскорбился. Он же не какой-нибудь маловажный наркобарон или неотесанный мелкотравчатый деспот. Все, чего он хотел, – это вернуть свою компанию. Суетная, раздражающая работа, которую никак не удавалось завершить, но которая постоянно требовала какой-нибудь дополнительной идентификации или разъяснений.

– Моя мать отправилась в космос на этом корабле, – сообщил Лукас доктору Воликовой на последнем предполетном медосмотре.

– Пятьдесят лет назад, – сказала доктор Воликова. – Он сильно изменился с той поры.

– Просто кое-что добавили. Или переделали. Вы ни от чего не избавились.

– Что вам нужно, Лукас?

– Я бы хотел поспать в той же койке, что и моя мать.

– Я даже не стану вникать в психиатрическую подоплеку этого желания.

– Окажите мне любезность.

– Там все будет не так.

– Знаю. Окажите мне любезность.

– Где-то должна быть запись. Воронцовы никогда не забывают.

Третье кольцо, синий квадрант, 34 справа. Доктор Воликова открыла индивидуальную каюту. Она оказалась лишь чуть-чуть больше капсулы, в которой Лукас прибыл на циклер. Он забрался внутрь, лег в одежде на матрац – чтобы ее снять, требовалось превозмочь себя, а это для него сейчас было чересчур. Матрац был мягким и упругим, каюта – хорошо оборудованной, и в какой-то момент он перестал осознавать что бы то ни было, кроме гравитации. Ему предстояло терпеть ее месяцами. На корабле он мог спастись, перейдя в центральное кольцо или даже во внутреннее, с лунной силой тяжести, если гравитация становилась невыносимо тяжелой. На Земле бежать будет некуда. Это его пугало. Каюта была тесной и уютной. Лукас был обитателем малых помещений, гнезд и комнат; он всю свою жизнь прожил в замкнутых пространствах под крышами. В том мире внизу было небо. Переходящее в космос. Агорафобия пугала Лукаса. Его все пугало. Он был не готов. Он никогда не будет готов. Никто не может к такому подготовиться. Он мог лишь довериться талантам, которые привели его сюда, которые вызволили его из-под обломков «Корта Элиу».

Этого должно хватить.

Прежде чем провалиться в тяжелый сон, он вспомнил лица. Лукасинью. Такой милый, такой потерянный. Ариэль на койке в медцентре после того, как лезвие прошло на расстоянии нерва от того, чтобы ее убить. Карлиньос на вечеринке в честь Лунной гонки Лукасинью, большой и широкий, как небо, с улыбкой идущий через лужайку, со шлемом от повскафа под мышкой. Рафа. Золотой, всегда золотой. Смеющийся. Его дети вокруг него, его око рядом; смеются. Адриана. Лукас мог вообразить ее лишь на расстоянии, в дверях детской, в ее любимом павильоне среди каменных лиц ориша Боа-Виста, за другим концом стола на заседании совета директоров.

Он спал в старой каюте ту ночь и четыре следующие. Его сны были тяжелыми, от них бросало в пот и хотелось кричать. Такими они будут

всегда в чужеродной гравитации.

На пятое утро он отправился на Землю.

* * *

Шлюзовая команда заартачилась при виде его галстука. Он будет парить, задушит его, станет опасностью для остальных. Лукас затянул узел резко и туго, так что он превратился в острие ножа у горла, в стиле поздних 2010-х. Однобортный костюм-тройка от Тома Суини, средне-серого цвета. Узкий крой, трехсантиметровые отвороты.

– Я не прибуду на Землю словно какой-нибудь ап-аут из Байрру-Алту, – заявил он и расстегнул нижнюю пуговицу на жилете.

– Так и будет, если вас на него вырвет.

Шлюз закрылся. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем давление сравнялось с давлением в транспортной капсуле. В грудной клетке Лукаса бился ужас. Костюм был отвлекающим маневром, способом самоутвердиться перед лицом этого ужаса. Способ снова стать Лукасом Кортой. Тринадцать месяцев между мирами – на один меньше, чем он заложил в бюджет, – тринадцать месяцев геополитики и глобальной экономики, переговоров о сделках и хирургически точных взяток, распознавания и использования противоречий, безжалостных тренировок – и вот все это сошлось. Острие лезвия. От корабля к капсуле. От капсулы к кабелю. От кабеля к одноступенчатому транспортному космическому аппарату. Из аппарата на Землю. Меньше чем через четыре часа все закончится. Он не находил в этом утешения.

Шлюз открылся. Лукас схватился за поручень и, оттолкнувшись, влетел в капсулу.

Прощайте, унижение, функциональная одежда и джаз середины XX века.

Транспортная капсула представляла собой двадцатиметровый цилиндр, лишенный окон, полностью автоматизированный. Десять рядов сидений. Доктор Воликова схватилась за поручень и пристегнулась, заняв место рядом с ним.

– Вам понадобится личный врач.

– Спасибо.

Еще пятеро пассажиров, затем шлюз закрылся. Вниз всегда отправлялось меньше людей, чем вверх. Инструктаж по безопасности, излишний и напрасный. Токинью, соединившись с ИИ капсулы, предложил

Лукасу виды из наружных камер. Он бросил один взгляд на синий огромный мир внизу и отключился от всех. Вызвал длинный, тщательно отобранный плейлист классической боссы. Мелодии, которые он знал и любил, которые Жоржи по его просьбе играл для него в лучшей акустической комнате двух миров.

Серия грохочущих ударов, рывки. Тишина. Капсула отделилась от «Святых Петра и Павла» – дробинка с жизнями, падающая поперек лика синего мира. Он это изучал. Он знал, как все работает. Это было полностью контролируемое падение. Он попросил Токинью показать ему модель транспортного кабеля, который выписывал круги, облетая планету. Схематичное изображение его успокоило.

Лукас погрузился в дремоту, а потом его разбудило лязганье, которое он расслышал сквозь корпус. Кабель подсоединился. Пол рухнул вниз от его желудка, гравитационные воздействия возобладали, когда кабель разогнал капсулу, чтобы вывести ее на орбиту стыковки с космическим самолетом. Лукас уже один раз совершал кабельный переход, когда спасался бегством с Луны – «лунная петля» схватила его с верха башни и зашвырнула на переходную орбиту для встречи с циклером. Ускорение достигло трех, четырех лунных сил тяжести. Теперь все намного превосходило «лунную петлю». Лукас почувствовал, как губы отгибаются, обнажая зубы, глазные яблоки расплющиваются в глазницах, кровь собирается в основании черепа. Он не мог дышать.

Потом он опять оказался в свободном падении. Кабель отпустил капсулу, и теперь Лукас падал к точке стыковки с космическим самолетом. Токинью показал ему орбитальный транспортник, невысказанно красивый, крылатый и обтекаемый, словно живое существо; аппарат достаточно чужеродный для эстетического чувства Лукаса, который привык к машинам, предназначенным сугубо для работы в вакууме. Космический самолет открыл грузовые отсеки. Толчки реактивных двигателей системы контроля положения побудили капсулу прийти в движение. Лукас следил за тем, как рука манипулятора на корпусе орбитального транспортника развернулась и соединилась со стыковочным шпангоутом. Лукас почувствовал небольшое ускорение, такое же слабое, как в домашнем лифте, когда «рука» затащила его внутрь. Космические путешествия были тактильными; щелчки и глухие удары, мягкие толчки и краткие рывки. Вибрации в подлокотниках кресла.

Лукас перебирал в уме числа. Сто пятьдесят. Высота орбиты космического самолета в километрах. Тридцать семь. Количество минут до включения ракетного двигателя для возвращения с орбиты. Двадцать три.

Количество минут, на протяжении которых корабль будет проходить через атмосферу. Тысяча пятьсот. Температура по Цельсию, до которой нагреется керамический корпус орбитального аппарата при входе в плотные слои атмосферы. Триста пятнадцать. Скорость в километрах при приземлении. Ноль. Количество членов экипажа, которые могли бы взять контроль на себя, если что-то пойдет не так.

Капсулу встряхнуло, потом – еще раз, потом она не переставала трястись на протяжении долгого времени. Включились двигатели возвращения с орбиты. Кулак гравитации схватил голову Лукаса и попытался утянуть к потолку. Торможение было беспощадным. Корабль подбросило. Пальцы Лукаса Корты впились в подлокотники, но держаться было не за что, вокруг не было ничего неизменного и неподвижного. Его сердце захотело умереть. Он с этим не мог справиться. Он ошибался с самого начала. Он был тщеславным дураком. Человек с Луны не может отправиться на Землю. Убийственную Землю. Вопль сильнейшего страха трепетал в его горле, не в силах вырваться из сокрушающей хватки гравитации.

Тряска усилилась; прыжки и скачки, от которых Лукас то испытывал мгновения невесомости, то падал на ремни безопасности с такой силой, что оставались синяки, сменились высокочастотной вибрацией, как будто корабль и все живые души в нем собирались растереть в порошок.

Он нашел чью-то руку и сжал так крепко, что почувствовал, как от его хватки сдвигаются кости. Он держал эту руку, держал ее так, словно она была единственной надежной и прочной вещью в трясущемся, ревущем мире.

Потом тряска прекратилась, и он ощутил гравитацию, истинную гравитацию под собой.

«Мы летим в атмосфере», – сказал Токиню.

– Покажи, – каркнул Лукас, и спинки сидений с предупредительными знаками серой капсулы скрыло развернувшееся окно. Он был достаточно высоко, чтобы видеть изгиб планеты. Тот все длился и длился, изящный и огромный, словно сама жизнь. Небо над ним потемнело до цвета индиго. Внизу многослойной вуалью лежали облака, сливаясь в тускло-желтую дымку. Он увидел что-то серо-голубое и подумал: «Океан». Намного больше и намного величественнее, надменнее, чем Лукас себе воображал. Космический самолет полетел стрелой вниз через самый высокий слой облаков. У Лукаса перехватило дыхание. Земля. Коричневая линия, едва различимая сквозь облака.

Лукас знал благодаря своим изысканиям, что спускается вдоль

побережья Перу и что до приземления осталось две тысячи триста километров. За коричневой прибрежной пустыней появится внезапная тьма гор; цепь позвонков, бегущая вдоль континента. Анды. Блеснул снег, отражая солнце, и сердце Лукаса забилось быстрее. За горами лежали остатки великого леса; темно-зеленые участки среди светло-зеленых и золотых полей зерновых, желтовато-бежевые и серовато-коричневые мазки там, где почва умерла. Те плюмажи, странно низкие и разветвленные, какими он их видел, – это дым, а не пыль. Ужасные тучи клубились над пылающей землей. Ниже лежал последний слой облаков. Лукас затаил дыхание, когда орбитальный транспортник ринулся к ним, а потом – сквозь. Все стало серым, он ослеп. Корабль тряхнуло. В воздухе появились просветы. Потом они вышли, и Лукас Корта опять перестал дышать. Солнечное серебро, затем – золото: великая река, желтая от ила. Космический самолет полетел вдоль реки, текущей на восток, над сетью притоков, больших и малых. Очарованный, Лукас попытался различить закономерность в петлях и извилинах рек. Предупреждение от Токиню, о чем оно было? Он не обратил внимания. Сколько минут до приземления?

Еще одна великая река; встреча черноты и золота, и в месте их пересечения – расплывчатое пятно человеческой деятельности. Тысячи солнечных бликов вспыхивают, когда шаттл проходит над ним: это город, понимает Лукас. У него перехватывает дыхание. Город между реками-двойняшками, не запертый под крышкой, открытый для всей вселенной, распростершийся по земле. Громаднее всего, что он мог бы вообразить. Те паутины из света, предстающие взгляду, когда облака не закрывали Землю, даже не намекали на то, насколько ужасающе огромны и великолепны города планеты.

Космический самолет заложил вираж. Лукас стиснул зубы, когда силы тяготения принялись играть с ним. Орбитальный транспортник кружил, сбрасывая скорость для приземления. Он слышал снаружи воздух – точно чьи-то руки трогали корпус. Он заметил длинную полосу там, где корабль должен был коснуться земли; город, над которым они пролетели под вызывающим беспокойство углом, место встречи двух рек. Черная и золотая вода текли бок о бок много километров, не смешиваясь. Лукаса это явление очаровало. Он недостаточно разбирался в земной гидродинамике, чтобы понять, обычно это или впечатляюще. Что это за движущиеся объекты на воде?

«Десять минут до приземления», – сказал Токиню.

– Лукас, – проговорила доктор Воликова.

– Что?

– Теперь можете отпустить мою руку.

Над городом и реками, еще раз, теперь ниже. Космический самолет перешел на горизонтальный полет. Их маршрут был predetermined. Полоса приземления была прямой и надежной. Лукас почувствовал, как выдвинулись и закрепились шасси. Космический самолет приподнял нос и сел на задние шасси; когда опустил нос, все вздрогнуло, но слабее, чем раньше.

Земля. Он на Земле.

Доктор Воликова удержала руку Лукаса, когда он собрался расстегнуть ремни безопасности.

– Мы еще не на месте.

На протяжении, как показалось Лукасу Корта, целой вечности орбитальный транспортник с грохотом ехал по рулежным дорожкам. Он почувствовал, когда они остановились. Он ощущал сквозь корпус космолета движение, чувствовал необъяснимые глухие удары и вибрации.

– Как вы? – спросила доктор Воликова.

– Живой, – ответил Лукас Корта.

– Я договорилась о команде медиков и инвалидном кресле.

– Я сойду с этого корабля на своих двоих.

Доктор Воликова улыбнулась, и тут Лукас почувствовал безошибочный рывок, который означал, что капсулу вытащили из орбитального транспортника при помощи крана.

– И все-таки я сойду сам, – сказал он.

Узлы крепления встали на места, повернулись шлюзы. Открылся люк. Лукас моргнул в свете Земли. Полной грудью вдохнул земной воздух. Пахло чистящими веществами, пластиком, человеческими телами, въевшейся грязью, озоном.

– Я могу вам помочь? – позвала доктор Воликова из люка. Другие пассажиры вышли так же непринужденно, как вахтовики, вальжной походкой сходящие с экспресса Эйкен-Пири.

– Я дам вам знать.

– Часы тикают, Лукас.

Оставшись в одиночестве, Лукас крепко взялся руками за подлокотники кресла. Вдохнул воздух, уже побывавший в чьих-то легких и очищенный. Перенес вес на предплечья, наклонился вперед, оттолкнулся. Мышцы бедер приняли эстафету: безумное движение. На Луне от такого он бы высоко подпрыгнул, врезался в ящик, нависающий над головой. На Земле он встал. Сперва правая рука, потом – левая. Лукас Корта отпустил подлокотники и выпрямился, не опираясь ни на что. Лишь на миг

помещение было тесным, и ему понадобились руки, чтобы пробраться в проход между сиденьями. Вес был ужасным, невыносимым, безжалостным, так и ждал, что Лукас потеряет равновесие, чтобы повалить его на землю. «Падения вас убьют», – предупреждала доктор Воликова.

И он действительно едва не упал, сделав тот первый шаг в проходе. Гравитация была не центробежной силой, как на борту «Святых Петра и Павла». Он научился ходить в земной гравитации под действием силы Кориолиса во вращающихся кольцах космического обиталища. Вращение все чуточку сносило в сторону. Лукас перенес вес на стопу, а она оказалась не там, где следовало. Он зашатался, схватился за подлокотник и удержал равновесие.

Он добрался до шлюза. Свет ослепил его. По ту сторону был телескопический трап. В конце трапа – доктор Воликова, медики, инвалидное кресло.

Он не собирался въезжать в этот новый мир в кресле на колесах. Он полной грудью вдохнул земной воздух. Он мог дышать. Дышать неограниченно.

– Лукас? – позвала доктор Воликова.

Лукас Корта двинулся вперед по телескопическому трапу, один неверный шаг за другим.

– Трость, – сказал он. – Принесите мне трость. С серебряным набалдашником.

– Наше печатное оборудование далеко от вашего по уровню сложности, – сказал мрачный молодой человек в плохом костюме. Лукас прищурился, чтобы разобрать его имя на бейджике, прикрепленном к карману. Он испортил силуэт пиджака, но костюм все равно был дурной и дешевый. Аби Оливейра-Уэмура. «ВТО-Манаус». – Возможно, мы разыщем такую до завтра.

– Завтра?

Лукас остановился перед окном. Жаркий воздух гудел над покрытым бороздами бетоном площадки и взлетно-посадочной полосы. Орбитальный транспортник выглядел черным дротиком, красивым и смертоносным – оружие, не космический корабль. На дальнем конце поля, дальше, чем находится любой горизонт на Луне, виднелась линия тьмы неправильной формы над линией жидкости. Токинью увеличил бы изображение для Лукаса, но Токинью был мертвой линзой в его глазу, мертвым воздухом в его ухе. Деревья, предположил Лукас, поднимающиеся над маревом. Насколько жарко снаружи? Свет был болезненным. И небо. Оно стремилось и стремилось ввысь, так много неба, высоко над всем. Такое

синее. Небо было жутким, оно сбивало с толку. Лукасу понадобится много времени, чтобы разобраться с агорафобией, которую пробудило в нем небо Земли.

Он собрался с духом.

– Итак, – сказал Лукас Корта. – Бразилия.

* * *

Бразилия, которую он видел из единственного окна карантинной палаты, состояла из резервуаров для воды, антенн, солнечных панелей и площадки серовато-коричневого бетона, рощицы, похожей на тире, и неба, похожего на колонну, уходящую ввысь. Иногда абстрактный узор из синего, зеленого и желто-коричневого нарушали облака. Выходит, это Амазонка, дождевой лес. На вид – суше Океана Бурь.

ВТО не разрешила Токиню подключиться к своей сети, так что Лукас зависел от старомодного удаленного доступа к информации. Его контакты каждый день присылали сообщения: звонки, конференции, просьбы о физических встречах. «Я здоров, я в порядке, – отвечал Лукас. – Очень скоро выйду на связь».

Ежедневные занятия спортом были такими же безрадостными и удручающими, как и всегда. Ему выделили личного тренера, Фелипе. Он говорил только о движениях, мышцах, повторениях. Может, хирургическая маска, которую он носил, мешала разговаривать. Маска была требованием доктора Воликовой. Иммунная система Лукаса суетливо приспособлялась к десятку прививок и фагов, но все равно он был уязвим перед сотней инфекций и пандемий. Занятия проходили в бассейне центра. «Вода ваш друг, – сказал Фелипе. – Она помогает справляться с весом тела. Она позволяет хорошо натренировать главные группы мышц».

Лукас спал под гнетом запаха хлорки. Гравитация была суровой, гравитация была безжалостной, но он с нею уже познакомился. Малые недуги пытались взять его измором. Глубокий, влажный кашель напоминал безнадежный катар пылевиков. От изменений в воде и диете наступила диарея. Аллергия за аллергией наделили его ринитом и зудящими красными глазами. Вставать он должен был медленно, чтобы кровь не отхлынула от головы. Его ноги отекали. Инвалидное кресло. Мучительная боль в моменты, когда приходилось наклоняться. Он не понимал ни слова из того, что говорили вокруг. Это был не знакомый ему португальский, измененный испанским, позаимствовавший сотню слов и фраз из тридцати

языков. Акцент был странным, и когда он попытался заговорить на глобо, в ответ лишь подняли брови и покачали головой.

От мяса у него были ужасные спазмы.

Сахар в соусах, напитках, хлебе.

Хлеб. Его желудок взбунтовался от такой пищи.

Лукаса охватила уверенность, что его тренер, его слуга, его молодые и очаровательные личные ассистенты из ВТО шпионят за ним.

– Мне надо работать, – пожаловался он доктору Воликовой.

– Терпение.

На следующее утро слуга попросил его принять душ и побриться, помог надеть достойный костюм. Удобно устроил его в инвалидном кресле. У двери Лукас прихватил трость с серебряным набалдашником, которую вытребовал. Когда он проглотил гордость и принял кресло, в котором нуждался, трость стала театральной принадлежностью. Слуга провез его в кресле по коридорам без окон и по телескопическому трапу, ведущему в цилиндр, полный кресел.

– Что это? – спросил Лукас Корта.

– Самолет, – сказал слуга. – Вы едете в Рио.

* * *

Облака его ошеломили. Они лежали вдоль океанского края мира; полосы и слои, которые разбивались на полосочки, россыпь точек, штрихи, и все они двигались, пребывая на самой грани его способности воспринимать перемены. Он ненадолго перевел взгляд на огни, которые загорались дом за домом, улица за улицей, и когда он снова посмотрел на облака, они изменили форму. Мотки сиреневой пряжи, пурпурные по краям; пурпурный темнел до цвета синяка по мере того, как свет в небе угасал, до индиго и оттенков синего, для которых у Лукаса не было названий и прошлого опыта. Почему люди занимаются чем-то еще, кроме наблюдения за облаками?

«Вечером жара будет терпимая», – сказали ему работники отеля. Номер-люкс был удобный и хорошо оборудованный. Токинью спокойно подключился к местной сети, хотя Лукас не сомневался, что десяток систем слежения сообщали о его словах и действиях сотне наблюдателей. Он работал обстоятельно и продуктивно, организуя телефонные конференции и встречи лицом к лицу, но время от времени отвлекался на окно, улицу и марево, которое превращало ее саму и спешащие по ней автомобили в

ртуть, на океан и острова, и волны, марширующие по пляжу. Он никогда не страдал клаустрофобией на Луне. Этот угловой люкс в легендарном отеле «Копакабана Пэлэс» был позолоченным угнетением.

По вечерам, когда жара спадала, он проводил время в спа-бассейне. «Ищите воду», – сказал ему Фелипе. Лукас чувствовал, как груз гравитации спадает с плеч, когда он сбрасывал одежду, которая раньше никогда не казалась тяжелой, и плавно опускался в бассейн на балконе. Он был снаружи, на воздухе, в мире. Вид был великолепным. Переместившись вправо, он видел фавелы, взбирающиеся на холмы позади него. В тускнеющих сумерках огни, озаряющие окна, улицы и лестницы выглядели беспорядочной разноцветной паутиной; хаотичный контраст со строгими узорами Копы, аккуратными и зажатыми между Табажарас и океаном. Паутину огней нарушали пятна тьмы в тех местах, где склон не поддался даже изобретательным строителям неофициального трущобного города. Или вырубилось электричество. На площади в несколько квадратных километров жил миллион человек. Их близкое присутствие успокаивало Лукаса. Фавелы, надвигавшиеся все ближе с каждым днем, обрастая домами, квартирами, пристройками, напоминали ему поделенные на ярусы кадры Жуан-ди-Деуса; огромные, километровой глубины каньоны Меридиана.

Официант принес ему «мартини». Лукас сделал глоток. «Мартини», конечно же, сделал то, для чего предназначался. Это был самый дорогой джин в отеле, но все равно стандартный, массового производства; вермут был из ограниченной партии, но все равно коммерческий. Массовые напитки для массового потребителя. Лукас не мог наслаждаться напитком, не будучи уверенным в том, что никто другой в двух мирах не пьет то же самое, что и он.

Свет почти исчез в темнеющем индиго. Бокал Лукаса застыл у рта. Свет на восточном краю мира распространяется из-под горизонта. Серебряная губа поцеловала океан. Лукас смотрел, как Луна восходит из моря. Каждый миф, каждое суеверие и богиня: он поверил во все. Вот оно, истинное божество. Луч света протянулся через океан от Луны к лунному человеку. Луна поднялась над морем целиком. Она являла собой убывающий серп: «оле ку кахи». Дни лунных месяцев впечатались в память Лукаса, как это было со всяким, кто родился на Луне, но он никогда не понимал их так, как сейчас; они были названы теми, кто с Земли глядел на Луну с ее изменяющимися фазами.

– Ты такая маленькая, – прошептал Лукас, когда Луна поднялась целиком над препятствием в виде горизонта и оказалась в небе одна. Он

мог накрыть большим пальцем свой мир-полумесяц и всех, кого знал и любил. Лукасиныю исчез. Моря, горы, великие кратеры, города и железные дороги исчезли. Миллиарды отпечатков, оставленных человечеством за семьдесят лет на Луне. Исчезли.

Лукас увидел Леди Луну такой, какой ее видела его мать почти век назад: Йеманжа, ее личная ориша, торящая серебристый путь через море и космос. Только это Адриана и видела, это единственное лицо Доны Луны, переменчивое, но никогда не отворачивающееся. Его представления перевернулись вверх тормашками. Земля была безжалостным, сокрушительным адом. Луна была надеждой. Маленькой, тусклой надеждой, которую мог затмить поднятый большой палец, но эта надежда была единственной.

Облачная нить проплыла на фоне полумесяца, окаймленного серебром. Небо вокруг Лукаса Корты увеличилось в размерах. Луна не была безделушкой на краю мира. Она была далекой и недостижимой. Облако, пересекающее ее лик, выглядело красивым и одиноким.

Теперь наступила полная тьма, и глаза Лукаса, приспособившиеся к темноте, сумели разглядеть очертания наклоненного полумесяца. Моря Изобилия и Нектара, напоминающие боксерскую перчатку с оттопыренным большим пальцем, ладонь Моря Спокойствия, часть запястья – Моря Ясности. «Перчатка от скафа», так это называл лунный народ. Темный зрачок Моря Кризисов и юго-восточные возвышенности – о, какие яркие. Он сумел разглядеть яркий луч из кратера в Тихо. На эти места, на эти имена он взирал бесстрастно, с астрономического расстояния. Теперь он увидел, что крошечные огни покрывают темную часть Луны. Искры сгруппировались вдоль экватора; поселения и обиталища, которые следовали вдоль Первой Экваториальной. Вон тот сгусток света – Меридиан, расположенный в центре видимой стороны, в ближайшей к Земле точке. Его взгляд двинулся на юг: горстка сверкающих огней во тьме полюса. Царица Южная. Огни разбросаны вдоль линии, идущей от полюса до полюса. С увеличением он мог различать отдельные поезда. Там, на краю солнечной зоны, эти резкие огни в темноте, должно быть, зеркальные фермы Тве. «Горнило», ярчайшая примета на поверхности Луны, не был виден в этой фазе, когда Солнце полностью пряталось за плечом Луны.

По шею в поддерживающей тело воде Лукас Корта пил свой посредственный «мартини» под лучами лунных городов.

4: Весы 2105

В этой приземистой черной пирамиде посреди Болота Гниения он родился тридцать три года назад. Дункан Маккензи ведет пальцем по толстому слою пыли на столе. Тут хлопья его кожи, с каждым вдохом вместе с пылью он вбирает в себя собственное детство. На Эдриане пылевая маска, Корбин Воронцов-Маккензи театрально чихает, но нет другого места, где Дункан мог бы собрать свой совет, кроме Хэдли. Первая плавильня Маккензи.

Дункан Маккензи кладет правую ладонь на поверхность стола. Эсперанса посылает молчаливый приказ, который проходит сквозь нервную систему старого города. Дункан улыбается, ощутив вибрацию под ногами; системы просыпаются, проверяют состояние, заряжают батареи. В безвоздушных коридорах один за другим загораются свет. Закрываются герметичные двери, с шумом нагнетается воздух. Погребенные обогреватели и прожекторы поднимают температуру выше лунного холода. Комната за комнатой, система за системой – Дункан Маккензи строит свою столицу. Когда семья будет в безопасности, когда компания обретет надежный фундамент, тогда-то он и позволит себе в полной мере ощутить гнет той участи, что постигла «Горнило». До той поры кому-то надо держать на своей спине кровельные балки. Кому-то надо делиться воздухом, пока все не спасется из ровера.

– Брайс перебазирован в Жуан-ди-Деус, – говорит Юрий Маккензи. – Руководители производства в Море Спокойствия получили приказ сдать контрольные коды.

– Ублюдок, у него нет на это права, – ворчит Денни Маккензи.

– Мой брат замышляет переворот, – говорит Дункан. – Видимо, он нацелился на гелий. У нас единственная плавильня для редкоземельных металлов на Видимой стороне. Если поторопимся, прикончим это дело в зародыше. Кто у нас на местах в Море Спокойствия и восточном секторе Моря Изобилия?

Денни Маккензи перечисляет команды, пылевиков, ресурсы. Дункан отвлекается на свой новый золотой зуб. Он потерял два во время побега из «Горнила». Дункан надеется, что бедолага, чье место занял Денни, умер на острие его клинка, быстро и чисто.

– Скольким мы можем доверять? – спрашивает Дункан.

Список короче в половину.

– Возьми двадцать надежных джакару и добудь мне те экстракторы. Они не должны достаться Брайсу. Употребь любые средства, какие сочтешь приемлемыми.

– Используй оружие врага против него, – говорит Денни. Дункан помнит это изречение. Хэдли Маккензи, его сводный брат, учил Робсона Карту сражаться среди колонн полыхающего света в Зале Ножей «Горнила». В три движения он разоружил мальчишку, прижал к полу и поднес острие ножа самого Робсона на расстояние волоса от его горла. Одиннадцатилетний пацан. Леди Луна непостоянна. Корта были у нее в фаворе; удачливые, эффектные Корта. Она никогда не была добра к Маккензи. Хэдли Маккензи умер на острие ножа Карлиньоса Карты. Карлиньос умер на клинке Денни, когда пал Жуан-ди-Деус. Леди Луна подвергает испытаниям тех, кого любит.

– И надо послать отряды в Море Кризисов, – говорит Дункан. – Юрий, займись этим. Я не потеряю Море Змеи во второй раз.

Денни уже в лифте. Он будет рассылать контракты, собирать бригады и ресурсы, чтобы ударить жестко, ударить быстро. Изъян Брайса в том, что он никогда не понимал физические методы. Коды, приказы, команды, анализ – вот его путь. Пылевики на поле, ботинки на реголите каждый раз выигрывают. Дункан ткнет ножом в это слабое место и будет поворачивать, пока не хлынет кровь.

– Эдриан.

– Папа.

Орел Луны улетел обратно в свое гнездо в Меридиане, но Эдриан приехал в Хэдли. Семья – это то, что способно выстоять, когда с неба льется железо.

– Мне надо, чтобы ты предоставил нам КРЛ.

Эдриан Маккензи колеблется. Дункан читает дюжину чувств в мышцах вокруг его рта.

– Влияние Орла в рамках Корпорации по развитию Луны не настолько существенное, каким оно было раньше. Орел и КРЛ разошлись во мнениях по некоторым вопросам.

Заковыристый ответ, достойный око дипломата.

– Что это значит? – спрашивает Дункан, но тут в разговор вклинивается голос Вассоса Палеолога, некогда управляющего «Горнилом», а теперь – управляющего Хэдли.

– Мистер Маккензи.

Вассос, безупречный слуга, вмешался бы лишь из-за важнейшей новости.

– Слушаю.

Вассос невысок ростом, лысоватый, с желтой кожей. Его фамильяр – концентрические синие круги «матиазмы», амулета от дурного глаза.

– Донесение со станции Меридиан. Ван Джон-Цзянь мертв.

Джон-Цзянь – лучший производственный инженер на Луне. Дункан заключил с ним сделку во время мемориальной церемонии в Кингскорте. Это глубокая рана.

– Как? Что случилось?

– На платформе. Атака с помощью насекомого.

Киборгизированные дроны-насекомые, вооруженные быстро убивающими токсинами, – фирменное оружие Асамоа, но никто в маленькой контрольной комнате и на миг не верит, что это убийство санкционировали в АКА. Насекомое избрали потому, что оно маленькое, тихое, точное, жестокое и не влечет никакого дорогостоящего сопутствующего ущерба, за который могут потребовать компенсацию. Такое убийство очень даже в стиле Брайса Маккензи.

Бить жестко, бить быстро. Бить быстро. Брайс по плавной экспоненциальной кривой перешел от соперничества к войне. Эсперанса вызывает фамильяра Денни. Денни уже в пути, движется с возрастающей скоростью из-под черной пирамиды Хэдли, полкилометра в высоту, вдоль полярной линии Эйткен-Пири.

– У меня пять полных бригад. Верные джакару.

– Хорошая работа. Денни. Я хочу, чтобы это закончилось быстро. Выпотроши ублюдка. – Нестройный одобрительный гул и невнятные «ага» по всей контрольной комнате. Дункан Маккензи протягивает руку и спрашивает:

– Здесь кто-нибудь оспаривает тот факт, что я глава «Маккензи Металз»?

Юрий первым берет протянутую руку. Корбин, Вассос. Эдриан последний.

– Я верен тебе, папа. – Но он не смотрит на отца, не выдерживает его взгляда, когда Дункан вынуждает его посмотреть. «Ты со мной, сын? Ты не с Брайсом, но с кем же ты? Ты пожал мне руку, но дал ли ты клятву верности?» Пусть Брайс забирает компанию, а Дункан забрал семью.

И последняя часть театрального представления. Дункану Маккензи нравится выискивать театральность в ежедневных занятиях: презентации он превращает в постановки, находит мелодраму в совещаниях. Его фирменный стиль – серая одежда с ног до головы, мерцающая серая сфера Эсперансы – все это просчитанные эффекты. Внемля молчаливому приказу,

позади него плавно поднимаются давным-давно опущенные ставни на окнах Контрольного Центра Хэдли. Закрытые толстым стеклом щели в мощных наклонных стенах пирамиды демонстрируют грандиозные виды на Болото Гниения и тысячи темных объектов, которые ждут там.

Зеркала просыпаются.

Хэдли воскресает из пяти тысяч зеркал, выстроившихся в боевом порядке. По команде Дункана Маккензи давно застывшие механизмы дребезжат и скрипят, в их моторах и силовых приводах скрежещет пыль. Вибрируя, зеркала обращаются лицом к солнцу, ловят его лучи. Поле зеркал сверкает так ярко, что люди в Контрольном центре вскидывают руки, заслоняя глаза, прежде чем фотохромное стекло успевает отреагировать и свести лучи полыхающего, пыльного света до приемлемого уровня. Мощь Маккензи всегда зависела от солнца. Зеркальное войско Хэдли было предметом зависти двух миров, вершиной солнечно-плавильной технологии, но Роберту Маккензи его не хватало. На протяжении четырнадцати дней лунной ночи зеркала были темны, плавильни остывали. Он задумал плавильню, которая бы никогда не погрузилась во тьму, в чьи зеркала бы вечно лился свет полуденного солнца. Он построил «Горнило». Суни кичатся своим шпилем-дворцом, Павильоном Вечного Света. Дешевое хвастовство, удачное сочетание места и селенографии. Маккензи сами сотворили свой бесконечный полдень. Они изменили форму самой Луны, чтобы создать его.

Зеркала занимают позицию; пять тысяч лучей фокусируются на плавильнях на вершине темной пирамиды. Даже в свете полной Луны это будет видно с Земли; внезапная звезда, что зажглась посреди серости Болота Гниения.

Дункан Маккензи закрывает глаза, но свет все равно обжигает веки докрасна. Он крепче их зажмуривает, чтобы почувствовать. Ощущение едва уловимое, но как только он отделяет его от фонового шума пробуждающегося города, перепутать это уже ни с чем нельзя. Старое воспоминание тела; всепроницающая дрожь Хэдли в режиме эксплуатации; вибрация жидких металлов, которые льются из плавилен в огнеупорную глотку в центре пирамиды.

Он поворачивается к своему правлению.

– «Маккензи Металз» снова в деле.

Бригада стекольщиков «Везучая восьмерка»^[13] получает сигнал бедствия в пятистах километрах от Меридиана. Стекольщики провели месяц на плоскогорье в восточной части Моря Спокойствия. Бригада работала над северным краем солнечного массива, проверяла работу спекательных машин, занималась техобслуживанием и ремонтом, отчитывалась и анализировала. Работа со стеклом – хорошо оплачиваемая и скучная-скучная-скучная. Последние три дня бригада ликвидировала ущерб от микрометеоритного дождя, прошедшего над окрестностями Диониса. Тысяча маленьких отверстий; десять тысяч трещин, целый сектор солнечного пояса погас. Кропотливый, обстоятельный труд, который нельзя ускорить, нельзя закончить быстрее или эффективнее. Бригаде стекольщиков «Везучая восьмерка» не терпится вернуться в Меридиан. Больше всего не терпится Вагнеру Корте, лаоде «Везучей восьмерки». Земля становится круглой. Его обуревают перемены. Бригада не возражает работать с волком – и безграничная энергия и способность обдумывать три разные задачи одновременно в его светлом аспекте, и интенсивная сосредоточенность и концентрация его темного аспекта ценятся на поверхности. Периоды между тем и другим, когда Земля прибывает и убывает, сложны, потому что он становится беспокойным, угрюмым, непредсказуемым, раздражительным и неприступным.

«Бригада „Везучая восьмерка“». Вагнер произносит одну и ту же речь в начале каждой вахты. Некоторые ветераны слышали ее уже семь раз. «Так мы называемся». Новые работники смотрят друг на друга. Леди Луна – ревнивая королева. Назвать что-нибудь везучим, удачливым, избранным, благословенным, означает спровоцировать ее гнев. «И мы действительно такие». Бывалые работники стоят, скрестив руки. Они знают: это правда. «Знаете, почему мы везучие? Потому что мы скучные. Потому что мы прилежны и внимательны. Потому что мы сосредоточенны. Потому что мы не везунчики. Мы умники. Потому что на поверхности у каждого из нас есть тысяча вопросов, но только один из них имеет значение. Умру ли я сегодня? И мой ответ на это: нет».

Никто и никогда не умирал в бригаде Маленького Волка.

Посреди стекла, в сорока километрах к югу от Диониса, вертящаяся красная звездочка вспыхивает на линзе Вагнера Корты: СУТРА 2, предпоследний из пяти уровней поверхностных сигналов тревоги. Последний – белый. Белый на Луне – цвет смерти. Где-то в краю спеченного стекла случилось нечто очень плохое. Вагнер проверяет запас воздуха, уровни воды и заряда батарей, передает командование ровером своей цзюньши Зехре Аслан, а сам принимает сигнал и инструктирует

«Везучую восьмерку». Его светлоаспектный фамилляр, Доктор Луз, выводит на линзу контракт по спасению. «Маккензи Металз». Тотчас же его охватывают воспоминания – вот он съезжился, испуганный и одинокий, на станции Ипатия, пока его семья погибает, вот он украдкой пробирается домой, к стае, видя в каждой тени по ножу, вот он прячется среди волчьих тел, ненавидя самого себя за то, что выжил.

Вагнер подписывает контракт и отправляет его во Дворец Вечного Света на утверждение. Есть память, а есть выживание. Он теперь работает на Суней. Они пытались его убить, когда он зацепил самый краешек их интриги, целью которой было стравить Маккензи и Корта. В тот раз его спасли Волки Магдалены из Царицы Южной. Когда пал Дом Корта, стоя из Меридиана его укрыла, оплатила его Четыре Базиса, пока он не понял, что после уничтожения «Корта Элиу» Суни больше не держат на него зла. Вагнер подал заявку на работу в бригаде стекольщиков и получил контракт на следующий день. Он работает на «Тайян» больше года. Он хороший волк.

Они находят первое тело в двадцати километрах от кратера Шмидта. «Везучая восьмерка» поднимает защитные дуги и спрыгивает на реголит. Медицинский ИИ ровера ищет признаки жизни, но стекольщикам понятно, что внутри костюма труп. Плотная ткань разорвана от горла до паха.

– Чистые края, – говорит Зехра Аслан.

Вагнер приседает, чтобы изучить разрез. Леди Луна знает тысячу способов убийства, и чистых среди них нет. Это сделано ножом. «Везучая восьмерка» оставляет метку для заббалинов, отряда по переработке: углерод ценен, даже брошенный посреди поля валунов в Западном секторе Моря Спокойствия. Тревожные маячки ведут ровер вдоль вереницы трупов. После десятого бригада уже не выходит из ровера. Вагнер и Зехра фотографируют, оставляют метки и едут дальше. Заколот, зарезан, расчленен. Обезглавлен. Причина всех смертей – клинок.

Зехра приседает, чтобы получше рассмотреть четыре тела, лежащих друг на друге.

– Не узнаю дизайн костюма.

– «Маккензи Гелиум», – говорит Вагнер. Он встает, изучает ближний горизонт. – Следы.

– Три ровера и что-то куда более крупное.

– Гелиевый экстрактор.

В тени западной стены кратера Шмидта Вагнер находит ровер. Его хребет сломан, оси треснули. Колеса лежат под безумными углами, антенны и коммуникационные тарелки согнуты и разбиты. Все фиксаторы

сидений подняты. Бригада попыталась спастись бегством из подбитого транспорта. У них не вышло. Пол кратера усеивают тела в пов-скафах. «Везучая восьмерка» изучает трупы. Вагнер подключает Доктора Луза к ИИ мертвого ровера и считывает его протокол, голосовые и цифровые записи. Ему надо понять, какая цепь событий завершилась здесь, в холодной тени Шмидта.

Зехра Аслан встает и машет.

– У нас тут живой!

Отчасти живой. Единственный выживший в кольце трупов. Золотой пов-скаф. Вагнер слышал про этот костюм. Половина «Везучей восьмерки» слышала про этот костюм. Медицинский ИИ Вагнера рапортует о двух десятках травм, о дюжине повреждений. Раздробленные кости и гематомы, многочисленные синяки и ссадины, глубокое проникающее ранение между седьмым и восьмым ребрами. Золотой костюм закрыл прореху над раной; натяжение ткани удерживает кровопотерю.

«Что скажешь? – спрашивает Зехра по частному каналу. – Вызываем лунный корабль?»

«Мы в сорока минутах от Ипатии, – говорит Вагнер. – Мы там будем раньше любого лунного корабля. У них есть полный комплекс медицинского оборудования».

У пов-скафа выжившего заканчиваются батареи и O₂. Сколько он тут ждал? Надеялся? Вагнер часто задумывался, обуреваемый скукой от работы на чистом черном стекле, что бы он сделал, если бы Леди Луна отвернулась от него и оставила раненым на поверхности, с убывающим запасом воздуха и резервом батарей, недостаточным даже для зова о помощи. Долгий взгляд на смерть, что приближается с каждым вздохом, делая шажки по мертвому реголиту. Нет ничего более уверенного, ничего более истинного. Открой шлем. Посмотри Леди Луне в лицо. Прими ее темный поцелей. Хватит ли ему отваги на такое?

Вагнер подключается к золотому костюму.

– Мы сейчас тебя передвинем.

Человек без сознания, почти в коме, но Вагнер должен говорить.

– Это может быть больно.

Бригада Вагнера поднимает выжившего и привязывает его к раме для грузов. Зехра подсоединяет костюм к системам подачи воздуха и воды.

– Его внутренняя температура слишком низкая, – говорит она, сканируя показатели на шлеме. Затем втыкает переходник в пакет жизнеобеспечения. – Я наполню костюм теплой водой. До умопомрачения

боюсь, что утоплю его в собственном пов-скафе, но если я этого не сделаю, гипотермия его прикончит.

– Действуй. Уиллард, дай мне Ипатию. Мы везем туда раненого.

Выживший шевелится. Из динамиков в шлеме Вагнера раздается стон. Он прижимает ладони к груди человека в золотом костюме.

– Не двигайся.

Вагнер морщится, услышав в наушниках внезапный болезненный вскрик.

– Твою мать... – Австралийский акцент. – Твою мать, – опять говорит выживший, в глубоком блаженстве от тепла, что омывает его.

– Мы везем тебя в Ипатию, – говорит Вагнер.

– Моя бригада...

– Не разговаривай.

– Они подстерегли нас. Они все спланировали. Ублюдок Брайс знал, что мы идем. Мы наткнулись прямиком на его рубак.

– Я же сказал, не разговаривай.

– Меня звать Денни Маккензи, – говорит выживший.

– Знаю, – говорит Вагнер. Вагнер знает легенду о человеке в золотом костюме. В темные времена, когда свет Земли тускнеет, Вагнер пытается представить себе, что видел Карлиньос в свои последние мгновения: лицо Денни Маккензи, который поднимает его голову за волосы, обнажая горло, и показывает нож, чтобы Карлиньос узнал, что его убьет. Он всегда был таким же безликим, как сейчас, за зеркальным щитком шлема. «И я такой же безликий для тебя». – Ты убил моего брата.

Болтовня «Везучей восьмерки» на общем канале обрывается, как будто обрезанная ножом. Вагнер чувствует, что все лицевые щитки повернулись к нему.

– Кто ты такой?

Истыканный ножами и пронзенный насквозь, изможденный, страдающий от гипотермии и головокружения, вызванного промышленными обезболивающими, во власти человека, который обладает всеми возможными на луне мотивами, чтобы его убить. И все равно нахальный. Истинный Маккензи.

– Меня зовут Вагнер Корта.

– Я хочу тебя увидеть, – говорит Денни Маккензи.

Вагнер убирает солнечный визор. Лицевой щиток Денни Маккензи делается прозрачным.

– Ты убил моего брата его собственным ножом. Ты заставил его встать на колени и перерезал ему глотку. Ты смотрел, как он истекает кровью, а

потом раздел его догола, проткнул кабелем его ахилловы сухожилия и подвесил на пешеходном мосту Седьмого западного уровня.

Денни Маккензи не вздрагивает, не отводит взгляда.

– И что же ты сделаешь, Вагнер Корта?

– Мы не такие, как твоя родня, Денни Маккензи. – Вагнер молча отдает приказ «Везучей восьмерке» пристегнуться и выдвигаться в путь. Опускаются защитные дуги, пов-скафы подключаются к системе жизнеобеспечения ровера.

– Моя родня в долгу у тебя, – хрипит Денни Маккензи, когда защитная дуга опускается на сиденье Вагнера Кортты.

– Мне ничего не нужно от твоей семьи, – говорит Вагнер. Он передает контроль над ровером Зехре.

– Не имеет значения, Вагнер Корта. – Денни Маккензи стонет, когда ровер рывками пробирается через оставшийся после стычки мусор. – Маккензи оплатят трижды.

* * *

– Марина!

Нет ответа.

– Марина!

Нет ответа. Ариэль Корта вполголоса ругается и тянется к тросу. Работая руками, отодвигается от пустого холодильного ящика.

– У нас закончился джин!

Ариэль хватается за сеть на потолке и, раскачиваясь, пробирается из кухонной ниши, мимо своего позорного гамака, в каморку для консультаций. Три коротких маховых движения и куда более отработанное падение в конце – прямиком на то место, которое она называет своим Троном Справедливости. Квартира слишком мала для двух женщин и кресла на колесах. Прошел месяц с того дня, когда она в последний раз отправила кресло в депринтер, и таким образом в квартире остались только две женщины. Ей потребовалась углеродная квота. Девяносто процентов этой квоты она уже пропила.

– Давай взглянем на меня, Бейжафлор.

Фамильяр подключается к камере каморки. Ариэль изучает свое рабочее лицо. Скулы подчеркнуты градуированной пудрой. Оранжевая подводка для глаз, черная тушь. Ее глаза широко распахиваются, Бейжафлор дает увеличение. Эта новая морщина, откуда она? Ариэль

раздраженно шипит. Бейжафлор отредактирует картинку для клиента. Твой фамилляр – твое истинное лицо. Она надувает губы. Фуксия, темный «Купидонов лук». Если Ариэль и может себе позволить что-то модное, то косметику. И топик: «Норма Камали», рукав «летучая мышь», воротник-раструб, карминовый. Все еще достойно.

Верхняя половина Ариэль Корты профессиональна. Нижняя, за пределами видимости камеры, неуклюжа. От талии вниз Ариэль представляет собой позор, который болтается по квартире в каких-нибудь лосинах базовой печати, которые не носит Марина. Она всегда крадет, никогда не просит взаймы. Это было бы признанием поражения. Она могла бы с той же легкостью заниматься своими клиентами из гамака, а не с Трона Справедливости, но и это было бы признанием поражения.

– Бейжафлор, передай Марине, чтобы достала немного джина. На 87-м уровне есть хороший маленький принтер. Он принимает наличку.

«У тебя осталось данных всего на десять битси».

Ариэль матерится. Ей понадобится каждый бит траффика для клиентов. Теперь, когда джин на завтрак стал недоступен, он становится крышей и полом, Землей и солнцем, фоновым гулом вселенной. Она затягивается длинным титановым вейпером. От затяжки получает только заряд надменности и оральное удовлетворение. Ариэль проверяет волосы. Начес большой, модный.

– Давай разберемся с первым.

Никах Фуэнтеса. Бейжафлор звонит Астону Фуэнтесу, он появляется на линзе Ариэль, и она быстро излагает двадцать семь оговорок контракта, с помощью которых можно извернуться и вырвать у клиента сердце из груди. С каждой оговоркой его рот открывается чуть шире.

– Не зевай, Астон.

Клиент номер два. Развод Вонгов. Единственный способ, которым он может получить опеку над дочерью, такой: она должна подать отдельную петицию с целью эффективного развода с со-отцом; низкий уровень достатка и маленькая площадь жилища являются очевидными доводами, хотя легче всего для Лили – настаивать на том, что она лично испытывает отвращение к тому, чтобы остаться с Марко в роли родителя. Ариэль рекомендует идти до конца и играть грязно – должно что-то найтись, у всех есть какие-то секреты. Даже если у нее все получится, девочка должна будет сама решить, заключать ли родительский договор с Бреттом. И это точно уничтожит имя и репутацию Марко – за что он может потребовать правовой компенсации. Так что Бретт должен задать себе вопрос: оно того стоит?

Амория «Красный лев». К этому моменту мечта о джине становится такой же драгоценной, как редкие дожди, которые сбивают пыль, витающую в воздухе квадры Ориона. Нет-нет-нет-нет-нет, дорогая. Ариэль советует никогда не вступать в аморию, где контракт слишком уж тяжелый.

– Амории – легкие, открытые, быстрые и мимолетные вещи, дорогая. Их нельзя давить тяжелыми никахами. Пришли мне контракт, я его разберу на части и...

И все.

«У нас закончились данные», – сообщает Бейжафлор.

– Твою мать! – рычит Ариэль Корта. Она бьет кулаком в белую стену. – Зашибись, как я все это ненавижу. Как же мне закончить гребаную работу? Я даже поговорить с клиентами не могу. Марина! Марина! Добудь мне траффик. До чего я докатилась, сижу тут, словно гребаный прол^[14].

Она слышит движение за дверью, выходящей на улицу.

– Марина?

Марина вновь и вновь предупреждала Ариэль не оставлять дверь открытой. Здесь небезопасно. Войти может любой. В этом-то идея, дорогая. Закон всегда открыт. На что Марина отвечает: «Кто притащил тебя сюда на своем горбу? Ты ни за что не будешь в безопасности».

В прихожей что-то движется.

– Марина?

Ариэль рывком встает с Трона Справедливости и цепляется пальцами за сеть, что покрывает потолок маленькой квартиры. Маховыми движениями перемещается в главную комнату.

Стоящий там человек поворачивается.

* * *

Сперва она чувствует кулак, потом – пинок.

Она наверху, в поперечной трубе, одном из забытых служебных туннелей, которые идут сквозь голый камень, соединяя квадры друг с другом. Они старые, пыльные, их пронзает пугающая радиация. Позади нее полночь в квадре Антареса, впереди – утро в Орионе. При ней пояс со старыми грязными напечатанными деньгами от клиентов, немного лапши с карри и лунные пироги для фестиваля, и она идет домой, к Ариэль.

Поперечные трубы длинные и полны теней. Луна бросает устаревшую инфраструктуру. Детишки, бунтари и отщепенцы находят для нее собственное применение.

Они ждали. Они были умелыми, они знали ее привычки и что она несла. Она их не заметила. Ну конечно, она их не заметила. Если бы она их заметила, они бы не смогли ее ударить. Первый кулак пришелся в середину спины. Из темноты, по почке, он вышиб из нее дух и мысли, и она рухнула на сетчатый пол.

Потом пинок. Она видит его сквозь красный туман боли и успевает отпрянуть. Он попадает в плечо, не по голове.

– Хетти, – хрипит она. Но никого нет. Она отключила фамильяра, уступая данные Ариэль для ее консультаций.

Рядом с ее головой опять поднимается ботинок. Она тянется к нему, пытается оттолкнуть, прежде чем он раздавит ее череп о титановую сеть. Ботинок опускается на руку. Марина кричит.

– Нашел, нашел, – вопит кто-то. Нож срезает ее пояс с деньгами.

– Я хочу ее убить.

– Оставь ее.

Марина еле дышит, у нее течет кровь. Ботинки на пешеходной тропе. Она не может разглядеть, женские они или мужские. Она не может их остановить. Она не может к ним прикоснуться. Они забрали ее деньги, ее лапшу с карри и ее лунные пироги.

Она не смогла к ним прикоснуться. Это испугало ее сильнее, чем кровь, побои, мучительная боль в почке, треснувшие ребра, почерневшие пальцы. Когда-то она расшвыряла пылевиков «Маккензи Металз» в шлюзе обиталища Бэйкоу, словно они были игрушками. Двое грабителей в поперечной трубе в полночь – и она не смогла тронуть их даже пальцем.

* * *

– Я бы предложила вам джин, но он закончился. Я бы сделала вам чай, но не занимаюсь такими вещами, и я заняла единственный стул, – говорит Ариэль Корта. – Простите. Есть гамаки, или вот можете опереться о что-нибудь.

– Обопрись, – говорит Видья Рао. Э устраивается на краешке стола Ариэль. Э прибавилэ в весе с их последней с Ариэль встречи в поблекших декорациях Лунарского общества. Э теперь человек-луковица; походка вразвалочку, движения неуклюжие, одежда многослойная. У э брыли и мешки под глазами.

– Жаль видеть вас в стесненных обстоятельствах, – говорит Видья Рао.

– Я радуюсь тому, что просто дышу, – говорит Ариэль. – Вы все еще

работаете на «Уитэкр Годдард»?

– Консультирую, – говорит Видья Рао. – У меня свои клиенты. И я по-прежнему погружаю пальцы в рынки – достаю, что могу. Я следил за вашими недавними делами. Понимаю, почему вы избрали своей специализацией семейное право. Этому развлечению нет конца.

– Это развлечение – надежды, сердца и счастье людей, – говорит Ариэль. Джин. Ей нужен треклятый джин. Где ее джин, где Марина? Ариэль вкручивает капсулу в вейпер и резко бьет ногтем по кончику. Загорается нагревательный элемент, она вдыхает облако изготовленного на заказ спокойствия. Ее легкие заполняет безмятежность. Почти джин.

– Репутация по-прежнему вас опережает, – говорит Видья Рао. – Мой софт по распознаванию образов соответствует последнему слову техники, но, по правде говоря, он мне не понадобился, чтобы разыскать вас. Для женщины в бегах вы демонстрируете особенный шик. Весьма театрально.

– Ни разу не встречала законника, который не мечтал бы втайне быть актером, – говорит Ариэль. – Суды и сцены: это все представление. Помню, вы говорили, когда я была членом вашего маленького и веселенького политического клуба, что ваш софт определил меня как инициатора движения и сотрясателя основ. – Она взмахивает вейпером, и завиток дыма огибает все три с половиной комнаты ее империи. – Луна так и не вздрогнула. Извините, что разочаровала Троих Августейших.

– О нет, она сотряслась, – говорит Видья Рао. – Теперь мы переживаем сейсмические последствия.

– Сомневаюсь, что меня можно считать причастной к тому, что случилось с «Горнилом».

– Но есть закономерности, – говорит Видья Рао. – Сложнее всего заметить те, которые настолько велики, что выглядят, словно пейзаж.

– Не стану утверждать, что меня слишком уж расстроило, когда Боб Маккензи принял душ в тысячу градусов, – говорил Ариэль, взмахнув вейпером. – Жить под миллионом тонн расплавленного металла – значит искушать если не Провидение, то какого-нибудь злого шутника. О, не смотрите на меня так.

– Ваш племянник был там, – говорит Видья Рао.

– Ну, с ним явно все в порядке, иначе вы бы этого не сказали. Закономерности. Какой племянник?

– Робсон.

– Робсон. Боги... – Она не думала о своем племяннике с той поры, как через старые юридические знакомства получила известие о том, что мальчик теперь под опекой Маккензи. Лукасинью, Луна, кто угодно из

детишек, выжившие. Она не думала про волка-Вагнера или про Лукаса, жив он или мертв. Она не думала ни о чем, кроме себя, собственной жизни и выживания. Ариэль резко затягивается, чтобы скрыть, как от потери и угрызений совести у нее вздрагивает лицо. – Его родительский контракт все еще принадлежит Маккензи?

– Он под опекой Брайса Маккензи.

– Я должна его оттуда вытащить. – Ариэль стучит кончиками пальцев друг о друга. Контракты Маккензи всегда можно отличить от других. Неряшливая работа.

– Что еще важнее, после Железного Ливня земные сырьевые рынки лихорадит, – говорит Видья Рао. – Цены на гелий-3 и редкоземельные элементы вчера достигли рекордных отметок за все время и сегодня установят новый рекорд. G10 и G27 призывают к стабилизации цен и производства.

– В вакууме никто не услышит твой крик, – говорит Ариэль.

– Луна и Земля связаны не только гравитацией, – говорит Видья Рао. Ариэль выдыхает длинный завиток пара.

– Зачем вы сюда пришли, Видья?

– Чтобы принести вам приглашение.

– Если на фестиваль, я лучше проткну себе глаза иголками. Если это политическое, Корта политикой не интересуются.

– Это приглашение на коктейльный прием. «Кристалайн», мохалу, 13:00 по времени квадры Ориона.

– «Кристалайн». Мне потребуется платье, – говорит Ариэль. – Настоящее коктейльное платье. И аксессуары.

– Разумеется.

Бейжафлор шепчет: «Безналичный перевод». Денег хватит на платье и аксессуары, на новое кресло, на моту. Джин. Прекрасный, прекрасный джин. И превыше всего остального: данные. Бейжафлор заново подключается к сети. Ощущение мира, входной поток информации, сообщения, чат, слухи и новости одновременно, и ее любопытство спешит вовне, как ребенок на утренний свет, и все это несет мощный чувственный заряд.

– Бейжафлор, найди мне Марину, – командует Ариэль. Бейжафлор уже открывает каталоги и книги узоров. – Мне надо, чтобы она забрала заказ из принтера.

– Вы можете себе позволить доставку на дом, – говорит Видья Рао, стоя у двери. – Не любопытно, с кем вы встречаетесь?

– Не имеет значения. Я все равно устрою спектакль.

Марина ковыляет километр по поперечной трубе до квадры Ориона. Она жмет кнопку вызова лифта и вскрикивает от жуткой боли, которая пронзает почерневшие от синяков пальцы. Пока она едет в клетке лифта с крыши города, на память ей приходят все люди, которые умирали на Луне у нее на глазах; она думает о том, какими внезапными и случайными были их смерти. Голова, проломленная алюминиевым брусом в тренировочном ангаре. Горло, рассеченное лезвием ножа. Череп, пронзенный серебряным штырем вейпера. Она так и не выбросила из головы эту смерть. Она так и не выбросила из головы момент, когда глаза того мужчины из живых стали мертвыми. Она так и не выбросила из головы миг, когда он понял, что жить ему осталось долю секунды. Эдуард Барозу. Он искалечил Ариэль, убил бы ее, если бы Марина не схватила единственное оружие, которое было под рукой, и не воткнула в мягкое место под его челюстью так, что оно вышло через его мягкую макушку рожденного на Луне.

Как легко она могла бы присоединиться к этому перечню мертвых там, в туннеле. Они причинили ей боль. Они хотели ее убить. Они не должны были оказаться в силах причинить ей боль. Два молокососа из третьего поколения не должны были даже прикоснуться к ней.

Она матерится, дергая калитку почерневшими, непослушными пальцами, обессиленно приваливается к защитной решетке. Каждый вдох – как медленный и сильный удар ножом. Она бредет по 17-му западному уровню, ковыляет против движения, чтобы держаться за перила. Перед нею открываются ущелья квадры Ориона. Она тащится вдоль края обрыва, от опоры до опоры. Клиника находится в километре к северу от огромного цилиндра, где встречаются пять «крыльев» квадры Ориона. Опора за опорой она волочит свое тело туда, где должны помочь. У нее уходит десять минут на то, чтобы одолеть сто метров.

Она едва не шепчет команду перезагрузки Хетти. Позвать на помощь. Позвонить Ариэль. Ариэль поможет. Так говорят все в Байрру-Алту. Марина не в силах так поступить. Она потерпела неудачу. Она позволила им забрать деньги Ариэль. Как она может заявлять, будто защищает Ариэль, если даже ее деньги защитить не сумела? С того дня, как «Корта Элиу» пала в огне и крови и Марина забралась на крышу мира, рука за рукой, перекладина за перекладной, с Ариэлью Кортой на плечах, она

берегла эту женщину от множества врагов, жестоких и терпеливых.

Рука за рукой Марина тащится вдоль перил.

Позвони ей. Не усугубляй идиотизм гордостью.

Хетти загружается. Марину ждут три сообщения. Два про джин, и еще одно – о том, что кредитный лимит траффика исчерпан. Марина Кальцаге бьет раненым кулаком по перилам. Боль сильная, оправданная и очистительная.

Ее испугало не то, что они ее избили, а то, что они смогли ее избить.

Моту подъезжает и открывается.

– Ты работаешь с Ариэль, верно? – В салоне пассажир – мужчина средних лет, с волосами и кожей, серыми от многих лет воздействия медленной радиации.

Марина с трудом кивает.

– Залезай. Боги, у тебя дерьмовый вид.

Он помогает ей добраться до двери клиники.

– Я раньше работал на «Корта Элиу», – говорит этот мужчина. – Тогда я был пылевиком. – Потом он прибавляет на португальском: – Ссать я хотел на контракты Брайса Маккензи.

* * *

– Разумеется, с кредитом Ариэль все в порядке.

Клиника доктора Макарэг расположена в Хабе Ориона, на 17-м; все блестит, и оборудование отличное. Полированные боты, сияющие клиенты. Настоящие цветы на столе в приемном отделении, где Марина оставляет кровавые отпечатки на белом пластике. Доктор Макарэг – бывший врач Боа-Виста, личный доктор Адрианы Корты. Она лечила Ариэль Кортю в медцентре Жуан-ди-Деуса, после того как Эдуард Барозу рассек ее позвоночный столб ножом, выращенным из собственных костей. Она ютилась вместе с семьей в переполненном, вонючем убежище, когда Боа-Виста был уничтожен; она ухаживала за выжившими – последнее, что она могла сделать для семейства Корта. Она переехала в Меридиан и открыла в Хабе Ориона клинику, оборудованную по последнему слову техники, близко к центрам общественной жизни и власти. Доктор Макарэг помнит о чести и верности, семье и долге.

– Просто не настолько в порядке, чтобы его хватило на обработку ран и сканирование.

Доктор Макарэг благотворительностью не занимается.

– Давайте только сканирование, – говорит Марина.
– Я бы посоветовала... – начинает доктор Макаре́г, но Марина ее перебивает:

– Сканирование.

Сканер дешевый и поверхностный; два сенсора, пристегнутых к универсальным манипуляторам, но этого хватает. Марина встает в отмеченное место, и бот водит над нею «руками», проникая в сокровенные уголки каждого сантиметра ее тела. Ей даже одежду снимать не надо.

– Как долго?

– Один месяц – может, полтора.

Рука за рукой, перекладина за перекладиной Марина принесла Ариэль Корту вверх, на крышу мира, в Байрру-Алту, где собираются отщепенцы: бедняки, оставшиеся без контрактов, беженцы, больные и те, чьи легкие превращаются в камень после тысячи вдохов в среде, полной пыли. Те, за кем охотятся. Вверх по приставным лестницам и лестничным пролетам, в каморки, ячейки и пещеры, втиснутые в зазоры между старым оборудованием системы жизнеобеспечения и энергетическими блоками, подстанциями и резервуарами с водой. Марина познала этот мир. Проведя шесть недель на Луне и едва научившись ходить по прямой, она попала в Байрру-Алту после отмены контракта. Продавала мочу. Дышала вполсилы, чтобы какой-нибудь покупатель воздуха здесь, внизу, смог дышать полной грудью. Она и не думала, что вернется. Но она знала этот мир и знала, как в нем выжить. И она знала, что Ариэль Корта этого не знает и что неведение убьет ее быстрее, чем любой рубака Маккензи. Она нашла каморку, разыскала гамаки и сеть для потолка, копаясь в мусоре, и, экономя каждый битси, добыла все мелочи, нужные для жизни с некоторым уютом. Надежные данные. Надежная печатная мастерская с кое-какими представлениями о моде. Косметика. Холодильник и джин в холодильнике. Пока Марина плела жизнь для Ариэль Корт, она забыла о собственной жизни. Она забыла о своем теле. Она забыла о том, что Луна делала с этим телом – высасывала кальций из костей, силу из мышц, отнимала мощь Джо Лунницы, которая позволила ей швырять тех пылевиков в шлюзе Бэйкоу, словно тряпичных кукол, пока пара тощих молокососов не прижала ее к земле, не ограбила, не избивала, обратив в ничтожество.

Марина тянет к себе панель сканера.

– Там ничто не опровергнет мои слова, – замечает доктор Макаре́г. Оно и не опровергает, но Марина сама должна увидеть цифры, говорящие о том, что ее Лунный день приближается, что он наступит скоро. День, когда ей придется решать, возвращаться ли на Землю или остаться на Луне

навсегда. Месяц, может, полтора. Тридцать, сорок пять дней. Дней!

– Не говорите Ариэль.

– Не скажу.

Это она должна сказать Ариэль лицом к лицу. Сказать, что ее Лунный день уже не за горами. Сказать, что она ненавидит Луну, всегда ненавидела Луну, ненавидит то, что Луна делает с людьми, ненавидит страх, и опасность, и запах пыли, который проникает повсюду, в каждое моргание и каждый вдох – запах смерти. Что ей до боли хочется увидеть небо, горизонт, ощутить в легких бесплатный воздух, а на щеках – бесплатный дождь. Сказать Ариэль, что единственная причина, по которой она еще здесь, служит Ариэль, защищает Ариэль, заботится об Ариэль, заключается в том, что Марина не может ее бросить.

А после – не сказать ей ничего.

– Спасибо, доктор.

Доктор Макаре́г прижимает пальцы к ее избитым ребрам, и от боли Марина падает обратно на каталку.

– Сиди тут и не шевелись. Сейчас мы тебя заштопаем.

* * *

В Меридиане наступает ночь Чжунцю. Квадра Водолея в красном и золотом убранстве; знамена с раздвоенными концами, молитвенные флаги и каскады фонарей льются с уровней, галерей и мостов, и каждая лестница, каждый наклонный въезд переливается от мигающих огней. Огромные фестивальные фонари раскачиваются наверху, на фоне потемневшей солнечной линии. Стайки заполненных гелием Нефритовых Зайцев проскальзывают в средних высотах, уклоняясь от флотилий красных шаров, которые вырвались из детских рук. Летающий дрон-дракон вьется между мостами и канатными дорогами. Здесь биолампы вспыхивают сквозь ветви деревьев и мерцают в кафе и чайных будках, в киосках с Лунными пирогами, которые выстроились вдоль проспекта Терешковой. Глядите-ка: витрины с коктейлями! Послушайте: дюжина мелодий состязается с жонглерами, уличными волшебниками и надувателями мыльных пузырей! На Луне мыльные пузыри достигают титанических размеров. Родители говорят детям, что пузыри могут схватить тех, кто плохо себя ведет, и утащить вверх, в Байрру-Алту – почтенная ложь. А тут разрисовывают лица. Всегда где-то разрисовывают лица. «Я тебя превращу в тигра», – говорит художница, поднимая кисточку. «А что такое тигр?» –

спрашивает ребенок.

В квадре Водолея все нарядились в свеженапечатанные праздничные одежды. Улицы, уровни, переходы полны толп. Дети бегают от витрины к витрине, не в силах выбрать что-то из предложенных чудес. Подростки и юнцы передвигаются группками, презрительно взирая на весь этот популизм. Все они втайне любят фестиваль Лунных пирогов. Кое-кто побывал на нем в каждой из трех квадр Меридиана. Чжунцю – это фестиваль, на котором можно устроить свидание с тем, кого ты вождедел весь год, но так и не сумел собратъся с духом, чтобы подойти. Вот! Видите это? Девушки и юноши – юноши ли? И девушки ли? – бегают и смеются в толпе, и на них нет ничего, кроме краски для тела. Десять Леди Лун, одна половина – живая и черная, другая – белая кость. Чжунцю – это время для наготы и дерзости.

Чжунцю справедливо принадлежит Чанъэ, Богине Луны, но Леди Луна – узурпаторша, притворщица, воровка – его похитила. Этой ночью Мадонна Любви и Смерти позволяет другим, менее важным святым и ориша, богам и героям разделить с нею почести. Сотня ароматов и благовоний возносятся к ней спиралью. Йеманжа и Огун принимают цветочные пироги и джин. Уличные храмы Богоматери Казанской сияют от сотен люминесцентных лампад. Триллион в бумажных деньгах этой ночью отправится в шредеры.

И Лунный пирог! Лунный пирог. Круглый, с бороздами, с отпечатанными девизами или символами адинкра, в форме кролика, зайца, единорога, маленького пони, коровы или ракеты. Все их покупают. Никто не ест. «Он такой жирный. Слишком тяжелый. Слишком сладкий. Только взгляну на него, и уже зубы ноют».

На лбу шлема – герб, прямо над лицевым щитком: лицо наполовину живое, наполовину костяное. Не лицо женщины, не лицо Леди Луны; морда животного, маска волка. Наполовину волк. Наполовину волчий череп. Шлем прицеплен сзади к рюкзаку пов-скафа, рюкзак висит на плече Вагнера Кортъ. Сквозь Лунные пироги и музыку, святых и секс он идет домой. Сильно уставший, но в приподнятом настроении – его тянут во все стороны зрелища, звуки, запахи, настроения, словно изящные крючки, воткнутые в шкуру.

Он движется сквозь фестиваль, как волк в его сердце, пробираясь все выше по рампам, лестницам и эскалаторам. Он легок, как свет, он светел и просветлен. Его обостренные чувства различают дюжину разговоров, разделяют сотни событий. «Мне нравится эта мелодия». «Попробуй это, ну же, всего кусочек». Прерванный поцелуй. Кто-то, вытаращив глаза, охвачен

внезапным приступом рвоты: слишком много Лунного пирога. «Коснись меня, пока я танцую». «Можно мне шарик?» «Где ты?» Периферийным зрением он замечает фамильяра, одного фамильяра среди легиона цифровых ассистентов, потом пятерых, потом десятерых, дюжину других, которые движутся сквозь толпу в его сторону. Вагнер переходит на бег. Стая пришла его встречать.

Амаль, вожак стаи Меридиана, бросается к Вагнеру, борется с ним, ерошит его волосы, кусает его нижнюю губу в ритуальном подтверждении главенства в стае.

– Ах, ты, ты, ты...

Нэ приподнимает его вместе с пов-скафом, шлемом и всем прочим, кружит, и к тому времени остальная стая, собравшись, предается поцелуям, объятиям и слабым, нежным покусываниям. Руки лохматят его волосы, игриво бьют в живот.

Хладная смерть западного Моря Спокойствия, равнина, усеянная пов-скафами, ужас, от которого он оцепенел; все это сгорает в мощном пламени стайного поцелуя.

Амаль окидывает Вагнера взглядом с головы до ног.

– Выглядишь как смерть, Лобинью.

– Купи мне выпить, ради всех богов, – говорит Вагнер.

– Еще рано. Тебя ждут в Земмеринге.

– А что там, в Земмеринге?

– Спецпосылка для тебя, Маленький Волк, от Хоан Рам Хуна-Маккензи. И поскольку это связано с Маккензи, мы идем с тобой.

* * *

Спозаранку, прежде чем остальные волки поднимутся, Вагнер выпутывается из спящей стаи. Он вытряхивает из головы сон. Общие сны тяжелые, прилипчивые, западающие в память. Пришлось приложить усилия, чтобы отключиться от стайного сна. Одежда. Не забыть про одежду.

Куча одеял на шезлонге, где он уложил мальчишку спать, пуста. Место, где спал Робсон, отчетливо пахнет чужаком. Мед и озон, пот и слюна. Жирные волосы и угри. Одежда, которую носили слишком долго, и кожа, которую не мыли слишком давно. Грибок стопы и подмышки. Бактерия, обитающая за ушами. Мальчишки-подростки смердят.

– Робсон?

«Вы все спите вместе?» Чжунцю завершался среди разбитых фонариков, пролитой водки и растоптанных Лунных пирогов, когда стая вернулась в Меридиан. «Волки», – шептали люди и спешили уйти с дороги плотно сбитой, целеустремленной группы людей с хмурыми лицами, окружающей мальчика в светлом костюме с закатанными рукавами. Робсон еле держался на ногах, но упрямо и тщательно обследовал дом стаи. Вагнер понял, что делает мальчик: сливается с территорией. Изучает волчий мир.

«Я тебя как-нибудь устрою, – сказал Вагнер. – На шезлонге. У нас действительно нет отдельных кроватей».

«А каково это, спать всем вместе?»

«Нам снятся одни и те же сны», – сказал Вагнер.

Он находит Робсона в столовой: мальчик, ссутулившись, сидит на высоком табурете возле барной стойки, простыни ниспадают вокруг него. Он снимает колоду карт – половину колоды, замечает востроглазый Вагнер, – одной рукой, искусно, поднимает верхнюю часть стопки, выдвигает нижнюю, меняет их местами, складывает, снова и снова.

– Робсон, ты в порядке?

– Спал неважно. – Он не отводит глаз от собственной руки, маниакально снимающей колоду.

– Прости, мы постараемся напечатать тебе кровать. – Вагнер говорит по-португальски. Он надеется, что старый язык будет звучать для Робсона сладостно и успокаивающе.

– Сойдет и шезлонг, – отвечает Робсон на глобо.

– Принести тебе что-нибудь? Сок?

Робсон стучит кончиком пальца по стакану чая на столике перед ним.

– Скажи, если что-то понадобится.

– Конечно, скажу. – По-прежнему глобо.

– Тут скоро будет многолюдно.

– Я не стану никому мешать.

– Тебе стоило бы подумать о том, чтобы что-то надеть.

– А им? – Карты делятся и меняются местами.

– Что ж, если тебе и впрямь что-то понадобится...

Робсон поднимает взгляд тогда же, когда Вагнер отворачивается. Боковым зрением он замечает движение глаз племянника.

– Можно напечатать кое-какую одежду?

– Конечно.

– Вагнер...

– Что такое?

– Вы с ребятами все делаете вместе?

- Нам нравится быть друг с другом. А что?
- Можно мы с тобой пойдем куда-то позавтракать? Вдвоем?

* * *

После двадцати дней на стекле Вагнер Корта не уставал так сильно, как после трех дней с Робсоном Маккензи. Неужели тринадцатилетние мальчишки требуют столько времени и сил? Питание: пацан все время ест. Он совершенная машина по превращению массы в энергию. То, что он ест и чего не ест; то, где он это съест или не съест. Вагнер ни разу не побывал ни в одной закуской дважды.

Дыхание. Контракт по усыновлению с Маккензи гарантирует мальчишке Четыре Базиса. Брайс Маккензи из тех, кто может нарушить контракт исключительно по злобе. Стая тратит час в режиме полного гештальта, чтобы тайком подключить чиб Робсона к вторичному счету через сеть фальшивых компаний-матрешек. Дыши свободно, Робсон.

Образование: контракты далеки от простых. Индивидуальное обучение или групповой коллоквиум? Специализация или общие знания?

Мастурбация: отыскать уединенное местечко в доме волков, чтобы этим заниматься. Если он вообще этим занимается. Вагнер уверен, что в таком возрасте ничего подобного не делал. И ведь еще отдельный вопрос, где пацан располагается в рамках спектра: что ему нравится, кто ему нравится, кто ему нравится больше остальных, если вообще ему кто-то нравится.

Финансизация: боги, пацан стоит дорого. За все, что касается тринадцатилетних, приходится платить.

Изоляция: мальчишка милый, серьезный, забавный, и он разбивает Вагнеру сердце дюжину раз на день, но каждый миг, проведенный с ним, – это миг, проведенный вдали от стаи. Для волков все иначе; нужда быть вместе физическая, она выжжена в их костях синим светом Земли. Вагнер чувствует ноющую боль разлуки каждую секунду, пока он с Робсоном, и знает, что собратья по стае ощущают разрыв. Он видел взгляды, чувствовал изменения в эмоциональном климате. Робсон тоже это почувствовал.

– Кажется, Амаль меня не любит.

Они обедают в «Одиннадцатых вратах». Робсон одет в короткие белые шорты с аккуратными складками, укороченную белую майку без рукавов с напечатанными большими буквами «WHAM!». «Вэйфэреры» в белой оправе. Вагнер в двойном дениме. Некоторые стаи одеваются только

согласно собственному стилю; преобладает готика. Меридиан всегда в тренде.

«Одиннадцатые врата» – это шумная лапшичная вун сен. Наступило временное затишье после Чжунцю, но Вагнер настороже. Его волчьи чувства направлены на тех, кто обедает и пьет чай по соседству. Из всех проблем, которые Робсон привез с собой из Земмеринга, безопасность – самая главная.

– Нэ в твоём присутствии неуютно.

– «Как и многим из нас».

– Что же мне делать?

– Вопрос не в том, что ты можешь делать, а в том, чего не можешь. Эката.

– Я слышал это слово. – Теперь они разговаривают на португальском. «Эката» – волчье слово, которое волки взяли из пенджабского и присвоили.

– Я не могу его по-настоящему перевести. Он означает единство душ. Христиане бы назвали его братством, мусульмане – вроде бы, умма, но на самом деле оно куда сильнее. Цельность, единение. Более того. Ты открываешь глаза – и я вижу через них. Мы понимаем без того, чтобы понимать... Я волк; не уверен, что могу объяснить это тому, кто не является волком.

– Мне нравится, как ты это произносишь. «Я волк».

– Так оно и есть. Мне понадобилось много времени, чтобы это осознать. Я был твоего возраста, когда понял, что означают все эти перемены настроения, личностные сдвиги и приступы гнева. Я не мог спать, меня тянуло к насилию, я был гиперактивен, а потом наступали другие периоды – темные периоды, – когда я по несколько дней ни с кем не разговаривал. Я думал, что болен. Думал, что умираю. Доктора пичкали меня лекарствами. Моя мадрина знала, в чем дело.

– Биполярное расстройство.

– Это не расстройство, – говорит Вагнер, а потом понимает, что ответил слишком быстро, слишком резко. – Не обязательно называть это расстройством. С этим можно совладать с помощью лекарств или направить это в совершенно другое русло. Можно сделать это чем-то бóльшим. Что сделали волки, так это создали социальную базу для этого, культуру, которая это принимает и поддерживает. Питает.

– Волки.

– На самом деле мы не волки. Мы не меняемся физически вместе с циклами Земли. Ну, мозговая химия меняется. Мы принимаем лекарства, которые воздействуют на химические процессы в нашем мозге.

«Вервольфы» – это богатое и вызывающее эмоциональный отклик метафорическое определение того, как мы циклично перемещаемся от одного психологического состояния к другому. Обратные вервольфы. Вервольфы наоборот. Мы воем в свете Земли. Впрочем, у биполярников встречается чувствительность к свету. Так что, быть может, свет как-то со всем этим и связан. Послушай, я, вероятно, говорю быстро и отрывисто?

– Верно.

– Это светлый аспект. Я принимаю много лекарств, Робсон. Как и все мы. Мадринья Флавия знала, что я такое, и она связала меня со стаями, когда еще работала в Боа-Виста. Они мне помогли, показали, что я могу делать. Они никогда на меня не давили. Я должен был сам принять решение. Это богатая жизнь. Это суровая жизнь, когда ты каждые пятнадцать дней становишься кем-то другим.

Робсон вздрагивает, выпрямляется. Лапша и креветки выпадают из его палочек.

– Каждые пятнадцать дней. Я и не знал...

– За это приходится платить. В Боа-Виста ты всегда видел лишь одного меня; темного меня, и вы все думали, что это и есть Вагнер Корта. Вагнера Корты не существует; есть волк и его тень.

– Я тебя почти не видел в Боа-Виста, – говорит Робсон.

– Были и другие причины, – говорит Вагнер, и Робсон понимает, что эти вопросы надо оставить на другой раз.

Мальчик спрашивает:

– Вагнер, когда ты перестанешь быть волком. Когда ты сделаешься тенью. Что случится со мной?

– Стая распадется. Мы отправимся к нашим тeneвым жизням и тeneвым любовям. Но стая никогда не перестанет существовать. Мы бережем друг друга. Я волк, но я по-прежнему Корта. Ты Корта. Я буду рядом.

Робсон ковыряет палочками в миске.

– Вагнер, как, по-твоему, я могу повстречаться с друзьями из Царицы?

– Пока нет.

– Ладно. – Еще один взгляд через «вэйфэры». – Вагнер, я должен тебе рассказать, что пытался найти свою команду трейсеров.

– Я знаю. Робсон...

– «Робсон, будь осторожен в сети». Я не смог их отыскать. Я боюсь за них. Боб Маккензи сказал, что не причинит им вреда...

– Но Боб Маккензи мертв.

– Да. Боб Маккензи мертв. – Робсон оглядывается по сторонам. – Мне

нравится это место. Я бы хотел сюда приходить регулярно. – Отыскать подходящую закусочную – ритуал становления взрослым. – Это ничего?

– Нормально.

– Вагнер, я занимаю много твоего времени. Я отнимаю тебя у них. Это проблема?

– Это создает напряженность.

– Вагнер, как ты думаешь, я смогу научиться экате?

* * *

Моту оставляет двух женщин у двери «Кристалайна». Марина бьет по кнопке, и инвалидное кресло раскрывается. Ариэль забирается в него. Члены персонала поворачиваются и пялятся, не понимая, что делать, как обслуживать. Они молоды и никогда не видели инвалидов кресел.

– Я могу тебя толкать, – говорит Марина.

– Я сама себя толкаю, [\[15\]](#) – говорит Ариэль.

Ариэль катится по полированному полу из синтера мимо барной стойки, и люди в кабинках и за столами поворачивают головы. «Она вернулась; поглядите на нее, я думал, она умерла». Марина идет спокойно, с достоинством, в двух шагах впереди, расчищая дорогу, но Ариэль видит, как она прихрамывает и морщится, скрывая боль. Доктор Макареэг стянула, заштопала, перевязала и обезболила наиболее тяжелые раны; остальное Ариэль прикрыла тканью и макияжем.

– Слава богам, они не тронули твое лицо, – сказала Ариэль. Марина гримасничала, пока Ариэль натягивала кружевную перчатку на опухшие пальцы. – Ты потеряешь пару ногтей. Я тебе напечатаю новые.

– У меня вырастут новые.

– Мы столько времени провели вместе, и ты по-прежнему такая земная? – Ариэль почувствовала отклик в руке, которую держала, и физические повреждения были тут ни при чем. – Ну вот. – А теперь последние штрихи, подводка, еще разок начесать волосы. К коктейлю готовы.

Орел Луны ждет в частной комнате, что прячется позади другой частной комнаты. Стол накрыт среди истекающих влагой сталактитов и сталагмитов, все вместе образует струящийся и булькающий водяной парк. Ариэль находит это весьма топорным. Вода пахнет свежестью и чистотой. Она делает глубокий вдох.

– Дорогой, если осторожность превыше всего, не заставляй меня

дефилировать через весь «Кристалайн».

Орел Луны хохочет. Ждут напитки: вода для него, запотевший «мартини» для нее.

– Ариэль. – Он наклоняется и берет обе ее руки в свои. – Чудесно выглядишь.

– Я выгляжу дерьмово, Джонатон. Но верхняя часть моего тела воистину сильна. – Ариэль кладет локоть на стол, выпрямив предплечье – классический вызов армрестлера. – Я могу справиться с тобой и, возможно, со всеми в баре, кроме нее. – Она кивает своим большим начесом в сторону Марины. – Эдриан сегодня не с тобой?

– Я не сказал ему, куда иду.

– Заговоры, Джонатон? Как мило. Толку от этого не будет. Слухи к настоящему моменту уже дошли до Невидимой стороны. А Эдриан всегда был таким прилежным Маккензи.

– Прямо сейчас у него есть более неотложные заботы, – говорит Орел.

– И на какой же он стороне, отца или дяди?

– На своей. Как всегда.

– В высшей степени разумно. А какую позицию в гражданской войне Маккензи занял Орел Луны?

– Орел Луны выступает за свободные контракты, экономический рост, ответственное гражданство и бесперебойные потоки доходов от аренды, – говорит Джонатон Кайод, одновременно касаясь пальцем правого глаза; сигнал, что этот разговор теперь будет вестись без фамильяров. Пиксели кружатся и шипят на линзах. Пусто. Орел Луны чуть склоняет голову, кивая Марине.

Когда Марина закрыла дверь в слабо освещенную, полную журчания сталактитовую комнату, Ариэль говорит:

– Знаешь, что мне больше всего нравится в моей работе? Сплетни. Я слышала, совет КРЛ не доволен тобой, Джонатон.

– Совет КРЛ хочет, чтобы я ушел, – говорит Орел Луны. – Мне повезло, что они слишком недоверчиво относятся к кандидатурам друг друга, чтобы выдвинуть вотум недоверия. Земля разминает мышцы. Это началось после развала «Корта Элиу».

– Развал, – повторяет Ариэль. – Речь о моей семье, Джонатон.

– Однажды ты сказала мне, что благодаря семейству Корта там, наверху, горит свет. Земля боится нехватки электроэнергии, темных городов. Цена местной электроэнергии выросла в три раза. Я был в «Горниле», Ариэль. Я видел, как поезд горит. Дункан и Брайс вцепились друг другу в глотки. Они нанимают силовиков даже на Земле. Рубаки

дерутся на проспектах Меридиана. Цены на сырье растут. Предприятия закрываются. Старая Земля смотрит на Луну и видит мир, который разваливается на части. Она видит Орла, который не может выполнить свой контракт.

Ариэль делает глоток «мартини». Орел слишком хорошо ее знает. Напиток идеален: холодный, вязущий, сказочный.

– Джонатон, если бы КРЛ действительно хотела избавиться от тебя, они бы подкупили телохранителей, чтобы те выпотрошили тебя во сне.

– Как ты пользуешься моей защитой, так я пользуюсь защитой Драконов. Ни один из них не хочет, чтобы мое место заняла марионетка КРЛ. Сунни боятся очередной попытки Народной республики захватить контроль. Москва никогда ничего не признает, но Воронцовы регулярно раскрывают ее агентов и вышвыривают их из шлюза. Асамоа меня не любят, но Москву и Пекин любят еще меньше. Маккензи погрузились в свою войнушку, но победитель встанет на сторону того, кто предложит «Маккензи Металз» большую свободу.

– А Корта?

– Нет власти, нет богатства. Нет статуса, чтобы его защищать, нет семьи, чтобы ее оберегать. Нечего терять, нечего бояться. Поэтому я хочу нанять тебя в качестве юридического советника.

Замечает ли Орел мгновенную дрожь потрясения, которая пробегает по мениску ее тринадцатикомпонентного ботанического джина?

– Я заключаю брачные контракты. Я беру человеческую страсть и человеческую похоть вместе с человеческой глупостью и нахожу для них как можно больше путей побега.

– Ты можешь все вернуть, Ариэль. Все, что ты потеряла, все, что у тебя забрали. – Он наклоном головы указывает на инвалидное кресло.

– Не все, Джонатон. Некоторые вещи не в твоей власти. – Но Ариэль ставит стакан на место прежде, чем дрожащий джин выдаст ее. Она никогда не верила в особую умбанду матери – никогда не верила в веру. Ей было тринадцать, когда Адриана привела ее в новый дворец, Боа-Виста. Выйдя с трамвайной станции, она была почти ошарашена размерами, светом, перспективами. Она ощутила запах камня, свежего гумуса, растущей зелени, пресной воды. Она вскинула руку, чтобы защитить глаза от сияния неба, прищурилась, попытавшись сфокусироваться на объектах, расположенных дальше нескольких десятков метров. Жуан-ди-Деус был тесным и битком набитым. Это место казалось бесконечным. Затем она увидела лица ориша – каждое сто метров высотой, они были высечены из того же материала, что и сам Боа-Виста, – и поняла, что никогда не поверит.

Богам нельзя смотреть в глаза. Они выглядели глупыми и бесчувственными. Мертвыми и недостойными веры. Она испытала замешательство: эти штуковины хотели, чтобы она им доверилась?

Но мадринья Амалия всегда ей говорила, что святые – дело тонкое, и Ариэль приняла истины ориша, которые оберегали ее всю жизнь. Нет ни рая, ни ада; ни греха, ни вины; ни осуждения, ни наказания. Один шанс, один раз – вот и все, что они предлагают. Такова благодать святых. Она заслуживает платья от Марка Джейкобса и туфли от Мод Фризон, квартиру на низком уровне хаба Водолея, место в круговороте вечеринки, свиту обожателей. Она заслуживает славу и чествования. Заслуживает снова ходить.

– Что ты хочешь, чтобы я сделала, Джонатон?

– Я хочу, чтобы ты была моим адвокатом на крайний случай. Я хочу, чтобы ты была моим советником, когда все остальные бросят меня. Для этого мне нужен кто-то, у кого нет корыстных интересов, нет семейной приверженности, нет политических амбиций.

Она чувствует вокруг себя ориша, словно плащ; они нематериальны, но толпятся, им не терпится увидеть, примет ли она их подарок. Еще нет, святые. Знак хорошего адвоката – вот этого адвоката – все подвергать сомнению. Даже святых. Хитрый ход, дешевый трюк – вот столпы лунного права. Маландрагем.

– Ты отчаялся, раз выбрал меня, – говорит Ариэль.

– У меня есть другие консультанты. Мои враги ожидают такого. Я им не доверяю.

– Это твои советники по контракту.

– Леди Луна еще не заключила контракта, которого бы не нарушила.

– Я не хочу прятаться, Джонатон. Я не буду перешептываться с тобой в чулане. Вся Луна должна знать, что Ариэль Корта – твой советник.

– Договорились.

Ариэль допивает коктейль. Люби меня, говорит спираль лимонной корки в пустом бокале. Люби меня снова. Возьми меня. Ее пальцы прикасаются к ножке, готовые повернуть бокал на четверть оборота – общепринятый знак «принесите еще». Стол почувствовал бы это, служитель принес бы ей его, чистый, запотевший и очищающий. Почти. Она отпускает бокал.

– Какова роль Видьи Рао?

– С человеком, который утверждает, что может предсказывать будущее, лучше сотрудничать, чем враждовать.

– Когда имеешь дело с тем, кто может предсказать будущее, не следует

делать выводы исходя из того, на чьей стороне этот человек.

– Наши отношения изменились. Мы были советником и тем, кто выслушивал советы. Теперь мы союзники.

– Видя однажды сказалэ мне, что эйные машины отметили меня как того, кто совершит на Луне великие дела. Что они сказали о тебе, Джонатан?

– Орел полетит.

– Ну разве можно не влюбиться в это пророчество? Я согласна. Одно условие. Я хожу на каждое совещание. Бейжафлор получает каждый отчет. Мне нужно видеть их лица.

– Спасибо, Ариэль.

– Это было мое условие. А вот мой райдер. Марина – моя охрана. Мне нужен бюджет на одежду. Я хочу прекрасную квартиру, минимум сто квадратных метров, в хабе. Не выше 15-й улицы. Я хочу свои ноги обратно. Побейстрой. Но сначала...

Она щелкает вейпером, раздвигая на полную длину, фиксирует его. Затем поворачивает ножку бокала «мартини».

* * *

Волки танцуют, но Робсон Корта не танцует. Для него эти движения просты – большинство волков плохо владеют телом и танцуют так же, он мог бы перефанковать любого из них, и музыка – точнее, музыки, ведь они могут следовать двум ритмам одновременно – не слишком болезненна, но Робсон не присоединяется к буги. Вагнер кивает ему; Амаль протягивает руки, приглашая, но Робсон трясет головой и потихоньку уходит от ритмов и тел на балкон. Этим утром Амаль едва его не укусилэ. Он шарахнулся и избегал нэ до конца дня, но теперь думает, что это мог быть комплимент. Волки: ему еще во многом предстоит разобраться.

Клуб находится на 87-м уровне в восточной части Крикалева, в конце проспекта; немодный – далеко от хаба, репутация неважная – слишком высоко. Робсон не хотел идти, но стае трудно отказать. Волки любят собираться, когда Земля полная. Стая Меридиана соединяется со стаей Тве: члены стаи приходят и уходят. Будет много секса.

Робсон наклоняется над железными перилами. Проспект Крикалева – каньон света, хаб Антареса выглядит как далекая светящаяся галактика. Вагончики канатных дорог образуют цепочки качающихся фонарей; байкеры, несущиеся по 75-му, превращаются в полосы света, которые

мчатся вниз по уровням и лестницам так быстро, так захватывающе. Робсон задерживает дыхание. Однажды он делал подобное, когда был мальчиком, упавшим на Землю.

Робсон держит свой коктейль над пропастью. В нем не только алкоголь. Хоан был строг насчет психотропных веществ. Вагнер понятия не имеет о том, что подходит детям. Хоан был силен по части границ; всегда соблюдал их, но всегда вел переговоры. У Вагнера границ нет. Не в волчьей ипостаси. Робсон скучает по Хоану. Робсон часто думает о последней лжи Хоана, оставшегося по другую сторону шлюзовой двери на станции Лансберг. Вагнер до сих пор не разрешил ему связаться с Хоаном, Дариусом или трейсерами.

Робсон опускает бокал, не притронувшись к коктейлю. В другую ночь и на другой вечеринке он мог бы его жадно проглотить и насладиться кайфом, но для того, что он сейчас хочет сделать, нужна ясная голова и послушное тело. Он достает спрятанную в гетрах палочку с краской. Робсон подозревает, что его тренировочный наряд в стиле 80-х изначально не был предназначен для парней. Парни бы добавили больше карманов. Но он выглядит в этом наряде хорошо, а чувствует себя еще лучше. Он рисует толстую белую полосу поперек губ. Резкое движение влево, вправо – и вот вдоль его скул тянутся белые линии.

Никто не видит, как Робсон Корта прыгает на перила; слева от него два километра светящегося пространства, и он бежит, легко и уверенно, до конца балкона. Волчья компания продолжает пировать. Два ритма то сливаются, то разделяются.

Это легкое место. Это место – как приставная лестница. Как крестик-нолики по сравнению с балконом наверху. Робсон одолевает небольшое расстояние, упирается ногой в стену, толкает себя вверх и назад. Взмывает в воздух. Переворачивается. Хватается за перила балкона уровнем выше и использует свою движущую силу, чтобы оторваться от перил, сделать трюк «saut-de-bras», ноги между руками. Бежит, прыгает, делает сальто, которое никто, кроме него, не видит – которое никто, кроме Робсона, и не должен увидеть, – и вот он среди опор верхнего уровня; бежит от балки к балке, пока не находит нужное место, развилку, где встречаются брус и распорка, откуда он может обозревать весь клуб. Робсон приседает, обнимает руками колени.

Раньше у него была стая. Баптист учил его движениям и тому, как они назывались. Нетсанет тренировала, снова, снова и снова, пока эти движения не стали для него привычными, как дыхание и сердцебиение. Рашми, которая открыла ему возможности его собственного тела. Лифен,

который дал ему новые чувства и научил видеть не только глазами, чувствовать не только кожей. Заку, который сделал его трейсером. Его стая. Его эката.

Амаль выходит на балкон уровнем ниже. Нэ подходит к перилам полюбоваться видом. Нэ как будто нюхом его чует – и Робсон знает, что видел лишь малую часть того, на что способны волки, когда входят в групповое сознание. Амаль поднимает глаза. Их взгляды встречаются. Нэ кивает Робсону, который вцепился в ребра мира. Мальчик чуть заметно кивает в знак благодарности.

Теперь на балкон выходит Вагнер, и вот они вдвоем. Робсон наблюдает, невидимый, со своего высокого насеста. Коктейли медленными синими арками падают из их рук, пальцы рвут одежду друг друга. Амаль раздирает гуаяберу^[16] Вагнера до самого пупка. Нэ хватается зубами сосок и тянет. Робсон видит кровь. Робсон видит чужеродную радость на лице Вагнера. Нэ оставляет кровавые отметины укусов до самого тугого живота. Зубы Вагнера крепко прихватывают мочку нэйного уха, и нэ бормочет от боли и удовольствия.

Робсон смотрит. Кровь, страсть, тайна его скрытого наблюдения – все это возбуждает его, но Робсон смотрит, чтобы понять. Кровь течет из дюжины укусов, струится по темной коже Вагнера, и Робсон осознает, ему не постичь, каково это – быть волком. Нельзя научиться быть волком. Надо волком родиться. Робсон может быть в стае, укрытый, защищенный, любимый, но он никогда не сделается членом стаи. Волком ему не быть. Он всегда будет таким же, как сейчас – совершенно одиноким.

* * *

Стол Робсона находится в задней части «Одиннадцатых врат», прижатый к стеклянной стене газового уплотнения. Он крутит нетронутый стакан мятного чая: на четверть направо, обратно, на четверть налево, обратно.

- Ты не должен быть здесь один, – говорит Вагнер, занимая стул.
- Ты сказал, что это важный этап социализации – выбрать свою закусочную, – говорит Робсон. – Мне здесь нравится. И я уже не один.
- Ты должен думать о безопасности.
- Я знаю, где выходы. Я сижу лицом к наружной стороне. Это ты сидишь спиной к улице.
- Я не рад, что ты далеко от стаи.

– Это не моя стая. – Мальчик тянется через маленький столик, чтобы краем ногтя большого пальца ткнуть в укус на шее Вагнера. – Больно?

– Да, немного. – Вагнер не вздрагивает, не убирает руку Робсона.

– Больно, когда нэ тебя кусает?

– Да.

– Почему же ты позволяешь так поступать?

– Потому что мне нравится. – Вагнер считывает по лицу Робсона дюжину промелькнувших признаков отвращения, которые были бы незримы для не-волка. Мальчик хорошо прячет чувства. Он вырос в «Горниле», он жил в Царице Южной, страхась призыва вернуться домой – контроль стал для него необходимым навыком.

– Ты любишь нэ?

– Нет.

И опять он сжимает челюсти, напрягается уголок рта, взгляд на миг уходит в сторону.

– Робсон, мне надо уйти.

– Знаю. Та самая часть месяца. Ты темнеешь.

– Да, но ухожу я не поэтому. У меня работа. Я больше всего на свете хотел бы остаться, но мне надо работать. Я веду бригаду на стекло. Меня не будет семь, может, десять дней.

Робсон прислоняется к холодной стеклянной стене. Вагнер не может смотреть ему в глаза.

– Амаль присмотрит за тобой, – говорит Вагнер. – Кто-то должен остаться, чтобы следить за домом стаи. Но нэ изменится. Как я меняюсь. – Вагнер читает недоверие, опасения, страх в мельчайшей игре мышц под коричневой кожей Робсона. – Я знаю, Амаль тебе не нравится, но ты можешь доверять нэ.

– Но Амаль изменится. Нэ уйдет. Ты уйдешь. Вы все становитесь другими. Все уходят.

– Лишь на семь дней, Робсон. Может, десять. Я вернусь. Я всегда возвращаюсь. Я обещаю.

* * *

«Делегация прибудет на поезде, – гласило сообщение. – В 14:25 на станцию Жуан-ди-Деус, прямо из Царицы Южной. Частная автомотриса».

Уведомление пришло незадолго до события, которого все ждали. Никто иной, как Брайс Маккензи собрался проинспектировать новую штаб-

квартиру «Маккензи Гелиум», поэтому Жуан-ди-Деус должен почтить его. Эскадрильи ботов убирают улицы и проспекты и соскребают с фасадов квартир граффити, посрамляющие Маккензи. Бригады печатают баннеры и вымпелы и вешают их с крыш и перекрестков. Слитые буквы эмблемы «Маккензи Гелиум» колышутся на постоянном легком ветру от работающих воздушных установок. Временные заборы и плакаты прикрывают шрамы и пустые, испачканные сажей остовы, которые по-прежнему остаются заброшенными спустя восемнадцать месяцев после битвы при Жуан-ди-Деусе. Отряды рубак и дешевых силовиков патрулируют проспекты; безукоризненно одеты, еще более безукоризненно вооружены.

Поезд прибывает с точностью до секунды. Брайс Маккензи, его окружение и телохранитель выходят с пустынной станции на проспект Кондаковой. Хайме Эрнандес-Маккензи и его рубаки встречают почтенного генерального директора. Брайс распускает флот моту, которые должны доставить его в штаб-квартиру Жуан-ди-Деуса.

– Пойду пешком.

– Конечно, мистер Маккензи. – Хайме Эрнандес-Маккензи опускает голову, приказывает своему охраннику присоединиться к свите Брайса.

– Цифры, Хайме. Убеди меня, что ты навел здесь порядок и управляешь этим местом в духе Маккензи.

Хайме Эрнандес-Маккензи рассказывает про запуски экстракторов, оценочные запасы, показатели переработки и производства, резервы и графики поставок, поставки на орбиту и поступления с возвратной орбиты с Земли. Эти сведения можно было быстрее и эффективнее передать от фамильяра к фамильяру. Эти сведения Брайс мог бы получить в своем офисе в Кингскорте, не приезжая за тысячу километров в Жуан-ди-Деус. Но он завоеватель, показывающий побежденным свое право и силу. «Я хожу среди вас, и вы не можете прикоснуться ко мне».

– Ваши первоначальные кадровые проблемы уже решены? – спрашивает Брайс. Его узкие глаза в складках жира стреляют налево, направо. Брайс Маккензи не упускает ни одной детали.

– Решены, мистер Маккензи, – говорит Хайме. – И без крови.

– Рад это слышать. Не надо тратить зря хорошие кадры. Ты прибрался. Здесь чище, чем когда-либо было при Корта.

Хайме знает, что Брайс никогда раньше не был в Жуан-ди-Деусе.

– На поверхности, мистер Маккензи. Для того чтобы привести это место в соответствие с современными стандартами, необходимо заменить большую часть инфраструктуры. – Он осмеливается продолжить. – Как

начальник производства, я был бы рад узнать, что мы можем спокойно вернуть экстракторы в Море Кризисов. Без угроз для моих джакару.

– Вашим джакару ничего не угрожает, – говорит Дембо Амаечи, начальник отдела корпоративной безопасности. – Я очистил Море Змеи, Море Кризисов и восточный сектор Моря Спокойствия. И также без крови. – Он улыбается. – Большой крови.

– И добыл голову Денни Маккензи, – говорит Альфонсо Перес-Трехо. – Это переворот.

– Не совсем, – с очевидным удовольствием говорит Роуэн Солвейг-Маккензи. – Какая-то команда стекольщиков «Тайяна» вытащила его из кратера Шмидта с десятью минутами O₂ в ранце.

– Он всегда был выносливым подвальным крысенышем, этот мой племянник, – говорит Брайс. – Но до той поры, пока мой брат снова льет раскаленный металл, я доволен. Пока что.

Брайс останавливается как вкопанный, свита замирает позади него миг спустя.

– Хайме, этот город под твоим контролем?

С центра пешеходной дорожки на 7-м западном свисает веревка. Свободный конец окрашен в красный цвет.

– Я это уберу. – Рубаки уже начали действовать.

– Разберись.

Брайс Маккензи движется дальше. Его охранник проверяет аркады и боковые переулки. Маленькое кровавое напоминание о том, что Маккензи сделали с Жуан-ди-Деусом, было быстрым, смелым поступком. Преступник не мог уйти далеко. Чей-то фамильяр должен был запечатлеть его деяние. Может, Брайс даже захочет допросить виновного лично.

В офисе «Маккензи Гелиум» в Жуан-ди-Деусе пахнет свеженапечатанной мебелью и напольным покрытием. Малочисленный персонал, похоже, должен был выглядеть компетентно, но еще не полностью освоился на месте. Есть свежие цветы – деталь, которой Брайс восхищается, втянув воздух носом. Никакого аромата. Асамоа разводят цветы для услады глаз, а не носа.

Брайс размещает свое массивное тело за столом. Тот создан с учетом его габаритов. Он не сомневается, что стол отправят в депринтер в тот же миг, как его вагон отойдет от станции Жуан-ди-Деус. Он изучает стол, стены, удобные и стильные стулья, выстроившиеся перед столом. Персоналу требуется минутка, чтобы осознать свою ошибку. Чей-то младший помощник бежит на кухню. Принтер скулит, вода с грохотом

закипает – скоро будет обязательный чай.

– Я раздражен, – заявляет Брайс Маккензи, выражая недовольство. Кресло скрипит под его перекатывающимся весом. Его ноги от бессознательного раздражения болтаются. Все замечают, какие у него маленькие ступни. Изысканные ноги Брайса стали легендой Маккензи. – Мальчик! Меня оскорбляет сама мысль о том, что я не могу удержать родных под своей защитой и охраной.

– Он под защитой меридианской стаи, – говорит Дембо Амаечи.

– Меридианская стая! – рычит Брайс. Спины напрягаются, из кухни доносится звон разбитого стекла. – Гребаные детишки с их гребаными играми. Принеси мне мою собственность, Дембо.

– Я это устрою, мистер Маккензи, – говорит Дембо Амаечи.

– побыстрее разберись с этим. Ариэль Корта вернулась. Дайте ей достаточно времени, и она проедется на гелиевом экстракторе прямо по моему контракту на усыновление.

Роуэн Солвейг-Маккензи и Альфонсо Перес-Трехо обмениваются взглядами. Это для них новость, плохая новость. Это провал корпоративной разведки.

– Мистер Маккензи, я бы мог нанять убийц... – осторожно предлагает Дембо Амаечи.

– Ты не тронешь ни единого волоса на ее лобке. Половина Меридиана видела, как она распивает коктейли с Орлом Луны. Он заключил с ней контракт.

– Орлу понадобился третьесортный адвокат по бракоразводным процессам? – удивляется Роуэн.

– Большие люди не обязательно дураки, – говорит Брайс, и все в комнате слышат сталь в его голосе.

– Мистер Маккензи? – Стоящий в дверях стажер держит в руках поднос с чайными стаканами и прикидывает, как бы с изяществом и осторожностью пройти между людьми, набившимися в комнату. Брайс машет ему, чтобы вошел.

– Добудьте мне Робсона Маккензи, – приказывает Брайс. – Если вы боитесь злого и страшного лунного волка, подождите, пока стая не рассеется.

Дембо Амаечи прячет вспышку гнева в глазах за коротким, послушным поклоном.

– Я лично за это отвечаю.

– Хорошо. Можно обойтись без лишней вежливости. – Брайс поднимает свеженапечатанный чайный стакан к своим полным, поджатым

губам. Делает глоток, кривится. – Никакого вкуса. Ну никакого, твою мать. И слишком горячий. – Он ставит стакан на белый стол. Его спутники опускают свои нетронутые стаканы на поднос. Стажер весь серый от страха. – Думаю, все в этом нужнике, кто хотел меня увидеть, увидели? Тогда поехали обратно в Царицу.

5: Весы – Скорпион 2105

Вагнер Корта всегда считал золото дешевым. Его цвет безвкусен, его блеск лжив, его тяжесть – фикция, которая приравнивает вес к стоимости. В небе висит целая планета, загипнотизированная ложью золота. Кульминация богатства, душа жадности, окончательная мера ценности.

Луна погрязла в золоте. Гелиевые экстракторы «Корта Элиу» выбрасывали каждый год тонны золота в выхлопных шлейфах. Золото не стоило даже затрат на просеивание. Адриана Корта не владела золотом, не носила драгоценности. Ее обручальное кольцо было стальным, выкованным из лунного железа. Стальное кольцо на Железной руке.

Церковь Богоматери Константиновской – золотая утроба. Золотая низкая дверь, и каждый должен нагнуться, чтобы войти туда, где располагается святая икона; в этой маленькой часовне золотые стены и купол, золотые перила, лампы и кадила, рама самого образа тоже золотая. Фон иконы – фольга из лунного золота. Золотой покров над Девой Марией и дитем открывает лишь их лица и руки. Золотой священный венец. Кожа матери темная, глаза опущены, она не смотрит на надоедливую, обременительного ребенка в своих руках. Вагнер никогда не видел таких печальных глаз. Ребенок выглядит монстром, он слишком старый, маленький старичок; он жадно тянется рукой через горло матери, прижимается лицом к ее щеке. Коричневые тона и золото. Легенда гласит, что Константин Воронцов нарисовал эту икону на орбите, дерево и краски ему привезли несколькими запусками из Казахстана вместе с материалами для постройки первого циклера. Он закончил ее на Луне, взяв для фона золотую пыль из Моря Спокойствия.

Церковь Богорождения – отличное место, чтобы встретиться с Денни Маккензи.

И вот он, золотой мальчик, ныряет под низкую притолоку, щурится, пока глаза привыкают к биолюминесценции. Вагнер испытывает разочарование при виде черного костюма от Хельмута Ланга. Денни Маккензи ухмыляется, разглядывая декор. Блестят золотые зубы.

– Сделано со вкусом.

В церкви Богоматери Константиновской достаточно места для двух мужчин без сопровождающих.

– Так где же ты спрятал своих волков, Вагнер Корта?

– Там же, где ты прячешь свои лезвия.

– Я так не думаю. – Денни Маккензи открывает пиджак, чтобы продемонстрировать ножи в чехлах. Рукоятки ножей золотые.

– Я тоже так не думаю, – говорит Вагнер.

– Конечно, нет. Думаешь, я пришел бы сюда без телохранителя? Ты их не увидишь, Вагнер.

Меридиан является свободной и спорной территорией в гражданской войне Маккензи. Фракции устраивают стычки, выхватывают ножи, затевают драки на проспектах, заббалины смывают кровь с улиц. Денни Маккензи застегивает пиджак. Он наклоняется, чтобы взглянуть на икону.

– Миленькая.

– Теория в том, что образ существовал всегда. Художник просто его разыскал, – говорит Вагнер. – Видишь ту заплату, где износилась позолота? Это сделали губы. Тысячи губ. Может быть, миллионы губ. Икону целуют, чтобы передать богоматери свою любовь.

– Воронцовы верят в какое-то странное дерьмо. Три просьбы, Вагнер Корта. Ты израсходовал одну из них, позвав меня сюда.

– Сделай так, чтобы он был в безопасности.

– Мальчик?

– Разве я могу просить за кого-то еще? Береги его от Брайса. На протяжении темного времени. Пока стая распадается. Пока меня нет. Следи за ним.

– Это я могу сделать, Вагнер Корта, – говорит Денни Маккензи. – Даю тебе слово. Это две просьбы. Осталась одна.

– Нет, – говорит Вагнер. – Еще нет. Я узнаю, когда она мне понадобится.

– Да будет так. Мы закончили, Вагнер Корта?

– Закончили.

Вагнер остается в крошечной часовне. Икона Божией Матери Константиновской расположена низко, чтобы поставить на колени всех, кто будет чтить ее или восхищаться ею, глядеть в растерянности или просто искать утешения.

«Я договорился с человеком, который убил моего брата, – говорит Вагнер маленькой иконе. – Я поместил мальчика, которого поклялся защищать, в руки моего врага. Ты осуждаешь или прощаешь меня, Матерь Божья?»

Икона ничего не говорит. Вагнер Корта ничего не чувствует.

Леди Сунь вздыхает, глядя на замки и драконы. Банально. Она закатывает глаза при виде принцесс маньхуа и прекрасных моментов в гандболе. Технично, но скучно. Она идет сквозь рощу сплетенных стволов и ветвей, не глядя по сторонам.

– А это, – говорит она, – что такое?

Полый куб подвешен к куполу на невидимых тросах. Он как будто парит в воздухе. Куб пустой внутри, его грани изукрашены сквозным геометрическим орнаментом, вдохновленным мавританскими узорами дворца Альгамбра. В центре куба висит источник света, который отбрасывает на двух стоящих перед ним посетителей паутину сплетающихся теней. Дыхание Леди Сунь замирает в воздухе и в свой черед превращается в поверхность для игры теней из изукрашенного куба.

– Точные лазеры, – объясняет Сунь Чжюань. – Обработка посредством оттаивания и замораживания.

– Мне не надо знать, как это сделано! – резко отвечает Леди Сунь, но берет внука за руку и тянет ближе к себе. Облачко пара, вырвавшееся из ее рта, уже замерзает на меховой оторочке капюшона. Она дрожит, хотя холод и близко не похож на тот, что царил здесь, когда ледяное поле только открыли. Вода провела в виде льда два миллиарда лет в вечной тени кратера Шеклтон, в то время как вершина горы Малаперт вечно пылает. Лед и огонь, темнота и свет, противоположные элементы, из которых Сунь построили луну, лежат рядом друг с другом. Трех четвертей древнего льда уже нет, но оставшегося более чем хватает для ежегодного фестиваля ледовых скульптур; еще на сотню Чжунцю. Замки и драконы. Боги милостивые.

Этот куб радует ее своей простотой и геометрической элегантностью.

– Чья работа? – спрашивает Леди Сунь.

Внук называет троих детей, которых Леди Сунь не в силах отличить от женщины, что вручную шьет ее обувь. Леди Сунь обходит Альгамбровский куб по кругу, сквозь меняющиеся теневые ландшафты, и думает о своей теплой, озаренной мягким светом квартире.

– Я считаю, что Лукас Корта жив, – говорит она.

– Это была бы важная новость, – отвечает Чжюань.

– По многим причинам, – говорит Леди Сунь, продолжая двигаться по орбите вокруг ледяного куба. – Я провела осторожные расспросы. Аманда говорит мне, что ровер, в котором умер Лукас Корта, так и не был найден. Никакого тела – тут уж подозрения возникают естественным образом. Я приказала своим агентам провести сканирование со спутников, совместив его с картой, учитывающей диапазон поверхностного ровера. Они нашли

его рядом с башней «лунной петли» в центральной зоне Моря Изобилия. Воронцовы, как всегда, все расстроили и запутали, но мои агенты все же нашли запись о запуске, время которого соизмеримо с побегом из Жуан-ди-Деуса на ровере.

Леди Сунь опять берет внука за руку и тянет его к третьей грани ледяного фонаря.

– Пойми, что осторожность превыше всего. Улики незначительны, но все же они свидетельствуют, что Лукас Корта сбежал отсюда с помощью «лунной петли». Есть только одно место, куда он может отправиться. Если Воронцовы приютили его, они вовлечены в сохранение его тайны. Слишком топорные действия заставят их встревожиться.

– И тем не менее...

Леди Сунь сжимает руку Чжюаня.

– Я любопытная старуха. Устоять перед этим было совершенно невозможно. Воронцовы, безусловно, держат что-то в секрете, в космосе и на Земле. Деньги движутся. Деньги оставляют глубокие отпечатки. Земные корпорации формируют новые группы венчурного капитала. «ВТО-Земля» пришла к соглашению с российским правительством.

Чжюань отпускает руку Леди Сунь.

– Это невозможно.

– Более того. Мои шептуны внутри Коммунистической партии Китая замолчали. Это меня беспокоит. Они боятся. Меня осаждают заговоры. Земля что-то замыслила, и Орел Луны обнаружил, что совет директоров обратился против него? Леди Луна не допускает совпадений.

– Что ты подозреваешь, найнай?

– Лукас Корта идет, чтобы забрать обратно то, что было украдено. Он будет мстить тем, кто разрушил его семью.

– Могут ли Трое Августейших дать нам прогноз?

– Я не хочу их вовлекать. – Она тянет внука за рукав, увлекая к последней грани. Леди Сунь закрывает глаза в осколках света, струящегося из ледяного куба. – Мы не можем действовать открыто. Аманда заподозрит, что мы знаем о ее вранье про убийство Лукаса Корты. С ее позицией в совете будет покончено. Однажды Лукас Корта унизил ее с тем разводом. Во второй раз она этого не допустит. Привлеку Трех Августейших – и весь совет узнает.

– Мы должны понимать, кому можно доверять. Я буду действовать осторожно и правильно. Ошибки не будет.

– Благодарю тебя, Чжюань. – Леди Сунь опять складывает руки. мех ее капюшона густо покрыт инеем. – Хватит этого ледяного ада. Отведи

меня туда, где можно выпить хороший стакан теплого чая.

* * *

«Это фантастическая возможность».

Это правда. Абсолютная истина. Как же могло случиться так, что величайшая истина звучит как самая никчемная ложь?

«У меня есть шанс – один шанс, Лука – учиться в „Кабошоне“».

И он скажет – «Кабошон»? И ей придется еще раз объяснить, что это главный политический коллоквиум, работающий над альтернативными моделями лунного управления. А он скажет: «Чего?», – и все сделается тупым, размытым. Резать надо быстро, четко и чисто.

«Один год. Звучит как вечность, но это не так. И это всего лишь Меридиан, туда час на поезде. Один год – это еще не конец».

Но это конец. Отношения и коллоквиум несовместимы, как говорят все ее друзья. Никогда такого не было и не будет. Порви с ним. Он может пойти со мной. Руки взлетают в ужасе. Ты сошла с ума? Это еще хуже. Он будет таскаться за тобой по всем политическим салонам и коктейльным вечеринкам, и в какой-то момент ты заметишь его краем глаза и на мгновение увидишь не Лукасинью Кортю, ты увидишь питомца; а потом тебе станет за него стыдно, а потом ты перестанешь его приглашать, а потом – его больше не будет волновать то, что ты его не пригласила.

Так что все должно быть кончено, и все. Решено. Возникает следующий вопрос: как сказать ему, что все кончено?

Фамильяр, говорят ее друзья. Это современный способ. Я не могу так поступить. Он заслуживает лучшего. Заслуживает лучшего? У него скверный характер, он надоедлив, у него нет амбиций, нет самоуважения, и он трахнет все, у чего есть пульс – так оно и есть, – а хороший секс и выпечка, которая будет лучше секса, не возмещают всего этого. И она говорит: да, еще он бесит, он тщеславен, банален, скучен, требователен, бесчувственен и эмоционально безграмотен. И он страдает, страдает, страдает. Он пострадал сильнее, чем кто бы то ни было из ее знакомых, глубже. У него шрамы до костей. Он нуждается в ней. Она не хочет, чтобы в ней так нуждались. Она не хочет иметь человека, который от нее зависит. Нельзя, чтобы твоя жизнь принадлежала кому-то еще.

Когда малюсенький пакет был доставлен ей в руки, привезен БАЛТРАНОм из Меридиана, когда она нашла внутри две половины серьги, она созвала совет своей абусуа. Они не колебались. Металл был

контрактом. Она вернула его Лукасинью, и тот, не задумываясь, снова надел серьгу, хотя магия и исчерпала себя. Он все еще ее носит. Когда он раздражает ее, когда она ненавидит его, она думает, что он носит эту штуковину, чтобы напомнить ей, что она должна ему за своего брата Коджо. Что она всегда будет ему должна. Что лишь он может решить, выплачен долг или нет. Это маленький титановый крючок в ее свободе... Она хочет крикнуть: «Это наш долг, а не мой».

Она ненавидит его сейчас. Потом она видит его глаза; эти Суньские скулы; эти пухлые, красивые мальчишеские губы. Его важный вид, его хитрая улыбка, которая скрывает и отображает столько страхов.

«Он может читать?» – спрашивает она своего фамильяра. Открытка, письменное сообщение, которое будет личным, но сохранит необходимую дистанцию.

«На уровне шестилетнего ребенка», – отвечает ее фамильяр.

Ну чему мадриньи Корта учат их детей?..

Значит, никакого письма, никакого «иди ты на хрен» от фамильяра к фамильяру. Все будет лицом к лицу. Она боится этого, она уже запустила сценарий в своем воображении. Он неверный, он надоедливый, он раздражает ее больше, чем кто-либо, но она обязана ему хотя бы этим.

«Забронируй мне столик в „Святом Иосифе“», – приказывает она. Местечко шикарное и нейтральное, и достаточно далекое от ее социальной орбиты, чтобы там не оказался кто-то из друзей.

Она будет скучать по пирогам.

* * *

Бар в поезде отказывается его обслуживать. Сперва он этого не принимает. Бар вежлив, но настойчив. Тогда он кричит: «Ты знаешь, кто я?» Бар знает, но железнодорожные бары не делают послаблений обладателям особого социального статуса. В конце концов он бьет машину так, что на приборной панели появляется трещина. Бар извещает о причинении ущерба и готовит небольшой иск.

«Я думаю, тебе стоит вернуться на свое место, – говорит Цзиньцзи. – Пассажиры пьются».

– Я хочу еще выпить.

«Я бы не советовал. Уровень алкоголя в твоей крови составляет двести миллиграммов на сто миллиметров крови».

Он отказывается из мелочного неповиновения, но бросать вызов

фамильяру – никчемный бунт. На обратном пути к своему месту он сверлит взглядом любого, кто осмеливается на зрительный контакт.

Это третий день запоя Лукасинью. В первый день были химические вещества. Дюжина притонов, вдвое больше наркотических диджеев. Его разум, его эмоции, его чувства мотало от высокого к низкому, от выхода к входу; цвета и звуки расширялись и сокращались. Препараты и секс: вооружившись мешком эротических штучек, он пошел в Змеиный Дом, где жил Аделаёя Оладеле, мастер контролируемого оргазма, и в дом милых мальчиков, которые встретили его мешок сексуального кайфа, как будто наступил Фестиваль ямса^[17].

Тетя Лусика звонила ему, писала сообщения, умоляла вернуться домой, пока он не отключил Цзиньцзи и не заперся в пузыре тел, пота и спермы. Выйти самому из зоны доступа было единственным способом, который не дал ему устроить Абене бомбардировку оскорблениями в социальной сети. На второй день, все еще не в себе после десяти приходов от десяти разных веществ, он взял оставшееся в мешке с подарками и пошел к Коджо Асамоа. Коджо сделал ему чай, уложил в постель, завернулся вокруг Лукасинью, пока они делили последние фармацевтические лакомства, и отбился от всех вопросов о том, почему его сестра уехала в Меридиан, почему она так мало думает о Лукасинью, чтобы остаться, почему никто и никогда с ним не остается. К утру Лукасинью ушел. Коджо испытал облегчение. Он был в ужасе от того, что пришлось отсасывать у Лукасинью всю ночь.

На третий день Лукасинью отправился пить. Тве был экосистемой крошечных забегаловок с выпивкой – от соломенных лачуг до баров у бассейна и нор, высеченных в старой скале, таких маленьких, что посетители располагались в них как дольки мандарина. Лукасинью был не из выпивох. Он не знал, что существует стратегия ухода в запой, так что пил быстро, свободно и все подряд. Он пил спиртные напитки и прочее, не изготовленное с помощью принтеров; напитки ручной работы, банановое пиво и пиво из ямса, тыквенное пиво; коктейли Тве, которые отличались от всего остального на Луне. Он был ужасным пьянчугой, любителем. Он надоедал людям. Он не договаривал предложения. Он стоял слишком близко. Он снимал одежду, находясь в компании. Дважды его стошнило. Он не знал, что от алкоголя такое бывает. Он заснул, упал на потенциального любовника и проснулся с головной болью, которая совершенно точно должна была его убить – он в этом не сомневался, пока Цзиньцзи в офлайн-режиме не сообщил ему, что все дело в обезвоживании и литр воды улучшит ситуацию.

Затем он пробудился и обнаружил, что скрутился на сиденье скоростного поезда. И что ему хочется выпить еще. Но бар ему отказал.

– Куда я еду? – спрашивает Лукасинью, но еще до того, как Цзиньцзи успевает ответить, он слышит, как мужчина разговаривает с ребенком, и ребенок отвечает – оба говорят по-португальски, и приглушенные носовые звуки вместе с отполированными шипящими вынуждают Лукасинью притянуть колени к груди и молча, судорожно всхлипнуть.

Жуан-ди-Деус. Он возвращается.

Он последним сходит с поезда, последним проходит пассажирский шлюз; последним стоит, неуверенный, на платформе станции Жуан-ди-Деус. Он столько раз пересекал этот зал с блестящим полом, направляясь к друзьям, аморам, великим городам Луны. К собственной свадьбе. К Меридиану, когда сбежал от скуки и заточения Боа-Виста и обнаружил, что в таком маленьком мире, как Луна, когда ты от чего-то убегаешь, то одновременно бежишь к нему же, и что он всего лишь поменял маленькую пещеру на большую.

– Как мой макияж? – спрашивает Лукасинью. Он теперь вспоминает, как красил глаза в туалете Коджо. Не полная «штукатурка», лишь несколько штрихов, чтобы почувствовать себя неистовым и яростным, чтобы дать всем понять: Лукасинью Корта возвращается в Жуан-ди-Деус.

«Я в автономном режиме, поэтому не вижу, но в последний раз ты его наносил три часа назад, так что я бы порекомендовал немного подправить».

В ванной комнате установлены старомодные зеркала. Лукасинью работает настолько ловко, насколько это позволяет одурманенный алкоголем мозг. Он восхищается одним профилем, потом другим. Это ретро 80-х действительно ему подходит.

Запах. Он его забыл, но запах – ключ к чертогам памяти, и первый вдох символизирует все его девятнадцать лет жизни в качестве Корта. Голый камень и привкус озона. Переработанные сточные воды и ароматизаторы, которые используют, чтобы их замаскировать; моча, масло для жарки. Ванильно-жирный пластик для принтеров. Тела. В Жуан-ди-Деусе потеют по-другому. Свежая сладость ботов. Пыль. Вездесущая пыль.

Лукасинью чихает.

До чего же город маленький. Проспекты узкие, крыша такая низкая, что он втягивает голову в плечи. Архитектура Тве отличается от любого другого лунного поселения: он перевернулся вверх тормашками и состоит из кластеров узких бункеров высотой в километр; все вокруг заполнено зеленью и истинным светом, что льется по каскаду зеркал, а не рождается в сиянии «солнечной линии» на фальшивом небе. Тве – город укрытий и

открытий: Жуан-ди-Деус сам по себе открыт. Проспект Кондаковой, пересекаемый мостами и пешеходными дорожками, тянется перед Лукасинью, уводя прямо к центру города.

Они прошли здесь в ночь ножей. От поезда, через шлюзы, через ту широкую торговую площадь возле станции. Солдаты-призраки маршируют мимо Лукасинью, держа ладони на рукоятках. Жженые отметины на стенах и фасадах; старые офисы «Корта Элиу» пусты, как дыры на месте выбитых зубов. Квартира его отца; лучшая акустическая комната в двух мирах превратилась в массу сплавившегося аудиооборудования и обугленного дерева.

Сантиньюс спешат мимо – пешком, на скутерах, на такси-моту. Восемнадцать месяцев назад вся Луна знала его в лицо. Свадьба года! Стильный и милый Лукасинью Корта. Кое-кто поворачивается, кое-кто бросает повторный взгляд, большинство не удостоивают его и одним взглядом. Интересно, они его не узнают – или безопаснее не узнавать?

Пешеходная дорожка на Западе-7. Лукасинью встает там и смотрит вверх. К этим балкам Маккензи привязали обнаженный труп Карлиньоса. Тут болтались его руки, длинные волосы и член. Вскрытое горло. Они заставили его встать на колени, орудия шокерами, они окружили его. Так много рубак. Он не мог сбежать. А Лукасинью в это время прятался в Тве, его защищали ножи и живое оружие Асамоа.

Логотипы «Маккензи Гелиум» на офисных фасадах, ботах, пятидесятиметровых баннерах, которые свешиваются с высоких уровней. Проходит пылевик в пов-скафе, несет, подцепив пальцами за лицевой щиток, шлем с маленькими буквами МГ на лбу. Белых лиц больше, чем Лукасинью помнит. В закусочных и чайных домиках мелом пишут блюда дня на стенах, на португальском и глобо. Английский звучит на улицах; австралийский акцент.

«Я не могу защитить тебя, если я в автономном режиме», – говорит Цзиньцзи, как будто читает его мысли. Возможно, так и есть. Возможно, его схемы пробрались сквозь череп в складки мозга и считывают искры нейронов. Возможно, он просто так хорошо знает Лукасинью, что стал отголоском его разума.

Лукасинью останавливается на торговой площади у входа в Эстадио-да-Лус. Новая надпись, новое название, новый фирменный стиль. «Балларат-Арена». «Дом Ягуаров».

– Ягуары, – говорит Лукасинью.

«Земные члены семейства кош...» – начинает Цзиньцзи.

Откуда-то уровнем выше раздается возглас: «Эй!» Лукасинью знает,

что кричат ему. Второй крик, чуть менее уверенный. Лукасинью идет вперед. Теперь его цель ясна.

Трамвайная станция Боа-Виста огорожена опалубкой, опечатана лентами «проход запрещен» и символами в виде шлема от пов-скафа, обозначающими разгерметизацию. Даже без такой преграды Лукасинью бы не смог туда попасть: Боа-Виста мертв, разгерметизирован, открыт вакууму; заперт за множеством герметичных дверей. У подножия стены трепещет бассейн разноцветных огней. Биолампы, сотни их; некоторые свежие и новые, некоторые судорожно пульсируют на последнем издыхании. Миниатюрные огоньки – красные, золотые, зеленые – высвечивают полчища маленьких предметов, сгрудившихся вдоль фонарей. Приблизившись, Лукасинью видит, что это дешевые пластиковые печатные ориша и их атрибуты – как в умбанда, так и христианские. Меч Огуна, молния Шанго, корона Йеманжи.

Четыре иконы расположены треугольником; Адриана в центре, Рафа на вершине, а в углах основания Карлиньос и Лукас. Изображения маленькие, размером с ладонь, благочестивые; массивные рамы украшены краской, драгоценностями, пластиковыми вотивными фигурками. Люминесценция озаряет дрожащим светом треугольник лиц и лицо Лукасинью, который присел, чтобы изучить другие оставленные у алтаря подношения.

Рубашка «Мосу», третий сезон. Майка современного фасона с изображением пылевого байка: гонка на выносливость в Море Ясности. Много ножей с отломанными кончиками. Музыкальные кубы, которые, стоит Лукасинью их поднять, играют старую босанову, – эту музыку любили его отец и бабушка. Фотографии, десятки фотографий: пылевика и гандбольные фанаты, чудесные изображения прежних дней на Луне, когда Адриана строила мир. Лукасинью поднимает их, чтобы рассмотреть: изображения старые, но сами картинки пахнут свежей печатью. Этот бородатый, улыбчивый мужчина – дедушка, которого он никогда не знал, который умер еще до того, как появился на свет его отец. Вот мадриньи с детьми на руках и у ног. Вот лики Боа-Виста, высеченные наполовину. Вот боги, которые разговаривают с Лукасинью – найденные внутри камня, рожденные из голой скалы. Вот две молодые женщины; одна из них бабушка Лукасинью, другую он не знает. Они касаются друг друга головами, улыбаются на камеру. На бабушке компрессионная рубашка с логотипом «Маккензи Металз» в виде двойной М. На рубашке другой женщины – ганский знак адинкра.

Их нет. Есть только он – пьяный, на коленях посреди подношений. Он

отвратителен. Он презирает самого себя. Иконы его упрекают.

– Не ты. – Лукасинью пытается оторвать портрет отца со стены, но тот приклеен. Он царапает изображение, ищет край, за который можно потянуть. Кто-то кладет руку ему на плечо, чей-то голос произносит:

– Оставь.

Он поворачивается, оскалившись и сжав кулак, готовый разбить кому-то физиономию.

Старушка отступает, вскинув руки – не в защитном жесте, не в страхе, но от удивления. Она худая, как нож, темная, укутанная в белые одежды, с белым тюрбаном на голове. На ней зелено-синяя стола, много колец, ожерелий еще больше. Лукасинью ее знает, но не помнит откуда. Она его узнает.

– А, это ты, маленький местре.

Она выбрасывает руки вперед, словно делая выпад для боя на ножах, и берет ладони Лукасинью в свои.

– Я не... – Он не может отстраниться. Ее глаза темные, глубокие, и они парализуют его страхом. Он узнает эти глаза. Он видел их дважды: один раз в Боа-Виста с Во Адрианой, и потом – во время восьмидесятого дня рождения бабушки. – Вы сестра...

– Ирма Лоа из Сестринства владык Сего Часа. – Она опускается на колени перед Лукасинью. – Я была исповедницей твоей бабушки. – Она вновь расставляет вотивные штуковины там, где ноги Лукасинью их рассыпали. – Я отгоняю ботов – они не знают уважения, но зато сами заббалины помнят Корта. Я всегда знала, что кто-то придет. Я надеялась, что это будешь ты.

Лукасинью выхватывает руки из ее сухого, горячего пожатия. Он поднимается, но от этого все делается хуже. Старуха продолжает стоять на коленях, и это приводит Лукасинью в ужас. Она смотрит ему в глаза снизу вверх, и это похоже на мольбу.

– У тебя здесь есть друзья. Это твой город. Маккензи им не владеют и никогда не смогут завладеть. Здесь живут люди, которые по-прежнему чтят имя Корта.

– Уходи, оставь меня! – вопит Лукасинью, пятась от сестры.

– Добро пожаловать домой, Лукасинью Корта.

– Домой? Я видел мой дом. Я отправился туда. Ты ничего не видела. Ты кормишь лампы, прогоняешь ботов и стираешь пыль с картин. Я там был. Я спустился и увидел мертвые растения, замерзшую воду и комнаты, погруженные в вакуум. Я вытащил людей из убежища. Я вытащил свою кухню. Тебя там не было. Ты ничего не видела.

Но он поклялся, что вернется. Когда под ботинками его повскафа хрустели мгновенно замороженные останки великого дворца, он дал обет, что все исправит. Что это его судьба.

Он не может. Это ему не по силам. Он слаб, тщеславен, любит роскошь, и он глуп. Он поворачивается и бежит, протрезвев от шока и адреналина.

– Ты истинный наследник, – кричит ему вслед Ирма Лоа. – Этот город твой!

* * *

Спустя секунду Лукасинью понимает, что «Голубая луна» – ужасный коктейль. Он приканчивает вторую стопку и заказывает третью, и бармен знает правильный способ и делает трюк с перевернутой чайной ложечкой; щупальца синего «кюрасао» растворяются в джине как угрызения совести. Лукасинью берет коктейльный бокал и пытается поймать барные лампы в синий конус. Он опять пьян, чего и добивался. Тиу Рафа придумал «Голубую луну», но он ничегошеньки не знал о хороших коктейлях.

Бар маленький, вонючий, тускло освещенный, в нем грохочет хитовая музыка и еще более громкие разговоры, и бармен узнает Лукасинью, но профессионально сохраняет невозмутимое лицо. С девушкой все по-другому. Они приходят, когда он еще не допил и половину первого коктейля; две девушки, два парня, один нейтро. Они поглядывали на него из своей кабинки, вырезанной в голой скале, и отводили глаза, если случайно встречались взглядами. Опускали головы с вороватым видом. Девушка ждет четвертой «Голубой луны», чтобы подойти.

– Ола. Ты, э-э...

Отрицать бессмысленно. Он лишь разожжет слухи, а слухи – это легенды, которые только-только научились ползать.

– Да, это я.

Ее зовут Жени. Она представляет Мо, Джамалю, Тора, Каликса. Они улыбаются и кивают из своей кабинки, ждут знака, чтобы присоединиться к нему.

– Не возражаешь, если я?.. – Жени жестом указывает на табурет, пустое место у стойки.

– Вообще-то возражаю.

Она не слышит, или ей наплевать.

– Мы, это самое, Урбанисты.

Лукасинью про них слышал. Такой экстремальный вид спорта: облачаются в подходящее снаряжение и обследуют старые заброшенные обиталища и фабрики. Спускаются на веревках в сельскохозяйственные шахты. Ползут по туннелям, видя краем глаза, как показатели O_2 уменьшаются. Он не заинтересован. История, спорт и бессмысленная опасность. Он все это ненавидит. Слишком много усилий. Лукасинью оседает на своем табурете, пока его подбородок не упирается в руки, и изучает наполовину пустой пятый бокал с «Голубой луной». Бармен ловит его взгляд; между ними пробегают безмолвные сообщения: «Только кивни, и я от нее избавлюсь».

– Мы там были. Трижды.

– Боа-Виста.

– Можем провести тебя.

– Вы были в Боа-Виста?

Теперь она кажется менее уверенной; она бросает взгляд на друзей. Между кабинкой и барной стойкой – пропасть космических масштабов.

– Вы были в Боа-Виста? – говорит Лукасинья. – Были у меня дома? Как вы поступили – отправились вдоль трамвайной линии? Или спустились через шахту, ведущую на поверхность? Вы ощутили подлинную гордость, когда достигли цели; вроде как действительно сделали что-то важное? Дали друг другу пять?

– Прости, я просто думала...

– Это мой дом, мой гребаный дом. – Лукасинья обращает свою ярость против девушки, и эта ярость горячая, чистая, ее подпитывают стыд, презрение к самому себе и «Голубая луна». – Вы отправились ко мне домой, все там исходили, сделали фотки и сняли видосики. Гляньте-ка, это я в павильоне Сан-Себастьян. А вот я на фоне Ошалы. Друзьям понравилось, они сказали, что вы такие крутые, такие дерзкие и храбрые? Это мой дом. Мой дом, мать твою. Кто сказал, что вам можно в мой дом? Вы разрешения спросили? Вы хоть подумали о том, что надо спросить? Что еще остался Корта, у которого можно спросить?

– Извини, – говорит девушка. – Извини...

Теперь она испугана, а Лукасинья так озлобился от алкоголя и стыда, что ее страх лишь распаляет его. Он резко опускает бокал на барную стойку, ножка ломается, синий коктейль разливается по светящейся столешнице. Он встает на ноги, шатаясь.

– Он не твой!

Бармен встретился с девушкой взглядом, но ее друзья уже уходят.

- Я не хотела... – кричит девушка – вся в слезах – от двери.
– Тебя там не было! – орет Лукасинью ей вслед. – Тебя там не было.
Бармен вытер пролитое и поставил на стойку стакан чая.
– Ее там не было, – говорит Лукасинью бармену. – Прости. Прости.
– Ага, вот он.

Лукасинью удостоил пылевичку, сидящую в дальнем конце стойки, всего одним взглядом, но теперь она отвлеклась от своей «кайпирошки» и заговорила. В барном освещении на ее лицо ложатся густые тени. Ее темная кожа вся в белых пятнах от радиационно-индуцированного витилиго. – Мано ди Ферро.

– Чего? – огрызается Лукасинью.

– Железная рука. Прозвище Корта. Я отдала твоей семье двадцать пять лет своей жизни. Вы у меня в долгу.

«В долгу?» – хочет переспросить Лукасинью, но прежде чем слова вырываются из его уст, маленький бар заполняют крупные женщины и мужчины в модных костюмах, и выпуклости на их пиджаках намекают на лезвия ножей. Трое окружают Лукасинью, двое прикрывают барную стойку, по одному с каждой стороны от пылевички. Фамильяры адинкра. Служба безопасности АКА.

Командир группы кладет на светящуюся белым барную стойку титановую серьгу.

– Вы забыли это, – говорит он. Пылевичка смотрит на Лукасинью, пожимает плечами. – Идемте с нами, пожалуйста, сеньор Корта.

– Я останусь... – начинает Лукасинью, но охранники заставляют его подняться. Твердая рука на правом предплечье, еще одна – на пояснице.

– Прости, – говорит пылевичка, когда охранники Асамоа поспешно выволакивают Лукасинью на проспект Кондаковой. – Я перепутала тебя с Железной рукой.

* * *

– Я подумала, ты захочешь комнату с окном.

Ариэль въезжает из жилой комнаты в спальню и огибает кровать. Кровать, не гамак. Отдельно стоящая кровать. Кровать достаточно широкая, чтобы раскинуть конечности. Кровать, вокруг которой есть свободное место. Места хватает, чтобы двигаться как следует, свободно. По сравнению с поросшим влажным мхом деревянным домом, где с гонтовой крыши капает дождь – в таком доме Марина выросла, – квартира в хабе

Ориона похожа на скопище норок, которые льнут друг к другу, словно ячейки осинового гнезда. По стандартам Меридиана, это пик желаний; достаточно низко, чтобы быть стильным, достаточно высоко, чтобы избавиться от наиболее неприятных запахов и звуков проспекта. По стандартам Байрру-Алту, это рай.

– Ну да, я буду наслаждаться шумом транспорта, – говорит Марина. Потом она видит упавшую духом Ариэль и сожалеет о колкости. Квартира великолепна.

– Покажи мне, что тут еще есть, – говорит Марина и надеется, что это прозвучало с должным энтузиазмом. Проницательность Ариэль, столь очевидную в зале суда, притупил восторг от новой квартиры. В любой другой день она бы услышала неискренность, как слышат храмовый колокол.

Здесь две спальни, жилая комната и дополнительная гостиная, которую можно отделить. Кабинет, объявляет Ариэль. Есть и отдельная комнатка, которую можно использовать в тех целях, для которых могут быть предназначены отдельные комнатки.

– Можешь устроить тут новую комнату для секса, – объявляет Марина, сунув голову в дверь, чтобы оценить размеры помещения. – Мягкий пол, новое покрытие для стен.

Секс в Байрру-Алту был проблематичным. Увечье и падение социального статуса не затронули аутосексуальность Ариэль. Пришлось договариваться по поводу времени и мест. Марина жертвовала своим жалким углеродным довольствием, чтобы напечатать секс-игрушки для Ариэль. Секс сделался домашней шуткой, третьим членом семьи, с собственными прозвищами, словарным запасом и кодами: Сеньора Сиририка, Ребристый, Возбуждающий. Сестра Крольчиха – Марине пришлось объяснить, что такое кролик, – была домашним божеством-трикстером, а Сеньор Толстяк неустанно соперничал с Сеньором Глубиной. Болтать об этом было легко, но болтовня никогда не касалась Мариной половины квартирки. С кем она этим занималась, с кем могла бы заниматься и занималась ли вообще? Марина со временем приняла целибат как часть обета по обереганию Ариэль Корты. Чаще всего она слишком уставала, чтобы хоть вспомнить про секс, не говоря уже о том, чтобы воплотить в жизнь какую-нибудь фантазию. Теперь, когда она закрывает дверь в маленькую комнату в просторной новой квартире, появляется возможность. Она может подумать о себе.

Частная баня. Отдельный спа-салон, где вода течет до тех пор, пока ее не выключишь. Марина все еще не верит, что Четыре Базиса на ее чиб

обозначены золотом и такими останутся. В доме есть принтер. Есть зона для еды и холодильник. Холодильник под завязку заполнен дизайнерскими джином и водкой, зона для еды – принадлежностями для коктейлей, шейкерами и ботаническими добавками, а рабочая поверхность снабжена положенными стеклянными приборами.

– Марина, корасан, я бы с удовольствием выпила «мартини».

– Сейчас всего десять.

– Ты разве не хочешь отпраздновать?

В Байрру-Алту удовольствия были скудны. Все, у чего был привкус победы – дело, контракт, что-то новое в доме, – праздновала Ариэль. Марина распознавала момент, когда праздник мог перейти в опасный запой. С этим надо будет разобраться, однажды, где-то. Не в Байрру-Алту. Здесь уже можно, однако Марина не находит в себе сил, чтобы сказать: день настал. Это достойный повод отпраздновать. Она смешивает два умопомрачительно сухих «мартини» из джина с двадцатью двумя ботаническими ингредиентами из кратера Кирилл. Ариэль выбирается из инвалидного кресла и падает в податливые объятия шезлонга. Кресло быстренько отъезжает в угол и складывается, превращаясь в плоский ящик.

– О чем мы думаем? – Ариэль поднимает ноги на кушетку, сперва одну, потом другую, и вытягивается с бокалом «мартини» в руке.

– Я думаю: кто здесь жил раньше? – говорит Марина.

– Вы, норте, такие пуритане. – Ариэль поднимает бокал. – Сауде!

Они чокаются. Звенит хороший хрусталь.

– Чин-чин, – говорит Марина.

– Раз уж ты спросила – эта квартира принадлежала Юлии Щербан. Она была особым экономическим советником Ростам Барангани.

– Члена правления КРЛ?

– Его самого. Ее отозвали. Среди вспомогательного персонала КРЛ случилась настоящая лавина внезапных отзывов.

– Ну надо же...

– Я упомянула об этом Орлу.

– И?

– Он поблагодарил меня за должное усердие.

– Что ж, мне известно, что на рынке охранных услуг наблюдается превышение спроса над предложением, – говорит Марина. – Всему причиной Маккензи. Тот, кто имел хоть какие-то дела с Драконами, может сам называть цену своих услуг.

Ариэль резко садится.

– Где ты это слышала?

– Ты вообще слушаешь, когда мы разговариваем?
– Почему я об этом не слышала?
– Потому что ты сидишь на плече у Джонатона Кайода и пытаешься понять, успеют ли его юристы перерезать друг друга, прежде чем зарежут его.

– Я должна была об этом узнать, – настаивает Ариэль. – Я знала такие вещи. Стоило в Меридиане кому-то хоть рыгнуть, я сразу узнавала.

– Ты была не у дел...

Ариэль перебивает:

– Он конченный человек. Совет настроен против него. Его юридические советники пытаются спасти собственные задницы. Он доверяет только мне. – Ариэль делает долгий глоток «мартини». – Все очень вежливо, официально и тактично, но я читаю по лицам. КРЛ учредили для того, чтобы ни одно земное правительство не смогло обрести общий контроль. Теперь они едины. Что-то изменилось. Совет вскоре займется его устранением.

– А если он прыгнет до того, как его толкнут?

– Совет в любом случае поставит на его место свою марионетку.

– Действуй, не действуй – ему все равно кранты. Да что он натворил, чтобы так здорово насолить совету?

– Орел Луны – большой и глупый романтик. Он верит, что пост Орла должен подразумевать нечто большее, чем визирование постановлений КРЛ и дефилирование по коктейльным приемам. Он верит в этот мир.

– Когда ты говоришь, что он верит в этот мир...

– Речь о самоуправлении. О том, чтобы мы превратились в государство, а не промышленную колонию. Этот душка ударился в политику.

– Это их разозлит, – говорит Марина.

– Да, – соглашается Ариэль. – Я шепчу ему на ухо, беру его деньги и эту квартиру, но ничегошеньки не могу поделать. – Она опять вытягивается в шезлонге и широко раскидывает руки. Марина подхватывает бокал «мартини», когда пальцы Ариэль ослабляют хватку и выпускают ножку. – Какая жалость – ведь мне на самом деле нравится этот здоровенный идиот. Довольно политики. На этот раз я хочу водки.

– Ариэль, тебе не кажется...

– Дай мне гребаный «мартини» с водкой, Марина.

Бокал, лед, густая и прохладная жидкость. Гомеопатическая доза вермута. Небрежное высокомерие Ариэль неизменно ранит. Она никогда не задумывается о том, чего может хотеть Марина. Даже не представляет себе,

что Марина может не хотеть спальню с окном. Понятия не имеет, что Марина вообще может не захотеть переезжать в эту квартиру. Не задает себе вопросов о жизни Марины. Помешивая «мартини», Марина испытывает напряжение и гнев. Она не проливает ни капли. Ни единой.

– Прости, – говорит Ариэль. – Это было невежливо. – Она потягивает «мартини». – До чего же красиво. Но скажи мне, что ты на самом деле думаешь?

– Я думаю, что если Орел упадет, лучше не оказаться под ним.

– Нет, не про Орла, хватит про гребаного Орла, – резко отвечает Ариэль. – И про гребаную КРЛ, и про юристов, советников, дешевые политические клубы, дискуссионные клубы и группы активистов. Сегодня, этим вечером, мне нужна ты. Я хочу отправиться на заседание Лунарианского общества.

– Ты хочешь отправиться в Лунарианское общество?

– Да. «Кабошон», это коллоквиум по политической науке, делает доклад по моделям лунной демократии.

– Что ж, я поняла, к чему ты клонишь. У меня билет на концерт, хочу послушать одну группу.

– Что-что? Ты мне не сказала.

Марина негодует:

– Я должна спрашивать разрешение, чтобы пойти послушать группу?

– С чего вдруг тебе идти и слушать какую-то там группу? У нас что, еще есть группы?

– Есть, и они мне нравятся, и я хочу на эту посмотреть.

– Какой-то рок?

– Я должна оправдываться за свои музыкальные вкусы?

Марина быстро узнала, что Ариэль, в отличие от брата, не ценитель музыки, и свое невежество маскирует пренебрежением.

– Вот как ты поступишь. Высади меня, закажи себе чашку чая, и пусть Хетти транслирует тебе в прямом эфире эту... группу. Это будет почти то же самое, почти как оказаться там. Даже лучше. Тебе не придется терпеть всех этих жутких потных рокеров прямо у себя перед носом.

– Жуткие потные рокеры перед носом – это и есть смысл рока, – говорит Марина, но непонимание Ариэль такое безграничное, такое демонстративное, что любая дальнейшая защита музыки, в которой главенствуют гитары, лишь приведет к конфузу. – Ты ведь у меня в долгу.

– Я до такой степени в долгу, что и не надеюсь когда-нибудь рассчитаться. Но мне надо попасть в Лунарианское общество. Меня совершенно не интересует жутко усердный студенческий идеализм. Нет, я

хочу туда пойти, потому что Абена Асамоа будет читать доклад, и, судя по последним данным, она трахается с моим племянником Лукасинью. А я переживаю за маленького негодяя. Ну так что, ты согласна?

Марина кивает. Семья победила.

– Спасибо, сладкая моя. А теперь спрашиваю в третий раз: что ты думаешь? – Ариэль широким жестом охватывает просторную белую комнату, и на шезлонг выплескивается водка.

– Я думаю, куда все цеплять.

– Ты про веревки и сети? Рукоятки?

– Я называю их «средствами перемещения».

– В моих планах отказаться от них.

Существует лишь один сценарий, при котором Ариэль не понадобятся Маринины сооружения из сетей и тросов по всей квартире.

– Ты мне не сказала.

– Я должна раскрыть тебе все условия соглашения с Орлом?

– Способность ходить – это чуть более важная вещь, чем возможность пойти на концерт рок-группы.

– По-твоему, я бы согласилась, не будь способность ходить частью сделки? – говорит Ариэль.

– Я припоминаю, доктор Макареэг сказала, что на это уйдут месяцы, – говорит Марина. – Что спинные нервы требуют медленного и усердного труда.

– Сколько надо, столько и уйдет. Но я снова буду двигаться, Марина. Мне это не понадобится. – Ариэль плещет водкой в сторону кресла на подзарядке. – Мне не понадобится ты. То есть нет, понадобится. Ты понимаешь, о чем я. Ты будешь мне нужна всегда.

* * *

Руки на глазах ему отвратительны. Горячие, сухие, кожа шуршит, как бумага. Он плотно сжимает веки. От мысли о том, что эти ладони, эта кожа могут коснуться обнаженного глазного яблока, к горлу подкатывает рвота.

Движение прекращается, открываются двери. Руки понуждают его сделать еще несколько шагов вперед, потом упархивают с его лица.

– Открой глаза, мальчик.

Первая мысль – отказаться; его раздражает командный тон старухи, прикосновение направляющей руки к плечу, пусть он и на целую голову выше, чем она. Он оцетинился, поднял маленький бунт, когда она велела

закрывать глаза и не открывать их, пока они будут ехать наверх в лифте, и точно так же взъерепенился, когда она выхватила вейпер у него из руки. «Нелепое пристрастие». Но за бунты надо платить, и более того – он знает, что она дождется повиновения.

Дариус Маккензи открывает глаза. Свет. Ослепляющий свет. Он закрывает глаза. Он узрел свет Железного Ливня, свет разрушительный. Этот свет такой яркий, что видно даже капилляры на веках.

Павильон – стеклянный фонарь на вершине изящной лифтовой башни на горе Малаперт. Дариус стоит в центре шестиугольной комнаты. Плитки, опоры, свод и ребра, само стекло – все выглядит изношенным и старым, структурная целостность изъедена фотон за фотоном. Идеограммы на панели вызова лифта так выбелены, что их почти невозможно разобрать. Воздух кажется выжженным, напряженным, ионизированным.

– Каждого Суня приводят сюда в возрасте десяти лет, – говорит Леди Сунь. – Ты запоздал с тем, чтобы стать Сунем, но исключений не будет. – Дариус поднимает руку, чтобы прикрыть глаза, потом роняет ее. Ни одно дитя из Дворца Вечного Света не сделало бы такого.

Не фонарь, понимает Дариус. Фонарь светит изнутри. Этот свет приходит снаружи; от ослепляющего солнца, которое устроилось на самом краю кратера Шеклтон. Низкое полуденное солнце рождает позади Дариуса огромные тени, похожие на крылья. Каждая пылинка в воздухе пляшет. Павильон Вечного Света – это не место, где ты наблюдаешь за солнцем; это место, где солнце наблюдает за тобой.

– Ага, у нас в «Горниле» такое было, – говорит Дариус.

– Не умничай, – говорит Леди Сунь. – Разница колоссальная. «Горнилу» приходилось вечно следовать за солнцем. Солнце приходит к нам. Ну же, вперед. Посмотри на него. Подойди так близко, как только осмелишься.

Дариус не из тех, кого могут запугать старухи. Он без колебаний идет к стеклу, прижимает к нему ладони. Закаленная стеклянная панель кажется хрупкой. Пахнет пылью и временем. Он смотрит прямо на солнце, которое катится вдоль края мира. Павильон – это Пик Вечного Света, одно из тех легендарных во всем мире мест, расположенных на полюсе, где никогда не садится солнце.

– Пятьдесят лет назад ночью пришло сообщение. Это было в другом мире, в другом городе, в другой стране. Я ждала этого послания долгие годы. Я была готова к нему. Я поднялась, оставила все и спустилась к машине, которая, как я знала, ждала. Машина отвезла меня к частному самолету. На борту были мои тети и дяди, мои сестры и двоюродные

брatья. Самолет отвез нас в «ВТО Казахстан», а потом на Луну. Знаешь, что было сказано в этом послании, мальчик?

Дариусу очень хочется лизнуть окно, попробовать стекло на вкус.

– В нем было сказано, что некая фракция в правительстве собирается арестовать мою семью, – говорит Леди Сунь. – Они хотели заложников, чтобы повлиять на моего мужа. Даже Маккензи знают имя Сунь Айго. Сунь Айго, Сунь Сяоцин, Сунь Хунхуэй. Они построили «Тайян». Они построили луну. Учи историю, мальчик: Договор о внешнем космосе запрещает национальным правительствам Земли претендовать на Луну и контролировать ее – вот почему нами руководит корпорация, а не политическая партия. Земные государства всегда завидовали нашей свободе, нашему богатству, нашим достижениям. Они боятся, что кто-то из них заберет Луну, поэтому следят друг за другом. Зависть – честное чувство, которым легко манипулировать. Зависть держала нас в безопасности в течение пятидесяти лет. У каждой семьи есть страх, у каждого из пяти Драконов. Корта опасались, что дети уничтожат их наследство. Маккензи...

– Железный Ливень, – говорит Дариус Маккензи, не задумываясь.

– Ты знаешь, чего боятся Сунь? – спрашивает Леди Сунь. – Что солнце погаснет. Что в один прекрасный день оно опустится ниже горизонта и никогда больше не поднимется, и мы погрузимся в холод и тьму. Воздух замерзнет. Стекло разобьется.

– Такого не может случиться, – говорит Дариус. – Это астрономия, физика: наука.

– У тебя всегда наготове несерьезные ответы. День, когда солнце погаснет, – это день, когда будут нарушены правила. Правило, которое защищало нас пятьдесят лет; день, когда земные государства осознают, что выиграют больше, если станут действовать сообща, чем если продолжат подстерегать друг друга с ножами. Вот чего боится моя семья, Дариус: звонка в ночи. Когда он случится, все, что мы построили, все, чего мы добились, у нас отнимут, потому что нам некуда бежать.

– Ты это говоришь всем, кого привозишь на верхотуру?

– Да. Я говорю им это; тем, кто, на мой взгляд, должен это от меня услышать.

– И ты думаешь, что я должен это от тебя услышать?

– Нет. Ты должен от меня услышать вот что: Дариус, Железный Ливень не был случайностью.

Он отворачивается от стекла. Лицо Леди Сунь бесстрастное – на ее безупречном лице никогда ничего не отражается, но Дариус знает, что его

очевидный шок ее порадовал.

– «Горнило» саботировали. В операционную систему, управляющую плавильными зеркалами, был внедрен код. Простая, но эффективная программа. Ты видел, что она сделала.

– Вы кодеры, – говорит Дариус.

Пыль пляшет в горячем воздухе вокруг Леди Сунь.

– Верно. Преимущественно. Информация – наш бизнес. Но это был не наш код.

– А чей?

– Ты не принц, Дариус. Ты не последний наследник Роберта и Джейд. Дункан и Брайс вцепились друг другу в глотку – ты правда думаешь, что за их столом есть место для тебя? Думаешь, ты в безопасности?

– Я...

– Здесь тебе ничего не угрожает, Дариус. И это единственное подобное место. Мы твоя семья.

Леди Сунь незаметно двигалась шаг за шагом, мягко направляя Дариуса, так что теперь она стоит между ним и медленно восходящим солнцем. Дариус щурится от болезненного света. Леди Сунь – четко очерченный силуэт.

– Неужели ты думаешь, что мы позволим этим австралийским варварам решить вопрос с правопреемством? Ты не Маккензи, Дариус. Ты никогда им не был. Они это знают. Ты не продержался бы и шести месяцев. Код Железного Ливня, Дариус; это был старый код. Старше тебя. Намного старше.

– Я не понимаю.

– Ну, конечно, не понимаешь. Это Корта убили твою мать.

* * *

Абена Маану Асамоа принимает аплодисменты, улыбаясь с показной скромностью. Салон Эразма Дарвина^[18], принадлежащий Лунарианскому обществу, полон; лица близки. Прочитать зрителей было нетрудно: Расслабленный-со-сложенными-руками в переднем ряду, Напряженный-и-хмурый во втором ряду; Качающий-головой, второй ряд, правый край, бормотуны в центре второго ряда, подавляющий зевоту в третьем ряду. Лунарианское общество напечатало дополнительные стулья, но все же нашлись слушатели, которым пришлось взгромоздиться на ручки больших старомодных кресел или прислониться к дальней стене. Сквозь легион

парящих фамильяров ей с трудом удастся хоть что-то разглядеть.

Абена – последняя из докладчиков, и когда она спускается с трибуны, комната погружается в частные разговоры. Ее товарищи по коллоквиуму пробираются сквозь толпу, чтобы поздравить и польстить. Официанты предлагают выпивку: стопки с водкой, женевер, коктейльный чай. Абена берет стаканчик холодного чая. Пока она получает комплименты, принимает приглашения выступить, экспромтом отвечает на вопросы одного настойчивого юноши, в комнате начинается волнение – люди расступаются, словно пропуская какой-то движущийся предмет. Женщина в инвалидном кресле: кресло невообразимое, женщина невероятная. Ариэль Корта. Товарищи Абены по коллоквиуму расступаются, чтобы принять ее в свой круг.

– Хорошая работа, – говорит Ариэль. Она смотрит на одноклассников Абены. – Не возражаете?

Абена кивает: «Пересечемся позже, когда пойдем в клуб».

– Пойдем на балкон. Меня тошнит от этого декора. – Ариэль катится в сторону павильона над 65-м западным уровнем. – Несколько замечаний. Всегда придумывай, куда девать руки. Юристы и актеры об этом знают. Твоя цель – не правда, а убедительность. Люди верят языку тела, когда не верят разговорному языку. – Она выбирает на подносе женевер и благодарит официанта. – Второе замечание. Работай со своей аудиторией. Прежде чем открыть рот, выбери мишени. Кто выглядит напуганным, кто – чересчур уверенным, кто встречается с тобой взглядом, когда ты проверяешь зал, кого ты больше всего хотела бы соблазнить. Обращайся к ним не с тем, что ты хотела бы сказать, но с тем, что они хотели бы услышать. Пусть почувствуют, что ты говоришь с ними лично. Если они кивают, если их позы меняются, отражая твою – значит, попались.

Ариэль похлопывает по низкой скамье с мягким сиденьем возле балюстрады. Абена принимает приглашение сесть. В комнатах, откуда они вышли, бурлят голоса, взрывы смеха и восклицания оживляют шелест светского общения. Солнечная линия тускнеет до цвета индиго. Квадра Ориона – каньон огней, светящийся неф величественного, безбожного собора.

– Забираете меня у друзей, а потом рассказываете обо всем, что я делаю не так, – говорит Абена.

– Я знаю, я надменное чудовище. – Ариэль делает глоток женевера и гримасничает. – Мерзкое зелье.

– Как вам мой доклад?

– Ты ужасно рискуешь, спрашивая меня об этом. Я могу сказать, что

нашла его банальным, наивным и бессодержательным.

– Я все равно буду стоять на своем.

– Очень рада это слышать.

– И все-таки, что вы о нем думаете?

– Я адвокат. Я рассматриваю общество как совокупность отдельных, но взаимодействующих договоров. Сети обязательств разного рода. Общество представляет собой вот это... – Она поднимает стопку женевера так, чтобы сквозь нее просвечивали огни городских перекрестков. – ...в платье от Николь Фархи. Моя проблема с демократией в том, что я считаю, что у нас уже есть более эффективная система. Твои доводы на основе малых государств были завораживающими, но Луна другая. Мы не государство, мы – экономическая колония. Если бы я проводила аналогию с чем-то земным, то привела бы в пример что-то замкнутое и ограниченное в силу особенностей среды. Рыбацкая лодка в открытом море или, может быть, исследовательская база в Антарктике. Мы клиенты, а не граждане. Мы культура рантье. Мы ничем не владеем, у нас нет имущественных прав, мы общество с низкими ставками. Ну и с чего вдруг мне принимать участие в управлении обществом?

Проблема демократии – даже такой элегантно сконструированной, как предложенная тобой модель прямой демократии – в «бесплатной езде». Всегда будут те, кто не хочет участвовать, но они разделяют преимущества с теми, кто на самом деле вовлечен. Если бы «бесплатная езда» сошла мне с рук, я бы ею, несомненно, воспользовалась. Я согласилась присоединиться к Павильону Белого Зайца только потому, что думала, что это усилит мою позицию в Суде Клавия. Судья Ариэль Корта – звучит красиво. Нельзя заставлять людей заниматься политическими делами – это тирания. В обществе с низкой выгодой для участия в конечном итоге большинство занимаются «бесплатной ездой», а политические вопросы решает маленькая каста. Оставь демократию тем, кто желает ее практиковать – и ты неизменно получишь сформировавшийся политический класс. Или еще хуже, представительную демократию. Прямо сейчас у нас есть система отчетности, которая включает каждого человека на Луне. Наша правовая система делает каждого человека ответственным за его жизнь, безопасность и достаток. Это индивидуалистично, это распыляет общество, и это жестко, но зато понятно. И границы ясны. Никто не принимает решений и не берет на себя ответственность ни за кого другого. Луна не признает группы, религии, фракции или политические партии. Есть люди, есть семьи, есть корпорации. Ученые прибывают с Земли в университет Невидимой стороны и закатывают глаза от того, что мы, дескать, конченные

индивидуалисты, не имеющие понятия о солидарности. Но у нас на самом деле есть то, что они называют гражданским обществом. Мы просто считаем, что проблемы лучше решать переговорами, а не законодательно. Мы безыскусные завистливые варвары. И мне это весьма нравится.

– Так банально, наивно и бессодержательно, – говорит Абена. – Вы сюда пришли не для того, чтобы слушать, как студенты-политологи излагают прописные истины.

– Конечно, нет. Он в порядке?

– Мы будем держать его в безопасности.

– Я не об этом спросила.

– Он с мадриньей Элис. Луна тоже с ней. Иногда с ними Лусика, когда она не в Меридиане.

– И об этом я тоже не спрашивала.

– Ладно. – Абена закусывает губу, что говорит об эмоциональном дискомфорте. – Думаю, я разбила ему сердце.

Ариэль приподнимает бровь.

– Я должна была прийти сюда. Разве можно упустить шанс учиться в «Кабошоне»?

Бровь Ариэль взлетает еще выше.

– Вам не понять, но это лучший политологический коллоквиум на Луне. А он так в меня вцепился. И так кланчил внимание. И сделался таким несправедливым. Он считал, что ему можно заниматься сексом с кем угодно, если от этого поднимается настроение, но как только речь заходила обо мне, то пытался решить все проблемы, раздевшись и соорудив пирог.

– Он избалованный маленький принц, – соглашается Ариэль. – Но очень уж миловидный.

Звучание голосов в комнате позади них меняется, шум транспорта внизу становится другим; люди прощаются и уходят, договариваются о собраниях и встречах, добиваются услуг и обещаний; прибывают моту, их двери открываются, принимая пассажиров, группы уходят пешком к ближайшим лифтам, чтобы направиться куда-то еще.

– Я достаточно тебя задержала, – говорит Ариэль. – Твои друзья сгорают от нетерпения.

Она отталкивает инвалидное кресло от балюстрады туда, где движутся гости. Недопитый стаканчик женевера остается на перилах, в опасной близости к светящемуся обрыву, на дне которого виднеются деревья проспекта Гагарина.

– Я могу вас подтолкнуть, – предлагает Абена.

– Я сама себя толкаю. – Ариэль приостанавливается, поворачивается. –

Мне пригодился бы стажер. Интересуешься?

– С зарплатой? – спрашивает Абена.

– Разумеется, нет. Расходы. Чаевые. Доступ. Политика. Интересное время. Возможность показать себя. – Ариэль едет дальше и бросает через плечо, не дожидаясь ответа Абены. – Я скажу Марине, чтобы все организовала.

* * *

– Будет больно, – говорит куратор Прида. – Такую боль вы еще ни разу в жизни не испытывали.

При виде шестнадцати людей, сидящих кружком, Марина едва не поворачивается в дверях, чтобы уйти. Это похоже на реабилитационную группу. Это она и есть.

Марина опоздала – долго канителилась, – но куратор вела подобные группы уже много раз, и глаз у нее острый.

– Марина?

Попалась.

– Да. Привет.

– Присоединяйся.

Шестнадцать человек наблюдают, как она занимает семнадцатое место.

Куратор кладет руки на бедра и окидывает взглядом круг лиц. Марина избегает зрительного контакта.

– Итак, добро пожаловать. Прежде всего я должна поблагодарить всех вас за принятие решения. Это непросто. Есть лишь одно решение труднее этого – то, благодаря которому вы сюда прибыли. И это, новое, тоже будет трудным. Есть проблема физической среды, и все об этом знают. Это будет больно. Больнее, чем вы можете себе представить. Но есть еще психический и эмоциональный элементы. От них будет по-настоящему плохо. Вы будете сомневаться во всем, что думаете о себе. Вы пройдете длинной и темной долиной сомнений. Я предлагаю только одно: мы есть. Мы пообещаем друг другу: когда кто-нибудь из нас будет нуждаться в помощи, мы его поддержим. Согласны?

Марина бормочет ответ с остальными. Она не сводит глаз с собственных колен.

– Итак, не будем тратить время. Пусть последняя из пришедших будет первой из выступающих. Расскажи нам что-нибудь о себе.

Марина сглатывает волнение и поднимает глаза. Весь круг наблюдает за ней.

– Я Марина Кальцаге, и я возвращаюсь на Землю.

* * *

Сперва Марина решает, что в квартиру вломились грабители. Мебель вся вверх тормашками. Каждый стакан и контейнер для фастфуда, каждый прибор разбит или лежит на полу. Постель разбросана во все стороны, туалетные принадлежности раскатились по углам. В жилище полный бардак. Вторая мысль Марины: на Луне нет грабителей. Нельзя ограбить того, кто ничем не владеет.

Потом она видит лежащее на боку инвалидное кресло прямо у входа в спальню Ариэль.

– Ариэль!

Ариэль лежит на спине в куче постельного белья.

– Какого черта тут произошло? – спрашивает Марина.

– Какого черта ты сделала с моим джином? – кричит в ответ Ариэль.

– Вылила в сливное отверстие душа.

– А принтер?

– Взломала.

Ариэль приподнимается на локтях.

– В доме нет джина.

Это обвинение.

– Ни джина, ни водки, ни другого алкоголя.

– Я достану.

– Я взломаю твоё кресло.

– Не посмеешь.

– Да ладно?

– Я отменю твой взлом.

– Да ты ни хрена не смыслишь в программировании.

Ариэль без сил падает опять в кучу постельного белья.

– Дай мне выпить. Один разок. И все.

– Нет.

– Я знаю, знаю. Но всегда где-нибудь наступает час «мартини».

– Не умоляй. В этом нет шика. Вот тебе правила. В доме алкоголя нет. Я не могу тебя останавливать, когда ты где-то еще, и не стану, потому что это означало бы неуважение.

– Что ж, и на том спасибо. А где ты была, кстати говоря? Опять какая-то группа?

– Учеба. – Это не совсем ложь. – Грейси джиу-джитсу. Кто знает, когда мне снова понадобится тебя спасать.

– Опять ты за свое.

– Ариэль, мать твою, дай мне передышку.

– Дай мне джин, мать твою! Дай мне ноги, мать твою! Дай мне мою семью, мать твою! – После паузы, на протяжении которой женщины не могут друг на друга смотреть, Ариэль заговаривает: – Извини.

– Ты пугаешь меня. Я увидела, в каком состоянии квартира, я увидела инвалидное кресло на боку – что я должна была подумать? Я подумала: а если найду ее мертвой?

Теперь Ариэль не может смотреть на Марину.

– Марина, ты можешь для меня кое-что сделать?

– Выпивку я тебе не принесу, Ариэль.

– Я не хочу, чтобы ты приносила мне выпивку.

– И ты называешь себя адвокатом? Даже я вижу, что это была проклятая ложь.

– Я хочу, чтобы ты связалась с Абеной Асамоа.

– Она делала доклад в Лунарианском обществе?

– Доклад был упрощенческой околodemократической чушью. Но она умна, и у нее есть амбиции.

– И она трахается с твоим племянником.

– И ее тетя, моя бывшая невестка, – Омахене Золотого трона. И пусть покровительство Орла позволяет мне проникать на совещания КРЛ, покровительство Драконов сопровождается набором куда более острых когтей.

– Что ты хочешь от меня?

– Я сказала ей, что ищу стажера. Она будет идиоткой, если согласится, но я намереваюсь ее уломать. На день «ку кола» запланировано совещание КРЛ. Пригласи ее туда в качестве моей гостыи. Скажи, это возможность увидеть, как на самом деле работает политика. Организуй пропуск, ты же сможешь?

– Зачем мне это делать?

– Затем, что у меня теперь есть люди, – говорит Ариэль. – Скажи ей одеться получше. А теперь помоги мне выбраться отсюда и разберись с этим бардаком.

Все лица в шлюзе обращаются навверх. Тридцать, пятьдесят лиц, как прикидывает Вагнер, пока спускается по эстакаде. Шлем Вагнера у него под мышкой, Зехра Аслан, его цзюньши, идет рядом. Некоторые из лиц внизу знакомы, кое-какие чересчур знакомы. Большинство новички. Новичков больше, чем он когда-либо видел. Сомбра перебирает их резюме. Двое заявили, что работали на «Корта Элиу». Ловкий ход.

Толпа расступается. Вагнер и Зехра проходят к передней части ровера «Везучей восьмерки».

– Я могу взять четверых, – объявляет он.

Никто не двигается с места.

Вагнер поворачивается к высокому игбо, чей пов-скаф покрыт эмблемами «Манчестер Юнайтед».

– Ты. Джо Лунник. Уходи.

У здоровяка от гнева глаза лезут на лоб, он вытягивается в струнку. Он на голову выше Вагнера, лунника во втором поколении.

– У меня сертификат для работы на поверхности.

– Ты лжец. То, как ты стоишь, как держишь плечи, как несешь себя, как пахнешь, как носишь этот костюм, как цепляешь пальцами шлем, как лежат герметичные швы на твоём пов-скафе. Нет. Ты представляешь опасность для самого себя, и хуже того – ты опасен для моей команды. Уходи прямо сейчас, наберись опыта работы на поверхности, и, может быть, когда я тебя увижу в следующий раз, то не вышвырну. И не смей опять лгать в своем резюме.

Джо Лунник таращится на Вагнера, пытается испепелить его взглядом, но в ответ на него глядят глаза волка. Здоровяк видит ярость, пылающую в них, поворачивается и уходит, расталкивая толпу.

«Красивенькое представление, волк», – говорит Зехра через фамильяра. Но он уже не волк теперь, когда лик Земли темен. Сосредоточенность его темной стороны позволила заметить, что Джо Лунник врет.

– Ола, Мейрид, Нили. Джефф Лемкин. – Вагнер уже бывал на стекле с первыми тремя именами, четвертое ему в новинку, но сопровождается безупречными рекомендациями от прокладчиков путей из ВТО, которые восстанавливали разрушенное после катастрофы «Горнила». – Всем остальным – спасибо.

Когда в доке остается только его новая «Везучая восьмерка», Вагнер

проверяет текущее задание: остекление участка к востоку от Меридиана, в Море Спокойствия.

– Лаода? – Голос Зехры. – Речь?

– Прости.

Джефф единственный, кто до сих пор ее не слышал, но даже он понимает, что Вагнер все знает наизусть. Речь, технические инструкции, приказ надеть костюмы и пристегнуться. Имена членов команды проступают на линзе, фиксаторы опускаются и встают на место; показатели давления снижаются до нуля. Красный сигнал, потом зеленый.

– Зехра?

– Вагнер?

– Побудь водителем за меня. – Он переключает на нее интерфейс управления ровером.

– Конечно.

Зехра Аслан была цзюньши Вагнера вот уже десять вахт, и отношения между ними такие же близкие, привычные и эффективные, как брак, основанный на хорошем контракте. Она проверяет системы и регистрирует план поездки, пока члены «Везучей восьмерки» подключаются к бортовому жизнеобеспечению. Вагнер приказывает Сомбре сделать частный звонок.

– Вагнер.

Он в «Одиннадцатых воротах», пьет чай, одетый в абрикосовые спортивные шорты с синей окантовкой и мешковатую майку, с собранными наверху волосами.

– Просто хотел убедиться, что ты ни в чем не нуждаешься.

– Я ни в чем не нуждаюсь.

– И все в порядке?

– Все в порядке.

– Что ж, если тебе все-таки что-то нужно...

– Не нужно.

– Но если будет нужно...

– Амаль об этом позаботится.

Вагнер вспоминает, каким видел Робсона в последний раз: под сенью дома стаи, Амаль рядом. Нэйная рука обвивала мальчика. Вагнер снова испытал всплеск чувства, которое представляло собой смесь утраты, ревности и тоски в равных долях.

– Что ж, это хорошо.

В доке не осталось посторонних, наружная шлюзовая дверь скользит вверх. Зехра запускает моторы и направляет ровер вверх по эстакаде, в темную щель, что делается все шире.

– Вагнер, зачем ты позвонил? – спрашивает Робсон.
– Просто проверял. Да так, ничего особенного. Я все равно вернусь через десять дней.
– Ладно. Береги себя, Лобинью.
Робсон и его чай исчезают с линзы Вагнера, и когда ровер выкатывается с эстакады на поверхность и от его толстых колес летят струи пыли, Вагнер начинает себя терзать. Почему он этого не сказал, ну почему, почему?
«Я тебя люблю, мой самый маленький волчонок».

* * *

Он задувает биолампу и сидит в самой глубокой тени за самым дальним столом. Сутулые плечи, опущенный взгляд предупреждают всех, даже хозяина закусочной, что с ним не стоит заговаривать. Орчата давным-давно остыла.

Его мысли маршируют по утомительному кругу. Тошнотворный шок. Алое унижение. Вопящий гнев. Хладная несправедливость. Его разум катится от одной эмоции к другой, как паломник от стоянки до стоянки.

«Ты убил моих родителей».

Дариус отклонял звонок за звонком. Пятнадцать. Двадцать. Пора бы уже догадаться. Робсон настойчив. Наивный Робсон, глупый Робсон, все звонит и звонит, спрашивая себя, почему его старый друг, его лучший друг не отвечает; выдумывает всевозможные дела, болезни или семейные обязательства, которые помешали ему ответить; а правда в том, что его друга – его лучшего друга! – предали.

«Я ответил лишь для того, чтобы сказать: я тебя ненавижу».

Когда после двадцать пятого звонка Дариус все же ответил, наивный Робсон, глупый Робсон с улыбкой сказал: «Привет, Дариус, как дела?»

Эту глупость он ненавидит больше всего. Она унижает, как будто его пнули в живот, а потом вцепились когтями и начали пожирать.

«Предатели и убийцы».

Он все еще дрожит от потрясения. Он слышит две вещи: слова Дариуса и голос Дариуса. Они разные. Слова грохочут в его голове, голос все говорит и говорит. Дариус говорил меньше тридцати секунд, но Робсон в воспоминаниях проигрывает сказанное им бесконечно.

«Я вырежу твои глаза и твой лживый язык, Робсон Корта».

Джокер оборвал связь, и Робсон сбежал из дома стаи.

Друг обратился против него.

– Я так и думалэ, что найду тебя здесь.

Плечи Робсона напрягаются. Он поднимает взгляд. Нэ.

– Я не хочу с тобой разговаривать.

– Робсон...

– Что ты смотришь на меня, как на дерьмо?

Амаль подтягивает стул и садится на некотором расстоянии от Робсона. Никакого прямого зрительного контакта, никакой конфронтации. Робсон бы испепелил нэ взглядом, будь это в его силах.

– Я буду сидеть и ждать.

– Ну и сиди.

Нэ не садится.

Нэ хватает стакан с орчатой и швыряет. Нэ поднимает стул, замахивается им и бросает в людей, которые появились позади, близко и быстро, незаметно для Робсона. Нэ переворачивает стол, спихивает Робсона с его стула и вынуждает спрятаться за ним.

Стакан попадает в мужчину в спортивном костюме «Рибок», вынуждая его пошатнуться. Об стул спотыкаются еще двое мужчин в костюмах «Адидас». Амаль головой бьет четвертую из нападающих. Женщина ненадолго теряет равновесие, а потом, тряхнув головой, хватает нэ за одежду и отрывает от земли одной рукой. Темные чувства предупредили вожака стаи о том, что на них напали, но у этой женщины сила Джо Лунницы. Она сжимает правую руку в перчатке и бьет кулаком. Герметичная стена из спеченного стекла трескается и разлетается на осколки. Железная рука. Робсон слышал про такие штуки: эластичная ткань, которая при ударе поляризуется, превращаясь в углерод, твердый, как сталь. Женщина снова поднимает руку, бьет нэ под дых. Все взрывается. Робсон уже на пути к побегу.

Группа захвата пришла в себя и быстро бросается следом, наступая на пятки. Робсон проносится через кухню, перепрыгивая через воки, сковородки, горячие жидкости. Он слышит вой заряжающегося шокера. Он кидается в вентиляционное отверстие и в один миг оказывается на служебной лестнице позади киоска. Иглы шокера со звоном ударяются о металл. Он на крыше, он поднимается на руках, раскачиваясь, по служебной трубе к Первому уровню. Только ребенок, только трейсер может последовать за Робсоном по его спасательному маршруту. Он все продумал и рассчитал время, но до сих пор ни разу не проверил этот маршрут собственным телом. Он прыгает, взмывает в воздух, хватается за перила и закидывает себя на ограждение безопасности на Первом западном уровне.

квадры Водолея. Побег не будет полным, пока он не поднимется на три уровня, но он дает себе паузу и, застыв на ограждении, смотрит вниз на преследователей, которые в яростном бессилии собрались на крыше закусочной внизу.

На одной линии с его взглядом покачивается дрон.

– Это нечестно, – успевает сказать Робсон, и проводки шокера впиваются ему в живот, отправляют кувырком в середину Первого восточного. Он не может дышать. Каждую мышцу окунули в расплавленный свинец, и все они натянуты так сильно, что его сухожилия едва не отрываются от суставов. Он обмочился. Дрон завис на расстоянии вытянутой руки от лица. Он мог бы схватить эту штуковину, если бы сумел шевельнуть хотя бы веком.

Прибывают люди на пауэрбордах и резко останавливаются.

– Шустрый маленький ублюдок, – говорит крупный мужчина, в котором Робсон узнает главу службы безопасности Брайса. Дрон сбрасывает проводки шокера и уносится вверх. Робсон не может пошевелиться, не может дышать. Дембо Амаечи идет к нему. Робсон как будто окаменел.

Потом появляются новые люди – спускаются с крыши, перепрыгивают через перила, выходят из переулков. Высверк стали, и двое из рубак Брайса мертвы. Третий бросает нож и с криком: «Я на такое не подписывался!» поворачивается и убегает.

– Как дела, Дембо?

Робсон не может повернуть голову, чтобы посмотреть, но он знает этот голос. Денни Маккензи.

– Роуэн сказал, что ты не умер.

– О, я совсем не умер. Или правильно говорить «отнюдь не умер»?

– Промашка, которую я намерен исправить тотчас же.

– Изящно сказано, Дембо, – говорит Денни Маккензи. Робсон по-прежнему пытается пошевелиться. У него получается ползти, царапая кожу о дорожное покрытие. – Ты всегда мог изъясняться красиво. А вот я всего лишь необразованный джакару. Но зато умею управляться с ножом.

Прочь, прочь. Двое рубак бросаются друг на друга. Прочь. Робсон с трудом встает на ноги. Колени подгибаются, он тяжело падает на руки. Встать. Прочь. Все следят за схваткой. Маккензи против Маккензи. На этот раз ноги удерживают Робсона. Он ковыляет к следующему этапу своего пути отхода. Инженерная составляющая квадры Водолея располагается снаружи; она вся – одна гигантская лестница. Робсон хватается за трубы. Пальцы онемели, но сил хватает, чтобы удержаться. Он поднимается. И

еще. И еще. Это самое сложное из всего, что он когда-либо делал. Он делает короткую передышку в изгибе опоры Второго уровня и трясет руками и ногами, избавляясь от покалывания.

Громкий крик, означающий кровь. Робсон глядит вниз. Один человек лежит, другой идет к его укрытию.

Денни Маккензи смотрит на него снизу вверх с ухмылкой, распахивает объятия.

– Робсон, дружище, спускайся. Теперь ты в безопасности.

Робсон выбирается из изгиба опоры и протискивается в зазор, через который под проезжей частью Второго уровня проходит пучок кабелей.

– Не заставляй меня идти следом.

«Ты не сможешь, – думает Робсон. – Взрослый тут не поместится».

Голос доносится снизу. Денни смотрит на кабельную шахту.

– Вагнер меня попросил, Роббо. «Присматривай за ним, пока я не могу».

Робсон карабкается. Может, если бы Денни не воспользовался его ненавистным прозвищем. Может, если бы он не услышал, как внутри нэ сломалось то, что нельзя исправить. Может, если бы он не получил от Дариуса порцию желчи. Может, тогда он бы спустился. Но он не может быть Маккензи, не может быть Сунем и не может быть волком. Через два уровня маршрут побега выведет его к лифту на Четвертом восточном уровне. Он может прицепиться к кабине и проехать на этом лифте вверх, мимо садов богатеев, прямоком на крышу мира. Там и найдет своих.

– Я тебя разыщу, – кричит ему вслед Денни Маккензи. – Ты мой долг, Роббо. А я отдаю долги.

* * *

Он всегда сбрасывал все волосы на теле, с самого полового созревания, когда первые волоски вокруг пениса вызвали у него отвращение. Все, от макушки до волосков на пальцах ног. Включая ягодицы и пах. Он снова проводит по телу бритвой, пока не добивается безупречной гладкости. Высыхает, позволяет фамильяру показать самого себя. Хлопает по животу. Пресс все еще тугой, кубики выделяются, паховые складки очерчены четко. Он еще ничего. И, наконец, масло. Не синтезированное, из дорогой органики – это его личная смесь. Он медленно и тщательно растирает каждую мышцу, складку и впадину. Затылок, голова, задняя сторона колен, мягкая и сморщенная кожа в промежности. Между пальцами. Он блесит,

он весь из золота. Он готов.

Хоан Рам Хун делает глубокий, прерывистой вдох и бежит на месте, расслабляя мышцы.

Дверь душевой кабины открывается. Трое рубак «Маккензи Гелиум» ждут.

– Вы пришли, чтобы отвезти меня домой в Царицу Южную! – восклицает Хоан. – Вы хоть представляете себе, как мне наскучил Лансберг?

Он демонстрирует свое обнаженное тело.

– Вот, побрился для Брайса.

Рубаки выглядят сконфуженными.

– Шутка.

Впрочем, горькая.

– Брайс недоволен, – сообщает первая рубака. Она невысокого роста, хорошо сложенная Джо Лунница, и при ней палка-шокер. – Он хотел мальчика.

– Я бы ни за что не позволил Брайсу его заполучить, – говорит Хоан Рам Хун.

– Честное слово, лучше бы тебе помалкивать, – замечает второй рубака.

– Он ломает все, к чему прикасается. Я не мог позволить, чтобы мальчик кончил так же, как я.

– Прошу тебя... – говорит третий рубака. Он несет чистящее оборудование.

– Извини, приятель, – говорит женщина и тыкает шокером в живот Хоану.

Он падает, его челюсти, кулаки, спину и сухожилия сводит судорогой. Каждая мышца и каждый нерв горят, словно их подвергают травлению кислотой. Он обмочился. Он обделался. Женщина морщится от отвращения, а потом она и второй рубака поднимают Хоана на колени и волочат по коридору. Рубака-чистильщик приступает к делу. Воронцовы дотошны в том, что касается чистоты. В их мире случайный волосок или частичка кожи способны погубить космический корабль.

Хоан весь скользкий от пахучего масла. Пальцы рубак скользят по гладкой коже, пока они тащат его к наружному шлюзу. Его ступни и голени оставляют маслянистые отметины на мягком покрытии пола. Он не может пошевелиться. Не может говорить, не может дышать.

Робсон в Меридиане, со стаяй, с Вагнером. Он защищен. Хоан сожалеет о лжи, но если бы он рассказал Робсону правду – что ему надо

остаться, предложить самого себя в качестве оплаты, – мальчик бы ни за что не сел в поезд.

Второй рубака вбивает код. Шлюз открывается. Хлещет волна тел: дети, пять мальчиков, три девочки, все голые. Губы и щеки украшены белыми полосками. Сквозь боль Хоан узнает эту боевую раскраску. Трейсеры. Свободные бегуны. Банда Робсона. Они кричат, тянут руки, пытаются ударить, схватить. Рубаки заталкивают их обратно шокерами и ножами и запихивают Хоана к ним. Несколько уколов палки-шокера, несколько пинков, разбитые пальцы и лица, а потом второй рубака запечатывает шлюз. Зеленый свет. Приглушенные, далекие удары кулаками по металлу. Рубака считает до десяти. Нажимает на переключатель. Зеленый свет меняется на красный.

В вестибюле третий рубака надевает пов-скаф. Через некоторое время он выйдет наружу и приберется. Чтоб им провалиться, этим Воронцовым, с их чистой средой...

* * *

Сотрудница службы безопасности смотрит Абене в правый глаз, и от волны дерзкого возбуждения, пробегающей по телу, Абена едва не начинает хихикать, но вот ее кивком пропускают внутрь. Элитный доступ. Такое никогда не надоест. Предпоследние Врата страха пройдены. Первые Врата страха связаны с тем, было ли искренним предложение Ариэль на балконе Лунарианского общества. Ее фамилляр, Туми, позвонил Марине Кальцаге. Все правда. Абене показалось, Марина ответила как-то сухо. Возможно, надо было позвонить лично, но это так старомодно. Вторые врата страха: есть ли у КРЛ информация о том, что она входит в свиту Ариэль. Туми связался с Корпорацией по развитию Луны. Абена Маану Асамоа. Ассистент Ариэль Корты. Да, ты правда в команде.

Третьими вратами страха было платье. Достаточно ли Кристиан Лакруа профессионален для встречи в рамках Корпорации по развитию Луны, достаточно ли моден, чтобы произвести впечатление на Ариэль Карту? Для платья – подходящие туфли, макияж, прическа. Товарищи по коллоквиуму утром провели два часа, трудясь над ее волосами.

С легкостью миновав четвертые врата, она входит в вестибюль штаб-квартиры Корпорации по развитию Луны. Кругом дерево и хром. Абена и помыслить не может о том, чтобы просчитать углеродный бюджет. Вестибюль заполнен величайшими людьми Луны, чьи голоса и парфюмы

одинаково громко заявляют о себе. Высокие каблуки, а начесы еще выше; повсюду подплечники и тени для глаз. Между людьми и потолком витают фамильяры: адинкра Асамоа, триграммы «И цзин» Суней. Воронцовы в этом сезоне, похоже, предпочитают символику хэви-метал: умлауты и ржавчину. У членов правления оболочки фамильяров простые – точка и вращающийся вокруг нее спутник, эмблема КРЛ. Она замечает сигилу Тройной богини, символ Движения за лунную независимость, прежде чем тот теряется в легионе иконок. Живые официанты подают чай в стаканах и маленькие закуски, от которых Абена отказывается, опасаясь посадить жирное пятно на свое платье от Кристиана Лакруа. Она сделала хороший выбор; плечи не самые широкие, талия не самая узкая. Итак, Ариэль. Абена окидывает толпу взглядом в поисках зазора в социальном горизонте, который указал бы на женщину в инвалидном кресле. Ничего такого. Она опять и опять изучает комнату, а потом обнаруживает Ариэль в центре скопища адвокатов и судей, с вейпером в руке, затянутой в перчатку. Ариэль взмахивает им, подзывая ее.

Абена узнает каждого члена свиты Ариэль. От ужаса ее желудок судорожно сжимается. Это лучшие адвокаты Луны, самые уважаемые судьи, самые проницательные политические теоретики. Абена колеблется. Ариэль снова зовет. Абена знает, что она не позовет в третий раз, но Ариэль не может видеть, что между нею и Абеной стоят Пятые врата страха, через которые она еще не проходила раньше. Эти врата вопрошают: «Ты вообще кто такая? Что ты здесь делаешь, а?» Это Врата самозванства.

Абена сглатывает и шагает вперед. Чья-то ладонь касается ее рукава. Она едва не роняет свой чай, когда поворачивается и видит Орла Луны. Джонатон Кайод – один из немногих землян, которые могут смотреть глаза в глаза представителям третьего поколения.

– Восхитительно, восхитительно! – Он пожимает руку Абены. Он не осознает силу своей хватки и не разжимает ее, когда говорит. – Новый талант – это все, не так ли? – Эти слова адресованы Эдриану Маккензи, бледной тени рядом с Орлом. Эдриан не пожимает руку Абене.

– Очень приятно, мадам Асамоа.

– Я должна благодарить сеньору Корта... – начинает Абена, но Орел Луны уже перешел к другим знакомствам и приветствиям.

– Дорогая. – Ариэль трижды ее целует, а потом говорит своим спутникам: – Давайте я представлю Абену Маану Асамоа из коллоквиума «Кабошон». Способный молодой политик. Я надеюсь обучить ее уму-разуму. – Свита смеется, и Ариэль называет их по очереди. Абена узнаёт имена, но слышать их сказанными вслух – подобно физическому удару. – У

вас у всех есть ассистенты, а я-то чем хуже? И она одевается лучше, чем ваши. И еще она намного умнее.

Социальные приливы, направленные к дверям зала заседаний, прокатываются по толпе.

– Сойдет. – Ариэль внимательно изучает одежду и макияж Абены Маану Асамоа. – Садись слева от меня, сделай заинтересованный вид и ничего не говори. Можешь время от времени ко мне наклоняться и притворяться, будто что-то шепчешь. И вот это... – Ариэль касается левым указательным пальцем точки между бровями, но Абена уже видит, как гаснут фамильяры по мере того, как советники входят в зал. Она не помнит, когда в последний раз была без ИИ-помощника. Ощущение такое, словно на ней нет нижнего белья.

Зал заседаний Корпорации по развитию Луны – серия колец, расположенных друг над другом. Орел и члены Совета занимают внутреннее, самое нижнее кольцо. Советники и юридические представители, эксперты и аналитики занимают все более высокие кольца в зависимости от статуса и важности. Ариэль направляет Абену на второй ярус. Важный и низкий. На поверхности стола рядом с Ариэль светится имя Абены. Стул у нее с высокой спинкой, дорогой и удобный. Ариэль остается в своем инвалидном кресле. Абена хмурится при виде стопки бумаги и короткой деревянной палочки на своем столе. Другие представители Орла занимают места по обе стороны от Ариэль и Абены, но Орел, сидящий прямо под ними, поворачивается и кивает только им. Зал заседаний заполняется быстро. Комната гудит от тихих разговоров; адвокаты совещаются с клиентами, перегибаются через столы или поворачиваются в креслах, выгибая шею, чтобы приветствовать коллег и противников. Все это кажется Абене причудливым и архаичным. Можно было организовать совещание по сети, как это делает Котоко.

– Мы приступим через пару минут, – объясняет Ариэль. – Джонатон начнет с формальностей, огласят протоколы предыдущего заседания и повестку дня нынешнего. Это довольно утомительно. Следи за советниками. Вот кто тебе подскажет, что происходит на самом деле.

– Как настроение?

– Легкий перебор с дружелюбием.

– Что это значит?

– Понятия не имею.

Джонатон Кайод снова поворачивается в своем кресле.

– Готовы? – спрашивает он своих советников. Те согласно бормочут.

– Есть вопросы напоследок? – говорит Ариэль Абене.

– Да. – Абена берет бумагу и стило. – Как эти штуки работают?

* * *

Марина, одетая в костюм с пеплумом от «Карон», сидит в конце чайного бара, где собираются телохранители, и вертит стакан с мятным чаем. Это худшее место у стойки, но все же оно у стойки. Столики – социальная смерть. Телохранители высоко оценивают бар КРЛ, хотя Марина не понимает, что такого хорошего в лунном чае. Она поднимает стакан, чтобы изучить, как выются листья внутри. Лунная экономика и социология в одном стакане. Выращивать чай или кофе в лунных трубофермах экономически невозможно. А мята там чувствует себя вольготно. Чтобы удержать ее под контролем, требуются бензопилы. Из мяты не заварить приличного чая без чая как такового, поэтому АКА врезала в геном мяты несколько генов *camellia sinensis*. Теперь генетическая наука АКА достаточно продвинулась, чтобы разработать настоящий чай, который бы рос в изобилии в лунных условиях – и даже кофе, – но луна уже распробовала мятный чай.

Марина его всегда ненавидела и всегда будет ненавидеть.

Она сидит среди телохранителей и мечтает о кофе. О крепкой, хорошо прожаренной арабике, источающей пар, напичканной кофеином; хороший северо-западный кофе, сделанный медленно и с любовью: воду налили с высоты, чтобы достичь безупречной аэрации, помешали – вилкой, не ложкой – и оставили, чтобы напиток отстоялся и осел. Это подскажет, что он готов. Легко отжать. Двумя руками взяться за чашку ручной работы, и пусть пар дыхания смешается с паром, которым исходит чашка холодным утром на крыльце, пока серый дождь грохочет в водосточных желобах и сплошными потоками льется по оцинкованным цепям, которые в этом доме заменяют водосточные трубы. Горы дни напролет скрыты густыми облаками, туман сужает перспективу, и кажется, что дерево растет прямо рядом с домом. Ветровой конус обмяк и сочится влагой, дождь бежит вдоль веревки для белья, в центре превращаясь в струйку. Пес ерзает, ворчит. Через три комнаты слышна музыка.

Скрипят доски под колесами маминого инвалидного кресла. Она задает вопросы-вопросы-вопросы по каждому ТВ-шоу: «Что происходит, кто это, почему она там сидит, кто это, скажи еще раз?» Атласный шорох шин: все по-особому звучат на грязи у крыльца; есть такие, кого они узнают и кому открывают дверь, и такие, от кого прячутся. Пентатонный

голос одинокой «музыки ветра», подвешенной для ловли восточного ветра – того самого, который занес частицу мультирезистентного туберкулеза с другого берега залива Пьюджет прямоком в легкие Эллен-Мэй Кальцаге. Восточный ветер, чумной ветер. Сильный белый кашель, бесконечный, мучительный.

Внимание Марины резко возвращается к чайному бару КРЛ. Она бросает стакан с мятным чаем. Все стаканы падают. Все телохранители вскакивают со своих мест. Марина бежит к двери.

«Иди к Ариэль! – кричит Хетти ей на ухо. – Ты нужна Ариэль!»

* * *

Вооруженные наемники вливаются в зал сквозь двери по ступенькам. Они с ножами наголо и нацеленными шокерами окружают правление КРЛ. Вторая волна проникает в зал и занимает позиции, угрожая советникам, держась за рукояти и чехлы шокеров. Третий взвод наемных рубак берет на себя охрану дверей. Зал заседаний совета – ревущая западня: члены совета, юридические советники, вооруженные захватчики.

– Что происходит? – кричит Абена.

– Я собираюсь выяснить, черт возьми. – Ариэль разворачивает кресло от стола. Наемница тыкает ей в лицо потрескивающим синим кончиком палки-шокера. Ариэль встречается с нею взглядом и не отводит глаза, бросая вызов.

– Я не могу запустить сеть, – кричит Абена. Захватчики вопят, делегаты вопят, члены КРЛ вырываются из сильных рук, которые их удерживают. Есть центр, неподвижное сердце. Джонатон Кайод сидит в кресле, держа руки на коленях, опустив глаза. Он поворачивается и встречается взглядом с Ариэлью.

«Прости», – говорит он беззвучно. Потом зал заседаний сотрясает взрыв, словно внезапная разгерметизация. Осколки спеченного стекла падают с потолка, все пригибаются. Пистолет. Кто-то выстрелил из пистолета, настоящего пистолета. Стрелявшая стоит в центре ямы, подняв оружие, целясь в крышу. Оно черное, обрубленное и чужеродное. Никто в зале заседаний никогда не видел настоящий пистолет.

И тут Джонатон Кайод тяжело поднимается на ноги.

– Мои сограждане. Мои дорогие друзья. Властью, возложенной на меня как на главного исполнительного директора КРЛ, я распускаю совет директоров Корпорации развития Луны и помещаю ее членов под

домашний арест как представляющих явную и существующую угрозу для стабильности, безопасности и прибыльности Луны.

Голоса из ямы и с ярусов выше орут возражения, но наемники уже надели наручники на членов совета и гонят их к аварийным выходам. Лица напряжены от крика, сухожилия натянуты туго, как торсионные стержни, на губах брызги гневной слюны.

– Он может это сделать? – шепчет Абена.

– Он уже сделал, – отвечает Ариэль. Она выкатывается в центр ямы. В мгновение ока двое наемников бросаются на нее с ножом и шокером. – Я требую доступа к клиенту.

Наемники непоколебимы, но Орел Луны застывает в двух шагах от аварийного выхода. Лицо у него серое.

– Могу я доверять тебе, Ариэль? – спрашивает Джонатон Кайод.

– Джонатон, что ты натворил?

– Могу я доверять тебе?

– Я твой адвокат...

– Могу я доверять тебе?

– Джонатон!

Четыре наемника прикрывают отступление Джонатона Кайода через аварийный выход, когда второй ураган, назревавший в вестибюле, прорывается внутрь. Телохранители, эскольты, рубаки и воины подавляют наемников у двери и штурмуют зал заседаний. Шоковые палки бьют и парируют, делают выпады и выпускают заряды. Тела спазматически дергаются и падают, истекая телесными жидкостями. Охранники и наемники скользят и падают в рвоту, кровь и мочу. Это грязная, хаотичная драка, где сталкиваются с десятков разных контрактов и интересов, и нельзя сказать наверняка, кто на какой стороне. Делегаты прячутся под столами, перебираются через стулья и сбиваются в кучу в центре ямы. Ариэль хватается Абену за руку.

– Не отпускай.

Ариэль замечает, как на заднем плане сражения мелькает Марина. У нее шоковые палки в каждой руке и достаточно здравого смысла, чтобы понять, когда противник ее превосходит. Еще один выстрел, и еще. Комната замирает.

– Это не ваша битва! – кричит женщина с пистолетом. – Отступите, и мы отпустим случайных свидетелей.

Хватка Абены на руке Ариэль делается крепче.

– Они не причинят нам вреда, – шепчет Ариэль. Наемники и телохранители разделяются, наемники отступают к аварийному выходу.

Женщина с пистолетом уходит последней. Происшествие заканчивается через сто секунд.

Марина отключает шоковые палки и прячет в хитроумных чехлах внутри пиджака своего костюма от «Карон».

– Что тут случилось, черт возьми?

– Мой клиент только что устроил переворот.

6: Близнецы 2105

Связка пластиковых труб весила мало, но после сорока лестничных пролетов казалась отлитой из чугуна. Трубы, упрямые дряни, цеплялись за углы и ударялись о ступеньки с грохотом и мычанием, словно брошенные на произвол судьбы музыкальные инструменты. Добавить к этому пояс с инструментами и сварочную маску, а также мешок с рабочими лампами на плече – и станет понятно, почему к тому моменту, когда она пинком открыла дверь и затащила разобранный трубопровод на крышу Океанской башни, у нее горели бедра и предплечья. Мгновение в быстрых сиреневых сумерках – ощутить море в полумраке, прислушаться к шуму волн, доносившемуся с пляжа Барра сквозь гул едущих по авениде Лусио Коста машин и пыхтение кондиционеров. Дюжина мелодий и голосов из окон дюжины квартир. В сумерках жара была терпимой. Она установила лампы. Натриевое сияние высветило и обрисовало тенями то, что оставалось незамеченным при свете дня. Иголки и пластыри, сигаретные окурки. За спутниковыми тарелками лежали брошенные трусики. Птицы шуршали на насестах в своих клетках. Огородик со скунсовой капустой источал щедрые ночные ароматы.

Позже. У ремонтниц свои преимущества.

Она надела сварочную маску, открыла люк стерилизатора воды и проверила УФ-матрицу. Та была в порядке. Они вечные, эти современные УФ-пушки. С коротковолновым ультрафиолетом шутки плохи. С каждой установкой она созывала жильцов, объясняла, каким образом эта штука делает воду безопасной, рассказывала жуткие истории про конъюнктивит, вызванный УФ-лучами («вроде как песок в глазах, но навсегда»). Потом она показывала фотографии глаз, обожженных докрасна, в язвах фотокератита, и все ахали и охали. Ничьи шаловливые пальчики не касались ее стерилизационных установок.

Она отсоединила УФ-матрицу и сняла маску. Совсем стемнело. Она изучила трубы. Хорошо, что она отключила подачу воды; когда пальцы обследовали первый изгиб, пластик превратился в прозрачное крошево. Ультрафиолетовые лучи сожрали полиэтилен.

Придется заменить все трубы. Хорошо, что она принесла достаточно.

Трубы крошились, пока она их снимала. Стерилизатор от поломки отделяли часы, если не минуты. Громкие голоса доносились снизу, жалуясь, что нет воды. Не все получили сообщение о том, что Королева

Труб работает над подачей воды в Океанскую башню. «За что мы ей платим?»

За подсоединение к основному водопроводу Барры и взятки чиновникам из FIAM, чтобы они ничего не заметили. За прокладку труб по склону холма и вдоль стен башен, за их подключение к полудохлой сантехнике в каждой квартире. За насосы и питающие их солнечные панели, за цистерны на крышах и фильтрационные системы, и за этот стерилизатор, благодаря которому вы поите своих детей чистой и свежей водой. Вот за что вы мне платите. И если я трачу полученные от вас деньги на надежный, хоть и подержанный пикап «Хоутай», или бутсы для мальчика, или новый концентратор для квартиры, или интенсивный маникюр и восстановление ногтей для меня, станете ли вы мне завидовать? Ведь от работы с системами водоснабжения ногти здорово портятся.

Она выбрала плейлист в плеере-наушнике и принялась за работу. Наступила ночь; на третьем комплекте труб позвонил Нортон и предложил встретиться.

– Я работаю.

– А когда наработаешься?

– Ты будешь работать.

Затягивая соединители труб, она, как делала нередко, размышляла над тем, не стоит ли поискать лучшего бойфренда. Нортон был в хорошей форме, лощеный, и подавал себя с досадливой небрежностью, смягчаемой самоосмыслением, которое она находила очаровательным. Он гордился тем, что был парнем Королевы Труб, пусть даже не мог понять, зачем она делает то, что делает. Его раздражало, что она больше зарабатывает. Его раздражало, что она вообще работает. Она должна была позволить ему содержать себя, поддерживать, баловать; так положено мужчине. Нортон работал в охране; охрана – это круто, охрана – это важно. Встречаешь знаменитостей и богачей, но еще, если ты охранник, тебя могут убить.

Она никогда не говорила вслух то, о чем знали все: лучшая охрана, самая дорогая, была роботизированной. Людей нанимали третьесортные знаменитости. Но у него были планы, стремления, касавшиеся обоих. Квартира на берегу, хорошая машина. Не «Хоутай»; то, что она ездила в этом пикапе, портило Нортону репутацию. «Ауди» – вот хорошая машина. «А мое оборудование поместится в багажник „Ауди“?» – спросила она. «Когда ты со мной, оборудование тебе не нужно».

Она не хотела будущего Нортон. Настанет момент, когда ей придется от него избавиться. Но он был милым, и секс, когда им удавалось состыковать графики, был хорошим.

Она подключила последнюю трубу, пустила воду, проверила стыки, слила все воздушные пробки. Послушала журчание и шум потока в трубах. Затем снова надела сварочную маску, опять запустила УФ-матрицу и закрыла люк.

Вот тебе чистая вода, Океанская башня.

Наушник снова звякнул. На этот раз не Нортон. Предупреждающий сигнал. Она включила линзу, и приложение поместило сетку оптического прицела поверх точки прибытия. Юго-юго-восток, в двадцати километрах от Океанской башни. Она схватила пригоршню бутонов со скунсовой фермы и села на краю парапета, болтая ногами над восьмидесятиметровой пропастью, пиная бетон пятками и глядя на океан. Электричество снова вырубилось, на улицах было темно. Хорошо для наблюдения за падением. Не так уж хорошо для общественной безопасности. На крышах соседних многоквартирных домов пыхтели генераторы. Киоски и магазинчики освещались накопленной солнечной энергией. Триста километров отсюда, сообщила ей сетка. Сто пятьдесят. Она доверилась цифрам и устремила взгляд в мягкую, теплую ночь. И небо зажглось. Огненные дуги; три штуки, изгибающиеся вниз от термосферы, золотисто-алые. У нее перехватило дыхание. У нее перехватывало дыхание вот уже двадцать лет, с той ночи, когда семилетняя девочка отправилась на крышу с тию Жерменом, чтобы поглядеть на Луну.

Видишь Луну? Видишь эти огни? Это твои родственники. Семья. Корта. Они как ты. Твоя двоюродная тетя Адриана отправилась туда и стала очень богатой и могущественной. Она там Королева Луны, да-да. Потом маленькая девочка увидела падающие звезды – огненные полосы, перечеркивающие звездное поле, – и больше ничего не имело значения. Теперь она знает, что это грузовые контейнеры; редкоземельные элементы, фармацевтика. Гелий-3. «Корта Элиу» зажигает огни. Предполагалось, что термоядерный синтез покончит с провалами напряжения в сети. Термояд был дешевым и неисчерпаемым, вечно ярким и гудящим спасителем. Но все спасители терпят неудачу. Термояд никогда не подразумевал электроэнергию, которую можно доставить, он всегда был связан с богатством, которое можно заработать, заключая сделки на рынках электроэнергии. Три контейнера падали, на входе в плотные слои атмосферы окутавшись плазмой; это было медленно и невероятно красиво. Как ей было хорошо в те времена невинности и чудес, когда двоюродная тетя бросала с небес звезды, словно леденцы...

Адриана Корта посылала деньги братьям и сестрам, оставшимся на Земле. Бразильские Корта жили на широкую ногу, но однажды денежный

поток иссяк. Адриана Корта закрыла небо, однако ее двоюродная племянница все еще наблюдала за огненными линиями, падающими с Луны, и чувствовала, как сердце прорезают трещины.

Стало темно. Представление закончилось. Там, посреди темного океана, корабли разыскивали и подбирали капсулы. Алексия Корта взяла сумку с инструментами и сварочную маску. Старые трубы соберет кто-нибудь другой. В кармане обрезанных и потрепанных джинсов у нее была припрятана сенсимилла. Она насладится тем, как наркотик весело растворит края дешевого и потрепанного мира. Каждый раз, когда Алексия видела, как контейнеры падают, превращаясь в пылающие звезды, она ощущала краткий приступ негодования из-за погубленных возможностей. Она была Королевой Труб Барры, но кем еще она могла бы стать в том мире, наверху?

У входной двери парнишка-охранник вручил ей конверт с наличкой.

– Спасибо, сеньора Корта.

В пикапе она подсчитала содержимое. Еще семестр школьных трат для Маризы. Лекарства для бабули Пиа, свидание с Нортоном. Маникюр, а остальное – на сберегательный счет. Королева Труб вырулила на авениду Лусио Коста, заняв место в цепочке габаритных задних огней, а в небе светила предательница-луна, похожая на лезвие, которое кто-то туда забросил.

* * *

Полицейскую сирену Алексия использовала, как и большинство приложений, дважды: один раз после покупки, и еще раз – чтобы похвастать перед друзьями, а потом она забыла про него. Несколько раз, наводя порядок в софте, Алексия подумывала, не удалить ли его, но маленькая иконка в виде улыбающейся полицейской машинки как будто вздрагивала и твердила: «Наступит момент, и я тебе пригожусь».

Этим утром на авениде Армандо Ломбарди – с выключенным автопилотом и одиннадцатилетним Кайо, четырнадцатилетней Маризой и сестрой Марией Апарасейдой из Абриго Кристо Рентендор в кузове пикапа – сирена ей пригодилась.

Клаксон тревожно завыл. Включилась синяя мигалка: еще одна незаконная программа, как и метка полицейской сети, которая заставляла каждый автомобиль в Леблоне считать ее машиной скорой помощи. Какая разница, лишь бы убралась с дороги. Она пронеслась через перекресток

авениды Дас Америкас и авениды Айртона Сенны.

Сестра Мария Апарасейда в кузове постучала по крыше и, перегнувшись через кабину, заорала через водительское окно:

– Куда ты едешь? К Святым матерям налево.

– Я не еду к Святым матерям, – заорала Алексия в ответ, перекрикивая вой сирен. – Я везу его в госпиталь Барра д’Ор.

– Барра д’Ор тебе не по карману.

– По карману! – крикнула Алексия. – Просто я откажусь от всего остального.

Она убрала ладонь с клаксона и ринулась вперед через перекресток. Автоматизированные машины разлетелись в стороны, точно стадо газелей.

Она отправила его из дома опрятно одетым и сытым. Так было каждый день: чистенький, одежда выглажена, туфли блестят. Опрятный и сытый, и с обедом: для себя и на обмен. Деньги для охранников, деньги на всякий случай; Алексия на быстром наборе, мало ли что. Ему не суждено было блистать, не так у него были устроены мозги, но он всегда выглядел прилично и не посрамил бы дом Корта.

Охрана школы позвонила Алексии, когда Кайо опоздал на полчаса. Она бросила свои инструменты. Соседи уже нашли его – в неглубокой бетонной дренажной канаве, забитой бутылками из биоразлагаемого пластика и завязанными пакетами с фекалиями. С ним была сестра из общины Святых матерей. Алексия съехала по бетонному склону. Его голова выглядела ужасно. Ужасно. Его милая голова. Все пошло кувырком. Она не знала, что делать.

– Подгони пикап к лестнице! – заорала сестра Мария Апарасейда. Соседи помогли Алексии выбраться из грубо сооруженной дренажной канавы. Она подъехала задом к низкому изгибу, где улица пересекалась с канавой. Кайо на руках перенесли в кузов пикапа, где Мария Апарасейда устроила подстилку из пенной упаковки. Мария Апарасейда уложила Кайо в спасительном положении^[19] и схватила предложенную бутылку воды, чтобы промыть рану. Так много крови...

– Ну, поехали! – крикнула сестра Мария Апарасейда.

– Где его рюкзак? – спросила Алексия. Он так приставал, бесконечно приставал к ней из-за рюкзака с Капитаном Бразилией, и когда она наконец-то уступила и купила, Кайо так обрадовался и так гордился, что едва ли не спал внутри этой штуки. Рюкзака не было.

– Алексия! – рявкнула сестра Мария Апарасейда. Алексия прыгнула на водительское место. Включила сирену.

Она подъехала к въезду для машин скорой помощи в Барра д’Ор.

Пикап окружили вооруженные охранники.

– Носилки! – крикнула Алексия, глядя в мрачные, сытые лица охранников. Чьи-то руки удержали другие руки, тянущиеся к оружию. Они знали Королеву Труб. Алексия ворвалась в приемную скорой помощи и склонилась над стойкой регистрации.

– У меня в пикапе мальчик одиннадцати лет, половина головы вдавлена. Ему нужна немедленная медицинская помощь.

– Сообщите сведения относительно вашей страховки, – сказала администратор. На белом столе у нее были цветы.

– У меня нет страховки.

– Дневной стационар госпиталя Барра предоставляет услуги медпомощи, – сказала регистратор.

Алексия схватила платежный терминал, приложила к глазу, прижала большой палец и повернула устройство обратно к регистратору.

– Этого хватит?

– Да.

– Везите его внутрь.

Медсестрам пришлось вызвать охрану, чтобы оторвать Алексию от Кайо, когда реанимационная бригада вкатил носилки в помещение.

– Ле, пусть делают свою работу, – сказал один из охранников. – Как только он будет в безопасности, доктор позволит тебе с ним поговорить.

Она сидела и ждала. Она волновалась. Она то так, то этак сворачивалась клубочком на неудобном сиденье в зале ожидания, а потом принималась выискивать еще какую-нибудь позу, но ни одна из них не подходила для ее костей. Она ходила туда-сюда к торговым автоматам. Она бросала испепеляющие взгляды на любого, кто взглянет на нее хоть краем глаза. Через два с половиной часа к ней вышла доктор.

– Как он?

– Мы его стабилизировали. Могу я с вами поговорить?

Врач отвела ее в отдельный кабинет. Она положила на кровать кусочек грязной бумаги.

– Нашли в кармане. Его почерк?

– Он пишет лучше.

– Адресовано вам.

Адрес и подпись. Алексия не узнала подпись, но имя было ей известно. Почерк ребенка, взрослый подтекст.

– Можно мне это взять?

– Зависит от того, хотите ли вы привлечь полицию.

– От полиции никакого толка, когда речь идет о людях вроде меня и

Кайо.

– Тогда забирайте.

– Спасибо, доктор. Я вернусь, но сперва мне нужно кое с чем разобраться.

* * *

Только новички вытаращились, когда Алексия вошла в тренажерный зал. Мужчины постарше, которые знали, кто она такая, приостановились у своих штанг и боксерских груш, кивнули в знак уважения. Она быстрым шагом миновала стойку регистрации с табличкой: «Только для мужчин», сауну и темный лабиринт коридоров, направляясь в офис в дальней части. Ей навстречу выступили два эскорта в фирменных майках спортзала.

– Я хочу увидаться с Сеу Освальду.

Эскорта помоложе чуть было не разинул свой глупый рот, чтобы ей отказать; старший товарищ предупреждающе положил руку ему на плечо.

– Разумеется. – Он что-то пробормотал в спрятанный микрофон. Кивнул. – Пожалуйста, входите, сеньора Корта.

Офис Сеу Освальду был уютным и тесным, как каюта на шхуне. Латунь и полированное дерево. На стенах фотографии бойцов ММА в рамках. Под закрытым ставнями окном – хорошо укомплектованный бар. В воздухе витал китайский электро-поп, чье присутствие ощущалось, но было не слишком назойливым, чтобы не нарушить сосредоточенность Сеу Освальду. Человек-медведь, высокий и массивный, он едва помещался в кресле за столом, где изучал матчи ММА на расставленных строим старых мониторах. Воздух был прохладный от кондиционера и чуть отдавал ментолом, но хозяин кабинета сильно потел. Сеу Освальду не выносил жару и дневной свет. Он был одет в хорошо выглаженные белые шорты и майку с эмблемой спортзала.

Он постучал по экрану одного из своих старых школьных мониторов.

– Вот этого мальчика, думаю, я могу купить. Он коварный маленький ублюдок. – Голос у Сеу Освальду был богатый и глубокий, низкий, с хрипылыми нотками от перенесенного в детстве туберкулеза. В Барре ходила легенда о том, что когда-то он учился на католического священника. Алексия в это верила. – Как ты думаешь?

Он повернул экран, чтобы показать ей бойцов в клетке.

– На кого мне смотреть, Сеу Освальду?

Он рассмеялся и одним изящным взмахом руки сложил все экраны так,

что они слились со столом.

– Из тебя бы получился хороший боец. Ты знаешь толк в дисциплине и умеешь сосредотачиваться. И злиться. Что я могу для тебя сделать, Королева Труб?

– Меня обидели, Сеу Освальду.

– Знаю. Как твой брат?

– У него череп треснул в трех местах. Тяжелое сотрясение мозга и внутримозговое кровоизлияние. Доктора говорят, ущерб неизбежен. Вопрос в том, насколько сильным он будет.

Сеу Освальду перекрестился.

– Что с ним случится?

– Может статься, ему потребуется уход на протяжении всей оставшейся жизни. Доктора говорят, он может никогда не восстановиться полностью.

– Вот дерьмо, – пробормотал Сеу Освальду своим низким богатым голосом. – Если дело в деньгах...

– Я не прошу денег.

– Я рад. Мне бы не хотелось брать с тебя проценты.

– Гулартес послали мне сообщение. Я бы хотела им ответить тем же.

– Это честь для меня, Алексия. – Сеу Освальду подался вперед. – Насколько выразительным должно быть твое сообщение?

– Я хочу, чтобы они больше никогда не угрожали моей семье или кому-то еще. Я хочу, чтобы их водяную империю стерли с лица земли.

Сеу Освальду снова откинулся на спинку кресла. Оно скрипнуло. На его лысой голове выступили маслянистые капли пота, хотя для Алексии в кабинете было прохладно.

– Ты Железная Рука.

– Простите? – спросила Алексия.

– Никогда не слышала об этом? Семейное прозвище Корта. Моя семья и твоя – старые друзья. Мой дедушка купил «мерседес» у твоего прадеда.

– Я знаю, что когда-то у нас были деньги.

– Это прозвище дают в Минас-Жерайс, в шахтах. Оно означает человека, у которого есть хватка, и воля, и амбиции, которые позволяют ему взять у мира желаемое. Железная Рука. Твоя двоюродная бабушка – та, что отправилась на Луну, – была настоящей миниера. Мано ди ферро.

– Адриана Корта. Она отказалась от моей семьи. В ее руках были все деньги Луны, а она отказалась от нас.

– И вы забыли, что когда-то среди вас были те, кого называли Железной Рукой. Может, она просто ждет. Я сделаю, как ты просишь,

Алексия Корта. Я очень расстроен тем, что случилось с Кайо. Пацан... Они нарушили правила. Я позабочусь о том, чтобы братья Гуларте испытали настоящую боль перед тем, как умереть.

– Спасибо, Сеу Освальду.

– Я делаю это из уважения к Королеве Труб. Мы все тебе обязаны. Но пойми, пожалуйста, что я не могу не попросить платы за свои услуги. Даже от тебя.

– Разумеется.

– Моя матушка – да будут Иисус и Мария добры к ней – не испытывает ни в чем недостатка в старости. У нее красивая квартира с видом на море, электричество почти без перебоев. У нее есть веранда и шофер, который возит ее на мессу, коктейли или бридж с подругами. Ей требуется лишь одно. Думаю, ты можешь удовлетворить эту нужду.

– Назовите ее, Сеу Освальду.

– Она всегда мечтала о водном дизайне. Фонтаны, херувимы и те существа, что дуют в рога. Раковины и купальни для птиц. Звук падающей воды. Это сделало бы ее жизнь полной. Ты можешь такое устроить, Раинья ди тубос^[20]?

– Привнести немного воды в жизнь пожилой дамы – это для меня честь, Сеу Освальду. Могу ли я попросить еще об одной услуге?

– Если начнешь на этой неделе.

– Я хочу рюкзак Кайо, с Капитаном Бразилией.

* * *

Нортон пришел к ней в квартиру.

– Не приходи ко мне домой, – сказала Алексия, не снимая засов с двери и приложившись левым глазом к щели. Она позволила спрятанному шокеру скользнуть на пол позади двери и пальцем ноги отодвинула его в сторону. После обращения к Сеу Освальду за помощью и до тех пор, пока просьба не будет исполнена, на непрошенный громкий стук в дверь отвечали только с оружием в руках. Камеры в коридоре показывали одного Нортон. Это ничего не значило. Гулартес могли взять его семью в заложники. Мариза, прижавшись к стене, подобрала шокер. Всегда должно быть подкрепление.

– Мне надо поговорить с тобой.

– Не надо приходить ко мне домой.

– Ну и где тогда мы сможем поговорить?

Беседка на крыше. Мариза запостила сообщение в сети башни, и беседка опустела к тому моменту, когда Алексия и Нортон добрались до конца лестницы. Вечерняя жара была сносной благодаря легкому ветерку с холмов. Алексия свернулась клубочком на диване. Она бросила шесть «Антарктик» в сумку-холодильник и небрежно открыла одну о деревянные перила. Предложила Нортону. Он отвернулся. Сухожилия на его шее, горле, вены на лбу были натянуты от гнева. Алексия сделала большой глоток из бутылки. Милое холодное священное пиво.

– Почему ты пришел ко мне домой?

– Почему ты пошла к Сеу Освальду?

– Это бизнес. Ты не должен спрашивать меня о бизнесе.

Нортон ходил из угла в угол. Он все время так делал. «Ты хоть осознаешь, насколько твои руки беспокойны, когда ты сердишься?» – подумала Алексия.

– И я не должен приходить к тебе домой, – сказал Нортон. – Мне что, надо было подписать какой-то контракт?

– Это несерьезно, Нортон. – Алексия так и не научилась понимать чужие насмешки. Нортон это знал: нельзя подшучивать над Алексией Корта.

– Я знаю, зачем люди идут к Сеу Освальду. Почему ты не пришла ко мне?

Алексия искренне и внезапно расхохоталась.

– К тебе?

– Я же работаю в охране.

– Нортон, ты и в подметки не годишься Сеу Освальду.

– Сеу Освальду надо платить. Я не хочу, чтобы ты была у него в долгу.

– Восьмидесятилетняя мамайн Сеу Освальду получит лучший водяной дизайн балкона в Барре. С херувимами и другими прибабасами.

– Не насмехайся надо мной, – огрызнулся Нортон, и от темной вспышки его гнева, от быстрого, как нож, преобразования у Алексии перехватило дыхание. В ярости он был красив. – Как, по-твоему, я выгляжу, если всякий раз, когда тебе нужна помощь, ты бежишь к Сеу Освальду? Кто наймет мужчину, который даже за собственной женщиной присмотреть не может?

– Нортон, поосторожнее. – Алексия поставила на пол недопитую бутылку пива. – Ты за мной не присматриваешь. Я не твоя женщина. Если твои друзья-качки из охраны не уважают тебя за такое, либо заведи новых друзей, либо новую меня.

Едва слова прозвучали, Алексия об этом пожалела.

– Если ты этого хочешь, – сказал Нортон.

– Если ты этого хочешь, – передразнила Алексия, зная, что говорит худшие из всех возможных слов, но не будучи в силах промолчать. Джуниор, когда был жив, часто повторял, что она готова сразиться с собственной тенью. – Почему бы тебе наконец-то не принять решение?

– Ну так я решил, что хочу уйти! – заорал Нортон и, словно буря, умчался прочь.

– Вот и катись! – крикнула Алексия ему вслед. Дверь на крышу с грохотом захлопнулась. Она не пойдет следом. Она даже не прокричит убийственную колкость, высунувшись на лестницу. Пусть сам вернется. – Вот и катись...

Она прождала три минуты, четыре. Пять. Потом услышала, как на парковке внизу завелся скрэблер^[21]. Ей не нужно было смотреть через парапет, чтобы понять: это байк Нортон. Звук разгона на холостом ходу, который он приладил к электромотору, ни с чем нельзя было перепутать.

– Сукин сын, – сказала она и швырнула недопитую бутылку пива через крышу. Та ударилась о бетонный порог и разбилась. – Сукин сын...

Дверь на крышу со скрипом приоткрылась.

– Ле?

Мариза присоединилась к Алексии в беседке. Они смотрели, как полумесяц восходит над Атлантикой. Уличные фонари на авениде замерцали и погасли.

– Надеюсь, он разобьется, – сказала Алексия.

– Неправда.

– Да ладно?

– Ты не позволяешь никому насмехаться над собой, но насмехаешься над ним.

– Заткнись-ка, ирмазинья.

Мариза закинула ногу на ногу. Алексия достала запотевшее пиво из холодильника.

– Открой его для меня. – Мариза пила пиво с десяти лет.

Крышечка от бутылки завертелась и блеснула в лунном свете.

* * *

Ей нравилось ощущать свежесбранные яйца Нортон. Она любила гладкую эластичность кожи, мягкость масла; то, как они казались чем-то независимым от его тела, словно маленькое, тыкающееся носом животное.

То, как они тяжело лежали в ладони; то, как она могла обхватить мошонку большим и указательным пальцем; податливость и напряжение его тела от изумления, когда она нежно их сжимала. Она любила их полноту и уязвимость; то, как с помощью шнура или резинки для волос могла превратить их в два славных вздутых яблока похоти. Она любила проводить ногтем по его крепко связанным яйцам. Когда она сделала это в первый раз, он так ударился об изголовье кровати, что чуть не получил сотрясение.

Алексия обхватила ладонью бритый стержень его члена. Нортон был большим, гладким и маслянистым, его член был самодовольным чудовищем, гигантом тропического леса, горделиво возвышающимся посреди расчищенного подлеска. Большой и элегантно изогнутый. Она давно придумала, как держать Нортон на краю, выводя на грань оргазма лишь для того, чтобы оттащить назад, двигая сомкнутой рукой вдоль его славного члена. Она вложила головку в ладонь, прошла большим пальцем по толстой линии венца. Нортон застонал и безвольно рухнул на подушки.

Вот почему она знала, что это не прощальный секс. Он побрился для нее.

Она прижала подушечку большого пальца к маленькому треугольнику, где смыкались две изогнутые линии головки члена – она думала, что это похоже на сердце, – образуя щель для мочеиспускания. Корасанзинью, так она ее называла. Она не знала, есть ли у этого научное название, но точно знала, что когда она его там касалась, терла, щелкала, трепала, этот квадратный сантиметр нервных окончаний наделял ее абсолютной властью над Нортоном.

Остальные ребята из его службы безопасности, должно быть, видели, что он побрился для нее.

Могли бы и научиться кое-чему.

Она фантазировала, что однажды намылит его и побреет, а потом намажет маслом и обработает старомодной опасной бритвой, пока он не станет таким гладким, что она сможет взять каждый шарик в рот, как конфетку-досе. Она воображала себе страх, доверие и наслаждение на его лице.

Она наклонилась и кончиком языка коснулась корасанзинью.

Нортон дернулся, как будто через его уретру пробежал электрический разряд. Его брюшные мышцы напряглись, ягодицы сжались. Теперь она завладела его вниманием. Алексия направила Нортон туда, куда действительно хотела переместить его Сердечко.

После она выкатилась из его кровати и, шлепая босыми ногами, пошла сначала в ванную, а потом – к холодильнику.

– Гуарана есть?

– За «Бохемией».

Свет холодильника замигал, когда она присела в синем свечении, передвигая банки пива. Мужской холодильник. Пиво, кофе, безалкогольные напитки. Секс всегда влияет на ее водный баланс. Жидкость наружу, жидкость внутрь. Она открыла банку и заползла обратно под черную простынь.

Черное постельное белье. Новое, для нее. Чистые простыни для секса словно провозглашали: мы снова вместе. Иисус и Мария. Маленькие серебряные архипелаги.

Он лежал на боку, подогнув одну ногу и вытянув другую, прижимая простынь к себе. Он знал, что так выглядит милым. Его кожа была на три оттенка темнее, чем ее – кастана-эскура против канелы, темно-коричневый и коричневый. Она любила его рассматривать.

Свет погас.

– Черт. Дай мне минутку. – Голый Нортон на корточках перемещался по комнате, зажигая ароматические свечи, которые принесла ему Алексия. Они приглушили застоявшийся мужской запах. Алексия предпочитала квартиру Нортон при свечах. Она не любила видеть это жилище в слишком хорошем разрешении.

М-да, ей точно нужен парень получше.

– Кайо дома, – сказала она. Гуарана начала действовать. Сахар и кофеин.

– Как он?

– Пропустит два месяца занятий. Я нанимаю репетиторов. Пострадала правая сторона. Ему придется стать левшой.

– Вот дерьмо. Я бы хотел с ним повидаться.

Вот что ей нравилось в Нортоне: он относился к Кайо как к младшему братишке. Вот что ей не нравилось в Нортоне: он пытался научить Кайо быть похожим на себя. Превратить его в маландро.

– Ради такого можешь прийти ко мне домой.

– Спасибо. Я ценю это, Ле.

Она таяла, когда он переставал изображать из себя мачо и говорил то, что чувствовал.

– Что случилось с Гулартес?

– Лучше тебе не знать. – Трупы в бетонном основании нового пригородного железнодорожного виадука. – Больше никто не будет

угрожать Кайо.

– Ле...

Алексия откатилась на свою сторону. Нортон избегал смотреть ей в глаза. Это был еще один инструмент, посредством которого она могла его контролировать.

– Раньше нашу семью называли иначе. Ты знал об этом? Мано ди Ферро. Так в Минас-Жерайс издавна нарекали кого-то большого и серьезного. Того, кто делает вещи, которые надо сделать. Я поступила как Железная Рука. Так что заткнись и никогда больше не спрашивай меня об этом.

Нортон резко сел, толкнув руку Алексии, отчего она пролила липкую гуарану себе на грудь.

– Мать твою, Нортон...

– Нет, послушай меня, послушай! Я работаю на одного типа по фамилии Корта. Новый контракт, вчера заключили. Спасибо, что спросила. Ты всегда говорила, что вас не так уж много, никто не знает, откуда произошла эта фамилия, никто не знает, откуда вы пришли. Ну так вот, он Корта и явился с Луны.

– Никто не приходит с Луны. – Алексия принялась шарить вокруг в поисках бумажного носового платка, который не был бы испачкан спермой. «Ему пора бы научиться держать под рукой влажные салфетки».

– Это не совсем правильно, Ле. Мильтон пришел с Луны.

– Ладно, рабочие оттуда возвращаются. – Барра ликовала, когда один из местных добрался до Луны, чтобы добывать там гелий-3. Он вернулся на Землю до того, как гравитация изувечила его кости, и привез достаточно большое состояние, чтобы вырваться из Барры, поселиться в Зоне Сул, где его через год и убили. Все его деньги были электронными. Убийцы не получили ни сентаво.

– Он не рабочий. Он там родился.

Алексия резко выпрямилась. Банка с гуараной вылилась на черные простыни Нортон. Она перекатилась, оседлала его, прижалась вагиной к его члену.

– Кто он такой? Скажи.

– Какой-то там Корта. Лукас Корта.

– Лукас Корта мертв. Его убили, когда Маккензи расправились с «Корта Элиу».

– Может, это был другой...

– Есть только один Лукас Корта. Ты хоть что-то про Луну знаешь?

– Я знаю, что они играют в гандбол и что там можно драться с людьми

до смерти, но, кроме этого, мне не важно, что там происходит.

Алексия снова прижалась. Нортон застонал.

– Там, наверху, моя родня. Ты уверен, что он Лукас Корта?

– Лукас Корта с Луны.

– А как же он... ладно, проехали.

– Он очень болен. Развалина. Доктора вокруг так и бегают.

– Лукас Корта на Земле. – Алексия поднялась с члена Нортон и продемонстрировала ему себя во всем великолепии. – Нортон Адилио Даронш ди Барра ди Фрейтас, если ты хочешь еще хоть раз сюда попасть, тебе придется устроить мне разговор с Лукасом Кортой.

* * *

Униформа горничной была на размер меньше. Рубашка разлезлась между пуговицами. Юбка была слишком обтягивающей и короткой. Алексия все время подтягивала ее вниз. Ластовица на колготках съезжала. Она все время подтягивала их вверх. Просто нелепо, что от слуг требовали работать в такой дурацкой обуви. Она дала хорошую взятку менеджеру отеля: та могла бы хоть снабдить Алексию формой нужного размера.

Половина Барры работала в обслуге, но Алексия никогда не видела пятизвездочный отель изнутри. Те его части, что приносили деньги, были мраморными и хромированными, заполированными донельзя и уставшими стоять по стойке смирно. Кухня и служебные помещения – бетон и нержавеющая сталь. Она подозревала, что так везде. Воздух в коридорах был затхлым и пах несвежими коврами.

Люкс «Жобим».

Страх нагрянул у дверного звонка.

Что, если помимо охраны, которую обеспечивал Нортон, есть и другая?

Она что-то придумает. Она позвонила. Дверь с жужжанием открылась.

– Вечерняя уборка в номере.

– Входите.

Его голос удивил. Когда он заговорил, Алексия осознала, что понятия не имеет, как должен звучать человек с Луны, но дело было не в этом. Голос Лукаса Корты был голосом очень больного человека. Усталого, измученного, борющегося за каждый вдох. Он говорил по-португальски со странным акцентом. Сидел в инвалидном кресле у панорамного окна. На ярком фоне пляжа, океана и неба он был силуэтом; Алексия не понимала,

сидит ли он лицом к ней или спиной.

Она подошла к кровати. Она никогда не видела такую широкую кровать, пахнущую так свежо. Кровать обслуживали пять разных медботов, с десяток лекарств стояло на прикроватной тумбочке. Она коснулась простыней, и кровать пошла волнами. Водяной матрас. Ну разумеется.

Что-то кольнуло ее в шею. Алексия подняла руку.

– Прикоснешься к этому насекомому – умрешь, – проговорил Лукас Корта голосом больного старика. – Кто тебя послал?

– Никто, я...

– Неубедительно.

Алексия вздрогнула, ощутив шевеление лапок: насекомое пробиралось к мягкому месту за ее левым ухом. Стремление смахнуть его прочь было всепоглощающим. Она не сомневалась в словах Лукаса Корта. Она читала о системах доставки яда в виде насекомых-киборгов. На Луне они были предпочтительным оружием Асамоа. И она об этом думала, оценивала свои шансы, когда от нейротоксической смерти в луже собственной мочи и рвоты ее отделял миллиметр.

– Я попытаюсь опять. Кто тебя послал?

– Никто...

Она всхлипнула, ощутив легчайшее прикосновение иглы к коже, и прокричала:

– Я Железная Рука!

И насекомое исчезло.

– Такому имени нужно соответствовать, – сказал Лукас Корта. – Дальше-то как?

Алексию сотряс приступ сухой рвоты, трясущимися от страха руками она вцепилась в морскую гладь водяного матраса, пытаясь найти опору и уверенность.

– Алексия Мария ду Сеу Арена ди Корта, – выдохнула она. – Мано ди Ферро.

– Последняя Мано ди Ферро была моей матерью.

– Адриана. Луис Корта – мой дед. Его называли в честь деда Луиса. Адриану – в честь двоюродной бабки. У нее в квартире был электрический орган.

На фоне ослепляющей синевы океана и неба поднялась рука.

– Выйди на свет, Железная Рука.

Теперь Алексия видела, что он ни разу не посмотрел на нее. Он все это время сидел к ней спиной. Свет падал на его фигуру-тень, иссушал, делал его прозрачным и больным, словно застигнутого солнцем паука. Руки у

него были шишковатыми от выступающих сухожилий и опухших суставов. Кожа на шее, щеках, под глазами обвисла, как и губы. Он выглядел чем-то более жестоким, чем старость, более страшным, чем смерть.

Лукас Корта посмотрел на солнце; его глаза скрывались за черными поляризующими линзами.

– Как вы с этим живете? – спросил он. – Как оно не ослепляет и не отвлекает вас постоянно? Вы видите, как оно движется. Вы на самом деле верите, что оно движется... В этом-то и подвох, верно? Из-за него вы делаетесь слепыми к реальности. Чтобы понять, надо отвернуться.

Он взглянул на Алексию, и она почувствовала, как черные линзы срывают кожу с лица, плоть со скул, обдирают каждый нерв до волокна. Она не вздрогнула. Трехслойное стекло излучало ощутимый жар.

– В тебе что-то такое есть.

Лукас Корта отвернулся и покатил прочь от окна, в тусклую прохладу комнаты.

– Чего же ты хочешь, сеньора Корта? Денег?

– Да.

– С чего вдруг я должен давать тебе деньги, сеньора Корта?

– Мой брат... – начала Алексия, но Лукас Корта отрезал:

– Я не благотворитель, сеньора Корта. Но я воздаю по заслугам. Увидимся завтра. То же время. Найди новый путь. Этот закрыт для тебя. Докажи мне, что ты Железная Рука.

Алексия забрала сумку с принадлежностями для уборки. Ее разум все еще был в смятении, голова кружилась. Она могла умереть на той кровати. Она побывала на расстоянии острия иглы, доли секунды от конца всего.

Он не сказал да, не сказал нет. Он сказал: «Покажи мне».

– Сеньор Корта, как вы узнали?

– Униформа на два размера меньше. И ты пахнешь неправильно. У услуги особый аромат. Химикаты въедаются в кожу. Похоже, что мы, лунные жители, более чувствительны к запахам, чем земляне. По пути отсюда, пожалуйста, пришли настоящую горничную. Я ложусь спать в необычное время.

* * *

Алексия сорвала с себя униформу горничной в тот самый момент, когда служебная дверь захлопнулась позади нее: и слишком тесную блузу, и слишком короткую юбку. Дурацкие, дурацкие туфли. В белье и

сползающих колготках Алексея Корта протолкалась мимо Нортона и забралась в его машину в подземном гараже «Копя Пэлас».

– Оно на моей коже, мать твою, на моей коже! – вопила она, пока Нортон вез ее обратно к себе домой. – Я его чувствую!

В квартире она направилась напрямиком в его душ.

– Я должен убить его, – проговорил Нортон, наблюдая за силуэтом за занавеской, усеянной каплями воды.

– Не трогай его.

– Он пытался убить тебя.

– Он не пытался. Он защищался. Но я чувствую себя грязной. Оно было на мне. Насекомое, Нортиню. Я теперь больше никогда не почувствую себя чистой.

– С этим я могу помочь, – сказал Нортон и скользнул за занавеску. Одежда упала на влажную плитку пола. Он снял с себя штаны, стряхнул боксерские трусы. – Ну так какой он? Ты так перепугалась этого ботанасекомого, что ничего мне не рассказала.

– Он просто какой-то ползучий ужас, Нортон, – сказала Алексия. Она повернулась к нему спиной; вода бежала по ее коже, вниз по стеклу. – Как будто я увидела кого-то, кто только притворяется человеком. На расстоянии выглядит нормально, но когда подходишь близко, во всем видится что-нибудь неправильное. Зловещая долина. У него все неправильной формы. Слишком длинное, слишком большое, со слишком развитой верхней частью. Он чужой. Я слышала, что рожденные там люди вырастают другими, но не думала, что...

– Семью не выбирают, – сказал Нортон и вошел под душ. Он прижался к теплему, влажному боку Алексии, и она охнула. – Ну и где оно тебя запачкало?

Она собрала волосы и наклонила голову, чтобы показать ему мягкие места на шее и под ухом, куда тыкалось насекомое-убийца. Он их поцеловал.

– Теперь чище?

– Нет.

– А теперь?

– Чуть-чуть.

Он передвинул руки, чтобы обхватить ладонями ее безупречный зад. Она прижалась вплотную, обвила ногой его бедра, словно прикрепляя его к своей светло-коричневой коже.

– Ну что, ты собираешься увидеться с ним завтра?

– Разумеется.

– Красивый мальчик.

– Вот они с ребятами играют в футзал. – Алексия посылает фото: Кайо, в майке, шортах и длинных носках, с широкой улыбкой глядит прямо в глаза Лукасу КORTE. Человек с Луны плавает в бассейне, невысокие волны бегут по прохладной воде. Он несколько раз приглашал Алексию присоединиться. Сама идея ее отталкивает. Она присела на край лежака в тени навеса. Солнце сегодня жестокое. Взглянешь на море – и кажется, что оно умирает.

– Он хорошо играет?

– Не совсем. Нехорошо. Его взяли в команду только из-за меня.

– У моего брата была гандбольная команда. Они были не так хороши, какими он их считал.

Алексия посылает еще одно фото: Кайо на пляже пытается выглядеть взрослым; синеватые полосы солнцезащитного средства покрывают его нос, скулы, соски.

– И как дела у... Кайо?

– Он ходит. Он опрокидывает все подряд, и ему нужна трость. С футзалом покончено.

– Если он не был очень хорошим игроком, может, это к лучшему. Я был ужасен в любом виде спорта. Я вообще не понимал, что к чему. Одного из моих дядей звали Кайо.

– Кайо назвали в его честь.

– Он умер от туберкулеза незадолго до того, как мама оставила Землю. Она научила меня именам всех моих тетей и дядей – тех, кто так и не пришел. Байрон, Эмерсон, Элис, Луис, Иден, Кайо. Луис был твоим дедушкой.

– Луис был моим дедушкой, Луис Младший был моим отцом.

– Был.

– Он ушел, когда мне было двенадцать. Оставил нас троих. Моя мать просто сдалась.

– На Луне у нас есть контракты для таких вещей.

Момент настал. Попроси у него денег. Заяви, что вы родня. Он позволил тебе попасть в отель. Алексия выследила доктора Воликову, попросила выдать ее за заместительницу массажистки Лукаса. Алексия нарядилась для этой роли. Она сидела у его бассейна в спортивных леггинсах и коротком топе. Надо его попросить. На линзе Алексии

появилось изображение. Момент был упущен.

– Это Лукасинью, мой сын.

Очень милый мальчик. Странно высокий, как все лунные жители, но пропорционально сложенный. Густые блестящие волосы наверняка пахнут чистотой и свежестью. Что-то азиатское в разрезе глаз придавало ему замкнутый вид и делало красиво уязвимым; в эти скулы можно влюбиться, такие губы – целовать вечно. Не ее тип – она предпочитала мускулистых мужчин без явных признаков интеллекта, – но милый, очень милый. Он мгновенно разбивал сердца.

– Сколько ему лет?

– Девятнадцать.

– И как дела у... Лукасинью?

– Он в безопасности. Насколько я знаю. Его защищают Асамоа.

– Они в Тве. – Как Лукас изучил Алексию, так и она изучила его и его мир. – Они занимаются сельским хозяйством и окружающей средой.

– Они традиционно были нашими союзниками. Согласно легенде, у каждого Дракона есть два союзника...

– И два врага. Враги Асамоа – Воронцовы и Маккензи, враги Суней – Корта и Воронцовы, Маккензи – Корта и Асамоа, Воронцовых – Асамоа и Суни, а Корта...

– Маккензи и Суни. Просто, но, как и во всех клише, в этом есть доля истины, – сказал Лукас Корта. – Я все время боюсь за него. Это изысканный страх, он состоит из многого. Страх, что я сделал недостаточно. Страх не знать, что происходит. Страх, что я ничего не могу сделать. Страх, что, даже если бы я мог, все, что я сделал, было бы неправильно. Я слышал, что ты сделала с людьми, которые навредили твоему брату.

– Я должна была убедиться, что они никогда больше не приблизятся к Кайо или одному из нас.

– Моя мать поступила бы так же. – Лукас отпил чаю из бокала, который стоял на самом краю бассейна. – Она всегда задавалась вопросом, почему никто из вас не пришел. Думаю, это стало величайшим разочарованием в ее жизни. Она построила для семьи мир, но никто не захотел в нем жить.

– Я выросла, веря, что она отвернулась от нас. Забрала деньги и власть, подтолкнула нас к падению.

– Я так понимаю, вы все еще живете в той же квартире.

– Там все разваливается, лифты остановились еще до моего рождения, а электричества чаще нет, чем есть. Сантехника хорошая.

– Когда нам исполнилось двенадцать, мать выводила каждого на поверхность в период темной Земли. Показывала нам континенты, испещренные линиями огней и покрытые световой паутиной, узлы света там, где большие города, и говорила: «Этот свет зажигаем мы».

– Кое-кто зарабатывает больше денег, торгуя энергией, а не используя ее, – заметила Алексия. – А вот «Корта Агуа» поставляет надежную и чистую воду двадцати тысячам жителей района Барра-да-Тижука.

Лукас Корта улыбнулся. Улыбка была тяжелая – она дорого обошлась его телу и оттого сделалась еще более ценной.

– Хотелось бы это увидеть. Хотелось бы увидеть место, где выросла моя мать. Я не хочу знакомиться с твоей семьей... это было бы небезопасно. Но я хочу увидеть Барру и пляж, где лунный свет прочертил дорогу на морской глади. Устрой это для меня.

* * *

Взятый напрокат минивэн походил на стеклянный пузырь, сплошь двери и окна, и от этого Алексии было не по себе. Как будто машинка Папы Римского, из которой он машет и благословляет. Не пригнешься, не спрячешься, защитят лишь вера и закаленное стекло. Она ерзала на сиденье лицом к Лукасу Корте, пока машина неспешно ехала по авениде Лусио Коста.

Доктор Воликова была непреклонна, не разрешая Лукасу Корте покинуть отель, пока между ними не случилась короткая ссора, полная отточенных доводов, которая потрясла Алексию своей страстью и неистовством. Пациент и доктор препирались, как любовники. Доктор Воликова ехала следом, в пикапе, нагруженном ботами экстренной медпомощи.

– Это мой дом, – сказала Алексия.

В сиреневой прохладе, пока с восточного океана подкрадывался индиго и огни зажигались улица за улицей, этаж за этажом, Барра демонстрировала остатки бывшего блеска. Надо было лишь не обращать внимания на выбоины, отсутствующие плитки на переходных дорожках, зияющие, словно выбитые зубы, мусор в канавах, паразитические сети кабелей и вышек сотовой связи, белые пластиковые водопроводные трубы, что карабкались по всякой вертикали, словно фикусы-душители.

– Покажи мне, – сказал Лукас. Нортон приказал минивэну остановиться у полуразрушенного бордюра. Алексия и не собиралась

позволять своему бойфренду вести машину, но передавать команды автопилоту – это давало ему достаточное ощущение цели и контроля.

– Я бы хотел выйти, – сказал Лукас Корта. Нортон театрально просканировал улицу. Он мог вести себя с очаровательной крутостью. Алексия открыла дверь и развернула подъемник. Лукас Корта одолел путь в несколько сантиметров и приземлился на планете Барра. – Я бы хотел пройти пешком.

– Вы уверены? – спросила Алексия. Доктор Воликова оказалась рядом еще до того, как открылась дверь машины.

– Разумеется, нет, – ответил Лукас. – Но я так хочу.

Две женщины помогли ему подняться с инвалидного кресла и передали трость. Лукас Корта, цокая, двинулся вперед по тротуару. Алексия каждую секунду боялась шатающейся плитки, случайно брошенной пивной банки, пацана на байке, предательского порыва ветра с песком – всего, что могло заставить его споткнуться и рухнуть на землю.

– Какая квартира?

– Та, где ветряной указатель-ауриверде^[22].

Лукас Корта долго стоял, опираясь на трость и глядя на огни в окнах квартиры.

– Мы перепланировали ее со времен вашей матери, – сказала Алексия. – Мне сказали, это был богатый район. Вот почему мы близко к вершине. Чем ты богаче, тем выше живешь. Теперь это просто означает, что тебе надо одолеть больше лестничных ступеней. Те, у кого есть выбор, предпочитают жить как можно ниже. Я читала, на Луне то же самое.

– Радиация, – согласился Лукас Корта. – Все стремятся уйти от поверхности настолько далеко, насколько это им по средствам. Я родился в Жуан-ди-Деусе и жил там, пока моя мать не построила Боа-Виста. Это была лавовая трубка, два километра в длину. Она ее запечатала, придала ей форму, заполнила водой и растениями. Мы жили в комнатах, устроенных внутри гигантских лиц ориша. Боа-Виста был одним из чудес Луны. Наши города – огромные каньоны, заполненные светом, воздухом и движением. А когда идет дождь... Это красивее, чем можно себе представить. Ты говоришь, Рио красив, что он Чудесный Город. По сравнению с великими городами Луны, он – фавела. – Он отвернулся от башни. – Хочу пойти на пляж.

С наступлением темноты пляж превращался в охотничьи угодья банд и подростков, которые занимались любовью или парили наркотические смеси. Нортон стиснул зубы от неудовольствия, но помог Лукасу спуститься на пляж по ступенькам. Трость Лукаса утонула в песке. Он в

ужасе отпрянул, попытался ее высвободить.

– Осторожнее, осторожнее, – увещевала доктор Воликова.

– Он в моих туфлях, – со страхом проговорил Лукас. – Я чувствую, как он заполняет мои туфли. Это ужасно. Вытащите меня отсюда.

Алексия и Нортон вынесли Лукаса на тротуар.

– Уберите его из моей обуви.

Алексия и Нортон держали Лукаса, а доктор Воликова сняла с него туфли и высыпала потоки мелкого песка.

– Простите, – сказал Лукас. – Я не ожидал, что такотреагирую. Я почувствовал это и подумал – пыль. Пыль – наш враг. Я не контролирую эти чувства. Это первое, что мы узнаем.

– Луна взошла, – прошептал Нортон. Ущербный месяц стоял над восточным горизонтом. Огни лунных городов сверкали, как алмазная пыль. «Океаны пыли», – подумала Алексия, и это взволновало и ужаснуло ее одновременно. Этот мужчина, этот хрупкий мужчина, умирающий от гравитации на каждом шагу и при каждом движении, пришел оттуда. Корта: ее кровный родственник, и совершенно, непримиримо чуждый человек. Алексия задрожала, крошечная и немая в свете далекой Луны.

– Моя мать рассказывала, что на Новый год вся семья приходила сюда и пускала бумажные фонарики по воде, – проговорил Лукас. – Океан каким-то образом уносил их прочь, пока они не терялись из виду.

– Мы по-прежнему это делаем, – сказала Алексия. – Это называется Ревейлон. Все одеваются в белое и голубое, любимые цвета Йеманжи.

– Йеманжа – ориша моей матери. Адриана не верила в ориша, но сама идея ей нравилась.

– Мысль о религиях на Луне кажется мне странной, – заметила Алексия.

– Почему? Мы иррациональный вид и преуспели в экспорте нашей иррациональности. Моя мать жертвовала средства Сестринству Владык Сего Часа. Они верят, что Луна – это лаборатория для социальных экспериментов. Новые политические системы, новые социальные системы, новые системы семьи и товарищества. Их конечная цель – создание человеческого общества, которое продержится десять тысяч лет; как они считают, именно столько времени нам потребуется, чтобы стать межзвездным видом. Мне проще было бы поверить в ориша.

– Мне кажется, это оптимистично, – сказала Алексия. – Значит, мы не взорвем себя и не умрем от изменения климата. Мы доберемся до звезд.

– Мы-то, может, и доберемся. Сестринство ничего не говорит о вас, оставшихся на Земле. – Лукас Корта снова взглянул на потемневший океан.

Луна нарисовала на черной воде трепещущую серебристую рябь. – Мы там, наверху, сражаемся и умираем; мы строим и уничтожаем, мы любим и ненавидим, и страсти в нашей жизни превосходят ваше понимание, да вам всем на них и наплевать. Мне пора. Море меня тревожит. Я могу терпеть его при свете дня, но во тьме оно безгранично. Мне это совсем не нравится.

Нортон и Алексия погрузили Лукаса в минивэн. Двери машины закрылись, и Алексия увидела на лице Лукаса облегчение. Нортон приказал автопилоту выехать на трассу. Мимо дважды проехали какие-то ребята на байках, и он занервничал. Алексия бросила взгляд через плечо, чтобы убедиться, что они не встроились между минивэном и медицинским пикапом доктора Воликовой.

– Сеньора Корта, – сказал Лукас. – Я бы хотел сделать вам предложение.

Он коснулся стеклянной стены и отключил внутренние микрофоны машины. Нортон в передней части салона оглох.

– Вы талантливая, амбициозная, безжалостная молодая женщина, которой хватит ума не упустить свой шанс. Вы построили империю, но можете добиться куда большего. Этот мир ничего не может вам предложить. А вот я обращаюсь с тем же предложением, которое моя мать сделала вашим предшественникам. Отправляйтесь со мной на Луну. Помогите мне забрать то, что украли Маккензи и Суни, и я вознагражу вас так, что ваша семья больше никогда не будет бедствовать.

Вот он, тот самый момент. Ради него она давала взятки, шантажировала и лгала, пробираясь в спальню Лукаса Корты. Она приоткрыла дверь к богатству и могуществу «Корта Элиу». За дверью была Луна.

– Мне надо подумать.

– Ну конечно. Только дурак отправился бы на Луну очертя голову. У вас есть ваша водяная империя; потому-то я и не прошу на меня работать. Я предлагаю отправиться на Луну со мной. Я хочу, чтобы вы заплатили свою цену. У вас два дня на раздумья. Мое время на Земле истекает. Осталось три, может, четыре недели до того, как перелет с поверхности на орбиту меня прикончит. Пока что все идет к тому, что мое здоровье будет необратимо испорчено. Приходите в отель, когда примете решение. Больше никакой лжи и маскарада.

7: Весы – Скорпион 2105

У Орла Луны подают отличные «мартини», но Ариэль оставляет свой бокал нетронутым на столе из полированного камня, у самого края пропасти.

– Я думал, в какой-то квадре всегда наступает час «мартини», – замечает Орел.

– Сегодня утром мне не хочется пить.

Они сидят лицом друг к другу за каменным столиком, под скульптурным навесом Оранжевого павильона, на самом краю громадного склепа – хаба Антареса. Позднее движение гудит по мостам и пешеходным переходам, кабины канатных дорожек ездят вверх и вниз, подрагивая. Солнечная линия темнеет: наступает вечер, и по мере того как дневной свет уходит к дальним краям проспектов квадры, загораются уличные огни. Когда Ариэль в последний раз сидела в этом бельведере, любуясь грандиозным видом, было утро. Когда она в последний раз сидела в этом Гнезде, Орел Луны приказал устроить династический брак. Корта и Маккензи. Лукасинью и Денни. С бергамотов на декоративных деревьях не до конца стерлась серебряная краска, которой их покрыли, украшая для свадьбы.

– Я требую объяснений, Джонатон.

– Совет намеревался выдвинуть вотум недоверия. Я их опередил.

– Ты взял их в заложники.

– Арестовал.

– Наша правовая система не знает процедуры ареста. Ты их похитил и удерживаешь в заложниках. Где они?

– Под охраной в собственных квартирах. Я предусмотрительно уменьшил им дыхательный рефлекс. Эта мера чудесным образом обеспечивает покорность.

– В уставе КРЛ нет ничего, разрешающего тебе похищать и удерживать членов совета Корпорации по развитию Луны.

– Это Луна, Ариэль. Мы делаем то, что хотим.

– Хочешь, чтобы я уволилась, Джонатон? Я так и сделаю, если ты и дальше будешь обращаться со мной, как с дерьмом. Там, снаружи, восемь тысяч жалоб, и только я стою между ними и тобой.

– Мне намекнули, что совет попытается снять меня с должности на том собрании.

– Видья Рао.

– Э предсказалэ попытку выдвинуть вотум недоверия. Советом руководили с Земли. Земные государства играют против меня.

– Почему ты заключил со мной сделку, Джонатон?

– Машины Видья Рао делают предположения, опираясь на закономерности, часто неразличимые для людей. Э отследилэ финансовые потоки до самого начала через сбивающую с толку громаду компаний-пустышек и государственных инвестиционных фондов. В центре всего находится известный тебе человек. Твой брат.

Ариэль сует клатч от Оскара де ла Ренты под мышку и разворачивает кресло, чтобы уехать.

– Фантазия, Джонатон. Паранойя. Я ухожу. С нашим контрактом покончено. Я больше не твой представитель.

Джонатон Кайод тянется через стол и хватает Ариэль за руку – проворное движение для крупного мужчины.

– Лукас пережил покушение на убийство, которое устроили Суни, сбежал с Луны и нашел приют у ВТО.

– Отпусти меня, Джонатон. – Они с Джонатоном Кайодом встречаются взглядами. Он отпускает ее запястье. Орел еще и сильный мужчина: его пальцы оставили бледные отпечатки на ее коричневой коже. – Ты нанял меня в качестве щита.

– Да.

– Пошел ты, Джонатон.

– Я-то пойду. А ты ходить хочешь?

Ариэль смотрит на «мартини». Холодный, крепкий и святой. Она берет бокал со стола и делает глоток. Здравомыслие, уверенность. Восхитительно.

– Я в безопасности, Джонатон?

– Я предвосхитил его попытку сместить меня.

– Джонатон, ты дурак, если думаешь, что у моего брата всего один план.

* * *

На ладейре восьмой западной улицы отстал последний верующий. Марина бежала одна вот уже час и десять минут. Она будет бежать, пока кто-нибудь не присоединится. Такова религия Долгого Бега. Кто-то всегда присоединяется. Долгий Бег никогда не прекращается.

В новой квартире Марина чувствует себя словно в клетке и стремится оттуда вырваться. Ее жизнь теперь не так уж бедна, однако новообретенного комфорта вкупе с безопасностью ей не хватает. Физическая подготовка к возвращению на Землю наделяет ее жаждой познания новых возможностей собственного тела. Она вспоминает про Долгий Бег: тела, краска на коже, цветные шнуры и ленты ориша, слияние в нечто единое, бессознательное сознание, где время и расстояние испаряются, физические ограничения растворяются; многоногий зверь, который бежит во тьме внешней и поет.

Она вспоминает Карлиньоса. Струйки пота, размазывающие флуоресцентную краску на его груди и бедрах. Его недосыгаемость и самодостаточность в тот момент, когда они прервали дарованное бегом вознесение на небеса. Темный и мягкий бархат его кожи, который она ощущала в своей постели в ночь перед тем, как он отправился на битву. То, каким она увидела его в последний раз: неистовым и ликующим в луже крови Хэдли Маккензи на полу Суда Клавия.

Она слышала через перешептывания по спортивным и фитнес-каналам, через своего инструктора по Грейси джиу-джитсу, через саниньюс, которые уехали из Жуан-ди-Деуса после того, как Брайс Маккензи превратил его в свою столицу. Долгий Бег переместился в Меридиан. Ему требовалась критическая масса участников. Он изначально должен был быть вечным. Всегда какое-то тело должно двигаться. Меридиан отличался от Жуан-ди-Деуса; в нем не было кругового служебного туннеля далеко от главных проспектов, по которому могли бы постоянно бежать верующие, распевая песнопения. Разработали маршрут – сложная петля служебных троп через семь уровней проспекта Волка^[23]: семьдесят километров. Потом пять проспектов квадры Водолея: триста пятьдесят километров. В конечном итоге Бег должен был покрыть все три жилых зоны: тысяча пятьдесят километров.

Новый Долгий Бег требовал шестьдесят часов для завершения одного оборота: самый длинный непрерывный бег в двух мирах. Опасность в том, что такой бег на выносливость мог стать модной штукой, а суть Долгого Бега – не в состязании или вызове. Она в дисциплине и трансцендентности. Система предупреждений обеспечивала постоянное наличие хотя бы одного бегуна. Марина не основатель – она хранитель; она наполняет длинные пустые отрезки маршрута, и час превращается в два. Она находит личную трансцендентность в этих длинных пустых коридорах. Она думает о Земле, о том, как истончаются ее кости, как растет мышечная масса. Она думает о времени, когда бег будет под запретом. Ее ждут недели в

инвалидном кресле и месяцы на костылях. Пройдет год, прежде чем она осмелится надеть что-то короткое и обтягивающее и побежать. И даже тогда это будет всего лишь бег. Ни святых, ни голосов, ни причастия.

Она думает об этом, чтобы не думать об Ариэль.

«Точка встречи через шестьдесят секунд», – говорит Хетти. Марина видит, как по ладейре 26-й Западной поднимается бегунья. Они встретятся у входа на мост 18-й улицы.

– Que sues pes correm certeza, ^[24] – говорит женщина. Она одета и разрисована в красное. На шортах и майке – молния Шанго. Марина любит. К ее цвету кожи и волос такое бы не подошло.

– Corremos com os santos, ^[25] – говорит Марина, которой так и не дался старый язык, и незнакомка переходит на глобо. Две женщины подстраиваются и бегут в одном темпе, пересекая мост. Вокруг ночь, и они бегут между двумя бесконечными стенами огня.

– Ты работаешь с Ариэль Кортой? – спрашивает женщина.

– Типа того.

– Так я и думала. Я тебя видела. Ариэль разобралась с одной моей аморией, которая обернулась плохо. Месть, преследование и все такое. Я оказалась единственной, кто в итоге не остался связан кабальным контрактом по рукам и ногам. Все говорят, что из аморий проще всего выбраться. Не верь. Когда увидишь ее, поблагодари от моего имени. Амара Падиля Кибуиен. Она меня не вспомнит.

– Ты удивишься тому, сколько всего она помнит, – отвечает Марина.

Ну вот, она снова думает про Ариэль.

* * *

В зеленом Огуна и красном Шанго, Марина Кальцаги и Амара Падиля Кибуиен пьют коктейли. Долгий Бег перешел к другим ногам, и, словно пара пылевичек после окончания шестинедельного контракта, две женщины пошли напрямик в бар. Это секретное местечко Амары – нора в стене Восточной 35-й, столы и стулья высечены прямо в скале; это место, где бармен знает каждого клиента по имени, потому что там помещается всего восемь человек.

– Я должна кое в чем признаться, – говорит Марина. – Мне никогда не нравилась «голубая луна».

– Мне тоже. Мне нравятся фруктовые и сладкие коктейли.

Марина со звоном касается своей кайпирошкой бокала с «гуавой батидой» Амары.

– Этернаменти^[26]. – Прощание Долгих бегунов.

– Этернаменти, – отвечает Марина на своем отвратительном португальском. Выпивка после бега. Это нарушает все до единого профессиональные и беговые правила Марины. После устроенного Орлом переворота Ариэль нуждается в ней больше обыкновенного. Но в большой и просторной квартире ее охватывает клаустрофобия; Ариэль поглощена общением с легионом юридических ИИ, которые отмечают эскадроны исковых заявлений один за другим, Абена, молчаливая и сосредоточенная, отслеживает дела, прецеденты и судебные постановления, осознавая, что это работа на самом пределе ее способностей и выдержки и что так она сделает карьеру в «Кабошоне». Девушка подвесила гамак в их кухне, но взгляд ее устремлен на Золотой Трон.

– Ты работала в Жуан-ди-Деусе или на поверхности?

– Платежные ведомости. – Амара поднимает бокал. – С бухгалтерами шутки плохи.

– Выглядишь как пылевичка.

Амара кивает с напускной скромностью.

– Мне вроде как нравится стиль пылевиков.

– Тебе идет.

– Ну так что у тебя с Ариэль?

– Как-то так вышло, что я стала на нее работать. Я защитила докторскую по вычислительной эволюционной биологии в архитектуре промышленного контроля. Нанялась официанткой на вечеринку в честь Лунной гонки Лукасинью Корты, и тем вечером кто-то попытался убить Рафу Карту. Я образованнее всех Корты вместе взятых, но в итоге оказалась телохранителем, секретарем и барменом Ариэль.

Как же эта кайпи исчезла так быстро? Дмитрий за барной стойкой уже готовит вторую.

– Ты ведь хочешь еще? – спрашивает Амара.

А почему бы не восполнить всю потерю жидкости алкоголем?

– У меня степень по заказным логическим схемам для ИИ, – продолжает Амара. – В итоге работаю клерком, зарплату выдаю. Ну хоть какая-то работа. Всегда кому-то надо получать зарплату.

Вторая кайпирошка такая же острая, сладкая и щедрая, как первая.

– Выпьем за платежные ведомости.

– Как давно ты на Луне? – спрашивает Марина.

– Заметно, да? Я надеялась, ты решишь, что я из второго поколения. В

семье меня считали неприлично высокой. Я вообще-то филиппинка по происхождению. С Лусона. Мать ортодонт, отец занимается банковским делом. Знаю. Хорошее воспитание, полученное в маленькой семье из верхушки среднего класса. От всех детей ожидают успеха, все они учатся в хороших университетах США, все получают степени, а потом бедовая дылда на попутной ракете отбывает на Луну, помахав на прощание ручкой. Они до сих пор ничего не поняли. Три года восемь месяцев...

– Год и одиннадцать месяцев. Четыре дня.

– Вот почему вторая кайпи закончилась так быстро.

Второй пустой бокал заставляет Марину вздрогнуть. Дмитрий плавным жестом его забирает. Все необходимое для третьей порции уже на стойке.

– Скажи-ка, почему ты осталась?

– А зачем туда возвращаться? Плохое правительство, дешевый терроризм, растущий уровень моря, и к тому же первый, кого ты поцелуешь, может вдохнуть в твои легкие какую-нибудь убийственную болезнь.

– Семья?

– Семья, конечно, сильный довод. А твоя где?

– Северо-запад. Полуостров Олимпик. Чуть в глубь континента от Порт-Анджелеса. Ты скажешь – ну, там же красиво, горы, леса и море. Ага. Я однажды видела снег. Что-то такое странное произошло с погодой, и внезапно на самых далеких верхушках: белое. Снег! Мы взяли машину и проехали по старой парковой дороге, просто чтобы по нему погулять. На следующий день он почти весь растаял. Дождь на снегу – это очень уродливо.

– Ты вернешься, да?

– Я не могу здесь жить. Уже забронировала билет. Место на «лунной петле», койку на циклере.

Амара допивает первый коктейль. Дмитрий приносит свежие: второй для Амары, третий для Марины. Наверное, собеседница подает ему сигналы через фамильяра.

– Ты сказала Ариэль?

Марина качает головой.

– Если ты и мне не можешь этого сказать, каковы шансы, что ей расскажешь?

Марина отрывает взгляд от бокала.

– Ты жуть как много говоришь про меня и Ариэль.

– Я тебе весь вечер коктейли покупаю.

- А два часа назад мы были сестрами по бегу.
- Сдается мне, ты уже давно хотела кому-то об этом рассказать, и я готова купить тебе еще одну кайпирошку.
- Это у нас что такое, кайпи-терапия?
- Так бегуны приходят в себя после кайфа.
- купи мне еще кайпирошку.

Кайпирошка номер четыре оказывается такой же великолепной, как и предыдущие. Марина дрожит, пока пьет, чувствует тепло и близость этого миниатюрного троглодитского бара вокруг нее, уютного и обволакивающего, точно каменный костюм.

– Я могу уехать внезапно, но не могу уехать с чистой совестью. Понимаешь?

Амара, потягивая батиду через соломинку, хмурится.

- Всегда будет какая-то связь.
- У нее всегда найдется, что от меня потребовать. Наступит момент чрезвычайной нужды – и тут выяснится, что я ее бросила.
- Если ты ей скажешь, она попросит тебя остаться.
- Она не попросит. Она такого никогда не сделает. Но я узнаю. И я могу остаться, и тогда я ее возненавижу. – Марина встает. – Мне пора. Я должна вернуться. Прости. Спасибо за коктейли.

– Ну хоть этот допей.

– Я не должна. Я пытаюсь отучить ее от джина, и если сама приползу домой на бровях...

– Ты это заслужила.

– Нет, не могу. Хетти, вызови мне моту. – Марина наклоняется, чтобы поцеловать Амару на прощание. Амара притягивает ее ближе и шепчет:

– Ох, мне так жаль. Понимаешь, у меня был план на этот вечер. Я тебя заметила. Давно уже. Я подстроила свой график, чтобы бежать с тобой. Мой коварный план состоял в том, чтобы заманить тебя сюда, напоить коктейлями и попытаться соблазнить или хотя бы назначить свидание, а теперь у меня нет шансов. И не будет. Потому что все мои таланты бессильны против любви. – Она нежно целует Марину. – Этернаменти.

* * *

Чем выше статус должностного лица АКА, тем скромнее выглядит его охрана, пока она не сливается с миром и не переходит пределы человеческого восприятия. Ариэль не сомневается, что жужжание

насекомых, мелькающие птичьи крылья, проблески меха и блестящих глаз в низкой листве могут убить ее быстрее, чем она что-то осознает. Живым существам нельзя доверять. Она дочь своей матери. Но под сенью деревьев прохладно и пряно пахнет разлагающейся листвой, а тропинки в парке пусты, какими их может сделать лишь власть Золотого Трона.

– От нее есть хоть какой-то прок? – спрашивает Лусика Асамоа. Две женщины неспешно прогуливаются по дорожкам, усыпанным скрипучим розовым гравием. Это первая их встреча после падения «Корта Элиу», разрушения Боа-Виста и смерти Рафы Корты.

– Наверное, я испортила девочке будущее карьерного политика, – говорит Ариэль. – Она уверится в том, что любую проблему можно решить посредством своевольного применения наемников.

Лусика Асамоа смеется – искренне, от души, и смех ее легкий, словно звон колокольчика. Ариэль обговорила с Рафой никак, и с самого начала было ясно, что в этих отношениях жила любовь, чего никогда не было в предыдущем браке Рафы с Рейчел Маккензи.

– Мне бы стоило отправить ее прямо домой, в Тве, – говорит Лусика Асамоа. – Лишь богам известно, куда ее занесет дальше. – Тон несерьезный, но Ариэль слышит нотки озабоченности. Политическое насилие повлияло на степенную, скучную административную жизнь Меридиана, и никто не знает, насколько глубока травма и как далеко разлетится мусор.

– Она не игрок, – говорит Ариэль.

– Сдается мне, сейчас все игроки, – возражает Лусика Асамоа. Она останавливается на гравийной тропе. Слабое шевеление в ветвях, в листве, в наземном плюще останавливается вместе с нею. Ариэль чувствует на себе дюжину ядовитых взглядов. – Наши семьи всегда были близки, но сегодня я здесь как Омахене Котоко. Действия Орла беспрецедентны. Мы не можем предсказать последствия. Это нас тревожит.

– Орел просит лишь об обещании.

– Которое я не могу дать. АКА не чета другим Драконам. У нас сложное, многоуровневое управление. Столько мнений нужно обернуть в свою пользу, столько голосов обеспечить. Некоторые считают это медленным, неповоротливым и неэффективным, но мы всегда верили, что власть лучше поместить в как можно большее количество рук. АКА движется медленно, но уверенно. У нас просто не было времени, чтобы достичь консенсуса.

– Орел был бы признателен даже за указание, данное частным образом...

– У меня нет полномочий на такое. У Золотого Трона нет права голоса. – Лусика снова идет вперед. Кресло Ариэль подстраивается под ее скорость. Наблюдатели в лесу следуют за ними. – Наши семьи всегда были близки. Как вы, мы не самые богатые и не самые могущественные из Драконов. Мы купили свою позицию, держась подальше от соперничества других семей, а где это не удавалось, заключали разумные союзы. Котоко будет следить, но мы не будем спешить с принятием на себя обязательств.

– Вы встанете на сторону фракции-победителя, – говорит Ариэль.

– Да. Нам придется. ВТО, две корпорации Маккензи, «Тайян» в меньшей степени – все зависят от взаимоотношений с Землей. Мы нет. Луна – все, что у нас есть. Но, как гласит наша поговорка, все едят, все спят.

– Мне это сказать Орлу?

– Таков ответ Золотого Трона.

Движение в ветвях, внезапный трепет крыльев. Взлетают птицы, бабочки, кружась, пролетают мимо лица Ариэль, и маленькие, быстрые существа мчатся вдоль краев тропы. Хранители уходят, оцепления больше нет. Ариэль понимает, что она останется, а Омахене уйдет. Она слушает, как мертвые листья опускаются на гравий, скользя на ветру, который непредсказуемым образом порождает микроклимат квадры Водолея. Хрустят шаги и шины: возвращаются бегуны и тележки торговцев сладостями.

* * *

Леди Сунь тянет рукава костюма Дариуса, чтобы прикрыть запястья. Дариус снова их поднимает.

– Это мода, – говорит он.

Леди Сунь уступает, но выхватывает вейпер из его пальцев.

– Этого я не потерплю.

Дариус звонко ступает по полированному камню. Великий зал «Тайяна» – просторный, пустой – куб, с миллиметровой точностью выточенный в каменной стене кратера Шеклтон. Его пропорции и акустические свойства просчитаны инженерами, с тем чтобы внушать физиологический трепет. Сунь предпочитают принимать в нем гостей и клиентов.

– Это Ариэль Корта, – говорит Дариус.

Ариэль Корта в красном платье от Эмануэля Унгари – яркое солнце,

вокруг которого вращаются по орбитам сановники «Тайяна». Даже прикованная к инвалидному креслу, она остается в центре внимания. Ариэль Корта не из тех, кого можно запугать архитектурными трюками.

– Что это за люди с нею? – спрашивает Дариус.

– Та, что помоложе – Абена Маану Асамоа.

– Племянница Омахене, – говорит Дариус. Перспектива в Великом зале обманчива. Ему кажется, что он прошел уже несколько километров, но не приблизился ни на шаг.

– Ты подготовился, – говорит Леди Сунь. – Хорошо. Что это значит?

– Асамоа и Корта по традиции были союзниками.

– Половина живущих Корта находится под защитой Асамоа.

– Как я нахожусь под защитой Суней, – замечает Дариус.

– Будешь говорить с такой насмешкой в голосе – я тебя сама отравлю, юноша, – предупреждает Леди Сунь. – Третья женщина – ее личный охранник. Она нас не заботит.

– Она убила человека вейпером, – говорит Дариус.

– Ты это сам отыскал или поручил фамильяру? – интересуется Леди Сунь.

– Я вспомнил, – сказал Дариус. – Вы этого от меня хотели?

Толпа чиновников открывается. Они опускают головы, приветствуя Леди Сунь.

– Бабушка, это Ариэль Корта – представитель Орла Луны, – сообщает Сунь Чжиюань.

Леди Сунь протягивает руку. Ариэль ее пожимает. «Так не положено», – думает Дариус. Руку Леди Сунь надо целовать.

– Мадам Сунь.

Пока идут представления, Дариус изучает Ариэль Кортю. Из своего кресла она командует всеми в комнате. Ее внимание – это благо, которое она выделяет скупой, и даже чиновники «Тайяна» его жаждут. Почему она еще не ходит? Она легко может позволить себе операцию. Есть ли сила в этом кресле? Может, оно дает ей преимущество? Всем, даже Леди Сунь, приходится наклоняться, чтобы говорить с нею. Дариус пытается понять, какая сила воли нужна для того, чтобы выбрать увечье и власть, а не здоровье и безвестность. В этом кроется урок.

– А это мой подопечный, Дариус.

Дариус склоняет голову перед Ариэль Кортю.

– Я очарован, сеньора Корта.

Вспышка в глубине ее глаз в момент встречи их взглядов порождает волну страха, которая проходит сквозь Дариуса. Он был чересчур мил? Она

его раскусила?

– Рада знакомству, Дариус.

Она его подозревает.

– Я хотела, чтобы он с вами встретился, Ариэль, – говорит Леди Сунь. – Юноше нужно познать ценность настойчивости. Без нее не совершилось ни одно великое деяние. Падение, дни вдали от мира, обретение известности и власти; настойчивость. Идем, Дариус.

Деловые переговоры возобновляются. Цзыюань и Ариэль обсуждают гражданскую службу, квалифицированных рабочих, благодаря которым Луна продолжает вращаться вокруг Земли; от переработчиков трупов до администраторов, которые имплантируют чиб в каждое новое глазное яблоко. Работники-люди трудятся на любого, кто позволяет им дышать. Кому будут служить административные ИИ «Тайяна»: Орлу или Совету?

– Ты повел себя легкомысленно, – отчитывает Дариуса Леди Сунь, уводя его прочь от собравшихся.

– А вы нагрубили, – сказал Дариус, – прямо ей в лицо.

– Я Вдова из Шеклтона, – парирует Леди Сунь. – Вдовы грубы. Ты слышал про Трех Августейших.

– Байки...

– Они нечто куда большее, чем байки. Они квантовые компьютеры, которые мы построили для банка «Уитэкр Годдард», чтобы делать высокоточные предположения о грядущих событиях. Пророчества, если пожелаешь. Конечно, мы встроили в них лазейку, и с той поры они делятся с нами кое-какой долей своих озарений касательно будущего. Они несчастные создания: темнят и вечно расходятся во мнениях. Они были единодушны лишь в одном: в том, что Ариэль Корта станет важной фигурой в истории луны.

– Вот почему она наш враг.

– Еще нет. Но может им стать. К тому моменту, вполне вероятно, я буду мертва и отправлюсь к заббалинам, но ты будешь готов.

– Я буду, прабабушка.

Шаги Дариуса звонки на полированном камне. Ни по пути в Великий зал, ни на пути обратно он не слышит шагов Леди Сунь.

* * *

Абена не может перестать дрожать. Воздух теплый, в нем ощущается пряная нотка пыли, приятная для любого, кто вырос в постоянно

расширяющемся лабиринте Тве с его туннелями и сельскохозяйственными трубами. Камень, камень, неумолимый камень давит на нее. Хэдли – непрекращающийся камень и металл, без намека на проблеск жизни или цвета. Мертвый металл, душный и холодный. Абене кажется, что она, уставшая, тащится по этому коридору год за годом. Наверное, он повернул или разветвился, но Абена все идет и идет, рукой касаясь правого подлокотника кресла Ариэль для успокоения, дрожа от клаустрофобии.

– Могли бы и проводить нас со станции, – говорит Абена.

– Я не позволю, чтобы меня привели к Дункану Маккензи те же рубаки, которые убили моих братьев, – возражает Ариэль.

– И которые пытались убить тебя, – замечает Марина, идущая слева от тихо едущего кресла.

– Я вообще не понимаю, как вы могли сюда прийти.

– Это потому, что ты не понимаешь суть отношений между советником и клиентом, – говорит Марина. – Ариэль представляет Орла Луны. Она здесь как его советник и доверенное лицо. Ее собственным чувствам и истории отношений с Маккензи здесь нет места. Здесь она не Ариэль Корта. Дункан это учтет.

– И все же это кажется мне сомнительным с точки зрения верности собственным принципам, – настаивает Абена.

Марина резко останавливается.

– Ты ничему не можешь научить Ариэль в том, что касается верности принципам.

– А ну заткнулись обе, – командует Ариэль. – Я, мать вашу, еще не умерла. – Абена слышит, как сквозь раздраженный тон просачиваются тревожные нотки.

Перед ними появляется дверь. За дверью оказывается лифт. На выходе из лифта встречает улыбающаяся золотоволосая женщина из «Маккензи Металз», которую скорее можно назвать голой и лысой, чем невооруженной и безобидной. За нею – комната с низким потолком, камень и металл; окна словно бойницы. Из щелей в низком потолке падают лучи света.

– Как и прежде, зеркала, – шепчет Ариэль.

Пять фигур эффектным образом расположились в лучах света, падающих сверху. Абена узнает их по инструктажу: правление новой «Маккензи Металз». Все мужчины, разумеется. Дункан Маккензи крупнее, чем Абена себе представляла. Фирменный серый цвет, фамильяр в виде маслянистого серого мяча. Против собственной воли она благоговеет перед этим человеком, по сравнению с ним психоархитектура Дворца вечного света – сценический фокус. Он наделен некоей силой, он имеет вес.

– Дункан.

– Ариэль.

Как же она может пожимать ему руку? Как может с ним говорить, произносить его имя? Абена убеждена, что никогда бы не пала так низко. Профессиональная объективность – да, этот карьерный урок она еще не выучила, но есть принципы, которые нельзя нарушать, не теряя всю убедительность и уверенность в себе. Она восхищена профессиональной отстраненностью Ариэль, но сомневается, что уважает это качество.

– Спасибо, что приехала в Хэдли, – говорит Дункан Маккензи.

– Проверяешь меня, Дункан?

– Отчасти. И я больше не чувствую себя в безопасности в Меридиане.

Женщина из «Маккензи Металз» приносит поднос с напитками. Ариэль отказывается без колебаний, даже не задержав взгляда. Абене и Марине выпивку не предлагают.

– Что ты хочешь от меня, Ариэль?

– Орел Луны хочет узнать, продолжит ли «Маккензи Металз» его поддерживать.

– А кому присягнул на верность мой брат?

– Неужели такая жалкая мелочь повлияет на твоё суждение?

– Триста пятьдесят трупов и двести пятьдесят миллионов битси материального ущерба и упущенной выгоды – это вряд ли мелочь.

– Твой брат еще не попросил о встрече с советником Орла. Я думала, ты в курсе – или твой источник сведений об Орле притих?

– Эдриан сохраняет полный нейтралитет, – говорит Дункан Маккензи и приглашает Ариэль к кругу кресел.

Абена замечает, что мест для нее или Марины нет. Стажеру советника Орла Луны приходится много времени проводить на ногах. Она рада, что прислушалась к совету Ариэль по поводу удобной обуви.

– Нам нужна стабильность, Ариэль. Переворот, устроенный Орлом, в сочетании с продолжающимися проблемами моей семьи не улучшил ситуацию на рынках. Капитал ненавидит неопределенность, а мы ведь деловые люди. «Маккензи Металз» поддержит ту сторону, которая предложит наиболее стабильную и надежную среду, которая гарантирует выгоду. – Дункан Маккензи откидывается на спинку своего кресла. Члены правления неосознанно подражают ему. – Такова позиция «Маккензи Металз». А позиция главы семейства Маккензи заключается в следующем.

Мой отец прибыл на Луну, чтобы построить здесь мир. Его собственный мир – вне контроля и ограничений правительств, консорциумов, империй. Правлений и инвестиционных фондов. Он

потратил каждый цент из своего состояния на то, чтобы отправить пять роботов-изыскателей на Луну, затем построить строительный хаб, потом – производственный и судоходный объекты и, наконец, жилую базу. Всегда реинвестировал свою прибыль. Он никогда не брал чужих денег, не позволял посторонним инвестировать или покупать долю в «Маккензи Металз». Он боролся, чтобы не дать земным государствам превратить нас в колонию. Он боролся за сохранение Договора по космосу – и его укрепление. Он выступил против создания Корпорации развития Луны, и когда его вынудили изменить решение, принял меры, чтобы ее власть была раздроблена и разбавлена, чтобы земные государства никак не смогли бы навязать свою политику свободным лунным рабочим. До дня своей смерти мой отец стоял за нашу свободу и независимость. Пожалуйста, скажи Джонатону Кайоду, что Дункан Маккензи поддерживает его.

Абена видит, что Ариэль Корта готова ответить. Дункан Маккензи поднимает руку.

– Если он поддержит меня против Брайса.

* * *

Ариэль наблюдает за каплей конденсата, которая стекает по бокалу «мартини». На стыке чаши и ножки капля застывает, увеличивается, трепещет от собственного веса и плавно съезжает к основанию.

– Красиво, – говорит Ариэль Корта. – Самая красивая вещь в этой четверти Луны.

Поезд мчится через Болото Гниения на скорости восьмьсот километров в час. Полярная линия Эйткен-Пири была первой железной дорогой, построенной на Луне, обслуживающей запасы льда и углеводорода на полюсах, но главенство у нее отняла Первая Экваториальная. Ариэль, Марина и Абена – единственные пассажиры в обзорном вагоне Полярного экспресса. Абене неуютно в стеклянном пузыре. Она чувствует себя незащищенной, ведь вакуум слишком близко. Их взглядам открывается ландшафт, истощенный экстракторами «Маккензи Металз». Все кратеры срыты до основания, все каньоны заполнены вынутым грунтом, а то, что осталось, покрыто следами роверов, брошенными машинами, пластинами сланца, брошенными сخرةми и убежищами.

Это интереснее, чем обычные невысокие возвышенности и светло-серые холмы.

Ариэль толкает бокал через стол к официантке.

– Заберите это, пожалуйста.

Кивнув, официантка забирает бокал. Ни всплеска, ни единой потревоженной капли конденсата.

– Если ты опять это сделаешь, – говорит Ариэль, обращаясь к Марине, – я проткну тебе физиономию стаканом.

– Значит, сработало.

– То же самое случится, если ты меня поздравишь или ляпнешь какую-нибудь мотивационную дрянь, дорогуша.

Марина прячет натянутый смешок. Абена не понимает ни постоянной сдержанной агрессии между двумя женщинами, ни смеха, который кроется за каждой резкостью и издевкой. Ариэль не уважает, принижает или открыто оскорбляет Марину, но в Хэдли, стоило Абене поставить под сомнение принципиальность Ариэль, Марина едва не бросилась на нее, словно боец с ножом в руке.

– Он сдержит слово? – спрашивает Марина.

– Дункан в некотором смысле честный человек, – говорит Ариэль, подхватывая изменившуюся тему разговора с проворством гандбольного аса. – В отличие от его говнюка-братца.

– Я по-прежнему не понимаю, почему это нельзя было сделать через сеть, – говорит Абена. – Мы были в Хэдли, во Дворце вечного света – мы бы отправились в Тве, если бы Севаа Лусика не оказалась в Меридиане.

– Закон – это личное дело, – говорит Ариэль. – Личные контракты, личные соглашения, все обсуждается лично. Когда имеешь дело с Драконами, надо предложить им сокровище. Может быть, они его возьмут, а может, позволят сохранить. Нет более великого сокровища, чем собственная жизнь.

– Знаете, где мы не побывали? – спрашивает Марина. Абена хмурится, Ариэль кивает.

Понимание.

– Воронцовы!

– Они не просили о встрече, – говорит Ариэль.

– ВТО поддерживает правление КРЛ? – спрашивает Абена.

– Ариэль бы узнала о таком, – отвечает Марина.

– Ариэль бы узнала, – говорит Ариэль. – И Ариэль понятия не имеет, какую позицию заняли Воронцовы. Ариэль это не нравится. Поэтому Ариэль собирается поговорить с тем, кто сможет кое о чем догадаться.

Оттиск действительно очень мал, не больше двух ее сложенных больших пальцев. Ариэль приходится нагнуться, чтобы рассмотреть миниатюрные фигурки, стоящие в верхней части изогнутого мира, и третью фигурку еще меньше размером на первой ступени лестницы, упирающейся в край серпа луны.

«Хочу! Хочу!» – читает Ариэль. Под микроскопическим наименованием оттиска есть еще текст, но прописью, а этот шрифт для нее непостижим.

– Уильям Блейк, – говорит Видья Рао. – Английский художник и поэт восемнадцатого-девятнадцатого столетия по христианскому летоисчислению. Визионер, пророк и мистик. Единственный, кто отличился во всех трех ипостасях.

Ариэль никогда не слышала про Уильяма Блейка, но знает нейтро достаточно хорошо, чтобы не совершить преступление, выдавая себя за эрудита. Пообедали они отлично, учитывая место. Обеденные залы Лунарианского общества уединенные и неброские – и эти комнаты можно отключить от сети, – но опыт Ариэль подсказывает, что в элитных клубах редко встречается хорошая кухня. Рамен терпим, лапша как лапша, сашими очень свежее – Ариэль подозревает, что его вырезали из живой рыбы.

– А наш творец коктейлей – лучший в двух мирах, – сказалэ Видья Рао, встретив Ариэль в вестибюле Лунарианского общества и взявшись за рукоятки ее инвалидного кресла.

– Слишком много дел для коктейльного часа, – ответила Ариэль. Она-то знала, что коктейльный час может больше не наступить.

За небольшим столом в уединенной столовой внимание Ариэль снова привлекает оттиск. Стиль простой, почти примитивный, идея – явное иносказание, но в гравюре есть энергия, сила, которая притягивает взгляд и захватывает воображение.

– Все хотят заполучить Луну, – говорит Ариэль. У Видьи Рао дергается уголок рта. Ариэль разочаровала нейтро.

– Я правда обожаю Блейка, – говорит э. – В его работах всегда есть глубокий смысл.

– Поверхность, на которой стоят эти фигурки, больше похожа на Луну, чем сама Луна, – предполагает Ариэль. Она заметила, что у каждого стола прямо над лампой есть маленькая гравюра. Бейжафлор увеличивает картинку: они все в одном стиле, выполнены одним художником. Декор,

подталкивающий к началу разговора.

– Это интересное замечание, – говорит Видья Рао. – Получается, что с нашей точки зрения это может быть Земля, на которую смотрят с Луны.

– Такое не придумали бы в девятнадцатом веке, – возражает Ариэль.

– Только не Блейк, – говорит Видья Рао. Э достает из сумки папку и кладет на стол. Ариэль заглядывает внутрь.

– Бумага, – говорит она.

– Нахожу ее более надежной.

– Какие темные тайны вы собираетесь разделить со мной?

– Вы хотели знать, почему ВТО не обратилась с просьбой о встрече с вами.

Ариэль никогда не любила читать. Ей приходится сосредотачиваться, чтобы не шевелить губами, пока она просматривает список в начале документа. Чем глубже Ариэль проникает в суть, тем больше усилий ей приходится прилагать. У нее открывается рот. Она кладет документ на стол.

– Они разорвут нас на части.

– Да. Мы не солдаты. У нас нет армии, даже полиции нет. Мы промышленная колония. Самое лучшее, что у нас есть – это частная охрана и милиция.

– Вам об этом сказали Трое Августейших.

– С вероятностью исхода восемьдесят девять процентов.

– Кто еще знает об этом?

– А кому мы могли бы рассказать? У нас нет защиты. «Уитэкр Годдард» начал диверсифицировать и укреплять свой портфель в качестве страховки.

– Гребаные банкиры...

Видья Рао улыбается.

– В этом-то и дело. Мы лишены солидарности. Мы индивиды, семьи и корпорации, которые действуют в собственных интересах.

– Вы сказали, у Суней есть лазейка к Трем Августейшим. Они об этом знают?

– Я слежу за закономерностями. Я пытаюсь делать выводы. Судя по последним капиталовложениям и изъятиям капитала, осуществленных «Тайяном», я предполагаю, что нет.

– Как же они могли такое не увидеть?

– Довольно просто. Они не задали правильные вопросы.

Ариэль раскладывает листы по столику.

– Для такого потребуется колоссальная космическая подъемная сила.

- У земных государств таких возможностей нет.
- Я получила ответ на свой вопрос по поводу ВТО. Но я не понимаю, в чем причина.
- ВТО уникальна по сравнению с другими Драконами, поскольку у нее имеется отделение на Земле. Из-за него она уязвима для политического давления.
- О боги.
- Да. Все до единого, как бы их ни звали и какой бы ни была их природа. Мне жаль, Ариэль. Чаю?
- Ариэль почти смеется над несообразностью. Чай. Размятые листья мяты в стакане, залитые кипятком. Сахар по вкусу. Универсальная смазка. Известная, удобная. Прекрасно, прекрасно, небольшая дерзость в стакане. Когда падают звезды, когда миры сталкиваются, когда провидцы и пророки плачут, остается лишь одно. Стакан чаю.
- Спасибо. Пожалуй, да. Последний вопрос, Видья. – Ариэль собирает рассыпавшиеся бумаги и аккуратно складывает их в папку. – Сколько у нас времени?
- О, дорогая. Все уже началось.

* * *

Скука – тихий убийца стеклянных земель. Километр за километром, час за часом – черное стекло и ничего, кроме черного стекла. Внимание ослабевает, концентрация тает, разум обращается вовнутрь. Увеселения и игры предлагают возможность на чем-то сосредоточиться, но грозят иной ловушкой: они отвлекают. Роверы «Тайяна» оборудованы множеством сенсоров и тревожных систем, чтобы предупредить о любом из тысяч внутренних и внешних ЧП, которые могут привести к крушению, но ни один поверхностный рабочий не доверяет ИИ целиком и полностью. По крайней мере тот поверхностный рабочий, который хочет жить.

У Вагнера Корты свои собственные способы работы со стеклом. Они согласуются с его двумя аспектами. В светлом аспекте его мозг принимает множество одновременных входящих потоков информации, и он может следить за стеклом, за горизонтом, системами ровера, играть в «Гонку за сокровищами» и слушать две разные музыки. В темном, когда им овладевают мономания и интенсивная сосредоточенность, Вагнер может пристально глядеть на черное стекло, пока не погрузится в состояние глубокой мистической осознанности. Высоко над стеклянными землями

застыла убывающая Земля, и Вагнер превращается в темную версию себя. В периоды полного света и полной тьмы волки – превосходные лаоды; когда наступает переход, они уязвимы, они могут ошибаться.

Сообщение от контрольного пункта «Тайян-Спокойствие». Потерян контакт с грейдерным отрядом, работающим в Армстронге. Большие лунные боты-бульдозеры – рабочие лошадки стеклянных земель; выстроившись рядом в десять штук, самба-линия может делать полосу реголита шириной в сотню метров гладкой, как кожа. Самба-линия – старое название, времен «Корта Элиу».

Моргнув, Вагнер включает общий канал.

– Планы изменились. Мы уходим со стекла. Армстронг потерял отряд бульдозеров.

Бригада стекольщиков «Везучая восьмерка» насмешливо присвистывает. Несоответствие между публичными заявлениями «Тайяна» по поводу величия их солнечного пояса и рабочей реальностью уже превратилось из шуток, понятных только поверхностным рабочим, в лунную легенду.

– Нам поручили разобраться, перехватить и осуществить перезагрузку.

Контрольный пункт «Тайян-Спокойствие» передает координаты на линзу Вагнера. Вагнер пересылает их роверу и закладывает новый курс: длинную дугу через солнечные панели, уходящую на юго-восток.

– Будут премиальные.

«Везучая восьмерка» отвечает нестройным радостным возгласом.

«У нас есть изображение с орбиты», – сообщает КП «Тайян-Спокойствие». Вагнер изучает его, сопоставляя с картой. Самба-линию лунных бульдозеров можно почти различить с Земли: десять пар следов на безупречном расстоянии друг от друга ведут прямой наводкой на равнины Восточного сектора Моря Спокойствия.

– В этом есть что-то необычное? – спрашивает Вагнер.

«У них простой стайный алгоритм, так что они обычно держатся вместе, – отвечает КП. – А необычно то, что они направляются напрямиком к Квабре».

– Что это?

«Это новое сельскохозяйственное ядро АКА. Там работает команда инженеров, они налаживают экосистему». Пауза.

– Бульдозеры могут их раздавить. – Вагнер прибавляет скорость. Все равно времени в обрез. – Вы их предупредили?

«Мы не можем с ними связаться. Мы обратились к АКА, но и они не смогли достучаться до инженеров».

Есть сотня причин, по которым связь может дать сбой. Есть десяток причин, по которым бульдозеры могли выйти из-под контроля. Пересечение этих причин пугает Вагнера Кортю.

– Попробую выйти на них через местную сеть, когда преодолею горизонт.

Квабре находится в сорока километрах от южного края солнечного пояса. За десять км Вагнер запускает антенну и пытается связаться с аграриумом. Ни проблеска, ни шепота. За пять км «Везучая восьмерка» видит грейдеры. Двигаясь с безупречной синхронностью, большие машины – в пять раз выше ровера «Везучей восьмерки» и в двадцать раз его шире – толкают реголит поверх прозрачных куполов сельскохозяйственных труб Квабре.

Вагнер ни разу не видел ничего подобного. Как и члены его отряда. Как и вся Луна.

Когда проходит первый шок, причина молчания Квабре становится очевидной. Коммуникационные башни повалены, зеркала, которые направляют свет в сельскохозяйственные трубы, превратились в пустые рамы, свисающие с поворотных устройств.

– Лаода, – говорит Зехра. – Грейдеры могли свалить коммы. Но зеркала сломали одно за другим.

– Я объявляю СУТРА-1, – говорит Вагнер. Высочайший уровень поверхностной угрозы: «Человеческая жизнь в неминуемой опасности, окажите всяческую помощь». – Зехра, сообщи Тве. Приготовься послать Код 901, адресованный ВТО.

– Тве посылает три отряда, – сообщает Зехра.

Вагнер тихим ходом направляет ровер вперед. Все чувства напряжены, он видит не только глазами и осязает не только кожей. Один из грейдеров разворачивается лицом к «Везучей восьмерке». Вагнер резко останавливается и поворачивает направо. Лунный бульдозер тоже разворачивается и подстраивается под скорость и положение ровера.

– Какого хрена? – спрашивает Зехра по частному каналу связи с Вагнером.

– Сообщи об этом в КП.

Вагнер снова меняет направление хода ровера. Бульдозер не отстает.

– Я не хочу идти на крайние меры, – говорит Вагнер.

– Я тоже этого не хочу, – отвечает Зехра.

Грейдер толкает огромную берму из пыли, которая словно волна накатывает на последний стеклянный купол и душит его, погребает. Бульдозеры строятся; машина, которая не давала «Везучей восьмерке»

приблизиться, присоединяется к остальным. Самба-линия едет на северо-северо-восток.

– Лаода, КП поручил нам... – начинает Зехра.

– Это СУТРА-1, – говорит Вагнер. – Неминуемая опасность для человеческой жизни. – Он ведет ровер к краю главного шлюза. – Нили, Мейрид, Ола, со мной. Зехра, передай в Тве трансляцию с камер Нили.

– Тве?

– Туда едут бульдозеры.

Команда Вагнера сходит со своих мест на реголит. Зехра включает прожектор, и округу заливают светом.

– Нили. – Вагнер приседает возле следов на реголите. – Посмотри сюда.

– Машины?

– Отпечатки бота. – Отметины тройных «копыт» с острыми концами едва заметны, изящны, но теперь, когда Вагнер их опознал, он видит, что поверхность вокруг Квабре испещрена ими. – Гляди-ка.

Цепь следов стерта шинами грейдера.

– Кто бы это ни сделал, они побывали тут до бульдозеров, – говорит Нили.

Вагнер-волк встает.

– Зехра, пожалуйста, освети главный шлюз.

Прожектор поворачивается и озаряет щель наружного шлюза, похороненную под твердым наплывом спекшегося реголита. Шлюз открыт. В жестком свете становится заметно, что прямо за дверями шлюза на рампе что-то лежит.

– Направить туда камеру? – спрашивает Зехра.

– Нет, – говорит Вагнер. – Мы идем внутрь.

– Мать твою, лаода, ты там поосторожнее, – говорит Зехра по частному каналу. Она не напоминает – в этом нет нужды, – что отряд Вагнера Корты не потерял ни одного члена.

– Зехра, я хочу, чтобы ты была готова уехать по моей команде.

Жесткий белый свет отражается от серых стен; механизмы шлюза отбрасывают длинные тени. Вагнер жестом направляет свой отряд вниз по склону, к округлому предмету, который явно не принадлежит к числу механизмов шлюза. Тени «Везучей восьмерки» опережают их.

Зехра говорит:

– Что думает волк?

– Волку страшно.

Лучи наשלменных фонарей прыгают по тому, что лежит на рампе.

Вакуум убивает подло, но этого человека прикончил не он. Отряд отодвигается, чтобы прожектор Зехры полностью осветил труп. Это юноша в одежде сельскохозяйственного рабочего – водонепроницаемые сапоги и жилет со множеством карманов; он вскрыт от грудины до пупка. Блестит кровь и внутренности.

– Охренеть... – шепчет Ола.

– Ты передаешь это в Тве? – спрашивает Вагнер у ровера.

– Кто это сделал?.. – отвечает Зехра.

– Я узнаю. – Нили присаживается на корточки рядом с мертвецом. – Возможно, оставшейся в его линзе энергии хватит, чтобы прочитать ее содержимое через ближнее поле.

Ее лицевой щиток касается его лба. Ее свет отражается от замерзших глазных яблок. Вагнер обнаруживает, что от близости живого с мертвецом его пробирает озноб. Поцелуй с трупом.

– Вот, пересылаю тебе.

Отрывок воспоминаний, который удалось восстановить, короткий и пронзительный. Движение, бег, потом поворот – и на линзу прыгает нечто маленькое, быстрое, сделанное из лезвий. Вспышка серебра, затем падение. Предсмертные судороги. Краем глаза умирающий видит миниатюрные, дерзкие стальные «копытца» из трех сегментов.

– Иисус Мария, – говорит Мейрид, целуя тыльную сторону ладони сквозь перчатку.

Вагнер поднимает руку, призывая к тишине. Что-то на самом краю его волчьего восприятия. Не звук – в вакууме нет звуков, – но дрожь. Движение.

– Зехра, направь свет в дальний левый угол.

Тени смещаются и уменьшаются. В темноте за ровером агрария – нечто, не являющееся ровером.

И снова волчьи чувства Вагнера кричат.

– Бегите, – говорит он.

Машина со скоростью взрыва выпрыгивает из укрытия. Вагнер успевает заметить на краю поля зрения взблеск конечностей, лезвий, манипуляторов. Безупречные стальные «копытца». Отражение света прожекторов на металле. И все. Он бежит. Мейрид рядом с ним, Ола на шаг впереди, Нили на шаг позади.

– Зехра! – вопит Вагнер. Она уже действует. Ровер взлетает над краем наружного шлюза, приземляется на середину рампы. Зехра разворачивается на передних колесах на спеченной пыли. Когда ровер несет в сторону Вагнера, он прыгает, цепляется за защитные дуги и забирается на свое

место.

– Нили? – кричит Мейрид.

На внутреннем дисплее Вагнера фамильяр Нили из красного делается розовым, а потом – белым. Вагнер оглядывается и видит, как тело Нили соскальзывает с трех прецизионных титановых лезвий. Она падает лицом вниз. Лезвия проткнули ее насквозь на уровне грудины и вышли через плотную ткань пов-скафа. Кровь разлетается фонтаном, испаряется, замерзает. То секундное колебание, тот единственный медленный шаг Вагнера убили ее. Быстрые волчьи чувства считают, что находится позади труп. Это бот, созданный специально для убийства. У него ноги, а не колеса. Эти острые «копытца» служат и оружием, но еще разворачиваются и превращаются в плоские лопаты, чтобы бегать по пыли. На разнообразных поверхностях Луны эта машина проворна и уверенна. Четыре «руки», три с лезвиями, одна с захватом. Лезвия быстрее и надежнее, чем снаряды. Башка – скопище сенсоров. Сверхмощные батареи. Бот переступает через тело Нили, направляет сенсоры на лицевой щиток Вагнера. Видит его. Узнает. Одним прыжком бросается вдогонку.

Позади него открывается внутренний шлюз.

Ровер «Везучей восьмерки» на полной скорости достигает верха ramпы и взлетает: десять, пятнадцать, двадцать метров. Два бота выпрыгивают из открытого шлюза. Третий прыгает следом. Боги, до чего они быстры. Ровер совершает жесткую посадку, взметая тучу пыли, едва не переворачивается через нос, но Зехра его спасает. Зехта водит лучше ИИ. Вагнер включает панель, чтобы следить за убийцами через задние камеры. Они держатся близко к реголиту, уверенно стремясь к цели.

– Вызываю спасателей, – говорит Вагнер Зехре на частном канале.

– Быстрее добраться до Тве, – возражает Зехра.

– Я не хочу, чтобы эти твари оказались вблизи от Тве, – отвечает Вагнер. – Встречаемся здесь. – Он передает код GPSS Зехре и дважды подает сигнал бедствия, один раз адресуя его аварийной сети ВТО, а другой – КП «Тайян-Спокойствие». Потом разворачивает внутренний статусный дисплей. Приходится исходить из того, что машины, которые гонятся за ними, обладают большими запасами энергии, чем ровер. Заряд батарей – сорок процентов. Без Нили ровер легче. Он бесстрастно, с волчьей расчетливостью сопоставляет жизнь и заряд батарей. Снова видит, как тело Нили медленно соскальзывает с убийственных лезвий. Он видел, как люди умирают. Он видел, как они умирают случайно, глупо, отвратительно, дешево, но лишь один раз видел, как человек умер согласно чьей-то воле. Это случилось не на наружной ramпе мертвого агрария, а в

Суде Клавия, чья полированная древесина не раз покрывалась теплой пролитой кровью. Убийственное лезвие принадлежало Хэдли Маккензи, а рука, которая этим лезвием рассекла горло его хозяина, была рукой Карлиньоса. «Брат, что я тут делаю?»

Заряд батарей – тридцать пять процентов. Охотники настигнут их за десять километров до места встречи. Почему ВТО не ответила? Вагнер просит у Сомбры раскладку зон эвакуации, но на все вопросы приходит один ответ: ему не уйти от погони. Он должен сразиться с ботами.

Мы команда стекольщиков. Мы ремонтируем солнечные панели. У нас есть спекатели, подъемники, прочее снаряжение и ремонтные боты. Против трех машин-убийц.

Надо использовать их оружие против них.

– Зехра, переведи управление на меня. – Вагнер принимает внутренний управляющий дисплей. – Держитесь.

Зехра водит лучше, но то, что надо сделать сейчас, по силам лишь волку. Вагнер, стиснув зубы, пускает ровер в управляемый занос. От колес дугой летит пыль, которой миллиард лет. На миг ему кажется, что сейчас они перевернутся и покатаются, но «Тайян» строит надежные и мощные машины. Вагнер прибавляет тяги и ведет ровер прямо на охотников. Они бросаются врассыпную на своих острых, быстрых ногах. Недостаточно быстрых. Вагнер задевает одного, и бот отлетает на сотню метров, словно кегля, размахивая руками и лезвиями. Левое переднее колесо наезжает на «копытце» и давит его. Бот дергается. Вагнер тормозит, дает задний ход. Ремни безопасности врезаются в ребра. Ровер содрогается от удара; бот, рассыпая обломки, кувырком взлетает над верхней частью. Стиснув зубы, Вагнер снова делает разворот на передних колесах и на полной скорости несется на другую поврежденную машину. Та, шатаясь, встает на свои «копытца», фокусирует сенсоры, направляет лезвия. Слишком медленно. Слишком, слишком медленно. Удар тупым носом отправляет ее под передние колеса. Ровер дергается, «Везучая восьмерка» кричит и вопит от радости.

– Минус два, – говорит Зехра.

Потом фамильяр Джеффа делается белым.

– Зехра, хватай! – Вагнер передает водительский внутренний дисплей. Зехра мгновенно его принимает. На общем канале кричит Ола. Вагнер бьет по аварийному размыкателю, встает на сиденье. Лишь волчьи чувства спасают его от лезвия, которое целится ему в голову.

– Он на крыше ровера!

– Мне остановиться, лаода?

Ола кричит, но его фамилльяр все еще красный. Красный – это жизнь.
– Остановимся – нам крышка.

Ровер дергается и прыгает. Вагнер от сосредоточенности шипит, пытаясь не упасть с сиденья. Свободной рукой он отстегивает лопату с подставки для инструментов позади себя. Тыкает ею вверх. Лезвие о что-то ударяется со звоном, который он слышит сквозь кости запястья. За долю секунды, что проходит между ударом и преодолением последствий, он забрасывает себя на крышу ровера, где опускается на колени.

Бот-убийца тоже прицепился к крыше, широко расставив ноги, вогнав когти-копытца в перекладыны и балки. Одно лезвие по самую рукоять воткнулось в шлем и череп Джеффа. Еще одно снова и снова бьет вниз, целясь в Олу, который мечется в клетке из защитных дуг. Последнее – для Вагнера. Лезвие бота застряло в черепе Джеффа. Значит, сам бот тоже застрял. На его сенсорах брызги крови, дочерна замороженной вакуумом. Это машина, которая убила Нили. Все это Вагнер понимает за долю секунды, которая уходит на то, чтобы парировать удар единственного свободного лезвия лопатой, а потом, пока бот приходит в себя, сделать выпад и острым краем перерубить кабель внутри одного «копытца». Когти спазматически вздрагивают и отцепляются. Бот переключает на него все свои сенсоры. Атакует, превращаясь в размытое пятно лезвий, слишком проворных, чтобы их мог отбить человек. Волк видит решение в линзах машины за миг до того, как мозг бота действует: Вагнер бросается ничком на крышу и проворно уползает из зоны досягаемости лезвий.

– Зехра, кружись!

Вагнер цепляется изо всех сил. И даже этого может не хватить, когда Зехра бросает машину в ужасный управляемый занос. Балки и перекладыны жестко дребезжат под ребрами Вагнера; он скользит, скользит. Край. Вагнер висит на боку ровера. Он рискует отцепить одну руку, тянется, хватая лопату, которая скользит к краю. Бот, потеряв равновесие, валится навзничь. Застрявшее лезвие выскакивает из шлема Джеффа. Вагнер замахивается лопатой, попадает, бьет снова и снова. Бот падает, размахивая мечами.

– Зехра!

От внезапного ускорения плечо Вагнера едва не выскакивает из сустава. Повиснув на защитных дугах, он поворачивается, преодолевая боль, и видит, как упавший бот поднимается, прижимает искалеченную лапу к брюху и бросается следом за ровером.

– Сдохни, мать твою, сдохни! – кричит Вагнер.

Над низким краем кратера взлетает ровер, сверкнув в воздухе шестью

колесами. Приземляется, подпрыгивая. Поврежденный бот поворачивается. Слишком медленно. Ровер таранит его. Ноги, руки, сенсоры взрываются. Ровер заносит, от него на «Везучую восьмерку» летит ослепляющее облако пыли. Когда она оседает, последний бот выглядит кучей металлолома на реголите, а незнакомый ровер едет рядом с «Везучей восьмеркой». Его балки и панели украшены замысловатыми геометрическими узорами АКА. Водитель сигнализирует остановиться. Вагнер падает на поверхность, потом – на колени. Он не может стоять, не может говорить. Он дрожит, не переставая. Чья-то рука хватается его за плечо.

– Лобинью. – Только Зехре можно использовать его старое, времен «Корта Элиу», прозвище. – Спокойно, Волчонок. Спокойно.

– Ситуация? – выдавливают Вагнер, не переставая клацать зубами. Он до смерти замерз.

– Мы на ходу.

– Я имел в виду...

– Джефф мертв.

– И Нили.

– И Нили.

– Я никогда никого не терял, – говорит Вагнер. – Никого. «Везучая восьмерка» никогда никого не теряет.

Командир отряда АКА присаживается на корточки рядом с ним.

– Ты в порядке?

Сомбра ее помечает: «Аджоа Йаа Боакье». Вагнер кивает.

– Что это за штуки? – спрашивает Аджоа.

– Ты разве не видишь, что он в шоке? – рывкает Зехра.

– Я просто хочу убедиться, что где-то рядом нет еще таких же, – парирует Аджоа. Ее поверхностники, «черные звезды», выпрыгивают из ровера на реголит.

Вагнер качает головой.

– Ему нужна помощь, – настойчиво твердит Зехра. Только ее руки на плече и удерживают Вагнера в вертикальном положении. – Где наш гребаный корабль?

– ВТО не отвечает, – говорит Аджоа.

– Это невозможно, – отвечает Зехра.

Вагнеру холодно. Жутко, ужасно холодно. Шлемы, пов-скафы, тела то выплывают, то прячутся в черной круговерти из кровавых капель.

– Врач! – кричит Аджоа. Один из ее «черных звезд» опускается рядом с Вагнером на колени, достает из кармана на икре шприц для подкожных инъекций, снимает обертку, готовит.

– Держите его.

Зехра и Аджоа хватают Вагнера за плечи. Врач проталкивает иглу через пов-скаф, кожу, плоть. Вагнер дергается, как будто сквозь его аорту пропустили линию высокого напряжения, а потом сквозь него проходит волна благодати, и сердце, дыхание, кровоток возвращаются к привычным ритмам.

– Это должно его стабилизировать, – говорит врач. Вагнер чувствует, как Зехра и Аджоа его поднимают и пристегивают к сиденью.

– Квабре мертв, – шепчет Вагнер. – Бульдозеры в пути.

– Что произошло? – спрашивает Аджоа.

– Я по-прежнему не могу достучаться до ВТО, – говорит Зехра. – Что за хрень творится?

Потом – вспышка.

Потом дрожит земля.

Потом с неба льется металлический дождь.

* * *

Член Лукасинью длинный и изогнутый, увенчанный головкой с толстым ободком. Руки Абены скользят вдоль стержня, чтобы объять гладкие, полные яйца, потом поднимаются по его безупречному животу к грудям. Они твердые, вздернутые, с большими сосками. Идеально.

Абена вздыхает.

Она теребит соски Лукасинью, зажав большим и указательным пальцами. Он мурлычет. Его полные губы, покрытые блеском, раскрываются. Она жмет к нему, грудь к груди, живот к животу. Его жесткий член упирается ей в пупок. Она проводит рукой по темным, блестящим волосам Лукасинью, ниспадающим до задницы, и целует его.

Она уже целый месяц цепляет на него оболочку футанари. В первый раз, когда он, наряженный горничной, приподнял юбчонку-туту и скинул девчачьи трусики, чья выпуклость скрывала член, она кончила. Экстатический грех. Во второй и третий раз, когда у нее был сетевой секс с фута-Лукасинью, перчинка заключалась в том, что он не знал, как она поступает с его аватаром. В четвертый, пятый и шестой она искрилась электричеством от своей власти над Лукасинью. Она может превратить его во что угодно. Сделать его кожу пластиковой. Наделить его многочисленными грудями, как у богини. Или членом инопланетянина. Ее тактильные системы подстроятся. В седьмой раз она заметила, что

подарила ему сиськи намного лучше собственных.

Она толкает Лукасинью на матрац и оседлывает его, чтобы видеть, как его груди покачиваются, пока она будет его трахать. Член у него мультяшный, из манги. Лукасинью пользуется им фантастически, во всю мощь кабеля, ведущего в Тве, хоть ему и невдомек, что учудила Абена. Она обожает Луку, свою членодевочку.

Когда все наконец-то заканчивается, она скатывается с него и лежит на боку, изучая свое произведение искусства.

– Коджо и Афи правы, – говорит Лукасинью. – У меня и впрямь сиськи лучше, чем у тебя.

– Вот дерьмо, – говорит Абена.

– Могла бы спросить.

– А ты не возражаешь?

– Нет, но дело не в этом.

Дистанционный секс, как и любой другой способ выражения человеческой сексуальности, опирается на согласие. Изменив аватар Лукасинью без его ведома, Абена совершила правонарушение.

– Коджо и Афи не должны были ничего говорить.

– Афи на тебя злится. Какие-то ваши дела в коллоквиуме.

– Это не значит, что она может рассказывать тебе о том, что я делаю.

– А ты бы мне рассказала?

– Да, – лжет Абена. Теперь, когда он знает, с тайными острыми ощущениями покончено. – Она тебе показала?

– Ага.

– Понравилось?

– Член очень даже ничего.

– Не благодари. А сиськи?

– Я с ними еще не разобрался. Они тебя возбуждают?

Абена отвечает не сразу.

– Мне подсказал идею Григорий Воронцов. Ты знаешь, он был большим Воронцовским медведем. Ну так вот, это в прошлом. – Она кивком указывает на аватар Лукасинью.

– Фута?

– В реальной жизни.

– Вау, – говорит Лукасинью Корта. Он садится. «О боги, какую задницу я тебе сделала, – молча молится Абена. – Словно абрикос». И опять. – Вау. Когда это случилось?

– Еще в месяц Козерога. Понадобилось время, чтобы восстановиться после операции.

– Григорий. Я бы о таком и не подумал.
– Он великолепен, – говорит Абена. Аватар Лукасинью сидит на краю кровати, болтая ногами. В половине Луны от нее, в кабине для сетевого секса в Тве его физическое тело делает то же самое. – Лука, а ты когда-нибудь менял мою оболочку?

* * *

Григория Воронцова потрясающая. Абена сказала чистую правду. Коренастый рыжеволосый русский мальчик с бездонной похотью к Лукасинью Корта превратился в стройную рыжеволосую футанари с полными бедрами и глазами, как в манге.

- Ола, Лука, – говорит она. – Рада тебя слышать.
- Э-э, привет... – заикается Лукасинью. – Ты выглядишь...
- Фантастически? Так мило. А ты все хорошеешь, Лука.

В своей комнате в доме Ойко абусау в Тве, в четверти Луны от Меридиана, Лукасинью Корта краснеет. Григория Воронцова всегда знала, как запустить пальцы ему прямо в душу.

- Ну и кто тебе больше нравится?
- Не понимаю, о чем ты, – бормочет Лукасинью.

– Тот Григорий или этот? Давай помогу определиться. – Григория отходит от объектива. На ней платье с юбкой-туту и жакет болеро. Перчатки без пальцев, прозрачные леггинсы-капри и балетки. На шее распятия и изображения Богоматери Константиновской, золотая лента в волосах. Слой за слоем, Григория снимает с себя одежду. Бюстгальтер расстегивается и падает на пол, а Григория с вызовом глядит в камеру. Лукасинью ахает.

- То ли еще будет, Лукасинью Алвес Мано ди Ферро Арена ди Корта. Она подцепляет пальцами пояс трусиков и тянет их вниз.

В этот миг свет мигает и выключается. Григория Воронцова исчезает с его линзы. Комната сотрясается, сыпется пыль, снаружи начинаются крики.

* * *

Вагнер выглядывает из-под ровера. Дождь из камней и металла закончился несколько минут назад, и теперь земля покрыта градом мелких камней и брызгами расплавленного металла.

– Доложить о ситуации, – зовет Вагнер.

«Лаода», – отвечает Зехра.

«Лаода», – говорят Мейрид и Ола.

Бригада стекольщиков «Везучая восьмерка» выбирается из укрытий. Ровер в ужасном состоянии: на нем сотня царапин и трещин. Зехра изучает повреждения, перенаправляет испорченные кабели, латает пробоины в системе жизнеобеспечения. Вагнер и его коллега из АКА встречаются на испещренной ямами площадке между двумя роверами.

– Что это было? – спрашивает Вагнер.

– Тве сообщает о взрыве на электростанции Маскелайн-G, – говорит Аджоа.

– Термоядерная установка? – У Вагнера внизу живота все напрягается, он просит Сомбру проверить, не было ли всплесков радиации. Новые инстинкты, сидящие в подкорке у рожденных на Луне: защищай ДНК от радиации.

– Если бы взорвалась сама станция Маскелайн-G, нас бы здесь не было, – говорит Аджоа. – Что-то проделало дыру сквозь пятьдесят метров реголита, прямо через наружную и среднюю оболочки, и от удара треснул внутренний кессон.

Бормотание на общем канале.

– Ударная установка? – спрашивает Вагнер.

– ВТО бы нас предупредила, – возражает Аджоа.

– ВТО должна была прийти на помощь, – огрызается Зехра с крыши ровера «Везучей восьмерки».

Одна тайна за другой. Вагнер не любит тайны. Тайны убивают. В Восточном секторе Моря Спокойствия случилось слишком много смертей. Единственное безопасное место – на глубине, спиной к небу, под каким-нибудь камнем.

– Это какая-то не очень точная ударная установка, – говорит Зехра, латая и переподключая.

– В смысле? – спрашивает Аджоа.

– В смысле целились в Маскелайн, – говорит Зехра. – Я проверила несколько параметров по массе и скорости. Удар был нанесен либо чем-то большим, и в этом случае мы должны были его увидеть, либо чем-то маленьким и быстро движущимся.

– Кто-то что-то видел? – спрашивает Аджоа. Ее «черные звезды» и «Везучая восьмерка» отвечают отрицательно. На камерах тоже ничего.

– Я лишь хочу сказать, те боты, с которыми мы расправились, сделали не мы и не АКА, – говорит Зехра. – Маккензи сражаются за эту четверть

Луны, но им хватает ума не втягивать Суней или АКА. Кто-то ударил по Маскелайну. У ВТО в точке Лагранжа L2 есть электромагнитная катапульта. С какой стороны на нее не посмотришь, вылитая пушка.

– А зачем... – начинает Аджоа.

Зехра ее перебивает:

– Откуда нам знать? Мы же просто рабочие лошадки, поверхностные рабочие. Косвенный ущерб.

– Можем двигаться? – спрашивает Вагнер.

– С трудом, – говорит Зехра, спрыгивая с крыши ровера в нарушение всех протоколов безопасности и легко приземляясь на реголит. – Потеряли пару солнечных панелей. Я бы и не пыталась кого-то обогнать.

– Следуйте за нами до Тве, – говорит Аджоа и прыгает на свое командное место.

* * *

В середине 2060-х годов войско ботов-копателей отправилось в южную часть Моря Спокойствия. Они развернули солнечные генераторы и начали копать. Они копали точно и аккуратно, вырезая спираль в морском дне Mare Tranquilitatis. Там, где реголит покрывали трещины, они его спекали; обнаружив твердый базальт лунного моря, продвигались медленно, сантиметр за сантиметром. Через два месяца экскаваторы выкопали шахту глубиной в сто метров к западу от кратера Маскелайн, с тремя спиральными рампами, вырезанными в стенах. Они поднялись по винтовым рампам к солнцу. Потом высекли себе убежища в скале и стали ждать.

Из-за горизонта пришла Эфуа Асамоа со своим караваном рабочих, нанятых на короткий срок. Они припарковали трейлеры-обиталища и завалили их реголитом. С платформ разгрузили универсальные строительные опоры, экстрактор, который прогонял водород через прослойку из реголита, производя воду, и две тонны дерьма и мочи из Царицы Южной.

Эфуа Асамоа вложила все свое состояние в этот «ружейный ствол» в Море Спокойствия. Дерьмо строило особенно дорого. Теперь пришел черед потрудиться. Строительные опоры собрали в стержень, который шел по всей длине шахты и возвышался над поверхностью еще на сотню метров. Плавильщики вылепили из реголита черные стеклянные зеркала: Эфуа Асамоа и ее команда одно за другим прикрепили их к стержню. Боты

возвели над шахтой купол из прозрачного ударопрочного углерода, запечатав ее. Под этой крышей Эфуа Асамоа создала экосистему. Она вручную смешивала дерьмо из Царицы Южной с измельченной в пыль отработанной породой, пока не получилась пахотная земля. В тот день Эфуа Асамоа поднял горсть своей почвы, попробовала ее и увидела, что это хорошо. Ее работники вручную распределили почву по винтовым выступам. Они установили системы обработки воды и орошения, газообмен для переработки избыточного кислорода, моторы для перенаправления зеркал и матрицу розового света. Потом Эфуа Асамоа привезла караван рассады из самой Царицы Южной и в розовом свете она и ее фермеры трудились на протяжении долгой лунной ночи, вручную засаживая спиральные выступы.

Построить ферму, накормить мир – вот что Эфуа Асамоа сказала своим инвесторам. Риск был колоссальный. Эфуа Асамоа просила богачей принять, что Луна должна развиваться вдоль экватора, а не вокруг полюсов. Что ее радикальная конструкция фермы, использующей солнечный свет и лунный реголит, сработает, не говоря уже о том, что она окажется дешевле и эффективнее существующих вертикальных ферм. Большинство ушли. Только двое явились в тот день, когда Эфуа Асамоа открыла ставни, и свет восходящего солнца пролился до самого дна шахты, от зеркала к зеркалу, и пробудил сад под Морем Спокойствия.

Тот обнесенный стеной сад превратился в два, потом в пять, отрастил корни и туннели, потом их стало пятьдесят, потом он стал городом-садом Тве: триста стеклянных куполов на равнинах Моря Спокойствия.

И теперь Тве был в осаде.

Бригада стекольщиков «Везучая восьмерка» и «черные звезды» Аджоа Йаа Боакье выезжают на невысокий гребень западного каньона и останавливаются. Теперь Вагнер Корта видит, куда отправились его беглые грейдеры. Сотня бульдозеров терпеливо хоронит прозрачные купола Тве под лунным реголитом.

Преградить поступление света, отключить электроэнергию, которая питает искусственное освещение, и урожай погибнет. Вагнер все сразу оценил. Убей ферму, и мир постигнет голод.

Вагнер присоединяется к Аджоа на невысоком наблюдательном посту. Его темный разум перебирает идеи, стратегии и отбрасывает их одну за другой. Два ровера поверхностных рабочих против армии убийц-бульдозеров.

– Может, мы снова взломаем бульдозеры или заложим подрывные заряды, – предлагает Аджоа.

– Вы и подойти к ним не сможете, – вмешивается Зехра. – Лаода...

Вагнер уже забирается на свое место. Из окопов и земляных валов, опоясывающих Тве, на них движется строй из двадцати ботов с лезвиями наготове.

8: Скорпион 2105

Два ровера тихо и быстро едут на запад через южный край Моря Спокойствия. Перед ними, за горизонтом, Ипатия. Позади – двадцать ботов-охотников.

Ипатия – это надежда, гавань. Может быть, они сумеют ее достичь на остатках заряда аккумуляторных батарей. Может быть, в Ипатии найдется то, что позволит отбить атаку машин-убийц. Может быть, между текущим положением дел и Ипатией что-то их спасет.

Или их аккумуляторы сядут, несмотря на аккуратное и экономное использование. Потом боты набросятся на них и уничтожат. Каждые десять минут Вагнер поднимает мачту радара, чтобы заглянуть за горизонт. Боты всегда там. Всегда ближе. Нет надежды от них оторваться: два ровера оставляют неизгладимые свежие отпечатки, нацеленные на Ипатию, словно стрелы.

Слишком много «может быть» и «если», слишком многие из которых оканчиваются на острие ножа, но все страхи Вагнера только о Робсоне. Смерть ничто; тот факт, что последним ощущением в его жизни будет ощущение провала, почти парализует его от ужаса. Во всей четверти Луны отключилась связь, небо молчит. Слежение, телеметрия и управление не работают. Луна перевернулась вверх тормашками; все параметры выше нормы, и Вагнер может думать лишь о тринадцатилетнем мальчишке, которого он оставил в Меридиане. Он представляет себе, как Робсон ждет, ничего не знает, ждет, задает вопросы, на которые Амаль не отвечает, потому что ничего не знает, а Робсон все спрашивает и спрашивает, и никто ничего не знает.

Наушники Вагнера посылают в его внутреннее ухо оглушительный всплеск шума. Визор заливает белое сияние: Вагнер слепнет от света. Он чувствует, как ровер «Везучей восьмерки» резко останавливается. Коммы отключились. Он пытается вызвать Сомбру. Ничего. Его зрение очищается пятнами мерцающей черноты и флуоресцентной желтизны. В ушах звенит. Вагнер пытается сморгнуть мертвое пятно в центре глаза и не может. Его линза мертва.

Этого не может быть.

Он пытается вызвать внутренний дисплей. Ничего. Никаких показателей костюма, системы жизнеобеспечения, температуры и жизненных показателей, его команды. Вагнер пытается приказать «Везучей

восьмерке» двигаться, дать отчет, а когда это ни к чему не приводит – поднять защитные дуги и выпустить его на поверхность. Ничего. У него нет никакого контроля над ситуацией. Вагнер смотрит на свою команду. Ни имен, ни меток, ни фамильяров.

Должна быть какая-то система ручного управления. Каждое устройство, предназначенное для поверхности Луны, оснащено многими избыточными возможностями. Вагнер пытается вспомнить, чему его учили на инструктаже по управлению ровером «Тайян-ХВТ». Чья-то рука поднимается и хлопает по переключателю. Защитная дуга поднимается, сиденье вышвыривает его на поверхность. Зехра прижимает шлем к шлему Вагнера.

– Мы застряли в пыли. – Голос Зехры – далекий, неразборчивый крик, приглушенный воздухом и изоляцией шлема.

– Эти штуки позади нас, – орет Вагнер. – Что случилось?

– Электромагнитный импульс, – кричит Зехра. – Единственное, что могло отключить все сразу.

Над восточным горизонтом поднимается пыль. Спустя несколько минут прибывает эскадрон роверов, украшенных геометрией АКА. «Черные звезды» спрыгивают на поверхность. На спинах у них длинные черные штуковины, снабженные струнами. Когда Вагнер их узнает, несообразность этих предметов кажется ему почти комичной. Луки. Вещь из старых сказок про Землю и ее героев, которые рассказывали мадрины. Луки и стрелы. На главном ровере поднимается радарная мачта выше горизонта; десяток лучников занимают позиции по периметру, натянув тетивы. Пусть их луки – сложные, превосходные устройства, сплошь блоки и противовесы, но все равно это средневековое земное оружие. Стрелы сбалансированы, взвешены и снабжены полезной нагрузкой в виде маленьких цилиндров. Темный разум Вагнера вникает в эти несовместимые вещи. Баллистика стрельбы из лука столь же точна, как и баллистика БАЛТРАНа. Более того, на маленькие снаряды не так заметно действует солнечный ветер. Луки легко напечатать: средство доставки – обычные человеческие мышцы. ИИ целятся аккуратно: в лунной гравитации лучники АКА могут посылать свои стрелы за горизонт. Изящная система доставки для боеголовок, провоцирующих электромагнитный импульс.

Умно.

Цветовые пятна на костюме командира отряда лучников превращаются в слово.

ВЕРНИТЕСЬ

Потом буквы тают и складываются в новые слова.

В СВОИ

РОВЕРЫ

Те из отряда АКА, кто не на посту, уже цепляют мертвые роверы к своим. Вагнер снова неуклюже ищет ручное управление. Зехра нажимает вместо него; он воображает себе насмешливую улыбку под ее лицевым щитком, пока его сиденье поднимается, занимает свое место на борту и опускаются защитные дуги.

ОНИ ЕЩЕ

НЕ ВСЕ МЕРТВЫ, сообщает костюм незнакомца из АКА.

«А вот и уязвимость», – думает Вагнер, пока лучники АКА бегут к своим транспортным средствам. Электромагнитный импульс эффективен на определенном расстоянии, но внутри зоны поражения, в чем убедились он и его коллега из АКА, ты столь же уязвим, как и твоя мишень.

Вертятся колеса. Вагнера мотает в ремнях безопасности, когда буксирные тросы натягиваются и ровер «Везучей восьмерки» рывком приходит в движение. Изолированный в своем пов-скафе, отделенный от мира, от команды, от семейства, от стаи и любимых, от мальчишки, Вагнер Корта смотрит на ущербную Землю. Он позволяет ее слабому свету пролиться сквозь свой визор. Без чьего-то ведома, без объявления или плана он сделался солдатом в сомнительной войне.

* * *

Поцелуй.

– Ты пойдешь с нами? – спрашивает Луна Корта. Несмотря на судороги в старых икроножных мышцах, мадрина Элис приседает, чтобы оказаться с Луной лицом к лицу.

– На поезде не хватает мест, анжину.

– Я хочу, чтобы ты пошла с нами.

Берсариу снова содрогается. Наверху машины насыпают тонну за тонной реголита на окна Тве, погребают его, лишают света. За это время уже трижды выключалось и снова включалось электричество.

– Лукасинью присмотрит за тобой.

– Конечно, Луна. Мы поедем вместе.

Лусика Асамоа использовала все влияние Золотого Трона, чтобы забронировать Луне и Лукасинью места на поезде. Мадрина Элис знает: для того, чтобы заполнить эти места, ей пришлось перебросить двух

других беженцев на более поздний рейс. Этого мадринья никогда не расскажет детям.

– Мне страшно, Элис.

– Мне тоже, корасан.

– Что же теперь случится? – спрашивает Луна.

– Я не знаю, корасан. Но ты будешь в безопасности в Меридиане.

– С тобой все будет в порядке?

– Нам пора, – говорит Лукасинью, и Элис готова за это целовать его вечно. Она целует его дважды. На любовь и на удачу.

– Ступайте. Лукасинью?

Он такой хрупкий. У этой границы заканчивается ее забота; по ту сторону – холодные края событий и сил, невосприимчивых к преданности или любви.

– Береги себя.

Когда она закрывает дверь берсариу, Тве опять содрогается. Электричество исчезает, потом появляется, но свет вполнину тусклее.

– Лукасинью, – говорит Луна. – Возьми меня за руку. Пожалуйста...

* * *

Свет выключается. Тве ревет. Сто двадцать пять тысяч голосов, запертых под землей, во тьме. Лукасинью хватает Луну и крепко прижимает к груди, пока мимо в узком туннеле пробираются в панике родители и дети, пытаюсь разыскать станцию, поезд, спасительный поезд. Рев не прекращается. Большие и маленькие тела врезаются в него. Почему люди двигаются, когда разумно остановиться и подождать аварийного освещения? Аварийное освещение включится. Аварийное освещение может не включиться, только если резервное электропитание откажет. Он об этом узнал от мадриньи Флавии. А если резервное электропитание откажет? Он поворачивается лицом к стене, заслоняя Луну от толпы, которой овладел панический страх.

– Лукасинью, что происходит?

– Опять отключилось электричество, – говорит Лукасинью. Он прижимает Луну к себе, его толкают и бьют, он пытается не чувствовать тьму как нечто твердое и давящее. Если резервное электропитание отказало, что будет с подачей воздуха? В груди все сжимается, он борется с невольным приступом паники. И в удушливой тьме принимает решение.

– Идем... – Он хватается Луну за руку и ведет ее за собой, против потока

людей, по туннелю, где темно хоть глаз выколи. Кто-то ищет пропавших детей, дети и родители зовут друг друга. Лукасинью пробивает себе дорогу сквозь давящие со всех сторон слепые, сбитые с толку тела.

– Куда мы? – спрашивает Луна. Ее рука в его руке такая маленькая и легкая. Она запросто может выскользнуть. Он сжимает хватку. Луна взвизгивает.

– Ты делаешь мне больно!

– Прости. Нам надо попасть в Жуан-ди-Деус.

– Но мадринья Элис сказала, что мы должны сесть на поезд и поехать к Лусике.

– Анжинью, никто не сядет на поезд. Никакой поезд никуда не поедет. Мы сядем в БАЛТРАН и отправимся в Жуан-ди-Деус. Сестры присмотрят за нами. Цзиньцзи, переключись на инфракрасный.

«Прости, Лукасинью, но сеть в настоящее время недоступна».

Тьма, в которую погрузился Тве, делается еще гуще. Он ослеп.

– Цзиньцзи, – шепчет Лукасинью. – Нам надо попасть на станцию БАЛТРАНа.

«Я могу руководствоваться твоим последним положением согласно моим внутренним картам и средней длине твоего шага, – отвечает фамильяр. – Будет допуск на ошибку».

– Помоги мне.

«Сто двенадцать шагов прямо. Потом остановись».

Лукасинью не успевает сделать и шага, как его дергают за руку и вынуждают остановиться.

– Я не могу найти Луну.

Во тьме, среди шума и паники, Лукасинью не понимает, что говорит этот юный голосок на шаг позади него. С чего вдруг Луна не может найти Луну? Потом Лукасинью вспоминает: Луной зовут фамильяра девочки. Бабушка Адриана всегда поджимала губы и цокала языком по поводу такого зазнайства, ведь ее внучка выбрала в качестве оболочки фамильяра животное – синего мотылька «сатурния луна».

– Сеть отключилась, анжинью. Держись рядом со мной. Не отпускай мою руку. Я поведу нас туда, где светло и безопасно.

Сто двенадцать шагов, потом остановиться. Лукасинью делает шаг во тьме. «И раз, и два, и три, и четыре». Туннель теперь кажется более пустым – меньше столкновений, голоса звучат подальше, – но каждый раз, когда Лукасинью сталкивается с кем-нибудь, он останавливается и молча повторяет последнюю цифру в подсчете шагов. Во время пятой остановки Луна его перебивает:

– Почему мы все время останавливаемся?

Цифры уносятся прочь, словно бабочки на карнавале. Лукасинью борется с желанием заорать на кухню от досады.

– Луна! Я считаю шаги, и очень важно, чтобы ты мне не мешала. – Но цифры исчезли. По коже Лукасинью бегают мурашки от страха. Они потеряны во тьме.

«Восемьдесят пять», – говорит Цзиньцзи.

– Луна, хочешь помочь? – спрашивает Лукасинью. Он чувствует, как девочка кивает, по мгновенным сокращениям мышц в ее руке. – Давай превратим это в игру. Считай со мной. Восемьдесят шесть, восемьдесят семь...

Лукасинью понимает по движению воздуха на лице, что достиг перекрестка. Звуки разносятся по новым тропам. Он чувствует запахи – плесень, вода, гнилая листва; пот Тве. Воздух из глубин города холодит кожу. Обогрев отключился. Лукасинью не хочет думать об этом слишком долго.

«Поверни направо, девяносто градусов», – инструктирует Цзиньцзи.

– Не отпускай меня, – говорит Лукасинью, и рука Луны сжимается, но тут их поджидает опасность. Цзиньцзи легко может считать шаги, но поворот – куда более тонкое действие. Если неправильно измерить угол, он потеряет просчитанную тропу. Лукасинью поворачивает правую ступню и прижимает пятку к подъему другой стопы. Похоже, его ступни расположены под правильным углом. Он поворачивает левую ступню параллельно правой. Тяжело вздыхает.

– Ладно, Цзиньцзи.

«Двести восемь шагов, второй коридор».

Два коридора.

– Мы сейчас подойдем к стене, – сообщает Лукасинью и идет боком, пока пальцы его протянутой в сторону руки не касаются гладкого синтера. – Ты это чувствуешь? Протяни свою ручку. Поняла?

Тишина, потом Луна говорит:

– Ой, я кивнула – ну да, да.

– Считай со мной. Один, два, три...

На ста пяти шагах Луна резко останавливается и кричит:

– Огоньки!

Пальцы Лукасинью как будто лишены кожи, и он с трудом выносит необходимость касаться ими полированной стены. Они чувствительны и напряжены, как соски. Он пялится в крошечную тьму.

– Что ты видишь, Луна?

– Не вижу, – говорит она. – Я чувствую запах огоньков.

Теперь Лукасинью и сам улавливает слабый запах биоламп, отдающий то ли травой, то ли плесенью, и понимает.

– Они мертвые, Луна.

– Наверное, им просто нужна вода.

Лукасинью чувствует, как рука Луны вырывается из его хватки. Он следует за нею в неподсчитанную тьму. «Сделай два шага влево и вернись на свой маршрут», – приказывает Цзиньцзи. Лукасинью слышит шелест ткани и чувствует, как его тянут вниз. Понимая, что Луна приседает на корточки, он опускается рядом. Ничего не видно. Ни единого фотона.

– Я могу сделать так, что они заработают, – объявляет Луна. – Не смотри.

Лукасинью слышит шелест ткани, быстрое журчание, чувствует теплый запах мочи. От воскрешенных биоламп разливается теплое зеленое свечение. Света едва хватает, чтобы различать очертания, но он становится ярче с каждой секундой, пока бактерии питаются мочой Луны. Это уличный храм Йеманжи; миниатюрная 3D-печатная икона, окруженная гало биоламп, приклеенных к полу и стенам. Свет теперь достаточно силен, чтобы Лукасинью различил два перекрестка, описанных Цзиньцзи, и труп, лежащий у стены между ними. Он бы споткнулся об это мертвое тело, растянувшись во весь рост и заблудился во тьме.

– Вот. – Луна отлепляет биолампы горстями и вручает Лукасинью. В его руках они влажные и теплые. Он едва не роняет их от отвращения. Луна недовольно поджимает губы. – Надо так. – Она приклеивает маленькие, сплюснутые огоньки ко лбу, плечам и запястьям.

– Это же рубашка «Малихини»! – протестует Лукасинью.

– Что от дизайнера пришло, то в депринтер ушло, – объявляет Луна.

– Кто тебя такому научил?

– Мадринья Элис.

Держась за руки, они обходят труп подальше, потом направляются в указанный коридор. Туннель содрогается от звуков наверху, где на поверхности медленно движется что-то тяжелое. Обманчивые ветра Тве приносят обрывки фраз, металлический звон, крики, гулкий ритмичный шум. Здесь налево, по рампе наверх, по изгибающейся периферийной дороге. Поворот направо едва не выводит их к толпе, которая суетится во тьме коридора. Луна резко разворачивается.

– Они могут увидеть наши огоньки! – шипит она. Лукасинью поворачивается, прячет свой свет.

– Они между нами и БАЛТРАНОм.

– Обратно на 25-й уровень, вверх по лестнице – там есть старый туннель, ведущий к БАЛТРАНу, – говорит Луна. – Ты большой, но должен поместиться.

– Откуда ты это знаешь?

– Я знаю все хитрые пути, – сообщает девочка.

При свете дня Лукасинью проскользнул бы без особых усилий вокруг, под или над торчащими механизмами и старыми сырыми камнями, которыми изобилует «хитрый путь» Луны, но поскольку его тело – единственный источник света, он не знает, долго ли будет длиться этот туннель и какие сюрпризы его ждут, насколько они велики или невелики. Его охватывает паника. Ужас от того, что он окажется в ловушке во тьме, что биолампы погаснут, моргнут и умрут: он не сможет ничего увидеть, не сможет пошевелиться. Над ним мегатонны камня, и где-то внизу – далекое сердце Луны.

Он чувствует, как согнутая спина и плечи прижимаются к синтеру, и застывает. Застрял. Ни вперед, ни назад. Может, его найдут будущие поколения, в виде иссохшей мумии. В рубашке «Малихини». Он должен выбраться, должен освободиться. Но если он дернется, рванется, поддастся панике, то лишь еще сильнее застрянет. Надо повернуться, протолкнуть вперед одно плечо – вот так, потом другое, а затем бедра и голени.

– Идем, – зовет Луна. Ее биолампы пляшут перед ним; светло-зеленые звезды. Лукасинью опускает левое плечо. Ткань цепляется и рвется. В Жуан-ди-Деусе он себя побалуует новой рубашкой. Рубашкой героя. Два шага, и он выбрался. Двадцать шагов, и он вываливается на Вторую улицу из расселины, которую до сих пор не замечал. Рука об руку Луна и Лукасинью вприпрыжку бегут по коридору к БАЛТРАНу. На станции БАЛТРАНа отдельное электропитание. Тве, кормилец Луны, хорошо оборудован пусковыми установками БАЛТРАНа. Они выходят из шлюза в грузовой отсек, который достаточно широк, чтобы разгружать там большие контейнеры.

– Цзиньцзи, – говорит Лукасинью. Перед ним висят капсулы БАЛТРАНа – ряды и колонны, в сотню метров высотой, уходящие далеко в высоту стартовой шахты.

«Местная сеть доступна», – говорит фамильяр.

– Мне нужна станция БАЛТРАНа в Жуан-ди-Деусе, – просит Лукасинью.

Цзиньцзи опускает капсулу для персонала и цепляет ее в камеру доступа. Капсула просит ввести пункт назначения.

«Я заложил маршрут, – сообщает Цзиньцзи. – Сеть БАЛТРАНа

используется, так что он не прямой».

– Сколько прыжков? – спрашивает Лукасинью.

«Восемь. Я посылаю вас через невидимую сторону Луны».

– Что происходит? – спрашивает Луна, когда перед ними открывается капсула БАЛТРАНа. Она с опаской смотрит на обитую мягкой тканью внутренность, ремни и стропы, кислородные маски.

– Нужно сделать восемь прыжков, чтобы попасть в Жуан-ди-Деус, – говорит Лукасинью. – Но все будет в порядке. Просто уйдет немного больше времени, только и всего. Нам пора. Идем.

Луна медлит. Лукасинью протягивает руку. Луна ее берет. Он входит в капсулу.

– На тебе огоньки, – напоминает Луна. Лукасинью их снимает. Клейкие диски оставляют неряшливые, липкие пятна на его рубашке «Малихини». Он кладет маленькие светящиеся биолампы на пол. Они послужили им верой и правдой, и он ощущает сверхъестественную преданность к вещам. Цзиньцзи показывает, как пристегнуть Луну. Он защелкивает собственные ремни безопасности и чувствует, как сиденье – пена с эффектом памяти – размягчается, учится и подстраивается под его тело.

– Все готово, Цзиньцзи.

«Предпусковая последовательность, – сообщает фамилляр. – Как только мы запустимся, я перейду в спящий режим, пока не прибудем в Жуан-ди-Деус».

Дверь закрывается. Лукасинью чувствует, как срабатывают пневматические затворы. Гудит кондей. Капсулу освещает мягкий золотистый свет приятного, теплого, умиротворяющего оттенка. Лукасинью Корта это кажется тошнотворным.

– Держи меня за руку, – говорит Лукасинью, высвобождая пальцы из ремней безопасности. Луна легко вытаскивает собственную руку и хватается за него. Капсула дергается и падает.

– Эй, полегче! – кричит Лукасинью Корта.

«Капсула в стартовом туннеле».

– Ну как тебе? – кричит Лукасинью через гудение и дребезжание, которые теперь заполняют капсулу.

Луна кивает.

– Весело!

Ничего не весело. Лукасинью закрывает глаза и подавляет страх, пока капсула несется по магнитным рельсам к пусковой установке. Происходит рывок – Лукасинью и Луна оказываются в стартовой камере.

«Приготовьтесь к сильному ускорению», – предупреждает ИИ капсулы.

– Ух, покатаемся! – неубедительно восклицает Лукасинью, и тут пусковая система хватается за капсулу, разгоняет, и внутри Лукасинью каждая капля крови, желчи и спермы спешит к ступням и паху. Его глаза болят, вдавленные глубоко в глазницы, его яйца – сферы из свинца. Он чувствует каждую кость в своем теле, она словно тычется сквозь кожу. Ремни безопасности, на которых он висит, – титановая проволоочная сеть, которая режет его на дрожащие куски, а он не может даже вскрикнуть.

И все прекращается.

И у него нет ни веса, ни направлений, ни верха, ни низа. Желудок сводит судорогой. Если бы в нем было еще что-то, кроме утреннего чая, оно бы уже летало вокруг в созвездии желчи. Его лицо отекает и опухло, руки уродливо раздулись и не слушаются; пальцами, похожими на толстые сосиски, он хватается за руку Луны. Он слышит, как кровь омывает мозг. Кое-кто из друзей Абены катался на БАЛТРАНе ради секса в невесомости. Он не может себе представить, как в такой обстановке заниматься сексом. Он не видит в этом совершенно ничего забавного. И ему придется через это пройти еще семь раз.

– Луна, ты в порядке?

– Кажется, да. А ты?

Луна выглядит так же, как всегда; маленькая, замкнутая, но полная неуголимого любопытства по поводу всего, что ей случается повстречать в этом мире, будь оно космологическим или личным. Лукасинью задается вопросом, понимает ли она, что упакована в обитую мягкой тканью герметичную банку, которая летит высоко над Луной, целясь в далекую рукавицу принимающей станции – и нельзя изменить курс, осталось лишь полностью довериться аккуратности машин и точности баллистики.

«Приготовьтесь к снижению скорости», – говорит капсула. Так быстро? Времени едва хватит на прелюдию, что уж говорить о сперме, плавающей в невесомости, которую парни описывали в таких подробностях и с таким энтузиазмом.

– Мы спускаемся, – говорит Лукасинью.

Без предупреждения что-то хватается за голову и ступни Лукасинью и пытается сделать его на десять сантиметров ниже ростом. Торможение жестче ускорения, но быстрее: красные точки пляшут в глазах Лукасинью, а потом он оказывается висющим на ремнях безопасности вниз головой, еле дыша. Хриплые вдохи переходят в лай, а потом в смех. Он не может перестать смеяться. Это тяжелый, изматывающий смех, который рвет все

его напряженные мышцы и натянутые сухожилия. Он может смеяться, пока не выдавит легкое через горло. Луна хватает его за руку. Они висят вниз головой, ухают и хихикают, пока пусковая система БАЛТРАНа тянет капсулу и переворачивает для следующего прыжка. Они прибыли. Они выжили.

– Готова повторить? – спрашивает Лукасинью.

Луна кивает.

* * *

Дверь капсулы открывается. Дверь капсулы не должна открываться. Лукасинью и Луна должны оставаться запертыми на протяжении всей последовательности прыжков.

«Пожалуйста, покиньте капсулу», – говорит Цзиньцзи.

Внутри проникает холодный воздух, тяжелый от пыли.

«Пожалуйста, покиньте капсулу», – опять говорит Цзиньцзи.

Лукасинью расстегивает ремни безопасности и сходит на металлическую сеть. Он чувствует ее холод через подошвы своих лоферов. Он чувствует, что это место оживили несколько минут назад. Рычат вентиляторы кондиционеров, но свет тусклый.

– Где мы? – спрашивает Луна, опережая Лукасинью на доли секунды.

«Пересадочная станция Лаббок», – шепчут их фамильяры. Цзиньцзи показывает Лукасинью карту. Они на западном побережье Моря Изобилия, в четырехстах километрах от Жуан-ди-Деуса.

– Цзиньцзи, проложи курс до Жуан-ди-Деуса, – командует Лукасинью.

«Прости, я не могу подчиниться, Лукасинью», – отвечает его фамильяр.

– Почему?

«Я не могу запускать капсулы в связи с ограниченной подачей энергии. Электростанция в Гутенберге отключилась».

Рывок и падение от ускорения к невесомости, невесомость до электромагнитного торможения – все это пустяки по сравнению с вакуумом, который появляется у Лукасинью в животе.

Они в ловушке посреди бесплодных земель.

– Как долго до восстановления подачи электроэнергии?

«Я не могу ответить на этот вопрос, Лукасинью. Доступ к сети сложен. Я функционирую на основе местной архитектуры».

– Что-то не так? – спрашивает Луна.

– Система обновляется, – врет Лукасинью, цепенея и не зная, что делать. Луне страшно, и какой бы ответ он ни получил от Цзиньцзи, это лишь напугает кузину еще сильнее. – Наверное, нам придется здесь немного побыть, так почему бы тебе не пойти и не поискать нам что-нибудь поесть или попить?

Луна озирается, обнимает себя руками за плечи от холода. Лаббок – это не Тве с его многочисленными пусковыми системами и погрузочными доками. Это отдаленная пересадочная станция, которая не обслуживается людьми. На протяжении лунного года здесь дважды бывает бригада ремонтников, которая задерживается на день-два. Лукасинью может обозреть большую часть станции с платформы, и нигде здесь нет места, чтобы хранить еду или воду.

– Страшное место, – заявляет Луна.

– Все в порядке, анжинью, мы здесь единственные люди.

– Я не боюсь людей, – говорит Луна, но рысью убегает исследовать свой новый маленький мир.

– Сколько у нас времени? – шепчет Лукасинью.

«Станция работает на резервном питании. Если основное не будет восстановлено в течение трех дней, вы испытаете значительное ухудшение состояния окружающей среды».

– Значительное?

«Главным образом отказ систем обогрева и подачи воздуха».

– Вызови кого-нибудь.

«Я транслирую сигнал бедствия по каналу экстренной помощи с нашего прибытия. Я еще не получил ответа. Похоже, на всей Видимой стороне отключилась связь».

– Как это может быть?

«Нас атакуют».

Луна возвращается с банкой воды.

– Нет еды, – говорит она. – Извини. Можешь сделать так, чтобы стало теплее? Мне очень холодно.

– Я не знаю как, анжинью.

Он лжет. Цзиньцзи мог бы это сделать в мгновение ока. Лукасинью наконец-то признал, что никогда не будет интеллектуалом, но даже он может разобраться в цифрах: плюс один градус в температуре – минус один час дыхания. Он снимает «Малихини» и продевает ручки Луны в рукава. Рубашка свисает с нее, словно плащ, будто она нарядилась для карнавала.

– Что еще ты нашла?

– Тут есть скафандр. С жестким корпусом, как тот, старый, что был в

Боа-Виста.

Радость Лукасинью подобна химической реакции. Скафандр. Как просто. Отсюда можно взять да и уйти.

– Покажи!

Луна ведет его к наружному шлюзу. Он маленький, на одного человека. В шлюзе – жесткий аварийный скафандр ярко-оранжевого цвета, который можно подогнать под любые параметры тела. Как тот, в котором он пешком ушел из Боа-Виста в Жуан-ди-Деус. Просто короткая прогулка по поверхности. Скафандр... единственный. Луна так и сказала: «Тут есть скафандр». Он не слушал. Ему надо быть внимательней. Ему надо, чтобы каждое чувство и каждый нерв были напряжены, он не должен спешить с выводами или выдавать желаемое за действительное. Избыток «может быть» убьет их там, снаружи.

А наверняка можно сказать лишь то, что через три дня воздух закончится, и у него всего один лунный скафандр.

– Луна, видимо, нам придется здесь спать. Ты не могла бы пойти и поискать что-нибудь, чем можно укрыться?

Она кивает. Лукасинью не знает, насколько убедительны для Луны его отвлекающие маневры, но для него лучше, чтобы ее не было рядом, пока он будет задавать Цзиньцзи трудные вопросы.

– Цзиньцзи, где ближайший поселок?

«Ближайший поселок – Мессье, в ста пятидесяти километрах на восток».

– Вот дерьмо. – Куда дальше предела возможностей аварийного скафандра. Отправиться за помощью пешком – значит умереть в пути.

– На этой станции есть еще какие-нибудь устройства, пригодные для поверхности? – Он однажды слышал, как Карлиньос использовал это выражение. «Пригодный для поверхности». Звучит круто и ответственно. Мано ди Ферро.

«Аварийный скафандр – единственное устройство, пригодное для поверхности».

– Твою мать! – Лукасинью бьет кулаком в стену. От взрыва боли едва не падает на пол. Сосет окровавленные костяшки.

– Ты в порядке? – Луна вернулась с одеялом из фольги. – Извини, это все, что я смогла найти.

– У нас проблемы, Луна.

– Я знаю. Станция не обновляется.

– Нет. Отключилось электричество. Я не знаю, когда оно снова включится.

Луна быстро все понимает и не задает вопросов. У Лукасинью нет ответов. У него воздуха на три дня, один скафандр и ближайшее убежище – в ста пятидесяти километрах. Ровер может разгоняться до ста пятидесяти километров в час.

Может, снаружи есть припаркованный ровер, а Лукасинью его не видит.

– Цзиньцзи, можешь получить доступ к вахтенному журналу?

«Это очень просто».

– Мне нужно узнать о перемещениях всех роверов за последние... – Он прикидывает разумное число. – Три месяца.

На линзе Лукасинью появляется сетка визитов ремонтников, изыскателей, стекольщиков, которую предоставляет Цзиньцзи. Может, Лукасинью плохо читает или считает, но превосходно интерпретирует визуальную информацию. Его умение выбирать одного человека, один предмет, одну нить повествования из толпы, из массива движущихся данных всегда изумляло образованную, умеющую считать Абену.

Аномалия, нечто несообразное в орбитах и петлях служебных роверов.

– Увеличь вот этот, пожалуйста.

Цзиньцзи отделяет один след – небольшой ровер, который выходит из пустошей, заворачивая на север, в сторону просторных равнин в окрестностях кратера Тарунция.

– Покажи мне его, пожалуйста.

Теперь съемка: ровер проходит по краю зоны видимости наружной камеры, двигаясь из Гуттенберга в пустошь. Двигаясь в никуда. В той стороне на тысячу километров ничего нет. Лукасинью прикидывает, что ровер движется со скоростью тридцать, может, сорок километров в час.

– Технические характеристики, пожалуйста.

Цзиньцзи подчиняется. В очередной раз визуальное чувство Лукасинью позволяет ему выбрать нужные сведения из потока технических данных. Дальность на оптимальной скорости составляет триста километров, плюс попутная подзарядка от солнечных батарей. По съемке Лукасинью решает, что ровер ехал на скорости чуть меньше максимальной.

Судя по курсу, ближайшее поселение, откуда он мог выехать, – это Гуттенберг. Лукасинью пытается рассчитать дальность. Цифры звенят, как металл.

– Цзиньцзи, разберись с математикой.

Фамильяр посылает ответ на линзу Лукасинью еще до того, как тот успевает договорить вопрос. На линзе дугой обозначены варианты местоположения ровера, исходя из его дальности, скорости и направления.

Минимальное расстояние – десять километров. Максимальное – двадцать пять.

– Увеличь, пожалуйста.

На маленьком ровере логотип из соединенных «МГ» Брайса Маккензи. На сиденье человек в пов-скафе. Солнце высоко, временной код – десять дней.

Ровер. Пов-скаф. У Лукасинью остался последний вопрос для пересадочной станции Лаббок. Один, последний шанс для того, чтобы план рассыпался прямо у него в пальцах.

– Сколько у меня времени, Цзиньцзи?

На этот раз он видит не картинки или умные диаграммы. Он видит цифры – холодные, неумолимые и безликие. Нет времени надеяться, ждать, размышлять над решениями, взвешивать возможности. Если они должны выйти с пересадочной станции Лаббок, то выйдут сейчас. Каждая секунда увиливания – это ватты электроэнергии, вдохи и глотки воды. Ждать и надеяться – или действовать и надеяться.

Думать не о чем. Цифры все решили.

«Лукасинью?»

– Запускай скафандр.

* * *

Окошко внутреннего шлюза безупречно обрамляет Луну. Она машет. Лукасинью поднимает титановую руку. Он монстр, он тот, кто бросает. Он вор. Он заполнил скафандр воздухом Луны, ее водой и ее электричеством. Что, если он потерпит неудачу? А если он не вернется? Он представляет себе, как Луна дрожит на стальной сетке, мерзнет, страдает от жажды, надеется, что он вернется, надеется, что электричество восстановится.

Он не может об этом думать. Он не может думать ни о чем, кроме того, что должен сделать, думать ясно и четко.

– Ладно, Цзиньцзи, я готов выйти.

Лукасинью касается иконы Леди Луны у наружной шлюзовой двери. Удача и дерзость. Он однажды обставил Леди Луну, будучи голым. Но все знают, что Дона не прощает промашек. Шипение разгерметизации затихает. Наружная шлюзовая дверь открывается. Лукасинью выходит на реголит. Цзиньцзи направляет его к отпечаткам колес ровера Маккензи. Оттуда он легко идет по следу на север. Он не знает, как далеко и как долго, но знает, куда идет. Мышечная память никогда не подводит, и Лукасинью впадает в

ритм ходьбы в жестком скафандре. Лишние движения легки. Тактильные датчики чувствительны, даже в этой старой и дешевой модели производства ВТО. Пусть скафандр сам делает свою работу.

Вскоре все прочие следы уходят в сторону, и только двойные отпечатки шин ровера Маккензи ведут Лукасинью за собой. Солнце стоит высоко, поверхность Луны яркая, Земля – осколок тусклой синевы. Лукасинью тихонько поет, чтобы не уснуть на ходу. Скафандр оборудован играми, музыкой, сезонами старых теленовелл, но развлекательные системы тратят энергию. Ритм его песен постепенно подстраивается под ритм шагов, они бренчат и бренчат в его голове, словно галлюцинации. Он вдруг понимает, что поет под музыку стихи собственного сочинения.

«Лукасинью, пора позвонить», – говорит Цзиньцзи.

– Ола, Луна!

Связь – только аудио, чтобы сэкономить заряд батарей.

– Ола, Лука!

Голос Луны, оторванный от ее тела, ее присутствия, ее образа, звучит странно. Лукасинью как будто слушает не человеческое существо, но нечто более возвышенное, редкое, первозданное и мудрое. Анжинью, так он ее называет – ласковым словом, издавна принятым в семье. Маленький ангел. Такой она и кажется, когда звучит ее голос.

– Как ты? Водичку попила? – Лукасинью проинструктировал Луну пить глоток воды каждые двадцать минут. Это должно отвлечь ее от мыслей о том, что с завтрака в квартире она ничего не ела.

– Пила. Когда ты вернешься? Мне скучно.

– Как только смогу, анжинью. Знаю, ты скучаешь, но ничего не трогай.

– Я не дурочка, – говорит Луна.

– Знаю, знаю. Я позвоню еще раз через час.

Лукасинью тащится через пустошь Тарунция. В голове у него застряла единственная походная мелодия, и теперь она сводит его с ума. Он мог бы спросить Цзиньцзи, сколько прошел и сколько ему еще идти, но ответ может привести в уныние. Следы ведут все дальше и дальше. Лукасинью топает в своем красно-золотом панцире.

Что такое? Единственное преимущество скучной лунной прогулки Лукасинью в том, что он сделался чувствительным к ландшафту Тарунция и любым вариациям в его однообразии.

– Цзиньцзи, увеличь.

Визор демонстрирует ему вид сверху и мачты ровера, выглядывающие из-за близкого горизонта. Через несколько минут появляется сам ровер, и вот Лукасинью оказывается рядом с ним. Фигура в пов-скафе, которую он

видел на записи камеры на станции, все еще сидит на своем месте. На миг его охватывает страх: а вдруг этот человек сейчас кинется и разобьет ему забрало шлема камнем? Невозможно. Никто не в силах прожить так долго в пов-скафе. И уж точно не в таком пов-скафе, который видит он, обойдя машину по кругу, – в нем двадцатисантиметровая дыра от правового соска к бедру. Это проблема. Еще одна проблема. Он с нею разберется позже.

– Где транспортировочный узел? – спрашивает Лукасинью. Цзиньцзи подсвечивает порт, и Лукасинью, размотав сетевой кабель, подключается. Как он и думал, ровер в той же степени мертв, что и его пассажир. Он стискивает зубы, протягивая кабель от своего скафандра до ровера, чувствуя, как заряд переходит из его батарей в батареи машины, как будто его покидает сверхъестественная исцеляющая сила. Ему нужно, чтобы ИИ ровера проснулся, пусть он и не может выделить достаточно энергии, чтобы приехать на нем обратно на станцию. Данные начинают поступать на линзу, и он ныряет туда в поисках нужного. Тормоза отключить. Руль разблокировать. Выпустить буксирный трос. Лукасинью разматывает его, набрасывает на плечи и цепляет к скафандру.

– Луна? Я возвращаюсь.

Лукасинью наклоняется, ремни натягиваются. Минуту-другую ровер ему сопротивляется, а потом система тактильных датчиков включает моторы и преодолевает инерцию. Лукасинью тащит ровер обратно по следам его собственных шин.

Следы на Луне остаются навсегда. Ее поверхность – палимпсест путешествий.

Возвращение всегда быстрее, чем уход.

Лукасинью останавливает ровер. Цзиньцзи показывает ему зарядный порт станции. Подзарядка аккумуляторов ровера почти полностью опустошит резервы станции, но Лукасинью решил идти до конца в тот самый момент, когда ступил из шлюза на поверхность. Происходит соединение, ровер просыпается – загорается десяток миниатюрных рабочих огоньков и индикаторов.

Теперь пов-скаф. Вот как о нем надо думать: как об устройстве, предназначенном для спасения жизни, которое нуждается в некоторой доработке, чтобы стать пригодным. Не надо думать о мертвой женщине внутри. Лукасинью пытается придумать наилучший способ, чтобы отцепить тело от сиденья. Оно замерзло и сделалось словно камень. Он отстегивает с мертвой ранец и открывает наружную шлюзовую дверь.

– Я кое-что тебе передам, – говорит он Луне.

– Я знаю, как открыть шлюз, – отвечает девочка. – И я пила водичку.

Лукасинью осторожно переворачивает труп на спину и поднимает; ее ноги согнуты в коленях, одна рука прижата к боку, другая – к контрольной панели. Он несет ее в шлюз. Они должны пройти цикл вместе. Он не может просить Луну, чтобы она вытащила замороженный труп из шлюза. Он будет обжигающе холодным и слишком тяжелым. И останется трупом. Лукасинью пятится в шлюз, пока зад его скафандра не ударяется о внутреннюю дверь. Он затаскивает замерзший труп в шлюз, от досады со свистом втягивает воздух сквозь стиснутые зубы, пытаясь пристроить его рядом с собой, совместить свою голову и торс с геометрией конечностей и торса мертвой женщины. Вот Лукасинью на спине, труп сверху, колени у него на плечах, шлем – у него между ног, голова – поверх пластины скафандра, прикрывающей его пах. Французская любовь с ледяным трупом. От такой мысли Лукасинью издает мрачный, испуганный, сокровенный смешок, похожий на лай. Никто и не поймет, в чем смысл этой шутки.

– Луна, я иду. Держись подальше шлюза. Делай, что я скажу.

Цзиньцзи запускает цикл шлюза. Лукасинью слышит, как свист воздуха становится все громче, и это самая сладкая музыка, какую он когда-либо слышал. Он выталкивает себя из шлюза, остается на спине, обвивая руками труп. Тащит его к пустой капсуле БАЛТРАНа и закрывает в ней. Он не хочет думать о бардаке, который получится после оттаивания тела – главное, чтобы Луна его не видела, и вообще, здесь есть другие капсулы на тот случай, когда – если! – подача электроэнергии возобновится.

Он выкарабкивается из жесткого скафандра. Все силы его покинули. Он никогда в жизни так не уставал: ум, мышцы, кости, сердце. Ничего еще не закончилось. Оно даже не началось по-настоящему. Столько всего надо сделать, и только он может это сделать, а ему хочется улечься лицом к стене, повернувшись спиной ко всему, что надо сделать, и вымолить у них немного времени на сон.

– Луна, можно мне немного твоей водички?

Он не видит, откуда появляется девочка, но она дает ему свою фляжку, и он пытается не выпить все одним глотком, чтобы вымыть вкус скафандра из своего рта. У переработанной в скафандре воды всегда есть привкус мочи.

– Луна, можно я лягу рядышком?

Она кивает и пристраивается рядом с ним. На ней остатки его одежды – этакая беспризорница 80-х в мешковатом наряде. Лукасинью обнимает ее и пытается поудобнее устроиться на стальной сетке. Он

боится, что слишком устал для сна. Он дрожит. Холод забрался глубоко. Надо столько всего сделать, безумное количество дел, и тысяча вещей могут тебя убить, но начало положено.

– Цзиньцзи, не позволяй мне спать слишком долго, – шепчет он. – Разбуди, когда она ответит.

– Что? – бормочет Луна. Она маленький сгусток тепла, свернувшийся возле его живота.

– Ничего, – говорит Лукасинью. – Ничегошеньки.

* * *

Лукасинью просыпается, пытается пошевелиться. Боль пронзает его ребра, его спину, его плечо и шею. Металлическая сетка отпечаталась на щеке. Голова тяжелая и тупая; рука, на которой заснула Луна, онемела и не слушается. Он вытаскивает руку из-под девочки, не разбудив ее. Луна спит как камень. Лукасинью надо отлить. По пути в уборную ему приходит в голову мудрая идея.

– Что ты делаешь? – Луна проснулась и смотрит, как он опустошает скудное содержимое мочевого пузыря в аварийный скафандр.

– Скафандр все переработает. Тебе понадобится вода. – Моча Лукасинью темная и мутная. Моча не должна быть такой.

– Ну ладно...

– У нас есть что поесть?

– Какие-то батончики.

– Съешь все, – приказывает Лукасинью.

– А как же ты?

– Мне и так хорошо, – врет Лукасинью, хотя в животе у него бездонная пропасть. Он никогда не знал голода. Вот, значит, что чувствуют бедняки. Голод, жажда, поверхностное дыхание. До последнего еще очередь не дошла. – Я приготовлю другой костюм, а потом мы отсюда уедем.

– В капсуле мертвая женщина?

– Да. Ты заглядывала?

– Ага.

Он страшится следующей части своего плана. Приступы паники от того, что ему придется сделать, чтобы заполучить пов-скаф, раз за разом поднимали Лукасинью из глубин усталого сна. Надо действовать быстро и умно, не давая себе времени на раздумья. Он открывает дверь капсулы БАЛТРАНа, хватая мертвую женщину в пов-скафе за руку и выволакивает

на пол. Она движется неуклюже, конечности у нее окоченелые. Лукасинью чувствует через пов-скаф, что она еще не до конца оттаяла. Он переворачивает ее лицом вниз. Сперва надо отцепить шлем. От вони его едва не настигает приступ рвоты. Все воняют в пов-скафах, но такого смрада ему еще не доводилось ощущать. Он снова и снова подавляет тошноту. С камнем в желудке Лукасинью откладывает шлем в сторону и расстегивает ремни. Дрожащими руками открывает герметичный шов. Новая волна зловония, и он понимает: это запах смерти. Лукасинью видел смерть, но ни разу не нюхал ее. Заббалины забирают мертвецов на своих драндулетах с мягкими шинами и не оставляют ни беспорядка, ни грязи, ни запаха.

Лукасинью, затаив дыхание, снимает костюм с мертвого тела. Ее кожа такая белая. Он почти ее касается, но замирает, чувствуя идущий изнутри холод. Теперь сложная часть. Надо вытащить руку через рукав. Со второй будет проще, после того, как он освободит первую. Перчатка присосалась к пальцам, и локоть ему сопротивляется. Выругавшись, он садится на пол, поворачивает мертвую лицом от себя и, упершись одной ногой в ее плечо, стягивает упрямый рукав с трупа. Быстрее высвобождает второй. Теперь ему приходится перевернуть тело, чтобы спустить пов-скаф с торса и освободить ноги одну за другой.

Он встает над мертвой женщиной и стаскивает костюм. Тело дергается. Он стягивает костюм с ее груди и живота, размазывая кровь от ужасной ножевой раны по небольшой выпуклости ее желудка. Спешит стянуть его с ягодиц. На левой у нее тату – цветочек. Лукасинью сжимается в всхлипывающий, воющий комок. Этот цветочек его добил.

– Прости, прости меня, пожалуйста... – шепчет он.

Потом берется за ступню обеими руками. Высвобождает левую ногу, потом правую. Пов-скаф остается у него в руках, словно содранная кожа. Вымазанная в крови женщина лежит на спине, слепо уставившись в лампы на потолке.

Теперь пов-скаф надо надеть. Лукасинью сдирает скаф-трико аварийного скафандра. В депринтер его. Ноги в штанины, быстро и с умом, чуть поерзать – и вот пов-скаф достиг груди. Не надо думать о влаге на коже. Руки – одна, вторая. Лукасинью тянется к стропу, герметизирующему скафандр. Закрепляет стяжные ремни. Пов-скаф для него слишком короткий. Это напряжение в плечах и пальцах ног и рук превратится в ноющую боль. Трубки предназначены для женщины. Это он тоже перетерпит. К тому моменту, когда он тянется за шлемом, принтер выдает новое скаф-трико: свежее, розовое, размера Луны. Непростая задача при

ограниченных ресурсах, но Луне нужно трико, чтобы взаимодействовать с аварийным скафандром.

– Анжину, тут мне понадобится твоя помощь.

Луна берет рулон изоленты из шлюза, запечатывает прореху в пов-скафе и трижды обходит вокруг Лукасинью, обклеивая его лентой.

– Не используй слишком много, она может нам пригодиться, – упрекает Лукасинью. – Теперь надевай трико, а я заряджу наши костюмы.

– Что мне делать с одеждой?

Лукасинью едва не говорит Луне бросить ее, но понимает, что это означает выкинуть ценный материал, органику, от которой может зависеть их жизнь и смерть там, в лунных Пиренеях.

– Засунь в депринтер и сделай из нее изоленту.

– Ладно.

Лукасинью тратит лишь секунду на мысли о еще одном источнике столь ценной органики, который лежит лицом вверх в доке для капсулы.

Луна возвращается в розовом скаф-трико и с маленьким рулоном изоленты. Заглядывает внутрь аварийного скафандра и гримасничает.

– Мочой воняет...

Она забирается внутрь, скафандр считывает параметры ее маленького тела и подстраивает внутренний тактильный скелет, чтобы тот обхватывал ее.

– Ой! – восклицает девочка, когда панцирь закрывается.

– Ты в порядке? – спрашивает Лукасинью. Луна еще ни разу не бывала в скафандре.

– Это как в убежище в Боа-Виста, откуда меня достали, но меньше. Но лучше, потому что я могу двигаться.

Луна, бряцая, идет по палубе.

– Я делаю два шага, а потом он меня догоняет.

– Это очень легко, скафандр делает всю работу, – соглашается Лукасинью.

«Аккумуляторы, воздух и вода полностью заряжены», – сообщают фамильяры. С этого момента каждый вдох, глоток и шаг расписаны.

– Я пройду шлюз первым, – говорит Лукасинью. – Буду ждать тебя с той стороны.

Ему кажется, что проходит целая вечность, пока он стоит на ступеньках и ждет, когда цикл работы шлюза завершится, одновременно балансируя между верой и неверием в изоленту, которая запечатала прореху в его краденом пов-скафе, воображая внезапную разгерметизацию, если лента не выдержит. Она выдержит. Ее для такого и придумали. Но он не

может поверить в это до конца, и его пальцы на руках и ногах уже сводит судорогой от тесного костюма. Мигают огоньки, открывается шлюз, выходит Луна.

Лукасинью вытаскивает из ранца и разворачивает кабель передачи данных, втыкает его в подсвеченное гнездо на панцире Луны.

– Ты меня слышишь?

Тишина, потом хихиканье.

– Извини, я кивнула.

– Если мы подключимся друг к другу напрямую, потратим меньше энергии.

Следующей частью плана Лукасинью гордится. Он ее придумал, пока тащил ровер обратно в Лаббок. Один ровер, одно место. Он помещает Луну в жестком скафандре на сиденье, а сам забирается к ней на колени. Аварийный скафандр скользкий, сидеть неудобно. Если свалиться на скорости, ждет смерть. Эту проблему он не предвидел. В тот же миг приходит решение. Лукасинью отрывает куски изоленды и приматывает себя к Луне: икры, бедра, торс. Он слышит через связывающий их кабель, как она хихикает.

– Все хорошо, анжинью?

– Все хорошо, Лукасинью.

– Тогда поехали.

Цзиньцзи уже сопряжен с ИИ ровера. Одна мысль, и Луна с Лукасинью, связанные изолентой и кабелем, мчатся прочь от воздетых рогов пересадочной станции Лаббок по каменистому реголиту Моря Изобилия.

* * *

Прошло десять лет с той поры, как Дункан Маккензи в последний раз ступал на поверхность, но он отказывается от жесткого скафандра. Бывших джакару не бывает. Пов-скаф новый, напечатанный с учетом особенностей мужчины средних лет с проблемами в области фитнеса, но ритуалы герметизации и стягивания ремней знакомы, словно церковные. Проверки перед выходом на поверхность все равно что короткие молитвы.

Он решительно идет по пандусу. Позади него физически ощущается великий зиккурат Хэдли, темный и грозный. Его первые шаги вздымают пыль – так ходят новички, – но когда Дункан приближается к полигону, он уже ступает как полагается джакару. Ему этого не хватало. Пять человек в

пов-скафах приветствуют его. Стрельбище устроили на одной из служебных полос между рядами зеркал.

– Покажите.

Джакару в жестком скафандре, изукрашенном под космического орка, снимает со спины длинное устройство. Направляет, прицеливается. Дункан Маккензи увеличивает картинку, чтобы видеть предмет, расположенный далеко на полосе.

– Если она разобьет одно из моих зеркал... – шутливо начинает он.

– Не разобьет, – заверяет Юрий Маккензи.

Женщина стреляет. Мишень взрывается. Винтовка выбрасывает теплопоглощающую пульку. Стрелявшая поворачивается к Дункану Маккензи в ожидании указаний.

– В принципе это та же самая гауссова винтовка, которую мы использовали в войне за Море Змеи, но мы увеличили ускорение. Можно стрелять по видимым мишеням или задействовать ИИ-помощника и целиться в то, что за горизонтом.

– Мне не нравится жесткий костюм, – говорит Дункан Маккензи.

– Отдача от более мощного ускорителя довольно-таки суровая, – объясняет Юрий. – Жесткий костюм более устойчив. И он дает кое-какую защиту, если случится худшее.

– Ага, двадцать секунд вместо десяти, – говорит Вассос Палеолог. Дункан Маккензи поворачивается к нему.

– Ни один Маккензи еще не бежал от драки.

– Босс, он прав, – встречается Юрий. – Это не наша война. Асамоа никогда не были нашими союзниками.

– Но мы считали таковыми Воронцовых, – возражает Дункан Маккензи.

– Со всем уважением, – не уступает Юрий, – но мы сейчас однозначно уязвимы. ВТО выводит из строя электростанции во всей восточной четверти Луны. Хэдли не выдержит удара с орбиты. Даже если атака будет направлена на зеркальный массив, это гарантированно выведет нас из бизнеса. Я могу показать вам симуляции.

– Напечатайте пятьдесят штук, – приказывает Дункан Маккензи по общему каналу связи. – Наймите всех Джо Лунников – бывших военных. И мне понадобятся жесткие скафандры. Только без такого дерьма. – Он пальцем в перчатке указывает на клыки, языки пламени и черепа на костюме стрелявшей. – Нужно что-то, что покажет любому, кто мы такие и за что стоим.

Он поворачивается и идет обратно по коридору между сверкающими

зеркалами в темный провал шлюза. Над ним как десять тысяч солнц полыхает вершина Хэдли.

* * *

– Торт, – говорит Лукасинью Корта, – идеальный подарок для человека, у которого есть все.

Коэльинью^[27] в часе езды от Лаббока, мчится по пологому склону северо-западной стены Мессье-Е. Луна придумала роверу имя. Она настояла на том, что у роверов должны быть имена. Чтобы километры бежали быстрее, Лукасинью с нею спорил, твердя, что имена – это глупость. Машины – они и есть машины. «У фамильяров есть имена», – возразила Луна. И ровер остался Коэльинью. Тогда Лукасинью предложил петь песни, известные обоим, а потом попытался вспомнить сказку на ночь, которую ему рассказывала мадрина Флавия, но выяснилось, что Луна помнит ее лучше. Они стали играть в загадки, но и тут Луна его обставила. Теперь Лукасинью произносит речь о тортах.

– Все просто. Если тебе что-то нужно и углерода хватает, ты это печатаешь. В вещах на самом-то деле нет ничего необычного. Зачем дарить кому-то вещь, которую он может напечатать сам? Единственная особенность подарков в том, какие мысли ты в них вкладываешь. Настоящий подарок – это идея, сокрытая в предмете. Чтобы стать необычным, предмет должен быть редким, дорогим или содержать многое, что ты в него вложил. Пай однажды подарил бабушке Адриане немного кофе, потому что она его не пила пятьдесят лет. Он редкий и дорогой, получается два из трех... Редкий и дорогой... но все равно он не настолько хорош, как торт.

Чтобы сделать торт, надо взять сырые, ненапечатанные материалы вроде птичьих яиц, масла и пшеничной муки и вложить в приготовление свое время и душу. Каждый торт надо планировать – будет ли это бисквит или кило-торт, слойка или множество кексиков, что-то личное или что-то для праздника? Апельсиновый, с бергамотом, с чаем или даже кофе; с глазурью или безе? В коробке или перевязанный ленточками, доставленный ботом по воздуху, с сюрпризом посередке, светящийся или поющий? Надо ли тебе быть серьезным или шутливым, что следует учесть – аллергии, непереносимость, культурные или религиозные особенности? Кто еще будет рядом, когда его разрежут? Кто получит кусочек, а кто – нет? И стоит ли им вообще делиться, или он личный,

страстный торт?

Торт – дело тонкое. Всего один капкейк в правильном месте, в правильное время может сказать: «Прямо сейчас в целой вселенной есть только ты, и тебе я дарю этот момент сладости, текстуры, аромата, ощущений». Но бывают времена, для которых годится только что-то огромное и дурацкое, такое, чтобы я мог выскочить из середины при полном параде, что-то с глазированными бабочками и птицами, с маленькими ботами, распеваящими песни из «мыльных опер», – и это исцеляет сердца и оканчивает свары.

У тортов есть язык. Лимонные брызги говорят: «Мне кисло от этих отношений». Апельсин заявляет то же самое, но надежда еще не потеряна. Кило-торт говорит, что все в мире идет как надо, все хорошо и баланс не нарушен, Четыре Базиса в гармонии друг с другом. Ваниль говорит: «Осторожно, скука»; лаванда надеется или сожалеет. Иногда и то и другое. Засахаренные розовые лепестки намекают: «Сдается мне, ты плутуешь», а вот розовая глазурь предлагает: «Давай заключим контракт здесь и сейчас». Синие фрукты для грустных дней, когда накатывает настоящий вакуум и тебе нужны друзья или просто чье-то доброжелательно настроенное тело. Красные и розовые фрукты – это секс. Все об этом знают. Взбитые сливки нельзя есть в одиночку. Таковы правила. Корица – ожидание, имбирь – воспоминание, гвоздика же означает боль, настоящую или душевную. Розмарин – сожаление, базилик – уверенность в своей правоте. «Ну вот, я же говорил» – это базилик. Мята символизирует ужас. Мятный торт – плохой торт. С кофе все серьезнее некуда, и он говорит: «Чтобы тебя осчастливить, я бы передвинул Землю в небесах».

Это если говорить о тортах в социальном смысле. Но есть еще научная сторона. Ты знала, что торты на Луне вкуснее? Отправившись на Землю и попробовав торт, ты разочаруешься. Он покажется тебе плоским, тяжелым и плотным. Это связано с размером пор и структурой мякиша, а структура мякиша на Луне куда лучше. Каждый торт, который ты делаешь, связан с тремя науками: химией, физикой и архитектурой. Физика – это тепло, газовое расширение и сила тяжести. Физика отвечает за те составляющие торта, что должны подняться, преодолевая гравитацию. Чем она меньше, тем выше они поднимаются. Ты можешь подумать, что если при низкой силе тяжести структура мякиша получается лучше, не будет ли торт, изготовленный в невесомости, совершенным? Вообще-то нет. Он расширится во все стороны, и в итоге у тебя получится большой шар из пузырящейся смеси для торта. Когда ты соберешься его печь, будет очень трудно сделать так, чтобы тепло добралось до сердцевины. Она останется

сырой.

Дальше идет химия. У нас есть Четыре Базиса, и у торта или кекса они тоже имеются. Для нас это воздух, вода, данные и углерод. Для кекса – мука, сахар, масло, яйца или какая-нибудь другая жидкость. Берем два-пятьдесят граммов муки, два-пятьдесят граммов сахара, два-пятьдесят граммов масла, два-пятьдесят граммов яиц – то есть примерно пять штук. Вот это и есть базовый кило-кекс. Сахар и масло надо смешать, чтобы получился крем. Я это делаю рукой. Вкладываю часть себя. Пузырьки воздуха, заключенные в жире, создают пену. Теперь добавляем яйца и взбиваем. В яйцах есть белки, которые обволакивают пузырьки воздуха и не дают им взрываться и схлопываться при нагреве. Потом медленно добавляем муку. Действовать надо неспешно, потому что, если всыпать муку слишком быстро, растянешь клейковину.

Клейковина – это такой белок в составе пшеницы, и он эластичный. Без него все, что пекут, было бы плоским. Растяни его слишком сильно, и получишь хлеб. Хлеб и торт – это две полные противоположности в том, что может случиться с пшеницей. Я использую особые сорта мягкой, самоподнимающейся муки из пшеницы с низким содержанием белка. Это означает, что в них есть компонент, который реагирует и создает газ, взрывающий пузырьки клейковины. Вот почему мои кексы сладкие и рассыпчатые.

Выпечка – это как строительство города: весь фокус в том, как ухватиться за воздух и удержаться на месте. Клейковина создает колонны и клетки, которые поддерживают вес сахара и жира. Они должны стоять, они должны держать, и они должны беречь внутреннюю часть, которой должно хватать воздуха и воды. Надо создать оболочку, благодаря которой кекс останется влажным и легким. Для этого нужен сахар; он позволяет корочке обрести цвет и закрепиться при более низкой температуре, чем внутренность кекса. Все это связано с карамелизацией. Похоже на газовое уплотнение, которое не дает нашему воздуху просочиться сквозь камень.

И после всего этого наступает черед выпекания. Выпекание – процесс из трех частей: подъем, закрепление и побурение. По мере роста температуры кекса весь воздух, который ты в него вбил, расширяется и растягивает клейковину. Потом примерно при шестидесяти градусах по Цельсию начинает действовать разрыхлитель, выпуская из яиц CO_2 и водяной пар – и вжух! Твой кекс поднимается до своей конечной высоты. Примерно при восьмидесяти градусах по Цельсию яичные белки собираются и клейковина теряет эластичность. Наконец, происходит

реакция Майяра – побурение, о котором я тебе говорил, – которая закрепляет поверхность. Тем самым она запирает влагу внутри, если все было сделано как следует.

Теперь наступает самая сложная часть: надо решить, готов ли кекс к тому, чтобы его вынули из печи. Это зависит от множества мелочей – влажности, сквозняков, давления воздуха, температуры окружающей среды. В этом суть искусства. Когда ты думаешь, что он готов, вынь его, пусть постоит минут десять, отделится от фольги для выпечки, а потом вывали его на подставку – и пусть остывает. Попытайся не отломить кусочек сразу же, как только достанешь его из духовки.

Теперь переходим к экономике кекса. Его надо вынуть из духовки. У нас нет духовок. У большинства из нас нет даже кухонь: мы питаемся в заведениях, где подают горячую еду. Духовки в таких заведениях совсем не похожи на те, которые нужны для выпекания кексов. Духовку надо делать на заказ, а на всей Луне, наверное, человек двадцать знают, как соорудить духовку на уровне глаз для выпечки кексов.

Итак, Четыре Базиса: мука, сахар, масло, яйца. Мука – это измельченные семена растения пшеница. Это своего рода трава. На Земле она – один из основных источников углеводов, но здесь, на Луне, мы ее не особо используем, потому что она не дает столько энергии, сколько места и ресурсов на нее тратится. Нужно пятнадцать сотен литров воды, чтобы вырастить сто граммов пшеницы. Мы получаем углеводы из картошки, ямса и кукурузы, потому что они куда эффективнее превращают воду в пищу. Поэтому для того, чтобы сделать муку, нам приходится специально выращивать пшеницу, потом собирать семена и измельчать их в тонкую пыль. Молоть муку еще труднее, чем строить печи для кексов – в целом мире, наверное, всего лишь пять человек знают, как построить мельницу.

Масло – это твердый жир, полученный из молока. Я использую только масло из коровьего молока. У нас есть коровы – в основном для людей, которые любят мясо. И если ты подумала, что для выращивания пшеницы нужно много воды, то знай: для одного килограмма молочной продукции требуется в сто раз больше.

Яйца. С ними все не так уж трудно, поскольку яйца – значительная часть нашего рациона. Но наши яйца меньше Земных, потому что мы разводим птиц меньшего размера, а это значит, что придется экспериментировать, чтобы подобрать правильное количество.

С сахаром все просто – мы можем его выращивать или производить, но тот, кто выпекает кексы, использует много разных видов сахара. Есть необработанный, чистый тростниковый, обычный сахар, кондитерский

сахар, сахарная пудра, сахарная мастика – иногда они нужны все для одного-единственного торта. Итак, теперь ты понимаешь, что даже для обычного кило-кекса понадобятся вещи и навыки, которые встречаются редко и стоят дороже драгоценностей. Когда ты попробуешь торт, ты вкушаешь саму нашу жизнь.

И вот почему, пусть все на свете можно напечатать, торт – это идеальный подарок.

– Лука, – говорит Луна.

– Что такое, анжинью?

– Мы уже приехали?

– Не этот кратер, но следующий, – говорит Лукасинью.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Коэльинью спускается по пологой стене кратера Мессье-А.

– Ладно, – заявляет Луна. – Но хватит с меня кексов.

Кексы и разговоры о них помогают Лукасинью Корте не заснуть и сохранять бдительность, несмотря на холод, который распространяется от заделанной прорехи в пов-скафе. Он герметизировал костюм, чтобы уберечь воздух, но ему не по силам что-то сделать с поврежденными нагревательными элементами. По тренировкам перед Лунной гонкой Лукасинью знает, что человеческое тело отдает вакууму мало тепла, но он чувствует, как постоянный холод оттягивает тепло его крови и сердца. Холод забирается внутрь, и с ним становится уютно, ты цепенеешь и отключаешься. Он отнял у Лукасинью силу, которая требовалась для того, чтобы не клацать зубами, рассказывая про торты.

Коэльинью одолевает гребень наружного обода двойного кратера Мессье-А, и тут из-за внутреннего обода вылетает большой шестиместный ровер, дважды подпрыгивает, мчится по дну кратера и резко останавливается перед Лукасинью. Он давит на тормоза и молится Огуну, чтобы ровер с чересчур тяжелым верхом не перевернулся.

В ровере трое. Защитные дуги поднимаются, незнакомцы спрыгивают с сидений. У каждого на пов-скафе логотип «Маккензи Гелиум», каждый снимает с подставки для оборудования предмет, о котором Лукасинью знал, но никогда не видел раньше. Пушка.

Один из джакару приближается к Лукасинью и Луне, обходит вокруг Коэльинью, останавливается рядом с Лукасинью. Их лицевые щитки напротив друг друга.

– Что происходит? – говорит Луна.

– Все будет хорошо, – говорит Лукасинью и чуть не подпрыгивает,

когда джакару Маккензи резко прижимает свой лицевой щиток к его щитку.

– Комм включи, ты, гребаный гала. – Голос – приглушенный вопль, который Лукасинью слышит благодаря физическому контакту.

Цзиньцзи открывает общий канал.

– Простите, мне не хватает энергии, – говорит Лукасинью на глобо.

– Тебе не только энергии не хватает, – говорит джакару. Теперь, когда комм работает, над плечом каждого джакару появляется идентификатор: Малькольм Хатчинсон, Шарлин Оуэнс-Кларк, Эфрон Батманглидж.

– Нам нужны энергия, вода и еда. И я очень, очень замерз.

– Сперва парочка вопросов. – Малькольм направляет свою пушку на Лукасинью. Это длинное, наспех придуманное устройство, сплошь стойки и стабилизаторы, магазины и подставки для электромагнитных картриджей, быстро напечатанные и собранные. – Мы живем в самом гендерно-переменчивом обществе в человеческой истории, так что, возможно, Надя переметнулась в другой лагерь, но я не слышал, чтобы при этом человек делался на десять сантиметров выше.

Лукасинью понимает, что едва коммы включились, костюм выставил идентификатор настоящей владелицы. Две других пушки нацелились на него.

– Лукасинью, мне страшно, – говорит Луна по частному каналу.

– Все в порядке, анжинью. Я нас вытащу.

– Костюм Нади, ровер Нади. Судя по количеству ленты на костюме, что-то ударило ее и убило.

– По-вашему, если бы я хотел забрать ее костюм, стал бы его так сильно портить? – говорит Лукасинью.

– Ты уверен, что хочешь дать мне такой ответ?

На дисплее шлема Лукасинью все жизненные показатели зависли на границе красной зоны.

– Я не убивал ее, клянусь. Мы застряли на БАЛТРАН-станции Лаббок. Я отследил ее, притащил ровер и пов-скаф на станцию и привел в порядок.

– Какого хрена вы делали на станции Лаббок?

– Пытались выбраться из Тве.

– БАЛТРАНОм. – Лукасинью ненавидит то, как этот Малькольм Хатчинсон превращает каждый его ответ в самую глупую вещь из когда-либо услышанных. – Дружище, БАЛТРАН мертв. Вся восточная четверть сферы мертва. Одни боги знают, что сейчас происходит в Тве. Воронцовы закрыли железные дороги и превращают каждую электростанцию, какую увидят, в дыру в реголите. Половину моего отряда уничтожили гребаные кошмары с гребаными лезвиями вместо гребаных рук, так что ты уж

отнесись с пониманием, если я покажусь тебе немного взвинченным. Итак, куда вы направляетесь и кто ты такой, мать твою?

В животе у Лукасинью болезненная пустота, его может вырвать кислотой в шлем.

– Дай я поговорю, – просит Луна.

– Луна, заткнись. Дай мне в этом разобраться.

– Не затыкай меня. Дай я с ним поговорю. Пожалуйста.

Джакару Маккензи раздражены. Лукасинью вот-вот договорится до пули. А вдруг детский голос поможет справиться с пушками?

– Ладно.

Фамильяр Луны открывает общий канал.

– Мы пытаемся попасть в Жуан-ди-Деус, – говорит Луна. Джакару Маккензи в пов-скафах вздрагивают.

– У тебя в этой штуке ребенок, – говорит Малькольм.

– В Лаббоке был только один жесткий скафандр, – отвечает Лукасинью. – Я отследил ровер и да, украл скаф. – Он вспоминает имя. – Скаф Нади. Я ее не убивал.

– Ты потащил ребенка через Море Изобилия в жестком скафандре.

– Я не знал, что еще делать. Мы должны были выбраться из Лаббока.

– Вам далеко до Жуан-ди-Деуса, – говорит джакару с идентификатором «Шарлин».

– Прямо сейчас нам надо добраться до Мессье, – говорит Лукасинью.

– Мы только что оттуда, – вступает в разговор третий джакару, Эфрон. – Оставили там троих мертвецов. Боты вас на куски порежут.

– Эй, Эфрон, тут ребенок, – упрекает его Шарлин.

– Нет смысла скрывать правду, – упорствует Эфрон.

– Нам нужны воздух и вода, – говорит Лукасинью. – Аккумулятор в ровере вот-вот сядет, и мы не ели... не помню сколько.

– Я правда проголодалась, – говорит Луна.

Лукасинью слышит, как Малькольм тихонько ругается.

– В Секки есть старый бивуак «Корта Элиу». Теперь это ближайший пункт пополнения запасов. Мы доставим вас туда.

– Это на полпути назад к Тарунцию, – говорит Лукасинью.

– Ну лады, тогда задыхайтесь или помирайте от голода, – огрызается Малькольм. – Или, в твоём случае, от холода. Эфрон! – Эфрон отцепляет от ранца какой-то маленький пакет и бросает Лукасинью. Это термопакет: медленный экзотермический гель в стеклянном контейнере. – Поможет тебе не замерзнуть. Есть только одна проблема. – Он тыкает торс Лукасинью, обмотанный изолентой, дулом пушки. – Его надо поместить

внутри костюма.

– Что?

– Как надолго ты можешь задерживать дыхание, дружище?

У Лукасинью кружится голова. Голод, изнеможение, холод. Теперь ему придется снова обнажиться посреди холодной поверхности Леди Луны.

– У меня есть булавка Лунного бегуна, – говорит он, стуча зубами.

– Бляха-муха, да ты у нас богатенький мальчик. Лунная гонка – это десять, пятнадцать секунд. Нам надо снять старую изоляцию, засунуть пакет внутрь и снова тебя обмотать. Сорок, может, шестьдесят секунд?

Это может его убить. Холод его убьет. Может убить, убьет. Леди Луна снова принимает решения за него.

– Я справлюсь, – говорит Лукасинью.

– Вот молодец. Дыши глубоко одну минуту, а потом разгерметизируй шлем. Мне надо будет подключиться к ИИ твоего пов-скафа.

– У меня есть лента, – говорит Луна, пока Лукасинью отцепляется от ее жесткого костюма.

– Умница. Шарлин, Эфрон.

Цзиньцзи переключает костюм на подачу чистого O₂. Он бьет Лукасинью как топор. Он едва не падает, и его подхватывают чьи-то руки. Он дышит глубже, еще глубже, насыщая мозг и кровь кислородом. Он победил в Лунной гонке. Он голым пробежал по поверхности Луны пятнадцать метров. Это легко. Легко. Но для Лунной гонки давление больше часа снижали до микроуровня. Теперь все случится мгновенно. «Человеческая кожа – надежная поверхность для поддержания давления...» Пов-скаф, урок номер один. Требуется лишь нечто плотное, чтобы поддерживать это давление, удерживать воду и сохранять тепло.

«Разгерметизация костюма через пять...»

Лукасинью опустошает легкие. В вакууме надо выдохнуть, чтобы не разорвались легкие.

«...две, одну...»

– Приготовиться, – командует Малькольм.

«Сброс».

Визг уходящего воздуха затихает, когда Цзиньцзи опустошает костюм. Лукасинью беззвучно кричит от боли, пронзающей оба уха. Подступает Шарлин с ножом, аккуратно разрезает ленту и отворачивает концы.

– Держись, парень, держите его.

– Готово.

Приходит обжигающий жар – Малькольм засовывает под плотную

ткань термопакет. Лукасинью надо дышать. Он должен вдохнуть! Его мозг отключается клетка за клеткой. Его сотрясают конвульсии. Откуда-то с вышины доносится слабый женский голос, точно голос святой: «Держите его!» Лукасинью открывает рот. Пусто. Расширяет легкие. Пусто. Вот как умирают в вакууме: все закрывается, сужается, пульсирует. Едва слышные, далекие голоса; железные руки его не отпускают, все горит.

Едва слышные, далекие голоса...

И он возвращается. Лукасинью рвется вперед. Его удерживают защитные дуги. Он в безопасности, он в ровере Маккензи. Воздух. Воздух – это чудо. Воздух – это магия. Он делает десять глубоких вдохов, быстро вдыхая и медленно выдыхая; медленно вдыхая и быстро выдыхая. Ртом, носом; носом, ртом. Носом. Ртом. До чего же славно дышать. Тепло. Жар! Он чувствует боль под нижним левым ребром: термопакет, плотно прижатый пов-скафом и изолентой. Там будет синяк, но Лукасинью ценит эту боль. Она означает, что у него нет обморожения.

– Луна? – хрипло зовет он.

– Очухался, значит, – говорит Малькольм по общему каналу.

– Я тут, – говорит Луна. – Ты в порядке?

– Если разговаривает, то в порядке, – говорит Малькольм. Лукасинью озирается, смотрит на все кабели и трубки, что подключают его к роверу. Он думает о воде и в награду получает холодный и чистый глоток из ниппеля. От удовольствия Лукасинью ахает, и джакару, которые слышат это по общему каналу, смеются.

– Это все та же переработанная моча, но, по крайней мере, чужая, – говорит Малькольм. – У нас даже есть кое-какое питательное дерьмо. Думаю, ты достаточно голоден, чтобы его съесть.

Эфрон цепляет присвоенный Лукасинью одноместный ровер к большой машине буксирным тросом и забирается на свое место.

– Итак, если у тебя нет возражений, Лукасинью Корта, – говорит Малькольм, – мы едем в Секки.

* * *

Перед его лицом что-то есть. Лукасинью просыпается с паническим криком от клаустрофобии. Он в пов-скафе, все в том же гребаном пов-скафе. Во сне вытекла слюна и высохла на его щеке до кристаллической корочки. Он чувствует запах собственного лица внутри шлема.

– Ты проснулся. – Голос Малькольма. – Хорошо. У нас проблема.

Цзиньцзи показывает карту: на ней выделяется их процессия и старая база «Корта Элиу», а также линия неких объектов между роверами и убежищем.

– Это...

– Я знаю, кто они, малыш.

– Вы можете их объехать?

– Могу, но если нас заметят, в тот же момент набросятся. Мы большие и тяжелые, и я видел, как эти ублюдки двигаются.

– Что будем делать?

– Мы бросим тебя и девочку. Вы возьмете другой ровер – там достаточно заряда, чтобы справиться, – и рванете напрямик к базе. Мы постараемся отвлечь внимание ботов.

– Но вы сказали, что не можете их обогнать.

– Мать твою, пацан, ты будешь мне верить? Без вас мы можем от них оторваться. Может, даже прикончим парочку. Эти пушки против засранцев весьма неплохи. Что я знаю наверняка: если мы не разделимся, то умрем.

Ранцы нагружены водой и воздухом, аккумуляторы заряжены. Луна забирается на сиденье, Лукасинью аккуратно приматывает ее к роверу, а потом – себя к ней. Лукасинью объяснил ей просто и честно, какая опасность им угрожает, и она знает, что надо делать, без вопросов и инструкций. Их одноместный ровер включается по приказу Цзиньцзи. Малькольм касается указательным пальцем шлема: салют перед битвой. Он разворачивает свой большой ровер, дает газу и спустя мгновение оказывается за горизонтом. Лукасинью ждет, пока его пылевое облако уляжется, прежде чем пуститься в путь на своей одноместной машинке.

«Никаких коммов, – сказал Малькольм. – Увидимся в Секки или в следующей жизни».

«Вы знаете, кто мы, – ответил Лукасинью по частному каналу. – Почему вы нам помогаете?»

«Чем бы все ни закончилось, луна уже никогда не будет прежней», – сказал Малькольм.

– Луна, – говорит Лукасинью. Они опять подключены друг к другу кабелем, для радиомолчания и близости.

– Что?

– Водички попила?

– Попила.

– Скоро мы будем на месте.

Анелиза Маккензи ждет у внутренних дверей шлюза. Пока двери открываются, проходит целая вечность, но вот они идут; потемневшие от пыли, несмотря на «воздушные лезвия», шлемы и ранцы держат в руках. Ботинки каменные, костюмы свинцовые. Холодное изнеможение в каждом сухожилии. Бойцы тащатся мимо нее, не поднимая глаз. Они дали бой у ворот Ипатии. Взрывчатка уничтожила трех ботов, которые пережили град стрел, выпущенных АКА, но семь «черных звезд» заплатили за это собственными жизнями.

Самоубийственные миссии. И, по слухам, подкрепления уже появились в восточном секторе Моря Спокойствия – их тормозные двигатели словно заикаются в небесах.

«Подкрепления». Откуда она вообще знает такое слово?

А вот и он.

– Вагнер.

Он поворачивается, слышав свое имя. Узнает. Он ее не забыл – не в темной ипостаси, в той единственной версии Вагнера Корты, которую она знала. Сомнения и сдержанность, что вынуждают его замедлить первые шаги в ее сторону, связаны не со страхом обознаться, но с угрызениями совести. Он сбежал в Меридиан. Она велела ему не возвращаться в их дом в Теофиле, но он знает, что вынудил ее в одиночку столкнуться с семьей. Маккензи никогда не прощают предателей. Она поплатилась. Он выжил, когда ее семья уничтожила его семью. Он спрятался и выжил. Теперь он похож на смерть. Теперь он выглядит побежденным.

Он смотрит на свой отряд. Красивая женщина с сильными чертами кивает. «Дальше я сама разберусь, лаода».

– Анелиза.

Он не верит своим глазам. Ее дом в Теофиле, что она делает в Ипатии?

– Идем со мной, маленький волк.

Кровать заполняет всю ячейку. Вагнер заполняет кровать – он распростерся и распластался, это даже не сон, это что-то более глубокое. Анелизе повезло, что удалось достать хотя бы эту миниатюрную капсулу. Когда железнодорожное сообщение прекратилось, Ипатия, как самая оживленная пересадочная станция в четверть-сфере, превратилась в лагерь беженцев, где спали на улицах и в душных бункерах, а застрявшие пассажиры лежали в тепле, исходящем от труб теплообмена.

Она прислоняется к стене коридора и смотрит на волка. Он выглядит

ужасно. Кожа вся в синяках и отпечатках пов-скафа, который носили слишком долго. Светло-коричневый цвет – Анелиза любила касаться этой кожи – сменился на серый, тусклый от усталости. Он никогда не был массивным и мускулистым, но теперь весь состоит из костей и сухожилий. Наверное, не ел два-три дня. Он ужасно обезвожен. Он воняет.

Она прослеживает их путь от этой кровати до первой встречи – случайного взгляда в Университете Невидимой стороны, во время пятнадцатого симпозиума по паралогике, на семинаре, посвященном доксистической и прочим логикам, связанным с верой. Он отвернулся первым. Она наклонилась к своей коллеге Нан Аейн, все еще похмельной после пьянки в первую ночь, и спросила: «Кто это такой?» Фамильяр мог бы в мгновение ока назвать ей имя из списка участников, но такова была интрига: она хотела, чтобы он видел, как она о нем спрашивает.

– Это Вагнер Корта, – сказала Нан Аейн.

– Корта? Тот самый?

– Ага, из тех самых Корта.

– За такие ресницы можно все отдать.

– Он странный. Даже для Корта.

– Мне нравятся странные.

– А пугающе-странные?

– Я не боюсь Корта.

– А волков боишься?

Потом семинар завершился, все пошли пить чай, а она не сводила глаз с пугающего Корта, чтобы не упустить момент, когда он решит снова на нее посмотреть. И он посмотрел – у двойных дверей зала коллоквиума. У него были самые темные и самые печальные глаза из всех, что ей доводилось видеть. Темный лед времен рождения мира, погруженный в вечную тень. Ребенком она ранила все свои игрушки, чтобы потом выхаживать и лечить их. Она нашла его в точке гравитационной стабильности между тремя болтающими компаниями, со стаканом чая в руках.

– Мне он тоже никогда не нравился. – Она всегда была проницательна в том, что касалось мелочей, позволяющих завязать знакомство. Его чай был нетронутым. – Это негодная выпивка.

– А что ты называешь годной выпивкой?

– Могу показать.

За третьим «мокатини» он поведал ей про волка.

За пятым она сказала: «Ладно».

Маленький волк спит ночь, день и еще одну ночь, а потом просыпается мгновенно, и все его чувства напряжены. Его первые слова: «Мой отряд».

«Они в порядке», – отвечает Анелиза, но он ей не верит, он звонит в контору «Тайян-Ипатия». Зехра отчиталась перед начальством и отправила «Везучую восьмерку» в увольнительную. «Тайян» может предоставить ему фамильяр базового доступа, но полные резервные копии Доктора Луз и Сомбры – в Меридиане, а связь по всей Видимой стороне все еще лежит. Глядя на Вагнера, лишенного фамильяра, голого в цифровом смысле, Анелиза Маккензи чувствует возбуждение.

Ночь, день и еще одна ночь – это целая эпоха, если речь о войне. Там, где не хватает информации, буйным цветом распускаются слухи. Тве по-прежнему в осаде, погребен, молчит, а его аграрии умирают в сумерках, изголодавшись по свету. В Царице Южной осталось еды на пять дней. В Меридиане на три. Закусочные атакованы, 3D-принтеры взломаны. Кодеры «Тайяна» успешно произвели обратный взлом нескольких одержимых грейдеров, но всякая попытка направить их на эскадру, которая устроила осаду, вызывает огонь с орбиты. Лед. ВТО стреляет льдом из электромагнитной катапульты. Воронцовы пришвартовали к ней голову кометы; амуниции хватит, чтобы устроить новую Позднюю тяжелую бомбардировку^[28]. Поезда без толку стоят на станциях, БАЛТРАН не работает, и любой ровер, отважившийся выехать на поверхность, привлекает ботов с лезвиями на лапах. Целый Экваториальный экспресс застрял прямо на рельсах посреди Моря Смиа. У них закончилась вода. Пьют собственную мочу. Система снабжения воздухом отказала. Они едят друг друга.

Слухи и толки. Дункан Маккензи послал двадцать – пятьдесят – сто – пятьсот стрелков, все Джо Лунники и бывшие военные, чтобы прорвать осаду Тве. При поддержке лучников АКА они собираются атаковать наружные шлюзовые двери Тве и освободить город. Армию Асамоа-Маккензи порезали на части, куски их тел валяются по всему Морю Спокойствия. Меридиан в осаде. В Меридиане отключилось электричество, весь город во тьме. Меридиан захватили. Меридиан уже сдался.

«Мне надо попасть в Меридиан», – говорит Вагнер.

«Тебе надо выздороветь, Лобинью».

Она снимает частную кабинку в бане. Трех часов должно хватить. Там

есть парилка, плита и небольшой бассейн. Вагнер лежит лицом вниз на плите из спеченного камня, блестящий от пота. Изогнутым стригилем Анелиза очищает его кожу от грязи, пыли и вьевшегося пота.

– Ты меня ждала, – говорит Вагнер, прижавшись щекой к гладкому теплomu камню, повернув голову набок.

– Я возвращалась после концерта в Тве, – говорит Анелиза. – Застряла, когда перестали ходить поезда.

– Ты помогла мне сбежать, а я тебя бросил.

Анелиза садится Вагнеру на спину и медленно счищает пропитавшуюся потом грязь с его шеи.

– Не разговаривай, – отвечает она. – Дай руку.

Это все еще больно – внезапно оторвать струп с раны, которая, как она считала, давно зажила. Свежая кровь.

– Прости, – говорит Вагнер.

Анелиза шлепает его по тощей заднице.

– Иди сюда.

Она опускает его – очищенного, со светящейся кожей – в горячую воду бассейна. Вагнер ахает, его кожа саднит. Анелиза соскальзывает в воду рядом с ним. Они прислоняются друг к другу. Анелиза убирает с лица мокрые волосы. Вагнер заправляет их ей за ухо и ведет пальцем вдоль края уха до бледного шрама – это все, что осталось от ее левой мочки.

– Что случилось? – спрашивает он.

– Несчастный случай, – врет она.

– Мне нужно в Меридиан.

– Здесь ты в безопасности.

– Там мальчик. Ему тринадцать. Робсон.

Анелиза знает это имя.

– Ты еще недостаточно силен, Лобинью.

Она не может его убедить. Ей это никогда не удавалось. Она борется с силами, выходящими за пределы человеческого понимания: свет и тьма, две природы Вагнера, стая. Семья. По шею в теплой, целебной воде, посреди войны, она дрожит.

* * *

Секки – закуток, в котором можно выжить; труба из синтера, с обоих концов не шире воздушного шлюза, заваленная реголитом. Лукасинью и Луна устроились в ней, как близнецы в утробе. Лукасинью и представить

себе не может, чтобы джакару тут поместились. Но у них есть воздух и вода, еда и реголит над головой, и место, чтобы Луна смогла выбраться из костюма-панциря. Лукасинью так обмотан изолентой, что снять с него пов-скаф можно, лишь разрезав на части. Термопакет – прямоугольник ноющей, теплой боли под его нижним левым ребром. Единственная возможность лежать удобно – на правом боку, лицом к стене. Он лежит на матрасе, который еще пахнет свежей печатью, все его суставы и мышцы изнемогают от усталости, но он не может расслабиться и заснуть. Он лежит в своем пропыленном, слишком маленьком пов-скафе, уставившись на изогнутую стенку из синтера, и представляет себе слой грязи над их убежищем, вакуум за его пределами, течение радиации сквозь космос, почву, синтер, Лукасинью Карту; прислушивается к звукам работы шлюза, которые могут сообщить, что вернулись джакару Малькольма или что боты – которых он никогда не видел, но представил себе во всех режущих, тыкающих, рубящих подробностях – рвутся внутрь, чтобы убить их прямо в постели.

– Лука, ты спишь?

– Нет. А ты не можешь заснуть?

– Нет.

– Ну вот я тоже.

– Можно мне лечь рядом с тобой?

– Я очень грязный, анжинью. И воняю.

– Можно мне лечь?

– Валяй.

Лукасинью чувствует, как маленький, напряженный комочек тела Луны устроился возле изгиба его спины.

– Эй.

– Эй.

– Так хорошо, правда?

– Еда была вкусная, верно?

Еда в бивуаке представлена в двух версиях: на помидорной основе и на соевой. «Помидор», – решила Луна. У нее была в своем роде непереносимость сои. Лукасинью не хотел, чтобы в убежище размером шесть на два метров случилась какая-нибудь пищеварительная неприятность. Они приготовили саморазогревающуюся еду по одному контейнеру за раз, потому что, когда содержимое нагревалось и открывалось глазу, выглядело очень уж аппетитно. У Лукасинью заныли слюнные железы, когда он ощутил запах томатного соуса на картофельных ньокки.

– А вот и нет, – говорит Луна на ухо кузену. – Она была на вкус как

пыль. – Потом она смеется тихим потайным смехом, который становится сильнее от своей секретности, пока она уже не может сдерживаться, и Лукасинью присоединяется, и они вместе на подстилке смеются, как смеялись после первого прыжка в БАЛТРАНе, пока не перехватывает дыхание, пока не начинают болеть мышцы и слезы не бегут по щекам.

* * *

«Лукасинью.

Лукасинью, проснись.

Ты должен проснуться».

Он резко садится, ударяется головой о низкий потолок. Бивуак. Он в бивуаке. Спал два часа. Два часа! Рядом с ним Луна. Она уже проснулась. Их обоих разбудили фамильяры. Это плохая новость.

«Приближаются множественные объекты».

– Вот дерьмо. Сколько?

«Пятнадцать».

Значит, это не джакару «Маккензи Металз».

– Можешь их опознать?

«Они хранят радиомолчание».

– Как скоро они здесь будут?

«При сохранении нынешней скорости – через десять минут».

Скафандр, надеть на Луну скафандр, выбраться отсюда, запустить ровер. О боги.

– Луна, ты должна забраться в свой скафандр.

Она глупая и сонная из-за прерванного сна. Он ее хватает и засовывает в жесткий скафандр. Она полностью просыпается, когда тело обхватывает инфраскелет.

– Лука, что происходит?

– Луна, Луна, нам нужно убираться отсюда.

Они должны убираться быстро и грязно. Есть одна хитрость; он увидел это в теленовелле и попросил Цзиньцзи проверить, возможно ли так сделать. Возможно. Это купит им драгоценную минуту, которая тратится на работу шлюза. Минута – это жизнь.

Шлемы запираются, костюм проверяет цикл и выдает зеленый сигнал.

– Луна, держись за меня.

«Руки» ее скафандра достаточно длинные, чтобы обхватить щуплую фигуру Лукасинью. Перчатки стучаются о его ранец.

– Три, два, один...

Цзиньцзи взрывает шлюз. В убежище происходит взрывная разгерметизация. Лукасинью и Луна вылетают из Секки в струе подстилок, сои и помидоров, палочек для еды, туалетных принадлежностей и кристаллов льда. Они падают. От удара у Лукасинью вышибает воздух из легких. Что-то внутри него трещит. Термопакет – стальной кулак. Такое в теленовеллах не показывают. Они катятся. Луна врезается в припаркованный ровер, Лукасинью – в Луну.

– В порядке? – спрашивает он, еле дыша.

– В порядке.

– Поехали.

Лукасинью охает от боли, приматывая изолентой себя и Луну к Коэлинью. Он что-то себе сломал. А что с костюмом?

– Держись крепче.

Перчатки Луны хватаются за каркас ровера. Лукасинью включает максимальное ускорение. Передние колеса поднимаются. Если они сейчас перевернутся вверх тормашками, им конец. Луна инстинктивно наклоняется вперед. Лукасинью снова охает от скрежета в ребрах и мышцах. Коэлинью рывком уносится от Секки. Его пылевой шлейф видно на большей части западного Моря Изобилия. Главное, чтобы Лукасинью опередил ботов. Как их называл Малькольм? Ублюдки. Как есть ублюдки. Главное, чтобы аккумуляторы ублюдков сели раньше, чем его собственные. Он заряжался несколько часов. Ублюдки так не могли. Наверное. У них низкий заряд батарей. Наверное. Емкость их батарей примерно такая же, как у одноместного ровера «Маккензи Металз». Наверное. Так много предположений. Ублюдки.

– Цзиньцзи, они там?

«Они там, Лукасинью».

– Они близко?

«Приближаются».

– Дерьмо, – бормочет Лукасинью себе под нос. – Как быстро?

«При нашей нынешней скорости курсы пересекутся через пятьдесят три минуты».

Курсы пересекутся. В переводе с фамильярского будут лезвия и кровь.

– Цзиньцзи, если мы отключим сенсоры, устройства внешней связи, маяки и метки, сколько сэкономим заряда батарей?

«При нашей текущей скорости, тридцать восемь минут».

– Как далеко сможем доехать?

Цзиньцзи показывает ему карту, на которой конечная точка пути

ровера находится в двадцати километрах от Жуан-ди-Деуса.

– А если подстроимся под их скорость?

Конечная точка смещается на десять километров ближе к южному краю экваториальной солнечной полосы. Слишком далеко, чтобы идти пешком. Решение принято.

– Вези нас как можно ближе к Жуан-ди-Деусу.

Коэлынью мчится по реголиту, и Лукасинью пытается не представлять себе, как в его затылок утыкаются лезвия. Он устал бояться, так сильно устал.

Черная линия на краю света настолько определена и резка, что Лукасинью едва не останавливает ровер. Часть мира отсутствует. Чернота растет с каждой секундой, с каждым метром, проглатывая мир.

– Это Стекланные земли, – говорит Луна. Они добрались до экваториальной солнечной фермы, пояса черноты, которым Сунни обворачивают мир. Когда Лукасинью понимает, что к чему, перспектива сдвигается: чернота ближе, чем он думал. Повлияет ли она на скорость? Разобьет ли он это черное стекло, треснет ли оно под колесами, развалится? К черту все. Позади пятнадцать ботов-убийц.

– Да! – кричит он, и Луна вторит ему, и они с ревом на полной скорости выезжают на стекло.

* * *

Когда Лукасинью смотрит через плечо, он больше не видит Коэлынью. Даже верхушку антенны. Вот уже двадцать минут не было сообщений о ботах-преследователях. Лукасинью и Луна одни посреди стекла, гибкий белый пов-скаф и неуклюжий красно-золотой «панцирь». Стекло: гладкое, безликое, безупречно черное и простирающееся во всех направлениях. Чернота наверху, чернота внизу; небеса отражаются в темном зеркале. Можно сойти с ума, глядя на собственное отражение, терпеливо идущее вперед. Можно целую вечность ходить кругами. Цзиньцзи направляет их по картам в автономном режиме. Призрачные очертания внутри стекла – это Жуан-ди-Деус за горизонтом, который все никак не приближается. Горизонт: невозможно определить, где заканчивается небо и начинается земля.

Лукасинью воображает, что чувствует через подошвы ботинок тепло энергии, которая хранится в стекле. Он воображает, что слышит цоканье заостренных ботовских ножек по отражающему стеклу. Шаги

складываются в километры, секунды – в часы.

– Когда мы попадем в Жуан-ди-Деус, я первым делом испеку специальный торт и мы его съедим вдвоем, – говорит Лукасинью.

– Нет-нет, первым делом ты примешь ванну, – говорит Луна. – В Секки я нанюхалась твоей вони.

– Ну лады, пусть будет ванна. – Лукасинью представляет себе, как опускается в пузырящуюся теплую воду по подбородок. Вода. Тепло. – А ты что будешь делать?

– Хочу сок гуавы из кафе «Коэльо», – говорит Луна. – Мадринья Элис меня туда водила, он лучший.

– Меня угостишь?

– Конечно, – говорит Луна. – Ох, как холодно.

И внутри шлема Лукасинью загораются дюжина красных тревожных сигналов.

«У Луны пробоина в скафандре», – говорит Цзиньцзи своим неизменно спокойным и рассудительным голосом.

– Лука!

– Я сейчас, я сейчас! – Но он видит, как водяной пар выходит из левого коленного сустава жесткого скафандра и превращается в сверкающие кристаллы льда. Гофрированное соединение не выдержало постоянного трения из-за пыли. Скафандр открыт для вакуума.

– Задержи дыхание! – кричит Лукасинью. Изолента. Изолента! Тот дополнительный рулон, который Луна напечатала, потому что он настоял, и взяла с собой. Тот, который мог им понадобиться – и понадобился. Где он, где он, где? Лукасинью закрывает глаза, представляет себе рулон в руке Луны. Куда она могла его засунуть? В карман на левом бедре скафандра. – Я сейчас, сейчас!

«У Луны осталось 3 % воздуха».

– Заткнись нахрен, Цзиньцзи! – рычит Лукасинью. Он выхватывает рулон изоленты из кармана, отрывает кончик, обворачивает ею коленный сустав. От его пальцев летит пыль: предательская, абразивная лунная пыль. Он обматывает сочленение, пока лента не заканчивается. – Сколько у нее осталось, Цзиньцзи?

«Я думал, ты велел мне заткнуться нахрен», – говорит фамильяр.

– Ответь, а потом заткнись нахрен.

«Внутреннее давление стабилизировалось. Однако Луне не хватит кислорода, чтобы достичь Жуан-ди-Деуса».

– Покажи мне, как передать ей кислород, – кричит Лукасинью.

По всему скафандру Луны – графические обозначения.

– Ты в порядке? – спрашивает Лукасинью, подключая шланг питания из своего ранца к ранцу Луны. – Скажи что-нибудь.

Тишина.

– Луна?

– Лукасинью, ты можешь взять меня за руку? – Голос тихий и испуганный, но это голос Луны, и дышит она полной грудью.

– Конечно. – Он вкладывает руку в перчатке в латную рукавицу жесткого скафандра. – Цзиньцзи, ей хватит?

«Лукасинью, у меня плохие новости. Вам двоим не хватит кислорода, чтобы добраться до Жуан-ди-Деуса».

– Можешь идти, Луна? – Жесткий скафандр слегка вздрагивает. – Ты опять кивнула?

– Ага.

– Тогда пойдем. Это недалеко.

Взявшись за руки, они идут по черному стеклу, ступая по звездам.

«Ты слышал, что я сказал, Лукасинью?»

– Я слышал, что ты сказал, – говорит Лукасинью. У жесткого скафандра шаг на полметра длиннее, чем у него. Он наполовину бежит по стеклянным землям. Мышцы ноют; в ногах не осталось силы. Он больше всего на свете хочет лечь на черное стекло и укрыться звездами с головой. – Мы идем, потому что должны идти. Какие у меня варианты?

«У тебя нет вариантов, Лукасинью. Я все просчитал: у тебя закончится кислород как минимум за десять минут до шлюза».

– Уменьши мой дыхательный рефлекс.

«Я это учел».

– Так действуй.

«Уже все сделал две минуты назад. Ты мог бы перекачать обратно немного кислорода Луны...»

– Ни в коем случае. – Слова уже оседают свинцом в легких. Каждый шаг вызывает жгучую боль. – Не говори Луне.

«Не скажу».

– Она должна идти вперед. Она должна попасть в Жуан-ди-Деус. Ты должен это сделать для меня.

«Ее фамилляр готовит скрипт для этого».

– Нам не дано предугадать... – говорит Лукасинью Корта. – Вдруг что-то случится.

«Заверяю тебя, не случится. Я действительно не в состоянии понять этот оптимизм перед лицом безусловных, однозначных фактов. И я обязан посоветовать тебе не тратить те буквальные крохи воздуха на споры со

мной».

– Да и чей это воздух? – говорит Лукасинью.

«Ты умрешь, Лукасинью Корта».

Уверенность в том, что именно так все и случится, настигает его, парирует все отговорки и отрицания и погружает свое лезвие прямо в сердце. Вот где умрет Лукасинью Алвес Мано ди Ферро Арена ди Корта. Прямо в этом слишком маленьком, залатанном и грязном пов-скафе. Маккензи не смогли его убить, боты не смогли его убить. Леди Луна приберегла его для своей самой интимной смерти: поцелуя, который высасывает из легких остатки воздуха. Этот красно-золотой скафандр, эти звезды и стекло, полное их отражений, этот голубой полумесяц Земли, эти слишком маленькие перчатки – вот его последние ощущения, последнее, что он видит; шипение дыхательной маски и далекий грохот сердцебиения – последнее, что он слышит.

И все не так уж плохо теперь, когда конец близок и неизбежен. Так было всегда. Таков урок Мадонны Тысячи Смертей. Важно лишь то, как он встретит свою судьбу – не свернет с пути, пойдет прямо по собственной воле, с достоинством. Его легкие измучены. Воздуха не хватает. Надо идти. Ноги словно каменные. Он не может ставить одну впереди другой. Все показатели на дисплее шлема красные. Поле зрения сужается. Он видит шлем Луны, свою руку в ее руке. Круг делается все теснее. Он не может дышать. Надо выбраться. В смерти нет достоинства. Он вырывается из хватки Луны, сражается с собственным шлемом и костюмом, пытаясь выбраться из них. Его мозг полыхает. Красный цвет сменяется белым. Его уши заполняет всепоглощающий вой. Он не видит, не слышит, не может дышать. Не может жить. Лукасинью Корта падает в белые объятия Леди Луны.

9: Лев – Дева 2105

Семья пронесла Кайо в подобии носилок – кухонный стол, прикрученный тканевой клейкой лентой к двум бамбуковым шестам – вверх на восемь этажей. Как Папу Римского. Как инвалида к целебному источнику. Они помогли ему дойти до бассейна с гидромассажем, устроенного на крыше, и усадили на краешке, ногами в воду. Потом ушли, оставив Кайо и Алексею вдвоем.

В ее распоряжении были треножник, экран и мороженое. Кешью. Нелюбимый вкус Алексии, но надо брать то, что можно взять, и, как ни крути, главным был Кайо. Она сидела рядом с братом, опустив ноги в холодный, пузырящийся бассейн, и они кормили друг друга с ложечки мороженым со вкусом кешью. Алексия высасывала кусочки орехов, застрявшие в зубах. Потом взошла луна, озарив море серебром, и Алексия перенесла ее с неба на свой экран.

– Темные части называются морями, а яркие – возвышенностями, – сказала она, увеличивая Море Спокойствия. За считанные дни Алексия стала в башне экспертом по Луне. – Это потому, что люди считали, что там есть вода. На самом деле они просто из другого камня – такого, который бывает в вулканах, и он действительно когда-то тек, словно вода, так что «море», видимо, правильное слово. Это Море Спокойствия. Вот тут у нас Море Изобилия, Море Нектара, Море Ясности и Море Дождей. Есть даже океан, он на западе Луны... – Она окинула взглядом картинку – увеличение было довольно впечатляющим для бюджетной модели. – Океан Бурь.

– Но на Луне не бывает бурь, – возразил Кайо.

– На Луне вообще нет погодных явлений, – уточнила Алексия.

– А можно теперь посмотреть на большой член?

– Еще чего.

Главный Хрен был легендарной достопримечательностью: стокилометровой длины член с яйцами, который в Море Дождей шинами роверов выдавили скучающие рабочие-поверхностники. От времени и промышленного воздействия картинка поблекла, но все равно оставалась определяющим символом человеческой деятельности на Луне.

– Я хочу показать тебе Лунного зайца.

Алексия уменьшила масштаб, чтобы на экране поместилась Луна целиком. Она обрисовала «уши» – Море Нектара и Море Изобилия, «голову» – Море Спокойствия; обозначила очертания огромного Лунного

зайца.

– Не очень-то похоже, – сказал Кайо.

– Ну, ты понимаешь, люди вечно видят чьи-то лица там, где их нет. В Китае верили, что Нефритовый заяц украл формулу бессмертия и унес на Луну, где сидит и толчет в ступке нужные травы. – Она нарисовала «пестик», обведя Море Облаков. Согнула пальцы и перевернула картинку на экране вверх ногами. – А норте кажется, что это лицо – Человек-на-Луне. Видишь?

Кайо покачал головой и нахмурился.

– А, теперь вижу! Но тоже не очень-то похоже.

– Иногда они еще видели там старушку со связкой хвороста на спине, но я ее тоже не рассмотрела, – сказала Алексия. – А лунные жители, они видят рукавицу. От скафандра для работы на поверхности.

– Как они могут что-то видеть, если сами находятся на Луне?

– У них есть карты.

– А, ну да. Конечно.

Алексия обвела «рукавицу»: Море Нектара – большой палец, Море Изобилия – все остальные, Море Спокойствия – ладонь.

– Это как-то скучновато, – сказал Кайо. Алексии пришлось согласиться. – Даже заяц лучше рукавицы.

Треножник следил за восходящей луной. Яркий свет озарял сад на крыше; улицы тем вечером опять погрузились во тьму, целые кварталы потускнели. «Мы зажигаем огни», – так когда-то похвалялись в «Корта Элиу».

– Кайо, мне предложили работу, – сказала Алексия. – Фантастическую работу. Безумные деньги. Деньги, которые позволят нам отсюда выбраться, достаточно денег, чтобы мы никогда больше не жили в страхе. Но дело в том, Кайо, что она на Луне.

– На Луне?

– Это не такое уж безрассудство. Наша двоюродная бабушка Адриана отправилась туда. Она уехала из этой самой квартиры и добралась до Луны.

– Всю ее семью убили.

– Не всю. Люди летают на Луну, Кайо. Мильтон там побывал.

– Мильтона убили.

Алексия поболтала ногами в холодном бассейне, плеснула водой в Кайо, но он не поддался ее дурачеству.

– Ты уже решила, да?

– Я поеду, Кайо. Но я обещаю, обещаю, что за тобой будут смотреть лучшие люди. Я добуду тебе докторов, физиотерапевтов и репетиторов. Я о

тебе позабочусь. Разве я когда-нибудь нарушала слово? – Она пожалела об этих словах в ту же секунду, когда они прозвучали.

– Я мало что могу сделать, верно?

– Я хотела тебе показать, как она выглядит, чтобы ты примерно понял.

– Разве тебе мало нас, Ле?

В ее сердце появилась трещина.

– Ну конечно же, нет. Вы для меня все – ты, майн и Мариса. Тиа Йара, тиа Малика и тиу Фарина. Но здесь мне тесно. Я хочу большего, Кайо. Мы заслуживаем большего. Мы были великой семьей во времена двоюродной бабушки Адрианы. Есть способ уйти из Барры, и у меня только один шанс. Я не могу его упустить.

У Кайо дернулась щека. Он посмотрел на свои ступни в затихшей воде.

– Я вернусь, – пообещала Алексия. – Два года; такое ограничение по времени. Два года – это ведь недолго, правда?

Кайо пнул воду, брызги полетели на экран. У Алексии не было права заговаривать ему зубы.

– У тебя еще осталось мороженое?

– Ничегошеньки нету. Прости.

– Тогда можно мне посмотреть на большой член?

* * *

Пластиковые футляры для переноса и контейнеры для хранения перегораживали коридор. Мужчины в оранжевых спецовках с аббревиатурой из трех букв на спине маневрировали тележками. Алексия, в костюме «Майкл Корс» и туфлях «Кармен Стеффенс», протиснулась между громоздкими медицинскими агрегатами и штабелями картонных коробок. Номер-люкс открылся в ответ на прикосновение ее большого пальца. Внутри царил еще больший беспорядок: рабочие в спецовках упаковывали и складывали, работники отеля стояли рядом с беспомощным видом.

– Что здесь происходит? – резко спросила Алексия.

– Просто удивительно, сколько барахла я накопил за три месяца, – сказал Лукас Корта. Он перемещался в своем инвалидном кресле, объезжая рабочих и ящики, которые носили туда-сюда. Алексия дважды его поцеловала. – Мне весьма понравилось обладать вещами. Это так необычно. На Луне мы все выбрасываем и перепечатываем. Никому на самом деле ничего не принадлежит. Углерод, который используют для этой

стопки бумаг – это углерод, который нельзя использовать для чего-то другого. Он заперт. Мертв. Мы планета арендаторов. Думаю, я мог сделаться немного алчным в накоплении материального. Теперь все это должно уйти, и я против воли испытываю чувство потери. Я буду скучать по этому дерьму.

– Нет, – говорит Алексия. – Что здесь происходит?

– Я собираю вещи, Алексия. Я возвращаюсь на Луну.

– Подождите, – говорит Алексия. – Разве ваш личный помощник не должен быть проинформирован об этом? В, скажем так, приоритетном порядке?

– Это по моему приказу, – говорит доктор Воликова.

Вечно эта докторша тут как тут. Алексия уже перестала рассчитывать, что Воликова сообщит ей новости о здоровье Лукаса. Она знала, начиная с их первой встречи, что доктор не любит ее, считает неряшливой маленькой оппортунисткой. Маландра из Барры. Алексия позаботилась о том, чтобы доктор Воликова поняла: нелюбовь взаимна. Что посеешь, то и пожнешь: железное правило Барры. Алексия также знает, что врач не скажет ей причину этого приказа, если она не спросит.

– Меня должны информировать обо всем, что касается работы Лукаса.

Грузчики и упаковщики в оранжевом застывают. Взгляд Лукаса вынуждает их заняться своими делами.

– По крайней мере дюжина медицинских ИИ на пяти континентах следят за моим здоровьем, – сказал Лукас. – Четверо из них пришли к единому мнению, согласно которому мне нужно покинуть Землю в течение следующих четырех недель, чтобы получить пятидесятипроцентный шанс выжить во время орбитального перелета.

– Физиологические показатели сеньора Корты ухудшились за последние две недели, – пояснила доктор Воликова.

– Земля жестко стелет, – сказал Лукас.

– Можно поговорить наедине? – спросила у него Алексия. Он покатил в свою спальню. Алексия закрыла дверь. Знакомые сканеры и мониторы вместе с дыхательным оборудованием были собраны и отодвинуты. Водяной матрас стоял сам по себе, непокрытый и обособленный.

– Лукас, я ваш личный помощник?

– Верно.

– Тогда не обращайтесь со мной, как с гребаной племянницей. Вы меня наняли не для того, чтобы я стояла рядом в короткой юбке и на высоких каблуках, украшая помещение. Вы выставили меня душой перед теми грузчиками. А кто их вообще нанял? Это моя работа. Позвольте мне

делать мою гребаную работу, Лукас.

– Я ошибся. Мне жаль. Для меня непросто делегировать полномочия.

– Я это понимаю, но когда вы вернетесь на Луну – если я правильно понимаю, чем вы там собираетесь заниматься, – избытка друзей у вас не будет. Я буду на вашей стороне, но вы должны поверить, что если я пообещала что-то сделать – значит, сделаю.

– Ладно. Мне нужно, чтобы ты улетела с Земли со мной.

«Ты пытаешься бросить меня», – подумала Алексия. Наблюдаешь за моими глазами, горлом, руками, ртом, ноздрями – ищешь любой намек на то, что я шокирована. Ты устроил все это шоу, чтобы увидеть, как яотреагирую. Хочешь посмотреть, из того ли я теста. Смотри в мои глаза. Я не отведу взгляда.

– Сегодня вечером я уезжаю в Манаус на предполетную тренировку. Это необходимый минимум. Я могу общаться со своими сторонниками онлайн, но есть работа, которую надо закончить здесь, в Рио.

– Что мне делать?

– Нужно одобрить дизайн ботов. Я не смогу этого сделать. Ты должна увидеть их физически, посмотреть, на что они способны. Нажми на производителей, чтобы не канителились с доставкой. «ВТО-Манаус» готова к отправке на орбиту, но им потребуется уведомление за двадцать один день.

– Я сделаю это, Лукас.

– Ты мне понадобишься в Манаусе за пять дней до запуска. Медицинские и физические осмотры – довольно серьезное дело. Твой билет забронирован.

Вот говнюк. Она купилась! Алексия подавила улыбку.

– Еще кое-что. – Лукас полез в карман куртки от «Больюли». Алексия восхищалась костюмами Лукаса Корты. Она никогда не видела, чтобы он носил одно и то же дважды. У него всегда был цветок в петлице, розовый и свежий. С каплями росы, даже в дни, когда жара на авениде Атлантика ударяла, словно молоток по наковальне. Из его кулака свисало какое-то серебряное украшение на цепочке. – Прошу тебя...

Алексия присела на корточки, наклонилась, и Лукас застегнул цепочку у нее на шее. Это был не подарок, не драгоценность. Она почувствовала себя средневековым рыцарем, удостоившимся милости.

– Это код, – сказал Лукас. – Он хранился в моей семье на протяжении поколений. Мать передала его мне. Я отдаю тебе. Если что-то случится со мной, если я буду не в состоянии попросить тебя о нем или каким-то образом согласиться с тем, чтобы его задействовали, сделай это сама.

– Как... когда...

– Ты поймешь.

Алексия взглянула на подвеску: топор с двумя лезвиями.

– Секира Шанго, – сказала она.

– Шанго, Владыка справедливости, – сказал Лукас. – Моя мать почитала ориша. Она не верила в них, но уважала.

– Я понимаю это чувство, – сказала Алексия. – А что делает код?

– Призывает молнию.

Алексия позволила подвеске упасть на свою кожу.

– Разве может случиться так, что вы не сможете попросить меня о ней?

– Ты знаешь, о чем я.

Алексия взялась за кресло и отвезла Лукаса обратно в гостиную. Упаковщики и грузчики сложили бумаги в коробки, коробки – в штабеля, а штабеля – в строй.

– Один вопрос.

– Задавай.

– Все эти вещи – где вы их держали, черт возьми?

– А-а, так ведь я снял еще и соседний люкс, – сказал Лукас Корта.

* * *

– Иди сюда, – сказала Алексия и опустила задний борт пикапа. Подушки, холодильник с «Антарктикой», отпугиватель насекомых, воткнутый в резервный разъем. Улыбка Нортон сделалась шире, когда он увидел пенный матрас. Алексия потянула его в заднюю часть кузова, запрыгнула и похлопала рядом с собой. Нортон настроил радио на тихую ночную болтовню и присоединился к ней. Они обложились подушками и сидели рядом, свесив ноги с кузова, с бутылками в руках, глядя на огромный клинок из огней – Рекрейо дос Бандейрантес и Барра-да-Тижуку.

Алексия обнаружила это тайное местечко под сенью леса почти случайно – свернула, чтобы срезать путь к клиенту, и оказалась не где-нибудь, а на площадке, примыкающей к служебной трассе, что вела в заповедник дикой природы Педра Бранка. Педра Бранка был последним лоскутком старого прибрежного дождевого леса, потрепанным и выбеленным изменениями окружающей среды, вцепившимся в холмы над Рекрейо дос Бандейрантес. Она выбралась из пикапа; прислушалась, подышала, окинула взглядом даль. Почувствовала тенистую прохладу и медленное дыхание деревьев. Увидела, как тукан пролетел в высокой

листве с украденным птенцом в клюве. Услышала насекомых, далекий прибой, ветер. Неустанный шум дорожного движения стих до басовитого ворчания.

Алексия любила свое тайное место, но держала шокер под рукой. Здесь обитали молодые дикари, сбежавшие от полиции, банд, армии и собственных семей. В последний раз, когда Алексия приезжала в Педра Бранка, мысок ее ботинка запнулся о человеческую большую берцовую кость, которую притащил из глубин леса какой-то хищник.

Она долго думала, прежде чем привести сюда Нортона.

Этим вечером он был молчалив. Она надеялась, что от красоты у него перехватило дыхание и пропал дар речи. Она надеялась, что это другое молчание по сравнению с тем, что он не разговаривал с нею пять дней, не отвечал на звонки, не подходил к двери – и все после того, как она рассказала ему о Луне.

Алексия подняла свою бутылку пива. Нортон чокнулся с ней.

– На Луне пиво пьют?

– Спиртное. Ячмень там не растет. И они едят мало мяса. И нет кофе.

– Ты там долго не протянешь.

– Я пытаюсь отучить себя от всего этого еще до отлета.

Она почти не видела лица Нортона, но знала, что он снова закатил глаза. Она почувствовала, как он облокотился о подушки.

– Это красиво, – сказал он. – Спасибо.

«Это мой подарок, – подумала Алексия. – Мое особое место». Интересно, кого он первой сюда привезет на заднем сиденье своего мотоцикла. Она поразилась тому, насколько подлой была эта мысль.

– Нортон.

– Так и знал, что ты сейчас что-то скажешь.

– У меня есть окно запуска.

– Когда?

Она назвала дату. Он опять надолго замолчал.

– Мне страшно, Нортон.

Он был тихим и недвижимым силуэтом в сумерках.

– Ты бы мог хоть обнять меня, и все такое.

Нортон обнял одной рукой. Алексия прислонилась к нему.

– Это всего лишь два года.

Шевеление в подлеске: фары пикапа на миг зажглись и спугнули непрошенного гостя. Раздался топоток чьих-то убегающих лапок.

– С бизнесом что-нибудь придумала?

Ну опять он за свое. Нортон считал себя естественным наследником

«Корта Агуа». Алексия проявила творческий подход, намекая – но не говоря напрямую, – что он высосет бизнес досуха за месяц.

– Я оставляю его Сеу Освальду.

Она почувствовала, как Нортон напрягся от потрясения и ярости.

– Сеу Освальду руководит качалкой для гомиков. Он не инженер-гидротехник.

– У него успешный бизнес.

– Он гребаный гангстер, Ле.

«А ты сам-то кто такой?» – подумала Алексия.

– Он известный и уважаемый в обществе человек.

– Он убивал людей.

– Он лично никого не убил.

– Да уж, большая разница, Ле.

– Он знает, что надо делать и как, Нортон. А вот ты... – Она прикусила язык.

– А я не знаю. Ты это хотела сказать, верно? Нортон ди Фрейтас не способен руководить твоим бизнесом.

– Пора все закончить, Нортон.

Разрыв должен быть чистым. Ни уз, ни отговорок – ничто не должно приковывать ее к Земле.

– Всего лишь два года. Ты мне это сказала.

– Нортон, не надо так...

– Ты улетишь, и пройдет год, потом два, потом три – и выяснится, что ты не можешь вернуться. Я знаю, как это происходит, Ле. Луна пожирает тебя, пока ты не оказываешься у нее в плену, как бы тебе ни хотелось вернуться домой.

Ни обещания, ни успокоения, ни подачки здесь не помогут.

– Я отправляюсь на Луну. На гребаную Луну, Нортон. Меня засунут в ракету и пульнут в космос, и мне так страшно.

Они сидели в пикапе бок о бок, сквозь просвет в зарослях глядя на огни великолепного города, расположенного внизу. Они не прикасались друг к другу, не говорили. Алексия открыла еще одну бутылку, но пиво показалось ей тошнотворным и мутным. Она швырнула его далеко в темноту.

– Пошло все на хрен, Нортон.

– Давай я тебя натренирую.

– Что?

– Я знаю, в чем суть. Чтобы отправиться в космос, надо быть в хорошей физической форме. Давай я тебя натренирую.

Предложение Нортона было таким нелепым, таким глупым и таким искренним, что у Алексии в сердце как будто распустился маленький цветок. Нельзя упускать, когда тебя прощают.

– И какие тренировки ты предлагаешь?

– Базовые силовые. На выносливость. Тяжести и наращивание сопротивляемости. Можно и побегать немного.

– Вот бегать не надо. С бегом у меня не складывается. Все болтается туда-сюда. Я хожу. Элегантно и с достоинством.

Она почувствовала смех Нортона – басовитый грохот, передающийся сквозь корпус пикапа.

– У нас мало времени, но я несомненно могу привести тебя в хорошую форму к запуску. Ты будешь в тонусе, Ле. Накачаешься.

Алексии понравился образ, который в ее воображении вызвали эти слова. Она позволила своему пальцу забрести под майку, к животу. Он был маленький, без жирка, но и без мышц. В семье, где все отличались крепким телосложением – Кайо походил на тумбочку, и даже Мариса была крупной, – Алексия выглядела как флашток. Горошинка. Тощая деточка. А где-то там должны быть мышцы. Пресс.

– Это был бы лучший из всех возможных подарков на прощание от тебя. – Прощание. Она подчеркнула это слово. Не хотела, чтобы у Нортона возникли фальшивые надежды.

– Придется потрудиться.

– Это мой конек, Нортон.

– Заеду за тобой завтра. Обувь подходящая есть?

– Рабочие ботинки.

– Значит, сперва поедem за покупками.

– Нравится мне такая предполетная подготовка...

Нортон откинулся на матрац, окутанный запахом цитронеллы от отпугивателя насекомых. Сцепил пальцы за головой и уставился на кроны деревьев.

– А ты знаешь, что такое хорошая тренировка?

* * *

Комната была та же самая. Лукас теперь жалел, что не оставил каких-нибудь следов, каких-нибудь едва заметных царапин, которые бы позволяли точно определить, что именно в этом карантинном помещении его разместили после падения на Землю. Водяные баки, солнечные панели,

тарелки антенн, убогий клин желтого бетона, синее небо, тускло-коричневые деревья. Последние четырнадцать дней в небе был дым. Он чувствовал его даже в отфильтрованном и очищенном воздухе.

Земля была чередой комнат, которые переходили одна в другую. С кондиционированным воздухом, в пастельных тонах, с контролируемым освещением, без пыли, с обслуживанием, пахнущие чистящими средствами, с истоптанными коврами и воспоминаниями о еде, которую обслуга приносила в номер. Земля была серией мельком увиденных картин, видов из окна, и от них его всегда что-то отделяло – окно в самолете или в комнате, стекло машины. Он был заточен и изолирован.

Однажды он сбежал из своего люкса, разбил окно, когда Алексия повезла его в Барра-да-Тижуку, чтобы посмотреть на квартиру, в которой родилась его мать. Необузданное небо, бескрайние виды. Песок в туфлях – он запаниковал, и теперь это вызывало у него досаду. Дорожное движение, открытые небеса. Запах моря, обожженного солнцем песка, шин и аккумуляторов, стряпни, мочи, семени, смерти.

Лукас Корта выбрался из инвалидного кресла и заковылял к окну, чтобы посмотреть на маленький кусочек Бразилии.

Он увидел свое лицо в окне, призрачное отражение поверх призрака Бразилии. Это не было лицо старого или преждевременно состарившегося человека. Это было нечто более жуткое – лицо мужчины средних лет, подвергшееся воздействию силы тяжести. Каждая складка, каждая черта, каждая морщина и пора, его полные губы, изгиб его носа, его длинные, чувственные мочки, волосы его бороды, складки на шее, подбородок, щеки – все это тянулось вниз, ослабленное, разрушенное, удлинненное и истощенное. Гравитация вытравила из него всю жизненную силу. Бесконечное, неумолимое давление силы тяжести, словно щелок, уничтожило в нем жизненные соки и энергию до последней крупички.

Он не мог дожждаться возвращения домой, на Луну. Он уже не мог себе представить, какой она была.

А вот Земля была адом.

Тренер оказался не тот, что готовил его к Бразилии; угрюмая молодая женщина, которая желала смерти Лукасу всякий раз, когда видела его, убогого, но занятия оказались такими же неприятными, как в прошлый раз, и куда более трудными. Во время запуска ему предстояло вынести четырехкратную земную силу тяжести. Двадцать четыре лунных сил тяжести.

«В циклере будет ждать реанимационная бригада», – сообщила доктор Воликова.

Сила тяжести, помноженная на двадцать четыре. Никакая тренировка не могла подготовить человеческое тело к такому злоупотреблению, и Лукас хладнокровно ждал, когда включатся двигатели. У него больше шансов выжить, чем умереть. Этого достаточно.

Он не спал в ночь перед стартом. Нужно было кое-кому позвонить, провести конференции, кое-что просмотреть и проверить детали. Его союзники коварны – это он понял в тот первый день, когда осторожные агенты земных правительств появились в его виртуальном пространстве для конференций. Они видели богатство и власть Луны. Они хотели это заполучить. Им требовалось лицо, которое Луна признает; человек, который знал тот мир, его законы и политику, его обыкновения и дела. Когда он перестанет быть полезным, когда они узнают достаточно, его предадут. Пока что ему нужно лишь выжить при двадцатичетырехкратной лунной силе тяжести.

Остаток ночи он собирал плейлист из песен Жуана Жильберту, чтобы слушать на орбите. Шепот гитарных аккордов, бормочущий вокал, похожий на легкую молитву, – пусть все это будет контрапунктом к грохоту двигателей космического транспорта.

Адриана обожала Жуана Жильберту.

Утром перед стартом он не ел. Пил воду и плавал. Тот же мрачный юноша в плохом костюме, который прикатил его в кресле с шаттла, когда он прибыл на Землю, покати́л Лукаса в обратную сторону, по коридорам с досадными признаками изношенности мира, прямо в посадочную трубу.

– Аби Оливейра-Уэмура, – сказал Лукас. – Я не забываю имена.

Он оставил свою трость с серебряным набалдашником там, где посадочная труба соприкасалась со шлюзом.

Доктор Воликова и Алексия уже пристегнулись. Салон был битком: в дополнение к личной обслуге Лукаса его политические партнеры посылали дипломатов и разных темных лошадок.

– Доброе утро, – поприветствовал Лукас Алексию. Она выдавила слабую улыбку. Ею овладел безграничный ужас. – Космические путешествия теперь стали обычным делом.

И включил Жуана Жильберту.

Он не схватился за подлокотники, когда космический самолет отделился от посадочной трубы и пассажиров вдавило в спинки кресел. Он не взглянул со страхом на доктора Воликову слева или Алексию Корта справа, когда судно выехало на рулежную дорожку. Он не напрягся, когда в конце взлетно-посадочной полосы оно повернуло и выдвинуло турбореактивные двигатели. Не ахнул, когда космолет взял разбег и от

ускорения на его грудную клетку рухнул небоскреб. Не закричал, когда они оторвались от земли и нос судна начал подниматься – он поднимался, поднимался и поднимался, пока не вышло так, будто Лукас смотрит вдоль некоей космической пушки, и вот тогда-то и включились большие двигатели.

Космолет набирал высоту над Амазонкой. На высоте пятнадцати километров заработал главный двигатель. Реактивная тяга рывком подняла космолет к небу. На Лукаса Корта упала планета. Он тихонько вскрикнул, задыхаясь – весь воздух выдавило из легких. Он не мог вдохнуть. Он попытался посмотреть на доктора Воликову, подать ей какой-нибудь невербальный сигнал, умоляющий о помощи, но не сумел пошевелить головой, и она ничего не могла сделать, прижатая к сиденью многократной силой тяжести, сдирающей веки с глаз и губы с челюстей.

«Помогите», – беззвучно проговорил Лукас Корта. Его сердце сдавливал кулак из раскаленного железа, и с каждым ударом хватка сжималась. Он не мог дышать. Он попытался сосредоточиться на музыке, определить, как меняются аккорды, затеряться в ней, как он терялся в джазе во время мучительных тренировок на пути к Земле. Гравитация сокрушала его. Кости трещали. Наверное, глазные яблоки уже раздавило и череп вот-вот лопнет. Сердце умирало – кусочек за кусочком отваливались от него, чернея. Сидя на центральном сиденье космолета «ВТО-Манаус», Лукас Корта взрывался внутри. Боль превосходила все, что ему довелось вынести, она была чем-то большим, чем боль. Аннигиляция. И длилось это вечно.

Он увидел, как Алексия повернула к нему голову, ее черты были смазаны и расплывались из-за ускорения, их обвело зыбкой чернотой, и его зрение сузилось до щели, до грани, до проблеска: маленькая двойная секира Шанго. Она кричала.

«Врача! Врача!»

«Chega de Saudade»^[29], – прошептали на ухо Лукасу Корте. Космолет «Домингос Хорхе Велью» поднимался на столпах огня. Колонну дыма разметало ветром над лоскутами дождевых лесов Амазонки.

* * *

Хорхе-Мария принес пиво, а Орбисон принес лед. Тиа Илия принесла сладости, а тиа Малика – шампур. Тиу Матео установил барбекю на балконе и устроил целое представление, оценивая силу ветра и его направление, разжигая огонь так, чтоб использовать как можно меньше

щепок. Вушу с двенадцатого этажа принес музыку – ту самую, которую слушал всегда и от которой содрогался весь дом, музыку, которой никто не хотел, потому что на самом деле Вушу им был нужен, потому что умел запускать трансляцию на каждом экране в квартире. Он все равно включил свою музыку.

Лед отправился в поддон душа, пиво – на лед, шампуры – на барбекю, а сладости-досес – на тарелки, которые Мариса раздала гостям. Гости расселись по диванам, и трансляция Вушу началась на больших и малых экранах. Шум в квартире стоял необычайный. Родственники, друзья и соседи с четырех этажей башни собрались, чтобы посмотреть, как Королева Труб покидает Землю.

«Заткнитесь, а ну заткнитесь все, ну же, вот оно, начинается».

Старты теперь сделались настолько рутинными, что их транслировали по каналу с низким рейтингом и прерывали рекламой каждые пятнадцать минут. В квартире стало тихо. Музыка Вушу грохотала в соседней комнате. Эссен схватил кухонный нож и пошел к нему. Громкость уменьшилась, но музыка не прекратилась, потому что никто не в силах остановить музыку. Космический аппарат выкатился на полосу. Камера следовала за ним до тех пор, пока он не растворился в дымке в конце взлетно-посадочной полосы. Ничего не происходило так долго, что кто-то попросил Вушу проверить, не зависла ли трансляция. Затем из серебряного теплового мерцания, из разогретой дымки появился черный дротик. Он поспешил в сторону камеры, оторвался от земли. Вся квартира разразилась радостными воплями. Космолет взлетел, оставляя за собой шлейф огня. Потом трансляция прервалась на рекламу, и вся квартира ее освистала.

Мать Алексеи безутешно плакала.

Вушу взял свою музыку и всех детей на 12-й этаж, где они танцевали, пока не наступил вечер и не начались перебои с электричеством.

* * *

Шаттл обогнул Землю, двигаясь навстречу утру, и блеснул яркой серебристой иглой в солнечном свете. Он мчался к рассвету со скоростью двадцать восемь тысяч километров в час. Земля была синей и обильной, покрытой сгустками облаков; орбитальный транспорт на фоне огромного изгиба планеты выглядел крохотным осколком технологии. В тысяче километров за кормой на более высокой орбите вертелся конец космического кабеля, спрятанный в ослепительном сиянии солнца. Шаттл

перешел в полностью освещенную зону. Короткоживущие тени, порожденные светом, льющим сквозь окна и иллюминаторы, пробежали через многоместную кабину, уменьшаясь к зениту, нарастая к вечеру, который наступал через сорок пять минут. И вот он внезапно наступил. Космолет пересек Сахару с ее сумеречными красновато-коричневыми дюнами. Солнечные фермы в пятистах километрах внизу мигнули вслед заходящему солнцу и погасли. Впереди вдоль Нила горела египетская ночь, словно змея из двухсот миллионов огней. Ничто не могло более ясно заявить: Египет и есть Нил. Тьма пала на Каспийское море; паутины света раскинулись в Центральной Азии: города и трассы, заводы и линии электропередачи.

Сто километров до перехода. Космолет разблокировал транспортный модуль. Двигатели шаттла озарились безмолвными вспышками плазмы, приводя вектор его движения в соответствие с кабелем. Стрела крана выдвинула модуль из отсека челнока. Огни переключились на красный, кран внес последние небольшие поправки, пока кабель опускался. В момент перехода их относительные скорости на несколько минут станут равны нулю. Красные огни сменились зелеными. Конец кабеля соединился с магнитным захватом, и кран отпустил модуль. С нарастающей скоростью вертящийся кабель швырнул его прочь от космолета, чьи двигатели теперь горели синим пламенем – он разгонялся, удаляясь.

На пике цикла кабель отпустил транспортный модуль. Тот взлетел высоко над ликом Земли, навстречу восходящему Солнцу. В жаре восхода его ждала черная точка: циклер ВТО «Святые Петр и Павел». Кабель продолжил вращаться на орбите голубой планеты. Единственным средством передвижения транспортного челнока были сгруппированные маневровые двигатели. Если бы кабель швырнул его слишком сильно, он бы пролетел мимо циклера и отправился в космос, беспомощный. Слишком слабо – и он бы упал, чтобы прочертить на утреннем небе огненную линию, сгорая в плотных слоях атмосферы.

С расстояния в двадцать километров циклер обрел форму; центральная ось, кольца вокруг нее, жилые блоки и маневровые двигатели на одном конце, соцветие солнечных крыльев – на другом. Изысканный лунный цветок. От ускорения его панели и распорки сломались бы, точно веточки. Пять километров. Бросок кабеля был точным. За шестьдесят лет верчения на земной орбите он ни разу не промахнулся.

Опять включились двигатели Вернье, разворачивая транспортный модуль так, чтобы он смог состыковаться со шлюзом циклера. Два космических аппарата, словно нерешительные танцоры на свадьбе,

вылетели из ночи в новый рассвет. В лучах зари логотипы ВТО на брюхе транспортного модуля заблистали золотом. Позиционирование: два аппарата сохраняли целомудренную дистанцию, пока шли последние проверки. Опять заработали маневровые. Относительная скорость модуля и циклера составила десять сантиметров в секунду. Над Японским морем они встретились, и произошла стыковка. Сработали захваты, выровнялось давление. В шлюзе циклера стояла наготове команда медиков ВТО.

В таких вещах спешка недопустима.

Открылся люк.

Медики бросились в космолет.

* * *

Через три дня после того, как циклер ВТО «Святые Петр и Павел» обогнул Землю и улетел к Луне, «Корта Агуа» разослала уведомления всем клиентам. Со сменой управления необходимо будет нанять инженеров, чтобы поддерживать высокое качество воды и бесперебойные поставки. К сожалению, это означает, что цены вырастут. Самую малость.

* * *

От кружения звезд ее мутило.

Обзорный пузырь был куполом из закаленного стекла на конце оси вращения «Святых Петра и Павла», и места в нем хватало, чтобы космосом любовались двое. Две молодые работницы ВТО в ярких и облегающих полетных комбинезонах привели ее в хаб и велели ждать. «Постойте! – крикнула Алексия им вслед, но обе уже уплывали, держась за протянутый в центре трос и отталкиваясь мягкими ластами. – Надо ли мне держаться вместе с кораблем или поворачиваться со звездами?» Если она хваталась за поручень обзорного пузыря, звезды проносились мимо так быстро, что кружилась голова. Если она отпускала перила, растопыривала конечности и, оттолкнувшись, сама начинала вращаться, ей все равно не удавалось догнать скорость вращения звезд, и явное движение корабля сбивало с толку, не давало сосредоточиться и приближало приступ рвоты.

У невесомости и Алексии Корты отношения складывались неудачно. Мышцы, которые Нортон усердно сформировал вокруг ее сущности, защитили Алексию от жестокого вертикального старта, но когда она

пыталась двигаться при нулевой силе тяжести, они давали избыточную силу или их сводило судорогой. Ее ступни, ее кисти рук и, что ужаснее всего, ее лицо раздулись до предела. Кожа казалась натянутой и грязной, от низкого давления в циклере у нее все зудело. Она не могла взять под контроль волосы, они лезли в глаза и в рот, слепили ее, пока одна космическая жительница не подарила ей сетку. Когда она пыталась перемещаться, ее руки и ноги двигались, словно лапы плывущего щенка.

Алексия Корта схватилась за поручень и пробралась в купол. Тихонько ахнула. Она парила в космосе. Кружащиеся звезды короновали ее. Посмотрев вниз, она увидела солнечные панели, расположенные кругами, словно лепестки лунного цветка. Под ними находились вложенные кольца обиталищ, и если она подбиралась к самому краю купола, то видела край модулей связи и маневрирования. Она кружилась в космосе на стеклянном троне.

– Вот это, осмелюсь заметить, интересное зрелище.

Вид был такой захватывающий, что Алексия не заметила, как к ней кто-то приблизился. Незнакомец завис в метре от направляющего троса, прикрепленный к нему тросиком покороче с карабинами на концах.

– Что?

– У вас взгляд Корта. И дерзость Корта.

– Господин Воронцов...

Мужчина пожал плечами и поморщился. Она в мыслях назвала его «мужчиной»; на самом деле его тело было таким покоробленным, таким изнуренным и удлинненным, таким растянутым и утыканным трубками и кабелями, что гендерная идентификация проходила в самую последнюю очередь. Это что, мешки для колостомы?

– Я Алексия Корта.

Он снова поморщился и не взял ее протянутую руку. Но чуть изменил свое положение, чтобы находиться с ней в одной плоскости. Этикет невесомости. Алексия это запомнила.

– Вы инженер-гидротехник. Восхитительная профессия. Ведущая. Все происходит из воды и заканчивается водой.

– Спасибо, сэр.

– Мне сказали, он будет жить.

– У него была клиническая смерть продолжительностью семь минут, сэр. Ваша реанимационная бригада добралась до него вовремя. Тяжелый инфаркт миокарда.

– Я предупреждал, что Земля разобьет ему сердце. Выходит, вы последняя из Корта.

– Лукас в восстановительном отделении, сэр.

– Вы знаете, о чем я. Я пилотировал этот корабль, когда Адриана Корта отправилась на Луну. Пятьдесят лет – долгий срок, чтобы ждать, пока появится Корта.

– Пятьдесят лет – долгий срок, чтобы провести его в космосе, сэр.

Глаза Валерия Воронцова сверкнули.

– Больные чудачки. Инбредные идиоты, напичканные радиацией. ДНК прогнила изнутри. Не такие, как мы. Совсем не такие, как мы.

– Нет, сэр...

– Так о нас думают. На нас всегда смотрели свысока. Асамоа считают нас варварами. Маккензи думают, мы пьяные клоуны. Сунни вовсе не считают за людей. Жаль. Я бы хотел сказать это Лукасу в лицо. Скажу вам вместо него.

– Сэр, я всего лишь...

– Последняя из Корта. Все в твоих руках.

Валерий Воронцов с трудом развернулся, держась за трос. Мешки с фекалиями и мочой, покачиваясь в невесомости, поплыли следом.

– Сэр!

Он остановился.

– Лукас мне кое-что дал. Код.

– Я слишком стар для запоздалых аргументов, – проговорил Валерий Воронцов. – Я попросту не выношу внезапных поворотов. Скажите мне то, что должны сказать.

– Это командный код. Я не знаю, что он делает.

– Что сказал Лукас?

– Он призывает молнию.

– Вот и ответ.

– Он сказал, если не сможет попросить меня о нем или каким-то образом дать согласие на его применение, я должна его задействовать.

Валерий Воронцов тяжело вздохнул и завершил маневр. Он стал продвигаться вдоль троса рывок за рывком, всякий раз скользя несколько метров. У шлюза лифта он заговорил, обращаясь к ней:

– А вам не кажется, что двум мирам пора узреть небольшую молнию?

* * *

И пока звезды кружились над головой Алексии Корты, она подняла секиру Шанго Справедливого к губам и поцеловала.

«Вы должны поверить, что если я сказала, что сделаю что-то, это значит – сделаю», – сказала она. Слово Мано ди Ферро.

Алексия прошептала слова силы, которым ее научил Лукас:
– Железный Ливень.

10: Скорпион 2105

Двести сорок. Так много цифр в голове у Луны Корты. Восемь. Один. Двадцать пять. Восемь. Тридцать. Три. И то число, что больше всех этих маленьких чисел: двести сорок.

Двести сорок. Столько секунд человеческий мозг может прожить без кислорода.

Восемь. Процент заряда, оставшийся в аккумуляторе жесткого скафандра Луны Корты.

Один. Градус Цельсия. До такой температуры под контролем Цзиньцзи остыла внутренняя среда пов-скафа Лукасинью Корты, когда у него закончился воздух.

Двадцать пять. Градусов Цельсия. Температура, при которой начинают действовать как человеческий нырательный рефлекс, так и гипотермия, оберегая мозг от многих последствий гипоксии.

Восемь. Расстояние в километрах до ближайшего шлюза Жуан-ди-Деуса.

Тридцать: максимальная скорость безопасного бега жесткого скафандра двенадцатой модели, изготовленного ВТО.

– Луна: Лукасинью дал мне воздух, как отдать его обратно? – спрашивает Луна у своего фамильяра.

«Тебе не хватит воздуха, чтобы вы оба добрались до Жуан-ди-Деуса», – отвечает другая Луна.

– Я не иду в Жуан-ди-Деус, – говорит Луна Корта.

Три. Последнее число на внутреннем дисплее шлема Луны Корты. Расстояние в километрах до шлюза Боа-Виста.

«Тебе не хватит воздуха, чтобы вы оба добрались до Боа-Виста», – говорит Луна.

Двести сорок. Столько секунд человеческий мозг может прожить без кислорода. Три, поделенное на тридцать. Луна не может посчитать, сколько это, но столько времени ей понадобится, чтобы добежать на полной скорости до Боа-Виста, и это должно быть меньше, чем двести сорок секунд. Но у нее осталось всего восемь процентов заряда, и будет дополнительная масса, и позволит ли скафандр, чтобы девятилетняя девочка бежала в нем во весь опор?

«Предоставь числа мне, Луна».

Луна приказывает скафандру опуститься на колени. Его «руки»

большие и неуклюжие, у Луны нет опыта обращения с тактильными системами, и она никогда не поднимала столь драгоценный предмет, какой пытается поднять сейчас.

– Ну же, – шепчет она и, ужасно боясь что-то сломать, просовывает рукавицы под тело Лукасинью. – Ох, пожалуйста, пусть все получится.

Она выпрямляет ноги, держа Лукасинью в руках.

– Ладно, скафандр, – командует она. – Побежали.

От ускорения она едва не летит кувырком внутри жесткого костюма. Луна кричит от боли, чувствуя, как суставы дергаются и рвутся. Ноги выворачиваются. Они не могут двигаться так быстро, ничто не может двигаться так быстро. Гироскопы скафандра ее выравнивают, помогают вновь обрести равновесие. Она едва не роняет Лукасинью. Луна Корта в красно-золотом скафандре несется через Море Изобилия. Она мчится от черного к серому, пересекая пограничную линию между Стеклянными землями и нетронутой грязью. Реголит летит от ее ног; позади остается след медленно оседающей пыли.

Сто девяносто. Это новое число, которое фамилляр Луны вывел на ее шлем. Количество секунд, которое понадобится, чтобы достичь главного шлюза Боа-Виста. Но оттуда она должна добраться до убежища. Шлюз должен открыться. Шлюз должен ее узнать. Сколько секунд это добавит к ста девяноста?

– Луна, – говорит она и поет песню, которую знала всю жизнь; одну из тех, которые пайзинью пел над ее кроватью, когда каждый вечер приходил в детскую, к мадринам. «Слушай мою песню, анжинью. Пой со мной». Песня запускает экстренные протоколы Боа-Виста.

Что, если машины сломались? Если нет электричества? Если из-за сотни разных причин шлюз не откроется? Если Боа-Виста не прислушается к ее песне?

В жестком скафандре, преодолевая мучительную боль в суставах и сведенных судорогой мышцах, Луна Корта затаивает дыхание.

«У меня есть подтверждение от Боа-Виста», – говорит Луна-фамилляр.

Теперь она видит, как оживают сигнальные огни – вращающиеся красные фонари на шестах, ведущие домой тех, кто заплутал и потерпел крушение на Луне. С кузеном в руках Луна бежит к клину, обозначенному маячками. Перед нею склон из обожженного реголита, ведущий к главному шлюзу, и вот впереди открывается щель во тьму.

Больно, больно, как больно. Она еще никогда не чувствовала такой боли. Цифры на внутреннем дисплее шлема становятся белыми. Белый – это значит вышел из игры. Белый – это смерть. Сантиметр за сантиметром

щель расширяется, превращаясь в прямоугольник.

– Луна, покажи мне убежище.

На серо-черную картинку накладывается карта: схема Боа-Виста. Убежище – зеленый куб в десяти метрах за шлюзом. Луна сосредотачивается на нем, и ее фамильяр заполняет графическое изображение цифрами. Что Луна видит: немного воздуха, немного воды, немного медпомощи. Кое-какое укрытие, на время.

Она мчится под все еще поднимающуюся гильотину наружной двери шлюза во тьму.

«У меня недостаточно энергии для нашлемных огней», – извиняется фамильяр, но скафандр бежит куда надо, ориентируясь по воспоминаниям. Зеленое во тьме – светло-зеленый аварийный огонек, видимый сквозь круглое оконце. О, этот милый зеленый цвет...

Двести десять секунд.

– Сок гуавы, Лука, – говорит Луна. – Сок Гуавы из кафе «Коэльо». Очень холодный.

* * *

Лучи нашлемных фонарей прыгают по стволу туннеля, скользят по гладким стенам вдоль направляющей дорожки из синтера, покачиваются в такт телам. Они бегут, бегут со всей скоростью, на какую осмеливаются в этом опасном месте; прыгают, совершают великанские скачки длиной в несколько метров: Жени, Мо, Джамаль, Тор и Каликс. У них пов-скафы карнавальных цветов и оттенков: желтые и белые шевроны; нашивки и наклейки спортивных команд; мультяшные персонажи, нарисованные красным маркером от руки. Невозмутимый, комично-блаженный лик Вишну. Светящиеся пятна: кто-то движется в сбивающем с толку чужеродном танце сквозь темный туннель. Сжатые инструкции передаются со шлема на шлем. Тут мусор. Провал крыши. Провод под током. Брошенная автомотриса. Они быстро обозначают каждое препятствие ИИ-метками и мчатся дальше вприпрыжку. Это гонка.

«Десять метров».

«Есть метка».

«Тут!»

Фигура в пов-скафе с изображением Вишну снимает с плеча домкрат с силовым приводом и засовывает в щель между дверьми шлюза. Побывав здесь в последний раз, они усердно старались не оставить следов, не

потревожить воспоминаний, и заново запечатывали каждый шлюз и каждые ворота. Но сейчас у них гонка. Как только щель становится достаточно широкой, чтобы сквозь нее прошел человек, они по одному проскальзывают внутрь: Жени, Мо, Джамаль и Каликс. Тор засовывает между открытыми дверьми шлюза упавшую распорку и закидывает домкрат на спину. Урбанисты проходят сквозь внутренний шлюз и спускаются по ступенькам в величественное запустение Боа-Виста.

«Одни боги знают, что там».

«Метка отключилась».

«Может, те твари уже идут сюда».

«Мо, метка отключилась».

Метка отключилась. После месяцев тишины. После того как интересы компании переключились на промышленную археологию и интригующие, почти скульптурные остовы гелиевых экстракторов, уничтоженных во время бомбардировки капсулами БАЛТРАНа, открывшей войну между Маккензи и Корта. После того как Лукасинью Корта, брызгая слюной от ярости в баре, загнал клин в самое сердце их доверия и любви к урбанизму. Метка отключилась. Они договорились не возвращаться в Боа-Виста: степень запустения была гнетущей, разрушения – слишком недавними, лики ориша – слишком осуждающими, угрызения совести из-за проникновения – слишком сильными. На Луне нет призраков, но у камней есть память. Прежде чем уйти, они засеяли мертвый дворец метками, реагирующими на движение. Они предполагали, что тут появятся мародеры, историки, другие урбанисты. Чьи-то богохульные ноги. Или воспоминания выйдут из камня.

Что-то двигалось в мавзолее Боа-Виста. Метка моргнула и послала уведомление Жени.

«А если это бот?»

Жени передала изображения фамильяру товарища по команде. Метка была маломощная, со слабым разрешением, и картинка получилась размытой, но все же достаточно красноречивой. Человек в жестком скафандре. С неким грузом в руках.

«Это не бот».

Нашлемные фонари пов-скафов недостаточно мощные, чтобы осветить огромную экосистему вроде Боа-Виста, и внутренность старой лавовой трубки полна опасностей вроде упавших стен, раскиданного мусора и льда. Жени, Мо, Джамаль, Тор и Каликс прокладывают курс между руинами павильонов, через предательские камни мгновенно замерзшей реки, руководствуясь сетью своих меток и схемами

дополненной реальности на линзах, но большей частью их ведет бледно-зеленое свечение в северном конце обиталища, там, где находится главный шлюз.

«Надо было подвезти сюда ровер, потом спуститься прямо вниз через шлюз. Как два пальца об асфальт».

«Угу. А ты забыл про ботов, из-за которых так тревожился?»

«Твою мать...»

«Пойдем старым путем. Через трамвайный туннель».

Зеленое свечение – это аварийные огни убежища, в котором осталось мало энергии и ресурсов. Урбанисты мчатся по мертвым садам Боа-Виста, огибая препятствия, прибавляя скорости, сбиваясь в стайку. Жени, Мо, Джамаль, Тор и Каликс собираются возле светящегося зеленым круглого оконца в двери убежища. Сквозь потеки конденсата они с трудом могут разглядеть фигуру в жестком скафандре, которая сидит на полу, спиной к двери. Шлем снят. Это ребенок. В этой штучке гребаный ребенок.

– Каликс!

Нейтро подключает ранец пов-скафа к вспомогательному впускному отверстию и закачивает воздух.

Там есть еще одна фигура – в белом пов-скафе, на полу.

Жени втыкает свой кабель связи в разъем.

– Эй, ты меня слышишь? Это Жени, Мо, Джамаль, Тор и Каликс. Мы скоро вас оттуда вытащим.

* * *

Они внезапно падают с крыши мира – прыгают, кувыркаются, парят, крутят сальто. Электрические цвета, майки со слоганами, налобные повязки и напульсники, синие полосы на скулах, щеках и губах. Каскад тел, бегущих по перилам, прыгающих через трубы и кабели, летящих с опор, ныряющих меж кабельными трассами. Движения и трюки, которые Робсон Корта не в силах повторить – он может только завидовать. Он сумеет, если будет практиковаться. Бесконечно долго практиковаться. Он разбирает их фирменные движения, словно фокусы. Каждое строится на основе простого лексикона. Если его изучить, можно освоить и магию как таковую. Он ни разу не видел трюка, который не попытался разложить на составляющие и сделать своим.

Они забрались далеко, эти трейсеры из Меридиана, из всех трех квадр города, – они прокладывают маршруты через архитектуру городской

крыши; бегут километры по верхотуре, мелькают силуэтами на фоне горячей солнечной линии.

«Золотой круг».

Сеть упала, поезда не ходят, БАЛТРАН не работает, Тве в осаде, боты, грейдеры и прочее падают с небес и слухи бродят по миру, цокая титановыми копытцами, но в квадрате Антареса «Золотой круг», прямо на крыше проспекта Терешковой.

«Золотой круг» – это состязание, это вызов, который собирает всех трейсеров на верхотуру.

Меридиановская команда окружает Робсона Корта. Они старше, крупнее, сильнее. Круче. Они его знают. Он пацан, который упал с неба. Тринадцатилетка, который запарол свой первый бег. Который созвал «Золотой круг». Наклеил его, воспользовавшись флуоресцентным скотчем, на стыке труб на 112-й улице, выше того уровня, где все они стоят.

Никто не говорит. Все глядят на Робсона.

– Есть что-нибудь съедобное? – с запинкой спрашивает он.

Мальчик в пурпурных обтягивающих шортах бросает ему энергетический батончик. Робсон, позабыв про приличия и стыд, пожирает его. Прошло два дня после того, как он сбежал от Денни Маккензи в верхний город. Он не ел, пил только конденсат – слизывал с баков с водой. Он может упасть, пролететь три километра и уйти на своих двоих, но вот убежать у него не получается. Тогда-то он и понял, что не может сидеть на крыше города и ждать, пока меридиановские трейсеры появятся и спасут его. Он может их призвать.

– Ты устроил «Золотой круг», – говорит девушка в меланжево-серых облегающих шортах и синем топике, в тон раскраске лица. У каждого трейсера свой оттенок синего. Фишка Меридиана. Ему придется научиться тому, как делать это правильно. Должны быть какие-то инструкции на этот счет.

– Я знаю. Наверное, мне не следовало так поступать... – Он волновался и суетился полдня, пока искал в себе смелость украсть светящуюся ленту, которая требовалась для «Золотого круга».

– Нет, не следовало, – подтверждает парень в пурпурных шортах.

– Зачем ты нас позвал, Робсон Корта? – спрашивает девушка в синем.

– Мне нужна ваша помощь, – говорит Робсон. – Мне некуда идти.

– У тебя есть деньги, Робсон Корта, – возражает парень в пурпурном. – Ты же Корта.

– Я сбежал, – говорит Робсон, чувствуя ледяной холод, который приходит вместе с пониманием, что все может обернуться не так, как ему

хочется. – Денни Маккензи...

Парень в пурпурных шортах перебивает:

– Хахана, даже не думай!

– Твоя команда, Робсон Корта, – говорит синяя девушка, Хахана. – Трейсеры из Царицы Южной. Те, которые научили тебя бегать. Ты с ними связывался?

– Я пытался, но не смог...

– А знаешь, почему у тебя не получилось, Робсон Корта? Потому что они мертвы, Робсон Корта.

У Робсона перехватывает дыхание. Голова идет кругом. Он очень высоко, падать целую вечность. Его рот издает звуки, которые он не в силах ни объяснить, ни взять под контроль.

– Знаешь, как они умерли, Робсон Корта? Рубаки Маккензи забрали их в Лансберг. Всех выставили в шлюз. Всех до одного.

Робсон трясет головой и пытается сказать «нет-нет-нет-нет», но в его легких закончился воздух.

– Ты ядовитый, Робсон Корта. И, как ты сказал, Денни Маккензи? Денни Маккензи?! Мы не можем тебе помочь. Даже это может оказаться чересчур. Мы не можем тебе помочь.

Хахана кивает, и трейсеры кидаются от него во все стороны, прыгают и бегут, делают сальто и скачут, совершают десять разных движений, десять разных троп прокладывают сквозь высокий город.

Баптист, который научил его движениям и тому, как они назывались. Нетсанет, которая тренировала его, пока эти движения не стали его частью. Рашми, которая открыла ему, на какие трюки способно его собственное тело. Лифен, который дал ему новые способы воспринимать физический мир. Заку, который сделал его трейсером.

Мертвы.

Роберт Маккензи пообещал, что не тронет команду Робсона. Но Роберт Маккензи мертв, и мир, который был таким понятным, который двигался по рельсам, расплавился, разбился, погрузился в вакуум.

Он их убил. Баптиста, Нетсанет, Рашми, Лифена и Заку.

Он совершенно одинок.

* * *

На второй день Зехра присоединяется к Вагнеру в ремонтном доке. Повреждения ровера обширные, но отремонтировать их легко. Вытащить

модуль, заменить. Труд спокойный и монотонный, у него есть собственная скорость и ритм. Вагнер и Зехра работают, не говоря ни слова – слова им не нужны. Вагнером завладела напряженная сосредоточенность. Анелиза приходит в мастерскую, чтобы повидаться с ним. Может, он захочет пообедать? Сделать паузу? Она видит знакомую мрачную концентрацию, которая позволяет ему заниматься одним и тем же делом часами. Она спрашивает себя, каков светлый Вагнер. Удастся ли ей когда-нибудь увидеть его таким? Волк и его тень. Она уходит из мастерской, и Вагнер даже не замечает, что она там побывала.

Ипатия слишком маленькая, чтобы иметь свой трехсменный распорядок дня, и придерживается нормализованного времени Меридиана. В полночь третьего дня ремонт завершается, и Вагнер и Зехра отдыхают от своих трудов. Ровер блестит в лучах прожекторов. Для несведущего глаза это та же самая шестиколесная машина, которую усталая команда притащила на буксире в Ипатию и запихнула в ремонтный док. Этот глаз не заметит красоты новых модулей и моторов; свежих проводов и кабелей; частей, которые Вагнер разработал сам, отпечатанных на заказ и приложенных руками Зехры.

– Когда ты уезжаешь? – спрашивает Зехра.

– Как только зарядятся аккумуляторы и я закончу проверку. – Вагнер обходит вокруг ровера. В его правом глазу мелькают диагностические графики. Линза, установленная взамен старой, оказалась хороша, но с каждой минутой он испытывает все более сильное отвращение к тупому и безликому базовому фамильяру. И ведь они едины, неделимы.

– Я поеду с тобой.

– Никуда ты не поедешь. Одним богам известно, что там, снаружи.

– Ты без меня не выедешь из шлюза, – заявляет Зехра.

– Я лаода...

– А я тайком дописала строчку кода в цепочке команд.

С самого начала Вагнер понял, что его отношения с цзюньши будут строиться не на управленческих способностях, но на уважении. Она была цзюньши первой бригады стекольщиков, которую он вывел из главного шлюза Меридиана, и при их первой встрече она сидела себе спокойно на ступеньке ровера, пока рабочие постарше и повульгарнее пытались запугать, застрашать, сбить с толку и задавить авторитетом смазливой мальчишку-Корта. Когда они растратили боеприпасы, она забралась на свое сиденье с противоположной стороны ровера. Без единого слова. Случалось, бригады погибали из-за вражды между лаодой и цзюньши. Пока машина медленно ехала по пандусу в шлюзовую камеру, Зехра сказала по частному

каналу: «Чего ты не знаешь, того не знаешь, молодой Корта. Но я на твоей стороне».

Батареи заряжены. С ровером все в порядке по двадцати разным параметрам. Команда одета и обута, их ранцы полны. Вагнер заполняет план отправления. Пока сиденье опускается и поднимается защитная дуга, Зехра касается его руки.

– У тебя десятиминутное окно. Ступай и попрощайся с ней.

Вагнеру не нужен дешевый и противный маленький фамильяр, чтобы узнать, что Анелиза в своей каморке. С другого конца переходного мостика он слышит жужжащую, звучную мелодия и волнующее басовитое гудение ситара. Она импровизирует: темная натура Вагнера перебирает ноты, находя особые последовательности и очередности. Он не ценитель музыки и никогда им не был, но понимает и страшится той силы, которая позволяет ей очаровывать и направлять разум, ее господство над временем, ее ритм. Лукас любил погружаться в изысканную сложность босановы, где на каждую ноту свой аккорд. Вагнер видел в восторге брата нечто схожее со стайной экатой, но это была единоличная, атомизированная радость. Таинство причастия.

Музыка обрывается на середине такта. Фамильяр предупредил ее, что он у дверей.

Ему нравится, как она прежде всего аккуратно помещает ситар в чехол.

– Неплохо смотришься в этом скафандре, джакару.

– Лучше, чем когда я сюда прибыл.

– Намного лучше.

Когда они размыкают объятия, она кладет в его руку в перчатке пакетик.

– Напечатала твои лекарства.

Он пытается сунуть их в ранец, но рука Анелизы не дает ему это сделать.

– Я все вижу, Лобинью. Прими их сейчас.

Лекарства действуют так сильно, так точно, что Вагнер едва не теряет равновесие. Он перепутал приступ депрессии с истощением после боя и напряженной сосредоточенностью, порожденной желанием добраться до Робсона в Меридиане. Он так не ошибался уже много лет. На поверхности это могло убить его и Зехру.

– Спасибо. Нет... это превыше слов.

– Возвращайся. Когда все закончится – как бы оно ни закончилось.

– Я постараюсь.

По пути к транспортному отсеку он опять слышит перебор струн ситара. У него осталось три минуты на выезд.

– Мне нужен тот код, – говорит он Зехре, когда они усаживаются спина к спине на сиденья для цзюньши и лаоды.

– Какой код?

На протяжении первых двадцати километров Зехра замыкается в себе, слушая музыку, и Вагнер рад, что его оставили наедине с полноценным восприятием эффекта медикаментов. Это словно поездка через поле битвы. Физический мир то делается четким, то расплывается. Внимание сосредотачивается на чем-то одном, а потом нечто другое кажется более привлекательным. Перед его мысленным взором встает изуродованное ухо Анелизы. Это не был несчастный случай. Несчастные случаи не оставляют таких аккуратных следов. Она заплатила за предательство. Рука, что держала нож, была милосердна. Обычная для Маккензи цена за предательство – палец. Это заставило бы яркий радостный ситар умолкнуть навсегда.

Как давно Зехра с ним разговаривает?

– Прошу прощения?

– Я сказала, что хотела бы услышать твой вопрос.

Поездка легка – они следуют в Меридиан вдоль Первой экваториальной, по стеклу. Радарная мачта ровера поднята. Шлем Вагнера показывает, что между ним и запасом ресурсов в Зилбершлагге врагов нет. Связь с Ипатией хорошая. Инженеры «Тайяна» восстанавливают сеть, штопают ее и латают. Железные дороги заработали: по крайней мере, одна линия – из Святой Ольги в Меридиан. Война закончилась, война проиграна, война завершилась победой, война продолжается, война стала чем-то совсем другим; Вагнер и Зехра едут сквозь неопределенность и слухи. Вагнер думает о том, что можно быть посреди войны и не знать об этом. И опять он отвлекается, и снова ему приходится извиняться.

– Какой еще вопрос?

– Ты отправился в Меридиан за Робсоном. Тебе не приходило в голову спросить, почему я еду с тобой?

Вагнер предполагал, что Зехра отправилась в путешествие с ним из личной верности, и когда он это понимает, то осознает, что ничего не знает о своей цзюньши.

– Не приходило. Это моя ошибка.

– У меня там кое-кто есть.

Он и не знал. Он даже не подумал.

– Мама, – говорит Зехра. – Она старая, она одна, и луна вокруг нее

разваливается на части.

– Ох, – говорит Вагнер Корта.

– Вот так-то, – отвечает Зехра Аслан.

Они едут дальше по чистому и безупречному стеклу.

* * *

Вагнер включает двигатель на полную мощность, и ровер мчится во весь опор. Солнечный пояс – это его вотчина; здесь гладко, безопасно, спокойно и скучно-скучно-скучно.

Когда скучно, это хорошо. «Скучно» – значит, никаких потрясений и сюрпризов. Скучая в дороге, ты возвращаешься к людям, которых любишь.

Скука становится фоном для беседы. За сто пятнадцать километров Вагнер узнает о своей цзюньши больше, чем узнал за десять контрактов. У Зехры есть третье имя: Альтаир. Аслан – это ее биологическое имя, контрактное имя. Альтаир – это имя ее семьи, настоящей семьи. Номатемба, Джо Лунница из Йоханнесбурга – ее настоящая мать. Альтаиры – питающий поток. Никто никогда не рождался Альтаиром. Членами этой семьи становятся через усыновление или удочерение, опеку или партнерство. Номатемба удочерила Зехру, когда той было три месяца. У нее трое братьев и сестер и две матери. Номатемба вот уже год умирает от силикоза, ее легкие твердеют, превращаясь в лунный камень. Зехра в процессе усыновления маленького мальчика с Невидимой стороны: Адам Карл Йесперсон, так его зовут. Она до жути боится, но Альтаиры – сильные. Зехре нужно закончить усыновление и показать Номатембе новый пузырек в потоке, прежде чем ее дыхание станет камнем.

На внутреннем дисплее Вагнера загорается множество сигналов тревоги. Он резко тормозит. Тотчас же в его ухе звучит голос Зехры. Ровер останавливается. Час к западу от Ипатии. Он пересылает аномалию на ее визор. Вместе они забираются на крышу ровера, оба держатся за мачту комм и пялятся на то, что вызывает у них шок и изумление. В гладком черном горизонте появилась вмятина.

– Что-то ударило, – говорит Вагнер.

– И сильно, – соглашается Зехра.

Они осторожно подъезжают к месту удара, хотя радар показывает, что никакого движения там нет. На протяжении трех километров Вагнер потихоньку ведет ровер через район катастрофы – поле «слез» из черного стекла. «Слезы» дробятся между его колесами и черной солнечной

матрицей. Последние десять метров они едут вверх по пологому гребню из стеклянных осколков. Вагнеру кажется, что посреди стекла он видит куски каких-то машин. Машин и чего-то еще. С вершины гребня перед ровером открывается вид на самый молодой кратер на Луне. Несколько метров до его края Вагнер и Зехра спускаются пешком. Визоры пов-скафов выдают им параметры: двести метров в поперечнике, двадцать в глубину. На новейшей спутниковой карте в окрестностях Фламариона ничего такого нет.

– Я получаю от этого места серьезную тепловую сигнатуру, – сообщает Зехра. – Сейсмологический анализ показывает, что поверхность все еще гудит, как храмовый гонг.

– Наверное, это было что-то важное для ВТО, раз они рискнули ударить так близко к Первой экваториальной, – говорит Вагнер. – Шансы есть?

– Никаких, – отвечает Зехра.

– Маккензи, Асамоа?

– Люди с контрактами и обязательствами.

Они умерли, их тела слились с расплавленным силиконом, от которого все еще исходит инфракрасное излучение, но сильнее всего Вагнера оскорбляет и задевает другое преступление – дыра в чистом и безупречном стекле.

Первый перевернутый грейдер они встречают через пятьдесят километров к западу. Луна кишит мусором; устаревшее и поврежденное оборудование всегда бросали где попало. Гелиевые поля Моря Изобилия и Моря Кризисов, шахты Океана Бурь, где содрали двести метров реголита, усеяны экстракторами и плавильщиками, солнечными установками и грейдерами. Металл вездесущ и стоит гроши. Ценны только составляющие элементы живой материи. Нет ничего неожиданного в том, что они нашли брошенный грейдер. Но удивляет, что он так искорежен. Если судить по виду, его скинули с орбиты. Лежит на боку, панели вдавлены, вокруг «труса» валяются куски внутренностей, подвеска треснула, колеса вывернуты под дикими углами. Бульдозерный отвал разломился надвое.

Через пять километров Вагнер и Зехра видят еще два грейдера; мертвые, разбитые, один перевернут, а отвал другого глубоко ушел в бок первой машины.

– Можно с них что-нибудь снять? – спрашивает Вагнер.

– Да, но я не хочу приближаться, – говорит Зехра.

– Полным-полно следов, – замечает Вагнер.

– И все ведут в Меридиан, – соглашается Зехра.

За горизонтом их ждет бойня; свалка, кладбище грейдеров. Металлические громадины лежат опрокинутые, перевернутые, застрявшие друг в друге, как будто чудовищные машины трахались. Тридцать пять грейдеров. Вагнер представляет себе божественный суд, устроенный неким тяжелым металлическим божеством. Мертвые машины выглядят мощными скульптурами, одновременно это душераздирающее зрелище.

– Они не все мертвы, – предупреждает Зехра. Грейдер, чей отвал застрял внутри противника, напрягается и дергается, пытаясь вырваться на свободу. Его колеса вертятся на черном стекле.

А потом из-за кучи металлолома – такого искореженного и разбитого, что Вагнер даже не может опознать в нем машину, которая раньше работала, – выезжает еще один грейдер. Он останавливается прямо перед «Везучей восьмеркой» и опускает отвал.

– Зехра! – кричит Вагнер. Она уже запустила двигатели и дает задний ход на максимально возможной скорости. Но то же самое предательское стекло, что не позволяет выбраться из западни умирающему грейдеру, подводит и «Везучую восьмерку». Колеса вертятся, ровер идет юзом. «Живой» грейдер бросается в атаку.

Зехра пускает ровер в занос; он кружится на скользком стекле. Отвал проходит в каком-то метре мимо цели. Ровер тормозит двигателем. Зехра пытается вернуть себе управление. «Везучая восьмерка» боком грубо врезается в мертвый грейдер.

– Он опять идет на нас! – кричит Вагнер.

– Я знаю! – кричит в ответ Зехра. – Знаю, мать твою!

Грейдер нацеливает отвал. Атакует. Умирает. Вагнер видит, как предупреждающие огни на его стальном скелете гаснут. Сели аккумуляторы. Но он успел набрать движущую силу и продолжает ехать: неуправляемая, безмозглая, необоримая громадина. Он несется на «Везучую восьмерку». Зехра успевает прошмыгнуть через узкий зазор между отвалом и обломками. И они, выбравшись с кладбища машин, оказываются на чистом и безупречном стекле.

– Видимо, Суни заново взломали часть машин, – говорит Вагнер. – Гражданская война грейдеров. Наверное, это было чертовски увлекательное зрелище.

– Валяй, продавай билеты в первом ряду, – говорит Зехра. – Но я должна тебе сказать, что Суни, возможно, спасли Меридиан.

– Что-то меня тут справа трясет.

– У меня заклинило одно колесо и правый задний двигатель не работает. Видимо, мы его сломали, когда въехали в те обломки.

– Это нам помешает?

– Нет, если опять не напоремся на что-то вроде этого. Но я его все равно отключу. Пусть колесо вертится само по себе.

После поля боя дорога в Меридиан чистая, быстрая и без проблем. Вагнер связывается с диспетчером Меридиана через своего дешевого и омерзительного базового фамильяра.

– Это отряд стекольщиков «Тайян» – «Везучая восьмерка», «Везучая восьмерка», метка ТТС1128, запрашиваю немедленный доступ к главному шлюзу квадры Ориона.

– «Везучая восьмерка», оставайтесь на месте.

– Меридиан, у нас повреждения, запасы воздуха и воды подходят к концу.

«Складно врешь, лаода», – говорит Зехра по частному каналу.

«Просто слегка преувеличил факты», – отвечает Вагнер. Но он сердится. Тысяча километров сквозь резню, осаду, войну; нападение и отступление, победа и бегство, смерть и ужас – и теперь он должен ждать ответа от диспетчера. Вы держите меня вдали от моей стаи, моих любимых, моего мальчика!

– Веди, – приказывает он Зехре. Она направляет ровер между маячками к краю пандуса, становясь носом к массивной серой двери шлюза.

– «Везучая восьмерка», очистите пандус! – приказывает диспетчер Меридиана.

– Требую экстренного доступа. Повторяю, у нас заканчивается O₂.

– Вам отказано в доступе, «Везучая восьмерка». Очистите пандус.

– Лаода, – говорит Зехра, и в тот же миг Вагнер чувствует, как на него падает тень. Он смотрит вверх и видит огни на брюхе лунного корабля ВТО, зависшего в пятидесяти метрах от «Везучей восьмерки». Вокруг него заняли позиции еще семь кораблей, стоя на маневровых реактивных двигателях. – Я отъезжаю.

Ровер удирает, лунный корабль садится на пандус. Вагнер замечает отсек для персонала. Открываются люки, разворачиваются ступеньки. Фигуры в жестких скафандрах спускаются и идут к двери шлюза. Лунный корабль поднимается, его место быстро занимает другой, выгружает бронированных людей. Каждый из кораблей делает то же самое в свой черед.

– Это весь флот лунных кораблей, – говорит Зехра.

– Семьсот человек, – говорит Вагнер. Дверь шлюза поднимается, люди

в жестких скафандрах идут во тьму. Дверь опускается.

– «Везучая восьмерка», заезжайте на пандус, – говорит диспетчер Меридиана.

– Что тут произошло? – спрашивает Зехра.

– Думаю, пока нас тут не было, мы проиграли войну, – отвечает Вагнер.

* * *

Первыми приходят дроны. Их целый рой, библейская чума, что несется от хаба Меридиана шипящим черным столбом. Сначала Марина решает, что это дым – великий страх лунных обитателей: дым, то есть пожар! Потом она видит, как столб разделяется на малые потоки, и каждый нацелен на какой-то уровень. Она застывает; ее однокашники, только что освободившиеся после собрания группы возвращенцев, застывают; застывает Меридиан.

«Что это за штуковины?»

Потоки собираются в небольшие облака, каждое следует по одному из уровней квадры. Облако окутывает Марину и других возвращенцев. Прямо перед ее лицом оказывается дрон – маленький, размером с насекомое. Он зависает на невидимых крыльях; она чувствует укол лазера в правый глаз. Ее фамильяра допросили. Потом дрон уносится прочь со всем роем, следуя дальше по 27-му уровню.

«Все в порядке? – спрашивают друг друга возвращенцы. – Ты в порядке? А ты?»

Облака дронов сливаются в хабе квадры и словно стая кружатся, выбирая новый проспект.

Группа возвращенцев сбита с толку и нервничает. Их символ веры – то, что все они вернутся на Землю – треснул от необъяснимых новостей, прервавших все трансляции вместе с Гапшапом. Неконтролируемые грейдеры. Боты-убийцы. Тве в осаде. Нехватка продовольствия – никакой нехватки, ограничения по выдаче продуктов – никаких ограничений. Продовольственные бунты, продовольственные протесты. По пути на встречу Марина обогнула маленькую, смирную группу протестующих под старой штаб-квартирой КРЛ. Они протестовали о том, чего не случилось, перед тем, чего уже не существует. Поезда не ходят, БАЛТРАН не работает. «Лунная петля» не работает. Луна закрыта для вселенной. Кое-кто из предыдущих наборов застрял и паникует от того, что мог превысить срок,

отпущенный своей физиологической визой. День или два не играют никакой роли, говорит Прида, куратор. А что, если день или два превратятся в неделю или две, месяц или два? И как быть с отставанием? У «лунной петли» ограниченное количество капсул. Орбиты циклеров фиксированы.

Костные часы продолжают тикать.

После дронов приходят боты. Марина видит, как по восточной 26-й в ее сторону движется волна, догоняя волну, идущую по сети. Граждане пытаются убраться с улиц. Ныряют в магазинчики и бары, мчатся домой, отыскивают любые укромные уголки или навесы, под которыми можно спрятаться, убегают от слухов по лестницам или на лифтах. «Они в городе. Они на улице. Вы не пострадаете, если будете в помещении. Прячьтесь, они режут любого, кого встретят на улице». Детей хватают на руки и уносят, обезумевшие от беспокойства родители вызванивают подростков, квартиры закрывают ставни и двери, выходящие на улицу.

«Я иду обратно», – говорит Аурелия.

«Я могу добраться домой отсюда», – говорит Марина. Дом находится в противоположной стороне от той, куда течет поток людей. Она быстрым шагом идет по ладейре на 25-й улице. В конце лестницы, справа, Марина сталкивается с ботом, который танцует на 24-й замысловатый менуэт. Это зазубренный треножник с ногами-лезвиями и «руками», похожими на складные ножи. Каждая его часть остра и заточена. Каждая его часть может превратиться в клинок. Его многочисленные глаза все видят. Его башка резко поворачивается и рассматривает ее.

Существуют такие глубокие разновидности потрясения, на которые тело может ответить лишь параличом. Не страхом, хоть страх и правильная реакция: это шок от необъяснимого. Штуковина перед нею настолько чужеродна, настолько уродлива, настолько сильно отличается от всего, что Марина видела раньше, что она не может понять, что это такое. Она оглушена, она потрясена странным. Каждая составная часть этого бота оскорбляет человеческие чувства. Она не может шевелиться, думать, действовать. Но бот все это может. Марина видит разум и цель в глазах, которые сканируют ее с головы до пят, а потом его внимание привлекает что-то еще. Он уходит прочь, словно танцуя на своих трех ногах-стилетах. И тут приходит страх. Марина, дрожа, садится на нижнюю ступень ладейры на 24-й улице. Бог Смерти посмотрел на нее и прошел мимо. По сетям проносится новый слух: «Все в порядке, они вас не тронут».

«Для чего же их сделали?» – думает Марина.

Последняя волна – скафандры.

Ариэль и Абена, как и большая часть жителей хаба Ориона, на балконах или у перил на улицах. Марина их находит. Одно подразделение людей в скафандрах марширует от железнодорожной станции. На них жесткие бронированные скафы, украшенные в стиле хэви-метал: пылающие черепа, клыки, демоны, женщины с огромными сиськами и мужчины с большими членами, демоны, ангелы и цепи. Воронцовы. Другое подразделение движется по проспекту Гагарина со стороны главного шлюза. Эти одеты в черную броню и вооружены маленькими черными артиллерийскими орудиями. Они идут строем, в ногу. В потрясенной тишине квадры Ориона их шаги звучат громко и грозно.

– Маршируют, – говорит Марина.

– Это земляне, – говорит Ариэль.

– А у них что, пушки? – спрашивает Абена.

– Их ждет большой сюрприз, когда они попытаются из этих штук стрелять, – говорит Марина.

– Ты уж прости, отдача меня заботит в последнюю очередь, – замечает Ариэль.

Третье подразделение появляется из офисов и печатных мастерских; эти не в броне и не вооружены, не обучены армейским правилам, они просто люди – лунные жители – в повседневной одежде и оранжевых жилетах. Они собираются по трое и движутся по каждому проспекту и каждой улице квадры Ориона. Марина приказывает Хетти увеличить изображение жилетов: на каждом логотип в виде луны, над которой летит птица с веткой в клюве. Марине этот символ незнаком. Над логотипом слова: «Уполномоченная лунная администрация».

– Покой, продуктивность, процветание, – читает Марина девиз под изображением мира и птицы. – Нас завоевали менеджеры среднего звена.

* * *

Две пачки сока гуавы и эмпагада^[30]. Они болтаются у Робсона Корты в сумке на поясе, пока он взбирается через пятидесятые уровни к линии электропередачи Западный Антарес. Он избавился от бота десятью уровнями ниже – у них ограниченный ресурс аккумулятора, и они не могут карабкаться. Могут только попытаться проследовать за ним по лестницам и улицам и навесить метку о взыскании штрафа. Удачи им с этим делом в Байрру-Алту. Опасность в том, что они привлекают человеческое внимание, и маленькие машины теперь везде – стерегут каждую крошку и

чашку.

Робсон воровал из закусовых в каждой квадре – в Меридиане всегда где-то ночь, – но никогда из «Одиннадцатых врат». Воровать из собственной закусовой все равно что гадить на собственном крыльце.

Две пачки сока гуавы и эмпанادا – с тилапией, а он ненавидит тилапию – это скудная награда за смелый для темных времен спуск с линии электропередачи Западный Антарес. Робсон потратил несколько дней, прокладывая безопасный маршрут между кабелями высокого напряжения и реле, отмечая его светящейся клейкой лентой, которую стащил из ранца отдыхающего вахтовика возле суетливого чайного прилавка. Он поднимается, следуя указаниям светящихся стрелочек и тире. Стрелка: перепрыгнуть через зазор в указанном направлении. Знак «больше»: одолеть стену. Знак «меньше»: точный прыжок на узкий выступ. Знак «равно»: прыжок вперед, согнув ноги. Вертикальное «равно»: бег вдоль по вертикальной стене. Крест: дэш- или лэш-вольт, в зависимости от ориентации длинной оси волта. Черта с наклоном вправо: андербар. Черта с наклоном влево: обратный андербар^[31]. Знак «X»: не трогать. Звездочка: смертельная опасность.

Робсон выпивает первый сок на поперечине семидесятого уровня. Пустую картонку засовывает в сумку для краденого. Мусор может упасть, мусор может попасть в какой-нибудь механизм, мусор может превратиться в предательскую ловушку, поджидающую в конце прыжка. Эмпанаду он бережет для гнезда. Робсон много дней прочесывал верхотуру, прежде чем нашел место для сна – теплое, защищенное, с доступом к воде, но без сырости и конденсата, надежное, чтобы не разбиться насмерть, перекатившись во сне. Он выстелил его ворованным упаковочным материалом и отправился в бары, где напивались поверхностные рабочие, чтобы стащить у них термальное одеяло.

Каждый фокусник – вор. Время, внимание, вера; термальное одеяло.

Робсон зарывается в свое гнездо из упаковочной пены и пузырчатой пленки и съедает эмпанату. Последний сок оставляет на потом. Он приучился равномерно распределять лакомства. Будет, чего ждать. Скука – темный враг беженца. Мастурбация – враг в другой маске, маске друга.

Робсону нравится верить, что его логово на верхотуре – в философском смысле орлиное гнездо, расположенное над миром. Высоко над всеми людьми, он может смотреть вниз и размышлять. Если еду охраняют, значит, ее ценность выше обычной. Во время своих воровских миссий он слышал, о чем болтают в барах. Поезда не ходят, БАЛТРАН не работает. За них отвечают Воронцовы: с чего вдруг им все это отключать?

Тве погребен под реголитом. Значит, вегетационный период под угрозой. Урожай будет меньше обычного, если вообще будет. Асамоа странные – все, кого он знал, – но они бы ни за что не поступили так с собственной столицей. Но если никто не знает, когда удастся собрать следующий урожай, то это объясняет ботов, охраняющих каждую эмпанату и коробку с бэнто.

И есть еще самые интригующие истории, от которых он медлит лишнюю секунду, его пальцы замирают на предмете, который он хочет украсть. Там, в морях, на возвышенностях, появились странные штуковины. Потеряны целые бригады – эти машины их убивают, у них лезвия вместо пальцев и мечи вместо ног. Боты-убийцы. Да кто же мог такое выдумать? Сунни могли бы, но зачем им? Как мог кто-то соорудить вещь, у которой нет другой цели, кроме как внушать страх, пугать, угрожать и контролировать?

Таких людей в этом мире нет, решает Робсон. Свернувшись клубочком в своем гнезде, согретый гудением теплообменника, накрывшись украденным одеялом, Робсон приходит к выводу, что без объявления войны или предупреждения, без того, чтобы кто-то что-то узнал, Луна была захвачена. Землей. Той самой синей Землей в вышине. Но они не могли сделать это сами: кто-то должен был перевезти их машины, их людей. Такие возможности есть лишь у Воронцовых. Воронцовы спутались с Землей, чтобы захватить власть над Луной.

– Офигеть, – говорит Робсон Корта.

И слышит щелчок. Цокот, перестук. Нога, элегантная и заостренная, как хирургический скальпель, появляется из-за угла теплообменника. Стальное «копытце» ступает по настилу, цокая. Робсон застывает. Из-за угла его гнездышка появляется лапа, увенчанная соцветием лезвий, а за ней – голова. Робсон думает, что это голова. У нее шесть глаз, и она подвижнее любой конечности, какую ему доводилось видеть, но он уверен, что это голова, потому что она резко поворачивается из стороны в сторону, изучая его.

Цок! Еще шажок, еще «нога». Еще «рука».

Он медленно отодвигается от существа.

Теперь бот заинтересовался. Цок-цок-цок. Он идет следом. Робсон вскакивает. Бот бросается к нему. Боги, до чего же проворный. Цок-цок-щелк!

Бот застывает, смотрит вниз. Одно из его изящных копыт застряло в широкой ячейке сетчатого пола. Он поводит головой из стороны в сторону, изучая застрявшую конечность. Через секунду сообразит, что делать. Эта

секунда – все, что нужно Робсону. Только тот, кто занимается фокусами, обладает скоростью и навыком. Только трейсер, городской бегун, который упал с вершины Царицы Южной и долетел до самого дна, обладает отвагой.

Робсон хватается свое термальное одеяло и бросает его как лассо под ноги бота. Когда тот поворачивается, он проскальзывает мимо, поднырнув под лапы с лезвиями. Кидает конец одеяла через перила, тянет. Бот теряет равновесие, шатается. Робсон пригибается, подставляет плечо туда, где ноги встречаются с телом, и поднимается. Все остальное делает рычаг. Бот падает, высвобождая «ступню»; размахивает руками и ногами, которые разворачиваются в лезвия зверского вида. Вес и скорость несут его к низким перилам. Он переваливается через них и падает, рассекая лезвиями воздух, ударяется о пешеходный мостик пятью уровнями ниже и разваливается на части. Дождь обломков льется на проспект Терешковой далеко внизу.

Робсон бросается обратно в свое безопасное гнездо. Он завернулся в одеяло, и теплообменник теплый, как кровь, но Робсон дрожит. Ему не верится, что он это сделал, что он посмел. Причинил бы бот ему вред? Он мог бы оставить беглеца в покое, но Робсон не хотел рисковать. Он сделал то, что должен был сделать. И у него получилось. Могло и не получиться. Он даже думать о таком не может. Он трясется. Его тошнит. Наверное, эмпанада была испорченная. Тилапия – ядовитая дрянь. Жидкость. Ему нужна жидкость. Он плачет. Ему нельзя плакать. Робсон ту же заворачивается в одеяло и принимается сосать сок гуавы из пакетика.

* * *

Луна расставляет вокруг кровати все новые биолампы. Сперва – оберегающие огни в направлении частей света, а потом девочка превращает их в защитный круг, который заполняет кругами поменьше. Круги из кружочков вокруг медицинской койки. У нее появляется новая идея: волнистые линии, исходящие от большого круга. Как солнечные лучи или что-то в этом духе. Луна любит симметрию, так что она для начала выкладывает шесть волнистых лучей, каждый отстоит от другого на шестьдесят градусов. Ей не хватает биоламп, чтобы завершить узор; она шипит от досады. Придется раздобыть еще. В Доме Сестринства этих штук в избытке.

А теперь надо их увлажнить. Луна на корточках ползает вокруг кольца

биоламп с кувшинчиком. Капля, еще капля. Разгорается зеленое свечение.

Слышится какой-то шум, и в комнату входит Майн-ди-Санту Одунладе. Она считает себя тихой и загадочной, словно чудо, но для Луны ее тяжелый шаг, тяжелое дыхание и неосознанное тихое бормотание столь же громки, как работающая в туннеле землеройная машина.

– Луна, нам надо подходить к кровати, чтобы ухаживать за ним, – говорит Майн-ди-Санту Одунладе Абоседе Адекола. Она круглая пожилая йоруба в белых одеждах Сестринства Владык Сего Часа. Она вся пощелкивает и потрескивает от ожерелий, амулетов и святых. И немного воняет.

– Можете через них переступить, – дерзко отвечает Луна. Майн-ди-Санту приподнимает подол одеяния и входит в круг защитных огней. Она умудряется не задеть ни одну лампу. Ноги у нее босые. Луна еще ни разу не видела ног преподобной матери.

– Мы связались с твоей мамой, – говорит Майн-ди-Санту Одунладе.

– Маами! – вскрикивает Луна и, вскочив, переворачивает кувшинчик с водой. Призывает фамильяра, пусть сестры и не любят, когда их используют у них дома. – Луна, свяжи меня с Маами!

– О, не так быстро, не так быстро, – возражает преподобная мать. – Сеть все еще нестабильна. У нас свои каналы. Твоя мама знает, что ты в Жуан-ди-Деусе, что с тобой все в порядке, и она просила передать, что любит тебя и как только сможет, приедет и заберет домой.

Рот Луны от разочарования, сменившего восторг, превращается в букву «о». Луна-фамильяр рассыпается ворохом пикселей.

– А что будет с Лукасинью? – спрашивает девочка.

– Понадобится время, – говорит Майн-ди-Санту Одунладе. – Ему сильно досталось. Этот юноша очень болен.

Она наклоняется над телом на койке. Так много трубок входят в него и выходят. Трубки идут к запястьям, к рукам, к боку. Большая трубка в горле. Луна смотрит на нее лишь мельком, чтобы убедиться, что он все еще дышит. Маленькая трубка выходит из мочеиспускательного канала. Она заставляет Луну ежиться. Провода и иголки. Мешки и сенсорные руки. Он обнажен, не прикрыт, ладони повернуты кверху, словно у католического святого. Он не спит, это состояние глубже сна. «Медикаментозная искусственная кома», – говорят Сестры. Он не шевелится, он не видит снов, он не просыпается. Он ушел далеко – путешествует по землям, пограничным с владениями смерти.

Если бы у Сестринства не было такого хорошего медицинского оборудования. Если бы Урбанисты не были такими любознательными.

Если бы она потратила тридцать лишних секунд, открывая убежище Боа-Виста.

Если, если, если-шмесли...

Луна сомневается, что запашок исходит от матушки Одунладе, а не от нее самой. Вонь от скафандра въедается в кожу, словно тату.

Разные части тела Лукасинью медленно поднимаются и опускаются, когда кровать надувается и сдувается, чтобы предотвратить пролежни. Он дышит – точнее, за него дышит машина. У него растет щетина на лице, на животе и в паху. От пупка до гениталий идет тонкая дорожка темных волос.

– Вы его побреете? – спрашивает Луна. Он очарователен и ужасен.

– Мы будем заботиться о нем изо всех сил, – заверяет Майн-ди-Санту Одунладе.

– А как думаете, маами может приехать сюда, чтобы мы все остались тут, с вами?

– Твоя маами – очень важная и занятая женщина, любовь моя. У нее так много дел.

– Я хочу, чтобы он проснулся...

– Мы все этого хотим.

Сестры говорят, могут пройти дни, прежде чем Лукасинью проснется, – или недели. Или годы. Прямо как в сказках, которые рассказывала мадринья Элис в берсариу. Красивый принц из-за проклятия обречен спать вечно в глубокой тайной пещере. Обычно его будят поцелуем. Она каждый день пробует, когда рядом нет Сестер. Однажды у нее получится.

Губы Майн-ди-Санту Одунладе безмолвно движутся, пока она читает показатели на экранах вокруг головы Лукасинью. Иногда проскальзывают слова, и Луна понимает, что это не числа, а молитвы.

– Ох! Я почти забыла, – говорит Майн-ди-Санту Одунладе и что-то ищет внутри своего белого одеяния – какую-то вещь, которую Луна не может как следует разглядеть. И вот она достает деревянный ящичек: большой и плоский деревянный ящичек, украшенный резным цветочным узором, таким изысканным и подробным, что даже Луна напрягает глаза.

– Что это? – Луна всегда готова получать подарки.

– Открой.

Ящичек устлан шелковистой блестящей тканью. Луне нравится ее трогать. В Доме Сестер принтер не очень хороший, но его хватает, чтобы напечатать милые наряды. «Прощай!» – крикнула она трижды ненавистному скаф-трико, засовывая его в депринтер. Она теперь ни за что не наденет что-то липкое.

Потом она замечает ножи. Их два, они лежат вплотную, словно близнецы. Темные, твердые и блестящие. Края такие острые, что порежут и взгляд, если тот слишком на них задержится. Луна касается лезвия кончиком пальца. Оно такое же гладкое и шелковистое, как и подкладка ящика, в котором они лежат.

– Они из лунной стали, – сообщает мать Одунладе. – Выкованы из метеоритного железа возрастом миллиард лет, найденного глубоко под кратером Лангрэн.

– Они красивые и одновременно пугающие, – говорит Луна.

– Это боевые ножи семейства Корта. Они принадлежали твоему дяде Карлиньосу. Ими он убил Хэдли Маккензи в Суде Клавия. Ими Денни Маккензи убил Карлиньосу, когда пал Жуан-ди-Деус. Они перешли к нам на хранение. Нам неприятно держать их в таком особом месте – на них слишком много крови, – но из любви и уважения к твоей бабушке мы их бережем. Пока не появится Корта – достаточно смелый, великодушный, лишенный алчности и трусости, который сразится за семью и отважно ее защитит. Корта, который достоин этих ножей.

– Лукасинью должен их получить, – решает Луна.

– Нет, любовь моя, – возражает Майн-ди-Санту Одунладе. – Они для тебя.

11: Скорпион 2105

Скомканные колготки ударяются о щеку Марины.

– Ответь за меня на звонок, мать твою! – кричит Ариэль.

В квартире развернулся кризисный штаб. Ариэль у себя в комнате, Абена – в кухонной зоне; обе ведут бесконечные переговоры через фамильяров. Марина сидит в гостиной и смотрит в открытую дверь, как «солнце» движется над квадрой Ориона. В голове у нее пусто, лишь вертится единственная мысль: скажи, скажи, скажи ей.

– Этим занимается Абена.

– Абена разговаривает с тетей. У меня Сунь Чжиюань на удержании.

– Что я могу сделать?

Надо сказать, сказать, сказать ей.

– Пошути с ним. Расспроси о здоровье бабули. Пусть объяснит тебе суть квантового программирования. На полчаса должно хватить.

Она не смогла это сделать, когда Орел устроил переворот в совете директоров КРЛ. Она не смогла это сделать, когда перестали ходить поезда и закрылось небо. Она не смогла это сделать, когда Тве был погребен под реголитом и находился в осаде. Она не смогла это сделать, когда боевой отряд Асамоа-Маккензи уничтожили в окрестностях Фламариона. Она не смогла это сделать, когда большая космическая пушка была нацелена на Меридиан. То было историческое время. Подходящий момент все никак не попадался.

– Ну а ты-то чем занята?

– Пытаюсь поговорить с Джонатоном Кайодом.

– Разве у тебя нет с ним частного канала?

– Он не отвечает, гений. Просто прими этот звонок вместо меня, Марина. Боги, ну почему я перестала пить?

Хетти принимает звонок.

– Чжиюань, гэся^[32]? Добрый вечер. Я Марина Кальцаге. Личный ассистент Ариэль Корты. Я так понимаю, вы не можете связаться с офисом Орла Луны для получения инструкций относительно текущей смены режима. Ариэль пытается установить с ним контакт...

И да, режим сменился: города Луны оккупированы, Мягкая война окончилась. Поезда ходят, «лунная петля» перевозит грузы и пассажиров на орбиту; ВТО подтвердила ее бронь и дату отъезда. Ее взлет запланирован, а вокруг по-прежнему происходят исторические события. Подходящий

момент, чтобы сообщить Ариэль о том, что Марина ее бросает, все еще не наступил.

* * *

«Эдриан».

Он пять лет ждал, что этот голос раздастся в ночи. Эдриан Маккензи просыпается и выскакивает из постели.

«Они здесь».

Джонатон храпит. У него чудовищно крепкий сон. Он должен проснуться. Эдриан трясет его, позабыв о нежности.

– Джон!

Орел Луны, этот крупный землянин, дышащий ртом, судорожно вытягивает воздух. Он должен проснуться.

«Они уже в вестибюле. Охрана Гнезда блокирует двери». Эдриан снова принимается трясти Джонатона, и в тот же момент к Орлу обращается его собственный фамильяр. Он просыпается.

– Который час?

– Нас атакуют. Одевайся.

Каллиопа открывает на линзе Эдриана окна с трансляцией камер. Три группы. Одна у главного входа, другая проходит через въезд для транспорта, третья спускается с верхней террасы. Они знали, куда идти, куда бить и каким образом. От кумулятивных зарядов двери сминаются, словно бумага при разгерметизации. Орел Луны застывает, услышав далекий, сухой треск.

– Моя охрана...

– Это и есть твоя охрана. – Вот как они узнали про вход на верхней террасе. Это был запланированный Эдрианом путь к спасению. У него имеется план Б.

Джонатон Кайод надевает туфли, шорты, пытается попасть в рукава рубашки.

– Брось! – кричит Эдриан. – Используй служебную лестницу в саду. Там никто не поднимается с нижних уровней. – Теперь он отдает Каллиопе приказ, который давно выучил наизусть. Из стен выдвигаются панели. Внутри на специальной стойке – окутанная бриллиантовым белым светом броня. Джонатон Кайод колеблется.

– Что?

– Ты не знаешь всех секретов этого места. – Нагрудные и спинные

пластины туговаты. Эдриан растолстел. Растолстел и сделался небрежным. Нет времени на поножи и наручи. Он надевает шлем. – Каллиопа вызвала моту к служебному выходу на Пятидесятом уровне. Оно отвезет тебя в меридиановский офис «Маккензи Металз». Джакару тебя встретят и защитят. Ступай!

В последнюю очередь Эдриан Маккензи вытаскивает скрещенные ножи из магнитного поля. Тратит мгновение, чтобы полюбоваться тем, как блик света бежит по вольфрамовой инкрустации, по замысловатому воронению лезвий. Они безупречны. Он вкладывает их в ножны на поясе.

– Ступай!

Каллиопа показывает Эдриану три группы вооруженных и бронированных мужчин, сходящиеся у спальни. Они взломали охранные системы Гнезда.

– Я постараюсь выиграть для тебя как можно больше времени.

– Эдриан...

– Ни один Маккензи еще не сбежал с поля боя, Джон.

Поцелуй, краткий, как дождик. Эдриан Маккензи опускает забрало шлема.

На свадьбе, посреди празднования, отец увел его на балкон, нависающий над хабом Антареса. «Это для тебя». Эдриан открыл коробку. Внутри на подушечках из титанового волокна лежали парные ножи. Эдриан вырос среди клинков, он знал толк в ножах, и эти были не похожи на все, что он видел раньше. На все, что было создано на протяжении истории «Маккензи Металз». «Попробуй», – предложил Дункан Маккензи. Клинок лег в ладонь Эдриана, словно был продолжением его собственных костей. Такой сбалансированный, такой надежный. Он ударил прямо и наискось, сделал ложный выпад. Танцующее лезвие издавало воющий гул. «Это воздух кровоточит, – сказал Дункан Маккензи. – Я не могу нарадоваться твоему счастью, сын, но придет день, когда тебе понадобится нож. Прибереги их для того дня».

Шаги. Голоса. Дверь взрывом выносит вовнутрь.

Ножи Эдриана Маккензи с песней выскакивают из ножен.

* * *

Орел Луны – крупный мужчина, мужчина не в форме, мужчина, чьи мышцы Джо Лунника увяли и превратились в жир. У начала служебной лестницы, ведущей на Пятидесятый, рубаки догоняют его – дышащего с

присвистом, одетого в шорты и домашние тапочки. Тащат обратно, и он визжит, вопит. Его хватают, поднимают. Он дрыгает ногами, теряет тапочки – один, потом второй. Его несут. Его рвут на части. Вот он обнажен и что-то нечленораздельно бормочет от страха. Руки, снова чьи-то руки. Рубаки несут его меж аккуратно подрезанных бергамотовых деревьев. Орел Луны видит, куда его несут, и дергается, вопит. Руки держат его надежно и крепко. Они несут его в маленький павильон, нависающий над хабом Антареса. Пять проспектов квадры Антареса похожи на освещенные склепы.

С безупречной синхронностью рубаки поднимают Джонатона Кайода и швыряют далеко в мерцающую пропасть.

Атмосферное давление в лунном обиталище – 1060 килопаскалей.

Он кувыркается, падая. Этот Орел не умеет летать и не знает, как надо падать.

Ускорение под воздействием силы тяжести на поверхности Луны составляет 1,625 метра на секунду в квадрате.

Падая, он кричит и беспорядочно размахивает руками и ногами, словно пытаясь забраться по невидимой веревке, а потом ударяется о перила моста на Тридцать третьем уровне. Рука его ломается, изгибается под неестественным углом. Больше никаких криков.

Конечная скорость падающего объекта в атмосфере составляет шестьдесят километров в час.

Орлу Луны требуется минута, чтобы упасть из своего Гнезда в парк в центре хаба Антареса.

Есть такое физическое свойство – кинетическая энергия. Ее формула $\frac{1}{2}mv^2$. Назовем ее... ударной силой. Удароспособностью. У большого объекта, который движется медленно, может быть низкая ударная сила, низкая кинетическая энергия. У маленького, движущегося с высокой скоростью, кинетическая энергия большая. Поэтому ледяной снаряд, выпущенный из расположенной в космосе электромагнитной катапульты, может пробить дыру в каменной крыше лунного обиталища.

И наоборот.

К примеру, у тринадцатилетнего мальчишки, худого, как проволока, падающего с высоты в один километр, низкая кинетическая энергия.

У пятидесятилетнего мужчины с лишним весом и плохой физической формой кинетическая энергия больше.

Одна минута – этого времени хватит, чтобы рассчитать, что тринадцатилетний мальчишка, худой, как проволока, может выжить, врезавшись в хаб Антареса на скорости шестьдесят километров в час. И

что пятидесятилетний мужчина с лишним весом и в плохой физической форме не выживет.

* * *

Ее будит Хетти.

«Марина, сегодня ты улетаешь».

Она поставила будильник. Как будто могла проспать. Как будто могла заснуть в ночь перед тем, как покинуть Луну.

Перебирая свои немногочисленные пожитки, Марина колеблется по поводу атрибутов Долгого Бега; зеленых лент и шнуров Сан-Жоржи. Они весят несколько граммов; ей разрешили взять с собой считанные килограммы. Она кладет их на постель. Они маячат на краю поля зрения, пока она одевается – быстро и тихо, ибо в доме многолюдно. Они словно маленькое обвинение: расставаться надо чисто.

Но чисто не означает стерильно.

Марина много дней не могла определиться с тем, какую записку оставить. Несомненно, нужна записка. Она должна быть искренней и личной, и у Ариэль не должно быть ни единого шанса остановить Марину.

Записка, написанная от руки, оставленная там, где ее найдут. Искренняя, личная: подарок на прощание.

Когда Марина берет из принтера лист бумаги, Абена пыхтит и открывает глаза. С самого начала оккупации девушка постоянно живет у них.

– Что ты делаешь?

– Долгий Бег, – врет Марина. Это единственный непогрешимый повод, позволяющий покинуть квартиру в четыре утра. Теперь придется одеваться так, чтобы соответствовать алиби. Марина улетит с Луны в беговых кроссовках, топе-бра и до нелепости коротких шортах.

– Развлекайся, – ворчит Абена и переворачивается в гамаке. Ариэль тихонько храпит в своей комнате. Марина устраивается на кровати, прижав колени к груди, и пытается писать. Буквы кривые и причиняют боль. Слова мучительны. Она идет к холодильнику, надеясь на успокоительный джин. Вот дура. С падения Луны в доме нет ни джина, ни водки – никакого алкоголя. Но она оставляет записку торчащей из дверцы.

В последнюю очередь Марина привязывает зеленые ленты к запястьям, бицепсам, коленям и бедрам. Решение по поводу шнуров с кисточками приняли за нее. Абена снова просыпается, когда Марина

открывает дверь квартиры.

– Ты в этих шмотках не замерзнешь?

Марина покрылась гусиной кожей, но не от холода.

– Спи. Тебе утром мир спасать.

Втихаря оделась, тайком написала записку, бесшумно выбралась из квартиры и аккуратно закрыла дверь...

«Марина, до вылета два часа».

Пока Марина идет к ладейре на 25-й улице, ее настигает приступ удушья. Улица почти пустая, на лицах новичков, кивающих в знак приветствия – она кивает в ответ, – отражаются приятные угрызения совести по поводу того, чем они занимались до рассвета. Женщина практикует йогу перед квартирой; двое мужчин оперлись о перила и негромко разговаривают; толпа подростков, шатаясь, бредет домой из клуба или с вечеринки: чувствуют ли они в ее ответном кивке особую цель, исключительный эмоциональный заряд? Тусклый свет цвета индиго в дальнем конце квадраты касается стен и балконов. Включается солнечная линия – начинается новый день.

В конце лестницы дожидаются бот и два охранника ВТО в броне, изукрашенной в стиле хэви-метал. У Марины сжимается сердце: она боится, что, если встретится с ними взглядом, они ее узнают, боится, что, если отведет взгляд, они ее арестуют за подозрительное поведение. «Вы Марина Кальцаге, вы работаете на Ариэль Корту. Нам надо задать вам несколько вопросов. Вы Марина Кальцаге, вы бросили Ариэль Корту. Куда это вы собрались?»

Она глядит на них искоса, чуть повернув голову. Охранники из ВТО на нее даже не смотрят, а один подросток под кайфом изучает бота с сосредоточенностью ребенка, набираясь смелости, чтобы подойти как можно ближе к едва прикрытым лезвиям.

Была война, кто-то в ней победил, а кто-то проиграл, и ничего не изменилось. Детишки курят травку и тискаются. Парни болтают, женщины занимаются йогой. Долгие бегуны стремятся к местам встречи. Женщина выгуливает хорька на шлейке. Чиб в правом глазу Марины фиксирует цены Четырех Базисов и состояние ее счета. Сменилось руководство – только и всего. Но это означает, что смерти бессмысленны. Бойцы, павшие под ударами лезвий, к которым теперь прикасается пацан, сражались не за доли в акционерном капитале. Они сражались не из-за личной преданности богатым, далеким Драконам. За такое не сражаются. Они сражались за свой мир, свою жизнь, свою культуру, за право не следовать указаниям чужаков.

Марина спускается по ладейре. На каждом уровне охрана. Чтобы

отвлечься, она считает в уме: количество уровней умножить на число ладейр на каждой стороне проспекта умножить на количество квадр. Получается много ботов и еще больше Воронцовых.

На уровне 3-й улицы она встречается взглядом с женщиной, которая едет на эскалаторе вверх. Молодая, в одежде для бега, короткой и откровенной: на бицепсах и запястьях желтые плетеные браслеты; левое колено обвязано зеленым шнуром, ярко выделяющимся на темной коже. Долгая бегунья. Незнакомка кивает Марине: они Сестры-в-Беге. Марину охватывают сомнения. Она поворачивается, едва не пускается бегом по эскалатору, идущему вниз, чтобы догнать ту девушку. Ее сердце разорвется, точно разорвется. Она хочет отправиться с этой бегуньей. Она хочет вернуться – в квартиру, к Ариэль. Она хочет этого больше всего на свете.

Эскалаторы несут их в разные стороны, и миг спустя они расстаются.

Внизу, в хабе Ориона, она находит скамейку под сенью высоких деревьев. Тени становятся все гуще. Она прячется среди них. В парке этим утром только любовники – и Марина. Индиго светлеет до темно-голубого, превращая рощу в частокол из древесных стволов. Марина сидит, пока ее мучительные рыдания не идут на спад, не переходят в то, что можно вынести, в то, что пройдет и позволит ей не сорваться, увидев чье-то лицо.

Не Ариэль, но Рафа, ее брат, сказал однажды, что единственное, что есть на Луне красивого, – это люди. Прекрасные и ужасные. Как и сам пылкий, переменчивый, слабый Рафа. Как тщеславная, целеустремленная, одинокая Ариэль. Как красивый, обреченный, неистовый Карлиньос. Как мрачный, сосредоточенный, преданный Лукас. «Теперь ты работаешь на нас», – сказал он. Если бы она не приняла предложение. Если бы он его не сделал. Если бы она промедлила долю секунды, перехватывая муху-дрона. Если бы она не согласилась поработать официанткой на Лунной вечеринке Лукасинью Корты.

Она бы все равно оказалась под этим деревом, на этом пути, собираясь отправиться домой на лифте «лунной петли».

Это ужасный мир.

Высоко в хабе Меридиана, где главные бульвары трех квадр встречаются, образуя свод трехкилометровой высоты, ранние пташки-летуны устремляются вниз, кружатся, рисуют в воздухе спирали, летая парами. Их крылья сверкают, ловя десять тысяч огней рассвета. Они раскрывают наноуглеродные перья и ловят восходящие потоки, поднимаются по спирали, пока не становятся яркими искорками, затерявшимися в густой синеве.

Она так и не полетала. На вечеринке перед началом предполетных

тренировок она забралась на барную стойку и пообещала всем, что точно это сделает. «Они там летают!» На Луне ей так и не удалось полетать; она так и не встала на сноуборд в том семестре, когда ее друзья отправились в Снокуалми, пока она заканчивала статью. Девушка-которая-упустила-сноубординг. Девушка-которая-так-и-не-полетела.

Станция «лунной петли» находится в юго-западном контрфорсе хаба Меридиана. Она выглядит скромно и неброско, но на самом деле это колонна, вокруг которой зиждется Меридиан. Лифт был здесь, в самой ближней к Земле точке Луны, задолго до того, как в недра Центрального Залива забили первые опоры. Марина прошла через эти двери всего два года назад, и ничто в них не кажется знакомым. Новый мир, новая сила тяжести, новые способы двигаться, чувствовать, дышать, новый чиб в глазу, взимающий плату за каждый вдох.

Станция никогда не закрывается. «Лунная петля» никогда не перестает вращаться, облетая мир по кругу. Сотрудники ее ждут. Последний медицинский тест, кое-какие бумаги. Мелочи. В маленькой белой комнате Марина садится на высокий белый стул и ее просят посмотреть на черное пятно на стене. Вспышка, момент слепоты, она моргает – кажется, что на сетчатке подрагивают пурпурные послеобразы, – а когда она снова может видеть, то маленьких цифр в правом нижнем углу поля зрения больше нет.

У Марины больше нет чиба.

Она дышит воздухом бесплатно.

Она делает глубокий вдох и от передозировки кислорода едва не падает с табурета. Женщина в белом, которая выводит ее из белой комнатки, улыбается.

– Все так делают.

Вслед за шоком приходит сомнение. А если она ошиблась? Если ей что-то не объяснили? Если у нее нет прав на кислород в крови? Марина начинает дышать поверхностно, втягивая воздух глоточками и удерживая бережно, как держат драгоценное дитя.

– И это все тоже делают, – говорит женщина и заводит ее в зал ожидания для улетающих. – Дышите свободно. – Это старая лунная поговорка. – Ваш билет покрывает все расходы с этого момента и до того, как вы сойдете с борта орбитального транспорта.

Об этой части она не подумала. Она проработала отлет – раз за разом, во всех деталях и с учетом всех переменных, всех поступков и вариаций графика. Она не может представить себе прибытие. Будет дождь. Только и всего. Завеса из теплого серого дождя скроет планету так, что Марина не сможет ее разглядеть.

В зале ждут пять пассажиров. Там есть чай, есть выпивка, но никто к ним не прикасается, ограничиваясь водой. Суши на охлаждающем подносе, не удостоившись ничего внимания, собирают бактерии.

Как она и ожидала, Амадо, Хатем и Аурелия из класса возвращенцев здесь. Теперь они ничего друг другу не говорят, лишь кивают. Никто не приглядывается к ее одежде для бега. Они не смеют взглянуть друг другу в глаза. Все сидят как можно дальше от товарищей. «И так все делают», – сказала бы работница станции, как предполагает Марина. Она просит Хетти пролистать музыкальную коллекцию, но все либо кажется слишком банальным для такого случая, либо слишком ценным, чтобы испортить его связью с подобным роковым событием.

– Ждем еще одного, – сообщает работница станции, прежде чем закрыть дверь.

– Простите, – говорит Марина, – у меня есть время?

Она кивком указывает на уборную. Наверное, ее отделяют целые миры от того момента, когда удастся с комфортом помочиться.

Желание помочиться – все равно что зевательный рефлекс, действует без слов и не приемлет отговорок. Все прочие желания выстроились за ним в длинную очередь.

А вот и последний из улетающих. Это не тот, кого Марина ожидала увидеть. Последней в группе, в когорте Марины, была Оксана. Невысокая, узкоглазая, мрачноватая украинка. Но входит высокий нигериец. Наверное, Оксана передумала. Нашла покой после последнего собрания группы. Решила опять открыть свою дверь, вернуться домой. Обошла по кругу воронцовских охранников у входа на ладейру и снова поехала вверх. Повернулась на каблуках у дверей станции «лунной петли». Выбрала Луну. И Марину охватывают ужасные сомнения. Даже сейчас она может сделать то же самое. Встать с этой белой кушетки, выйти из двери и вернуться.

К Ариэль.

Она не может пошевелиться. Ее парализовало между уходом и возвращением.

Потом в другом конце зала открывается дверь, и другой администратор говорит: «Мы готовы к подъему на борт», и Марина встает вместе с остальными и идет вместе с остальными – из двери в шлюз, из шлюза в капсулу «лунной петли». Она занимает одно из мест вокруг центрального ядра. Ремни безопасности опускаются и отнимают все сомнения. Люк закупоривается. Начинается формальный обратный отсчет. Такие капсулы каждый день прибывают и убывают сотнями. Да, она боится, дрожит от страха в своем спортивном топе, беговых шортах и лентах. Уходит, как и

ожидала, испуганная.

Первая стадия подъема – увлекательная поездка вертикально вверх через внутренность хаба Меридиана. Через несколько секунд она оказывается на высоте в полкилометра. Капсула «лунной петли» герметичная, без окон, но внешние камеры передают изображения Хетти. Марина видит хаб Меридиана: огромную пустую шахту, заполненную огнями десяти тысяч окон, которые в сумерках кажутся сиреневыми. Теперь она выше возносящихся летунов – вот они соскальзывают с вершин термальных потоков и по спирали опускаются сквозь тусклые проблески утренней зари.

Она покидает Луну утром, когда свет только разгорается.

Она замечает в высокой части города отдушины и вентиляторы, напорные водопроводы и теплообменники, а потом трансляция с камеры обрывается – капсула входит в воздушный шлюз. Дергается; Марина чувствует, как движутся какие-то механизмы, запираются замки, слышит, как вой уходящего воздуха переходит в шепот, а потом умолкает. Над нею стартовая башня. «Лунная петля» вертится вокруг Луны, тянется вниз, чтобы подхватить капсулу с вершины башни и забросить в космос.

«Будет больно, – сказала Прида возвращенцам. – Будет больней всего на свете».

* * *

– Ариэль.

У всех моту есть строгое ограничение скорости, но когда ты находишься в единственной машине на проспекте, посреди сиреневых сумерек пробуждающейся квадры Ориона, едешь мимо высоких темных деревьев в парке Гагарина, то кажется, что путешествуешь со скоростью любви.

– Ариэль, это бессмысленно.

Абена опять завозилась в своем гамаке, выныривая из неглубокого сна, когда щелкнула дверь, закрываясь, и заурчал депринтер. Сложила два плюс два. Увидела записку, зажатую меж холодильником и дверцей. Поняла, что произошло. Прочитала записку. Еще не дочитав, оказалась в комнате Ариэль.

– Марина улетела на Землю.

Моту был уже у двери, когда она помогла Ариэль надеть платье. «Сделай что-нибудь с моим лицом», – сказала Ариэль ледяным голосом,

пока Бейжафлор пыталась засечь Хетти и связаться с нею. Абена присела на корточки возле кресла и аккуратно нанесла тени для глаз двух цветов. Моту без проверки проехал через все блокпосты оккупационных сил.

«Я не могу с нею связаться, – только и сказала Ариэль. – Я не могу с нею связаться».

– Я по-прежнему не могу с нею связаться, – говорит Ариэль.

– Ариэль, послушайте меня.

Она оставила записку на полу кухни. Абена все еще видит каждое слово, как будто его записали раскаленной добела иглой у нее на сетчатке.

«Я должна покинуть Луну. Я должна уйти».

– Ариэль, ее капсула улетела пятнадцать минут назад.

Моту прибывает в хаб Меридиана и разворачивается.

– Ариэль, ее здесь больше нет.

Ариэль резко поворачивает голову, и Абена пасует перед бледным жаром ее пристального взгляда.

– Знаю. Я знаю. Но мне надо это увидеть.

Возвратная капсула спускается по стене хаба Меридиана, возвращаясь из космоса. Одна опускается, пока другая поднимается. Вверх и вниз, бесконечная карусель.

– Я хочу, чтобы ты ушла, – говорит Ариэль.

– Ариэль, я могу помочь...

– Заткнись! – вопит Ариэль. – Заткнись, ты, тупая, глупая сучка! Оставь при себе свои гребаные благонамеренные, бодрящие, бессмысленные, бесчувственные, невежественные, несерьезные проповеди. Я не нуждаюсь в твоей помощи, я не нуждаюсь в твоей очаровательности, я не нуждаюсь в твоей терапии. Я хочу, чтобы ты ушла. Просто уходи. Убирайся.

Всхлипывая, Абена неверной походкой выбирается из такси. Она бежит к каменной скамье у стены из гибискуса. Сиреневое утро переходит в золото, в сияющем воздухе кувыркаются летуны, и это кажется Абене уродливым. Ненавистная женщина. Мерзкая. Неблагодарная. Но она не может не смотреть сквозь собственные волосы, сквозь сотрясающие ее рыдания на беспомощную адвокатессу в моту. Двери машины лежат вокруг нее, словно лепестки раскрывшегося цветка. Вот Ариэль опускает голову вперед. Вот запрокидывает. Абена пытается понять, что она видит. Она вспоминает, что чувствовала, когда Лукасинью забавлялся с другими девушками и парнями. Гнев, предательство, желание причинить столь же неразборчивый вред, какой причинили ей. Желание ударить своего обидчика и увидеть, как его ударят. Это нечто другое. Это жизнь, которая

разломилась напополам. Это абсолютная, опустошительная потеря.

Фамильяр шепчет ей на ухо: «Ариэль».

– Абена. Прости. Я уже в порядке.

Абена не знает, сможет ли оказаться лицом к лицу с Ариэль. Она видела наготу, при которой содрали не только кожу. Она видела, как уязвимость разломала на части женщину, для которой самообладание – это все. Абена встает, приглаживает одежду, надетую впопыхах, глубоко дышит, пока всхлипы не сменяются вздохами.

– Я иду.

И тут вокруг такси Ариэль собираются моту и байки.

* * *

Вооруженные и бронированные люди выходят из открывающихся моту и соскальзывают с байков. Воронцовы в кевларовых жилетах, защищающих от ножевых ранений и изукрашенных надписями в стиле хэви-металл, изобилующими умлаутами; наемники в разномастной защите, какую принтер печатает задешево, неуклюжие земляне в черных боевых скафандрах. Они окружают моту Ариэль.

Абена застывает.

Ариэль нуждается в ней.

– Оставьте ее в покое! – кричит девушка.

Одна фигура поворачивается: это невысокая женщина с кожей кофейного цвета, в неуместном платье от Миуччи Прады и на четырехдюймовых каблуках от Серджио Росси.

– Ты кто?

– Я Абена Маану Асамоа.

Из кольца вооруженных самцов раздается голос Ариэль:

– Пропустите ее. Она работает со мной.

Женщина в «Праде» кивает, и бойцы расступаются.

– Мне жаль, что тебе пришлось увидеть то, что случилось, – шепчет Ариэль. – Ты не должна была этого видеть.

У Абены сотня ответов, но все они благонамеренные, бодрящие, бессмысленные, бесчувственные, невежественные, несерьезные. Банальная, наивная и склонная к ребячеству – так Ариэль охарактеризовала ее, когда они встретились в Лунарианском обществе. Абена понимает: у нее есть – и всегда были – только такие ответы.

– Мы пришли за Ариэль Кортой, – говорит женщина в платье от

Миуччи Прады.

Абена не понимает, что у нее за акцент, но есть нечто знакомое и оттого сбивающее с толку в ее лице, глазах, скулах. Сетевой поиск не дает результатов, а фамилляр у незнакомки – свинцово-серая сфера, изукрашенная булатным узором. «Почему мне кажется, что мы уже встречались?»

– Орел Луны хочет с вами встретиться, – говорит молодая незнакомка. Глобо – не родной язык для нее.

– Обычно просьбы Орла не доставляют вооруженные идиоты, – говорит Ариэль, и Абене хочется издать восторженный вопль.

– Произошла смена руководства, – говорит незнакомка.

Теперь Ариэль смотрит на ее глаза, скулы, форму рта. Узнавание, невероятное узнавание проступает на ее лице. И Абена понимает, где она видела эту женщину; в лице той, что сидит напротив.

– Да кто ты такая, черт возьми? – спрашиваешь Ариэль на португальском.

Девушка отвечает на том же языке:

– Я Алексия Корта.

* * *

Боты-ремонтники проявили усердие, но Ариэль адвокатским взглядом подмечает следы дыма вокруг дверных рам, пыльные отпечатки ботов на полированном полу из синтера. Блестят мелкие осколки разбитого стекла, застрявшие там, где сходятся стены и пол. В боковой комнате два бота прилежно счищают большое пятно с ковра.

Детали – это хорошо. Детали дисциплинируют. Это суд, она идет на заседание. Здесь все может повиснуть на волоске, включая ее жизнь.

Сопровождающим приказали остаться в транспортном доке. Каблуки Алексии Корты выстукивают военный ритм по жесткому полу. Ариэль читает в каждом ее шаге дисциплину и контроль. Джо Лунники шагают неправильно, не умеют пользоваться своими чересчур сильными ногами. Вновь прибывшие, только что с «лунной петли», идут по проспекту Гагарина скачками и прыжками – это шутка, переходящая в стереотип. Эта молодая женщина ни разу не поставила ступню неправильно. Ко всему прочему, она еще и в туфлях от Серджио Росси.

Еще одна деталь. Яркая монетка, кувыряясь и блестя, летит в яму.

Что там с капсулой Марины, она уже причалила или еще несется в

невесомости, навстречу той далекой блистающей звезде? Ариэль могла бы это вычислить, получив от Бейжафлор кое-какие детали относительно полета.

Адвокатесса сосредотачивается. Происходящее здесь и сейчас важнее, нужно сфокусироваться на полезной информации. Алексия Корта называет себя Железной Рукой, старым титулом Адрианы. Она творит себя по образу и подобию Адрианы. У нее есть амбиции, и она высокого мнения о собственной беспощадности.

– Пожалуйста, подождите здесь, – говорит Алексия Корта Абене.

– Не предлагайте меня подтолкнуть, – предупреждает Ариэль.

– Ну разумеется, сеньора Корта.

С того момента, как Алексия произнесла свое имя, Ариэль точно знала, кого встретит по другую сторону двойных дверей, за нелепо изукрашенным, бессмысленным столом. Но то, что она видит, стирает все мысли о Марине и приглушает терзающую нутро боль, делая ее стойкой, приглушенной и в конечном итоге терпимой.

– Мать твою, Лукас, выглядишь, как смерть. – Ариэль говорит на португальском – на языке близости и соперничества, семьи и врагов.

Он смеется. Это невыносимо. Его смех похож на звук, с которым внутри идеального механизма застревает разбитое стекло.

– Я и был мертв. На протяжении семи минут, как мне сказали. Разочаровался. Ни тебе всей жизни перед глазами. Ни белого света и расслабляющей музыки. Ни предков, которые зовут из светящегося туннеля. – Он подталкивает бутылку джина в центр большого пустого стола. – Мой старый личный рецепт. Сеть ничего не забывает.

– Спасибо, я пас.

Она хотела бы ее взять. Она бы больше всего на свете хотела утащить эту бутылку в какое-нибудь тайное местечко и пить, пока все не станет гладким, размытым и безболезненным.

– Seriously?

– Только по особым случаям.

– Воссоединение семьи – это не особый случай?

– Не отказывайся из-за меня.

– Увы, медицинская бригада поставила меня в те же самые условия относительно алкоголя.

Эта пустая, выбеленная, потрескавшаяся оболочка – марионетка, заменившая ее брата. Его некогда красивая кожа приобрела серый оттенок. Серый пронизывает его волосы, его бороду. Глаза запали, кожа покрыта родинками и пигментными пятнами от прямых солнечных лучей. Кости

искривились. Даже в лунной силе тяжести мышцы едва держат его прямо за столом. Ариэль замечает прислоненные сбоку костыли. Кажется, что в силу некоего обратного принципа относительности под воздействием земной силы тяжести прошло тридцать лет.

– Нам нельзя на Землю. Матушка-Земля нас убивает. И все такое. Я отправился туда, Ариэль. Она пыталась. При перелете на орбиту у меня случился обширный инфаркт. Но я не умер.

Ариэль ловит взгляд Алексии.

– Оставь нас.

Лукас кивает.

– Пожалуйста, Алексия.

Ариэль ждет, пока закроется дверь, хотя Алексия была бы душой, если бы не следила за каждым словом, сказанным в Орлином Гнезде.

– А как быть с ней?

– Она умная, она голодная, у нее амбиции – и это освежает. Возможно, она самый безжалостный человек, какого я встречал. Включая тебя, сестра. Там, внизу, у нее была маленькая бизнес-империя – она производила и продавала чистую воду всей округе. Ее прозвали Королевой Труб. Но когда я предложил ей Луну, она пошла со мной. Она Железная Рука. В ней есть кровь Адрианы Корты.

– Она тебя прикончит, Лукас. В тот же миг, когда твое влияние и позиция ослабнут.

– Семья прежде всего, семья навсегда, Ариэль. Лукасинью в Жуан-ди-Деусе. Он в плохом состоянии. Сестринство Владык Сего Часа заботится о нем. Я всегда считал привязанность матери к ним симптомом ее слабости, но, похоже, они стали главным сопротивлением Брайсу Маккензи и силам, оккупировавшим мой город. Разберусь с этим в свой черед. Лукасинью вел Луну четыре сотни километров через Море Изобилия. Ты об этом знала? Он отдал последний глоток воздуха в легких, чтобы его кухня добралась до Боа-Виста. Во время Лунной гонки он вернулся, чтобы помочь мальчишке Асамоа. Он храбрый и добрый, и я хочу, чтобы он поправился, и мне так нужно его снова увидеть. Семья прежде всего, семья навсегда.

Упрек старый, но точный, и неизменно ранит. Сегодня он ранит глубоко, потому что у нее и так все болит. Ариэль всегда выбирала – и будет выбирать – мир, а не семью. Как и у любой поверхностной истины, у этой имеется в сердцевине другая, расплавленная и вертящаяся. Мир выбирает Ариэль Карту. Мир всегда заставлял ее прогибаться под себя, лапал своими настойчивыми, похотливыми ручищами. Лишь у немногих хватает силы воли и таланта, чтобы удовлетворить целый мир. Он

нуждается, она питает его. Он все время просит, она все время отдает, хоть это и изолировало ее от всего и всех, кто мог бы о чем-то попросить.

– Меня ты не прикрутишь к своей счастливой маленькой династии, Лукас.

– Возможно, у тебя в этом смысле нет выбора. Как по-твоему, насколько безопасной будет жизнь отдельно взятого Корты, когда все узнают, кто командует Орлиным Гнездом?

– Кажется, мое призвание – посылать Орлов Луны на хрен, – говорит Ариэль, но она видит ловушки, которые Лукас расставил вокруг нее.

– Ты была юридическим советником моего предшественника, – говорит Лукас. – Я бы хотел, чтобы ты продолжила работать на этом посту. Считай, что у тебя сменился начальник.

– Твой предшественник умер на дне хаба Антареса. – Бейжафлор проинформировала ее о политических треволнениях, которые произошли одновременно с тем, как Марина Кальцаге ее покинула. Дефенестрация. Ариэль вздрагивает от того, что для подобного убийства существует особый термин – такой точный, такой надушенный и вежливый.

– Я с этим никак не связан, – говорит Лукас. – Джонатон не представлял угрозы. С ним было покончено, Ариэль. Ему бы поручили какую-нибудь синекуру в качестве лектора в Университете Дальней стороны, где бы он и остался до конца своих дней. Я не желал Джонатону Кайоду зла.

– Ты сидишь за его столом, с его титулом, печатями и уровнями доступа, и предлагаешь мне дизайнерский джин из его принтера.

– Я не просил дать мне эту работу.

– Ты меня оскорбляешь, Лукас.

Он вскидывает руки в мольбе.

– Уполномоченной лунной администрации требовался человек, знающий Луну.

– Дело не в том, что одна аббревиатура из трех букв сменилась другой. Перестановки в совете директоров не происходят при участии орбитальных рельсовых пушек.

– Да неужели? – Лукас наклоняется вперед, и Ариэль видит в его запавших глазах свет, про который забыла. Он не озаряет; он отбрасывает тени. – Правда? Прокатись-ка на лифте до высоких уровней и спроси их там, знают ли они, чем занималась КРЛ, могут ли назвать хоть одного члена правления по имени и знают ли вообще, кем был Орел Луны. Что их интересует, так это воздух в легких, вода на языке, еда в животе, сплетни Гапшапа о том, кто с кем трахается, и клиент, с которым можно заключить

очередной контракт. Мы не национальное государство, мы не демократия, у которой украли кислород свободы. Мы коммерческое предприятие. Мы промышленный форпост. Мы приносим прибыль. Случилась смена руководства, и только. И новому руководству нужно, чтобы деньги снова потекли рекой.

– Представители правительств России, Индии, Бразилии, США, Кореи, Южной Африки. Китайская Народная Республика имеет представителя, который сидит в зале заседаний КРЛ. Ты ждешь, что Дворец вечного света будет слушаться приказов из Пекина?

– Уполномоченная лунная администрация – это многоагентное учреждение. Оно включает корпоративных представителей с Земли и Луны.

– ВТО.

– Да.

– Что ты им предложил, Лукас?

– Безопасность на Земле, империю в космосе и уважение на Луне.

– Это вторжение, Лукас.

– Ну разумеется. Но еще и крепкий бизнес.

– Ты уничтожил «Горнило»?

– Нет, – говорит Лукас. Ариэль не отвечает. Ее молчание требует от него большего. – Я не уничтожал «Горнило».

– Программа, которая взломала зеркала, была старым кодом Корта. Она сидела там, спрятавшись внутри контрольных систем, на протяжении тридцати лет. Программы не активизируются просто так, внезапно. Кто-то ее разбудил. Кто-то послал приказ. Это был ты, Лукас?

– Я не отдавал такой команды.

– Сто восемьдесят восемь смертей, Лукас.

– Я не приказывал уничтожать «Горнило».

– Налей мне твоего джина, Лукас.

Он дрожащей рукой наполняет бокал для мартини, добавляет гомеопатическую дозу вермута, продвигает его через огромный стол Орла. Ариэль так много напитков брала в руки, упивалась содержимым, испытывала чистое и безграничное наслаждение. Резко, по-взрослому – личный секс в бокале. Этот она оставляет нетронутым.

– Ты попросил, чтобы я представляла тебя, Лукас.

– Попросил. Ты не ответила.

Джин такой холодный, с каплями конденсата на стекле, и на него неизменно можно положиться, он не подведет. Семья или мир. В этом всегда заключалась дилемма. Лукас рассек ее одним ударом. Семья и мир.

Прими его предложение и получи и то и другое. Ариэль пристально глядит на стакан, который стоит на столе Орла Луны, и понимает, что все просто. Проще не бывает. И так было всегда.

– Не ответила? – говорит она. – Нет. Мой ответ: нет. Нет.

* * *

Через час терпению Леди Сунь приходит конец. Она вздыхает и, подняв трость, тыкает ею в направлении Алексии Корта.

– Ты.

– Леди Сунь.

Леди Сунь внимательно изучила эту молодую женщину за столиком у дверей кабинета Орла. Каждый мускул выдает ее земное происхождение. Бразильянка. Родственница. Легенда гласит, что Адриана сочла всех до единого Корта недостойными присоединиться к ней на Луне. У этой девчонки есть амбиции и дисциплина, чтобы их реализовать. Она не коротает время, отвлекаясь на видимые банальности или игры. Она хорошо сидит, ей отлично удастся быть неподвижной. Нынче так мало молодых людей понимают, как сохранять неподвижность. Леди Сунь позвала ее отчасти для того, чтобы нарушить это раздражающее самообладание, отчасти для того, чтобы проверить, не сделает ли она ошибочного движения, которое заставит ее взмыть поперек комнаты. Алексия Корта хорошо двигается, пусть ей для этого явно придется концентрироваться.

– Нас заставили ждать, – говорит Леди Сунь. Члены правления «Тайяна» разбрелись по комфортабельной приемной Орла, демонстрируя разнообразные виды скуки.

– Орел встретится с вами, когда будет готов, – отвечает Алексия Корта.

– Мы не ждем. Мы не контрактники.

– Орел очень занят.

– Но это не помешало ему увидеться с Евгением Воронцовым.

Старый пьяный шут протопал мимо тридцать минут назад со свитой из бронированных болванов. Ему даже не хватило приличий изобразить смущение. Леди Сунь не усомнилась в том, что его телохранители были членами хунты – молодого, более жесткого поколения, которое, по слухам, контролировало «ВТО-Луну». Вид у них был соответствующий. Мускулистые и дисциплинированные. Дизайн их брони – оскорбление для глаз. Показуха и ребячество. Дариус любит музыку, из которой они черпают эти визуальные образы. Леди Сунь находит особо унижительным то, что их

полицейскими стали персонажи из видеоигры для мальчиков.

Полицейские. Разве кто-то мог подумать, что они появятся на Луне...

– Сеньор Воронцов – член УЛА, – говорит Алексия Корта, и тут двойные двери открываются, выходит Евгений Воронцов, человек-медведь. Его сопровождают молодые женщины и мужчины с жесткими лицами и в еще более жестких костюмах. Они почти выпихивают его из комнаты.

– Теперь Орел встретится с вами, – объявляет Алексия Корта. Сунни выбираются из трясины долгого, скучного ожидания.

Алексия Корта заступает дорогу Леди Сунь.

– Вы не член правления, сеньора.

Сунь Чжиюань замирает. Делегация Суней застывает как вкопанная. Леди Сунь должна входить первой. Это правило, это обычай, это почетное место. Алексия Корта неподвижна как столб.

– Это какая-то ошибка, – говорит Леди Сунь.

– Вы заседаете с правлением «Тайяна», но вы не член правления.

– Вы заставляете мою бабушку ждать, а потом говорите, что ей нельзя войти, – говорит Сунь Чжиюань тихим угрожающим голосом. – Или моя бабушка войдет туда, или никто из нас.

Алексия Корта поднимает два пальца к уху – жест новичка, который еще не привык подсознательно общаться с фамильяром.

– Орел будет рад принять Леди Сунь, – говорит бразильянка. Очки-вейфэреры прячут ее глаза, и по мышцам лица Леди Сунь не читает ни смущения, ни усвоенного урока. Это уверенная, надменная молодая женщина.

Сунь Чжиюань отходит, позволяя Леди Сунь возглавить делегацию.

– Несносная девчонка, – шипит та, проходя мимо. Ее еще ни разу так не унижали. Гнев – наслаждение, горячая, лихорадочная, всепоглощающая болезнь; она и не думала, что в своем преклонном возрасте может испытывать такие сильные чувства.

– А ты иссохший старый скорпион, который скоро сдохнет, – шепчет Алексия Корта на португальском. Двери закрываются за Леди Сунь и правлением «Тайяна».

* * *

Хайме Эрнандес-Маккензи останавливается у двери пентхауса, упершись рукой в дверную раму и лоя ртом воздух. В его легких дребезжит тысяча каменных иголок. Старая пыль его убивает. Старых

джакару нельзя будить до рассвета, вызывая на совещание.

Старые джакару знают, когда надо спешить.

Единственный источник света – окно, возле которого стоит Брайс, темная масса на фоне пуантилистического ночного пейзажа проспекта Кондаковой. Хайме моргает в сумерках. Фамильяр подсказывает, кто здесь, и отмечает присутствующих.

– Суні потребовали вернуть заем, – говорит Альфонсо Перес Трехо, финансовый директор.

– Твою мать, – почтительно произносит Хайме Эрнандес-Маккензи.

– Мы составили щедрый план выплаты, но они хотят деньги сейчас, – сообщает Роуэн Сольвейг-Маккензи. – Море Изобилия и Море Кризисов все еще выдают всего сорок процентов от запланированного уровня, и у нас нет резервов.

– Лукас Корта хочет встретиться, – говорит Альфонсо Перес Трехо.

– Я не поцелую его гребаное кольцо, – заявляет Брайс, поворачиваясь от окна. – Я не отдам все это Лукасу КORTE.

– ВТО может наложить эмбарго, – предупреждает Роуэн.

– Тогда на Земле погаснет свет, – говорит Брайс. – Я знаю, что он сделает. Он позволит Дункану загнать нас в дикие земли, пока мы будем поддерживать огонь. Кусок территории тут, кусок там: новое правление – УЛА или как там они себя называют – интересуют лишь поставки гелия.

– Сдается мне, мы должны заключить соглашение с Уполномоченной лунной администрацией, – хрипит Хайме.

– Лукас Корта – привратник, – говорит Роуэн.

– Я знаю, чего хочет Лукас Корта, – выплевывает Брайс. – Он хочет вернуть себе этот город. Да я его разгерметизирую нахрен, вместе со всеми жителями, прежде чем позволю забрать.

– У меня менее кроважидное предложение, – говорит Хайме. – Вы слышали про Сестринство Владык Сего Часа?

– Слышал, – отвечает Брайс. – Какой-то бразильский культ для черни с барабанами.

– Люди их уважают, – продолжает Хайме. – И вы бы могли чуть зауважать, когда узнаете, что они, по слухам, приютили Лукасинью и Луну Корта.

На фоне уличного свечения видно, что спина Брайса Маккензи заметно выпрямляется.

– Да что ты говоришь?

Он едет один, в специально выделенной автомотриссе, в цитадель своего врага. По прибытии перед ним открываются только нужные двери, направляя в самое сердце цитадели.

Костыли Лукаса Корты стучат по полированным камням Хэдли.

Дункан Маккензи был просто обязан построить сад. Лощина папоротников Роберта Маккензи была чудом Луны. Роберт Маккензи творил при помощи папоротников и ростков, крыльев и воды. Дункан Маккензи взял для строительства камень и песок, ветер и шепоты. Зал – сотня метров в поперечнике, уровень полотна по сравнению с тесным Хэдли вызывает агорафобию. Лукас чувствовал вес камня на плечах, и вот бремя сброшено. Воздух сухой и очень чистый, в нем ощущается покалывание мельчайшего песка. Тропа, вымощенная каменными плитами, извивается меж садилов из песка, покрытого бороздами. Столбы света падают из высоких окон на аскетическую геометрию камня и песка.

Цок-цок, тук-тук.

Дункан Маккензи ждет в круге из камня, Эсперанса мерцает над его плечом. Поставленные вертикально камни демонстрируют все разновидности пород Луны и многих за ее пределами. Есть менгиры времен рождения солнечной системы; куски Земли и Марса, отвалившиеся во время титанических столкновений с астероидами и улетевшие в космос; металлические ядра метеоров, что оказались погребены после ударов, случившихся миллиард лет назад.

Лукас не упускает из вида то, что все камни ниже Дункана Маккензи.

– Я мог бы десять раз тебя выпотрошить, – говорит Дункан.

Лукас опирается на свои костыли.

– Тогда ты бы превратился в дыру в реголите.

– Легко налаживать отношения с соседями, когда у тебя есть электромагнитная пушка.

– Я с тобой не вражду, Дункан.

– Я был в «Горниле». Я бежал со всеми, когда зеркала обратились против нас. Я слышал, как колотятся в двери спасательных модулей. Я видел, как люди горят, и я положил фамильяр отца в мавзолей в Кингскорте.

– История насилия нам здесь не поможет, – говорит Лукас. – У Брайса есть Жуан-ди-Деус. Он мой. Его гелиевый бизнес забирай себе.

– Мне от тебя ничего не нужно.

– Это не подарок. Продолжай земельную войну с Брайсом, и УЛА будет смотреть на происходящее сквозь пальцы.

– А когда я заберу термоядерный бизнес, ты его отнимешь. «Корта Элиу» возродится.

– Я никак не смогу тебя убедить в том, что гелий меня не интересует. Но Жуан-ди-Деус мне действительно нужен.

– У «Маккензи Металз» нет стратегических интересов в Жуан-ди-Деусе.

Лукас Корта прячет улыбку. Он получил свою сделку.

– Мы друг друга поняли. Не стану больше занимать твое время.

Пройдя полдороги по серпантину, выложенному каменными плитами, Лукас поворачивается на костылях.

– Забыл предупредить. Если решишь помириться с братом, то, как ты сам намекнул, у меня есть электромагнитная пушка.

– Не у тебя, а у Воронцовых, – кричит в ответ Дункан Маккензи.

* * *

Дункан Маккензи наблюдает, как Лукас Корта ковыляет между спиралями и кругами причесанного песка.

Гребаный Корта. Гребаный Корта!

У тебя есть большая пушка, но ты кое-что забыл: чтобы защититься от большой пушки, надо что-то поместить между нею и собой.

Он ждет, пока закроются двери, и вызывает Денни Маккензи.

– Приведи мне Робсона КОРТУ.

Гребаного КОРТУ.

* * *

Выше восемьдесят пятого не идут ни подъемники, ни ладейры. По лестницам, обычным и приставным, по ступенькам и перекладинам, Вагнер Корта забирается в верхнюю часть города. В Байрру-Алту, к его навесам и карнизам, его туннелям и веревочным мостам, к его обездоленным и бесконтрактным; на самую верхотуру, в те места, где воздух с шумом выходит из вентиляционных отверстий, вздыхает вокруг трубопроводов и тарелок антенн – узкие сетчатые помосты под Вагнером дрожат в такт машинерии, и если этот ритм вдруг меняется, он хватается за перила и вынуждает себя смотреть только вперед. Посмотреть вниз, сквозь сетку, означает вызвать приступ головокружения. Падать два километра,

прямоком на проспект Терешковой.

Выше сотого этажа нет даже перил. Вагнер бочком пробирается вдоль сварных швов, мимо резервуаров с водой, покрытых холодным конденсатом. Он сидит пять минут, прислонившись к теплой боковине теплообменной трубы, собираясь с духом, чтобы перешагнуть трехметровый зазор между двумя блоками контроля влажности. В конце концов он хватается двумя руками за провисающие кабели и, раскачавшись, прыгает на выступ, расположенный с другой стороны. Смерть от электрического тока быстрее смерти от падения. И все же здесь есть признаки человеческого обитания: бутылки с водой, обертки от протеиновых и углеводородных батончиков, которые занесли в углы и щели вечные искусственные ветра самой высокой части Меридиана. Даже заббалины с их легендарным рвением в переработке каждой молекулы углерода не осмеливаются подниматься на такую высоту. Выше только солнечная линия, и Вагнер чувствует это – на него как будто что-то постоянно давит, ослепляя. Крыша мира горит. Тем не менее флуоресцентные символы, идеограммы свободных бегунов, указывают на еще более высокие тропы.

Он пересек моря и возвышенности, сражался с монстрами и ужасными тварями, был свидетелем храбрости и отчаяния, приблизился к энергии, которая могла бы пробить дыру в городе и впустить в него вакуум. Он страдал от истощения и голода, обезвоживания и гипотермии, роботов и радиации. Эти последние полкилометра пути к Робсону, чтобы найти и обезопасить его, хуже всего, что было. Положите перед ним тысячу километров стекла, бросьте его в самое пекло восстания или войны роботов, обстреляйте ледяными снарядами на гиперскорости: он как-нибудь выкрутится. Но поместите перед ним трехметровую щель и двухкилометровую пропасть, в которой воет ветер, и его парализует. Вагнер боится высоты.

Его сердце колотится, его дыхание сбивчивое и неглубокое, но он забирается как можно глубже в расщелину между двумя газообменными бункерами. Воздух на вершине мира заметно разрежен. Вагнер дышит глубже, заряжая тело кислородом.

– Робсон Корта!

Вагнер зовет трижды, потом падает без сил, еле дыша. Голова пульсирует. Если б только гребаный пацан включил фамильяра... Но это Правило № 1 для тех, кто хочет исчезнуть: отключиться от сети. Вагнер отследил Робсона до крыши квадры Антареса с помощью замысловатого алгоритма распознавания образов и отслеживания пассивных следов.

– Робсон! Это я, Вагнер! – Он перезаряжает легкие и прибавляет: – Я один, Робсон. Только я. Клянусь.

Его голос эхом гуляет по титановому ландшафту верхушки Антареса. Вагнер всегда до жути боялся громких голосов – крика, шума. Громкие люди привлекают к себе внимание. Он волк, который не воет.

Он волк, который испуган до полусмерти и прячется от бездны в стальном закутке.

– Робсон! – И опять его голос трижды отражается от металлических поверхностей и раскатывается повсюду. Он ненавидит слышать себя со стороны.

– Вагнер.

Голос раздается так близко, что Вагнер дергается от неожиданности. Он резко отодвигается от пропасти, забиваясь глубже в свою нишу.

Сердце Вагнера сжимается от ужаса. Робсон стоит на десятисантиметровом выступе – ни перил, ни рукоятей. Мыски его ботинок для лазанья торчат над краем. Под ним два километра чистого воздуха. Между Вагнером и Робсоном – зазор в пять метров. Вагнер с тем же успехом может его пересечь, как и пустоту между Луной и Землей.

– Ты в порядке?

Мальчик выглядит ужасно. Шорты в пятнах и дырках. Один рукав его чересчур большой майки оторван и висит. Волосы – спутанная копна, почти дреды, кожа грязная, испещренная синяками и заживающими ссадинами. Он никогда не отличался плотным телосложением, но теперь совсем отощал. Вагнер видит его ключицы в широкой горловине майки. Глаза яркие, взгляд дикий.

– А ты?

– Да. Нет. Робсон, я должен тебе сказать – все хорошо.

– Я подрался с ботом, – сообщает Робсон. – Наверное, он просто делал обход, но у него были лезвия. Я его опрокинул. Он не понял, что я делаю. Это было как фокус. Он ударился о помост на сто пятнадцатом и развалился. Кусочки рассеяло от двадцатого до сорокового. Было предупреждение о мусоре, чтобы никто не поранился.

– Робсон, я пришел забрать тебя домой.

– Я туда не вернусь.

– Знаю. Амаль рассказалэ. Нэ тебя правда любит, просто, ну... наша любовь – она другая. Нэ сильно досталось, Робсон. Нэ пыталэсь защитить тебя.

– С нэ все в порядке?

– Выкарабкается. – Разорванная селезенка, тяжелые внутренние

травмы. «У них был Железный Кулак», – сказалэ нэ Вагнеру, когда он пришел повидаться в медцентр. – Нэ пыталэсь тебя защитить.

– Знаю. Но я не могу быть как ты, Вагнер.

– Я теперь это понимаю. Мы не вернемся в дом стаи, обещаю.

– Что ты сделаешь?

– Буду с тобой.

– Тебе нужна стая. Ты без них не ты.

Сидя на помосте, втиснувшись в щель, куда едва помещается его тощая задница, прижав колени к груди и обхватив руками, чтобы заслониться от как можно большей части потрясающего и ужасающего зрелища, Вагнер Корта чувствует, как в его сердце появляется трещина.

– У меня будешь ты.

Робсон говорит:

– Ты побывал там, верно?

– Я видел вещи, в которые не мог поверить. Я видел вещи, которые никто раньше не видел и не должен был видеть. Я видел то, о чем никогда не расскажу.

И опять долгое молчание.

– Робсон, я должен тебе сказать – я столько всего там видел, и я испугался, но не так, как сейчас. Я в ужасе, Робсон. Я не могу здесь находиться. Такое чувство, что я умираю. Не знаю, смогу ли пошевелиться. Ты поможешь мне спуститься?

Вагнер не видит физических усилий, напряжения мышц или подготовки, но Робсон взмывает над бездной, протягивает руку и хватается за стойку. Он перелетает вдоль бункера газообменника, через щель, в которой съезжился Вагнер, хватается за вторую стойку – и, кувыркнувшись, уверенно и красиво приземляется на ремонтный мостик.

Вагнер по этому мостику прополз на четвереньках. Робсон протягивает руку.

– Хватайся. Смотри только мне в глаза.

Вагнер чуть подается вперед. Мышцы его ноги онемели, его икрам нельзя доверять.

– Возьми меня за руку.

Вагнер тянется вперед. На миг кажется, что он падает, и перед ним открывается пропасть. Потом его рука оказывается в руке Робсона, и Вагнер понимает, что ни разу не коснулся этой руки, не обнял это тело. В этом теле – сила, мягкость и теплота. Упрямое сопротивление. Вагнер с трудом поднимается на ноги.

– Смотри на меня.

Он обходит второй газообменник, и вот перед ним выход на мостик.

– Ты в порядке?

– Могу подпрыгнуть.

– Только не над пропастью.

Вагнер, бледный и вспотевший, опирается на перила, тяжело дыша. Он трижды подавляет приступ рвоты, потом выпрямляется, но по-прежнему дышит с трудом.

– Идем. Первая остановка – баня. Ты воняешь, ирман.

Улыбка Робсона по-прежнему в силах остановить планету на орбите.

– Да ты и сам не благоухаешь свежестью, Лобинью.

* * *

Вагнер долго лежит в тусклом тепле парилки. Гладкий камень под его спиной, приятное покалывание пота, который выступает каплями и бежит, вытягивая усталость из глубины мышц. Звезды над ним – неподвижные созвездия на куполе. Полная Земля – сине-белая мозаика.

Земля растет. Он это чувствует даже в недрах Луны. Он знает, что дело в таблетках, причиной всегда были таблетки – и его собственная физиология, его физиологические ритмы; так или иначе, он чувствует, не видя, что синий серп Земли стоит над Меридианом. Его тянет присоединиться к единству стаи. Он не может. У него ребенок. Лежа на каменной плите, окутанный теплом, Вагнер паникует. Не только в этот раз, но при каждом Восходе Земли он будет отделен от стаи. Он не знает, как это вынести. Он вынесет. Он должен. У него ребенок.

Сомбра звякает.

«Эй, я уже вышел».

Робсон сидит на табурете в чайном баре при бане. Он напечатал серую меланжевую майку, короткую, со спущенными плечами, и тренировочные штаны с лампасами. Рукава майки закатаны. Его волосы похожи на великолепный гриб-дождевик золотисто-каштанового цвета.

– Лучше пахну? – спрашивает Робсон, сияя.

– Эвкалипт, ментол. Можжевельник. Бергамот, немного сандалового дерева. – Еще раз нюхнуть. – И чуточку ладана.

– Откуда ты это знаешь?

– В темноте я знаю много вещей.

– Хочу показать тебе фокус, – объявляет Робсон и вытаскивает из кармана тренировочных штанов свою полуколоду карт. Достает карту и

машет ею перед Вагнером. Престо: карты больше нет.

– Он держит ее внутри руки, – говорит кто-то. – Между большим пальцем и ладонью. С того места, где ты сидишь, не видно. А я вижу.

Магия – это искусство перенаправления. Рука отвлекает внимание: «Сюда!» – и потому никто не видит, как над картой работают. Или как прибывает Первый клинок «Маккензи Металз».

Денни Маккензи облакачивается о стойку чайного бара. Он видит, как Вагнер проверяет, нет ли в вестибюле других рубак.

– Я один. Отлично поработал, нашел мальчишку.

– Меня зовут Робсон, – вспыхивает Робсон. – Не «мальчишка», не Роббо. Робсон.

– Ну да, ну да, – соглашается Денни Маккензи. – Я, типа, извиняюсь. А ты... – Он поворачивается к продавцу чая, – сиди ровно. Я мог бы расправиться со всей твоей охраной, но никаких проблем не будет.

– Чего тебе надо? – спрашивает Вагнер.

– Слыхал, ты приехал от самого Тве. Мы там много джакару потеряли.

– Я там был. Чего тебе надо?

– Сам хотел поехать в Тве, но Первый клинок обязан сидеть в Хэдли. Не считая тех случаев, когда Дункану надо, чтобы я выполнил его поручение. Ему нужен Робсон.

Вагнер делает шаг и становится между Робсоном и Денни.

– Вагнер, это похвально, но ты же на самом деле не боец, – говорит Денни. – Дункану требуется милое теплое тело, чтобы заслониться им от твоего брата. Ты разинул рот, Вагнер. Ты вытаращил глаза. Правда не знал? Где же ты был? А, ну да, ну да. Твой брат – Орел Луны. Лукас Корта.

– Лукас... – начинает Вагнер.

– Думаю, ты убедишься, что он ничуть не умер, Вагнер. Дункану нужен заложник. А Лукасу нужна голова Брайса. В Дункане слишком много от Маккензи, чтобы понять: Лукас ему не враг. Он будет дураком, если настроит против себя Орла Луны и как там сейчас зовется КРЛ. Даже я это вижу, хоть и не политик. Каков выход, Вагнер Корта?

– Ты мой должник, Денни Маккензи, и я прошу тебя о третьей и последней услуге.

– И я уважу твою просьбу, Вагнер Корта. – Денни Маккензи достает нож из ножен, спрятанных под курткой от Армани, и целует лезвие. – Долг полностью выплачен. – Он снова прячет нож. – Уходи подальше отсюда, Вагнер. Уходи прямо сейчас.

– Спасибо, – говорит Вагнер. Он протягивает руку.

– Не стану я ручаться с гребаным Кортой, – говорит Денни Маккензи.

У двери он прибавляет: – Робсон. Если у тебя получаются карточные трюки, трюки с ножом ты тоже осилишь. Не забывай об этом.

– Тиу Лукас – Орел Луны? – спрашивает Робсон.

– Я не понимаю, – говорит Вагнер. – Но пойму.

«Уходи подальше отсюда», – сказал Денни Маккензи. Подальше от рубак Дункана Маккензи, подальше от махинаций Лукаса Корты. Подальше от любви, тепла и товарищества стаи. Куда-нибудь подальше, где ждет другая любовь.

– Идем со мной, Самый маленький волк.

* * *

С точки зрения Денни, песчаный сад – нелепое пристрастие. Вроде тех, на какие Суни тратят ресурсы, а потом считают себя цивилизованными, элитой. Все мягкое, тошнотворное. Старая Лощина Папоротников вызывала у него мурашки. Влажная, зеленая, полно живых существ. Всякий раз, когда он туда входил, казалось, что к коже пристаёт зараза. Это была идея Джейд Сунь. Тогда-то старик Боб и потерял власть. Маккензи роют, Маккензи плавают. Наша работа – вот наш сад.

– Тебе было велено привести ко мне тринадцатилетнего мальчишку, – говорит Дункан.

– Я выплатил долг.

– Нам нужно было что-то против Лукаса Корты.

– Я выплатил долг.

– Гребаному КORTE.

– Я выплатил долг.

– Ни хрена – ты семью подвел.

Денни Маккензи поднимает левую руку. Мизинца на ней нет. Ампутация была быстрой и резкой, но терпимой. Его помощники тут же стерилизовали и прижгли рану. Он отказался от анальгетиков. Боль можно стерпеть. Больше раздражала потеря ощущений там, где были рассечены нервы.

– Думаешь, этого достаточно? – говорит Дункан. – Какой-то дурацкий долг чести, и все в порядке? Я отзываю все твои привилегии и уровни доступа. Аннулирую права и разрешения. Ты отрезан. Ты больше не Маккензи. У тебя нет имени. У тебя нет дома. У тебя нет отца.

Уголок рта Денни Маккензи вздрагивает.

– Да будет так.

Его каблуки стучат по каменным плитам, когда он уходит. Он мог бы пойти напрямик, через педантичные круги и скульптурные волны песка. Дзенское дерьмо. Но это было бы мелочно. Он покорно следует тропе. Золотые цифры на чибе делаются зелеными. Он дышит – пока что. Ему нужен кислород, только чтобы уехать из Хэдли.

За пределами каменного сада в коридоре выстроились джакару. Повскафы, рабочая одежда, спортивная одежда, классические леггинсы и толстовки. Ни намек на ретро 1980-х. Это рабочий люд. Денни Маккензи не смотрит по сторонам, когда идет меж рядами рубак. Когда он проходит мимо, они касаются лба костяшками пальцев, приветствуя его. Позади нарастает волна аплодисментов, несет его вперед.

Он крепко сжимает левый кулак.

Он едва заметно кивает, когда поворачивается в лифте, и дверь закрывается.

На станции ждет билет. Первый класс. Его чиб все еще зеленый. Он знает, кто за это заплатил. Он занимает свое место в обзорном вагоне. Когда поезд выезжает из туннеля, он поворачивается к Хэдли. Смотрит на огромную пирамиду, пока от нее не остается лишь вершина, полыхающая светом десяти тысяч солнц. Потом и это исчезает за горизонтом.

В ране на его левой руке по-прежнему никаких чувств.

* * *

Осколок, шелуха, тонкий, как иголка, обрывок земного света виднеется за окном поезда. Робсон свернулся клубочком на сиденье, рот открыт, течет струйка слюны – он крепко спит. Сон – великий транспорт исцеления, на котором можно одолеть огромные расстояния, обновляясь и восстанавливаясь. Вагнер не может заснуть, но не волчий свет заставляет его бодрствовать. Он обратил последние остатки своей темной сосредоточенности на новости, лунные и земные, на комментаторов, аналитиков, политические форумы и хроники. Он начинает понимать, что произошло, пока они с Зехрой совершали хиджру через Море Спокойствия, над чем его брат работал восемнадцать месяцев, миновавших после падения «Корта Элиу», уничтожения Боа-Виста, начала ссылки Вагнера и того мига, когда два мира поверили, что Лукас Корта умер.

Он видит: войны, что привели Корта и Воронцовых к власти – это простые стычки по сравнению с битвами, которые сотрясут Луну в будущем до ее холодного сердца. Битвами философий и политик, семей и

привилегий, власти и династий, права и свободы, прошлого и будущего.

Умному волку пора залечь в логово.

Тридцать минут до узловой станции Ипатия, пересадки на местный челнок до Теофила – до Анелизы.

Робсон переворачивается во сне. Тихо вскрикивает, прислоняется к Вагнеру. Вагнер обнимает мальчика. Он такой худой и острый, нет в нем мягкости и округлости. Робсон глубже зарывается в тепло тела Вагнера, и Вагнер, опустив сиденье и откинувшись на спинку, смотрит на узенькую, предательскую Землю. Прижимается щекой к волосам Робсона. Эвкалипт, ментол. Можжевельник. Бергамот, сандаловое дерево, ладан. И Вагнер Корта понимает, что уснуть все же не так трудно.

* * *

Захваты со щелчком смыкаются вокруг моту. Леди Сунь хватается за ручку, и в один миг они с Дариусом поднимаются на десятки метров, быстро взбираясь по стене башни. Лесистый пол Царицы Южной уходит вниз, и спустя несколько секунд они уже на высоте в сотни метров. Дариус смотрит сквозь прозрачный пузырь на множество башен Царицы Южной, соединяющих основание города с его же крышей. После строгих горизонталей «Горнила» и лабиринта светотеней во Дворце вечного света вертикальный мир завораживает. Дариус прижимает руку к пузырю. Вот они на высоте в километр, вот – полтора километра. Лифт замедляется и опускает моту на сотом уровне. Маленькое такси само едет по выступу вдоль края. Ограждения нет.

– Здесь?

Моту паркуется перед непритязательной рулонной дверью промышленного вида, без какой-нибудь идентифицирующей метки, физической или виртуальной. Кто помещает склад на сотом уровне башни Цзянь Мао?

– Здесь, – говорит Леди Сунь и ждет, чтобы Дариус протянул ей руку и помог выйти из машины. Он это и делает, быстро и без лишних просьб. Невысокий мужчина с оливковой кожей и аккуратно подстриженной бородкой выходит из служебной двери поменьше размером внутри больших рулонных ворот. Дариус подмечает его платье. Аккуратное, классическое, прекрасного кроя. Ему требуется всего три шага, чтобы подойти к посетителям, но эти шаги продуманы, достойны и экономны, как у танцора.

– Леди Сунь. – Он целует руку пожилой дамы.

– Мариану.

Щеголеватый мужчина кланяется. Дариус пожимает протянутую руку, чувствуя хватку и тугие мышцы. Улыбается.

– А он осторожный.

– Похвальная черта для Маккензи, – говорит Леди Сунь. – Вам будет над чем работать и из чего лепить.

– Что здесь происходит? – спрашивает Дариус. Он на сотом уровне, на неохраняемой дороге. Немного путей для побега. – Кто этот человек?

– Здесь, мой дорогой, творит свое медленное и уверенное дело злоба, – говорит Леди Сунь. – Корта меня унизили. Я такого не потерплю. Ответное унижение – это не равноценная месть. Мне нужно оружие, которое вырежет из них трепыхающееся сердце, прижжет рану, потом отнимет их надежду, их наследие и сотрет их из истории. Я хочу, чтобы они увидели, как их дети умирают и род обрывается. Я хочу, чтобы ты стал моим оружием, Дариус. На это потребуется время, может быть, больше, чем мне отпущено, но меня успокоит знание того, что после моей смерти моя месть их настигнет. Некоторым людям трудно произнести это слово: месть. Оно кажется им театральным, манерным. Мелодраматичным. Вовсе нет. Их языки слишком мягки для него. Возьми это слово. Попробуй его.

Эlegantный мужчина склоняет голову перед Леди Сунь.

– Меня зовут Мариану Габриэль Демария, и я директор этого заведения. Я буду лично отвечать за ваше образование, обучение и умение держать себя, Дариус. Здесь мы делаем оружие. Добро пожаловать в Школу Семи Колоколов.

* * *

Никто не хочет заговорить первым, но кто-то должен заговорить, ведь ситуация странная – пять чужаков заперты вместе в герметичной капсуле, которая летит свободно, оторвавшись от конца космического кабеля.

Сперва смешки. Угрызения совести выживших. «У нас получилось!» (пусть даже они прибыли тем же способом, пусть даже десятки людей путешествуют «лунной петлей» каждый день). Потом вопросы. «Ты в порядке? Я в порядке, а ты? Все в порядке? Ничего себе поездочка. А как там Оксана? В порядке?»

Марина? Марина?

– Я в порядке, – шепчет она. Она не в порядке, и не будет. Ничего уже

не будет в порядке. Она потеряла единственного человека, которого когда-либо любила и который – осознание приходит, непоколебимое, как небосвод, пока капсула движется по орбите навстречу огромному Воронцовскому циклеру – когда-либо любил ее.

* * *

Отряд спускается от главного шлюза. Нашлемные огни порождают длинные, беспокойные лучи, в которых мусор отбрасывает экспрессионистские заостренные тени. Ограниченная дальность фонарей лишь усиливает тьму, что простирается впереди.

Фигура в желтом жестком скафандре поднимает руку. Отряд останавливается: пять пылевилов в пов-скафах и еще одна фигура в жесткой лунной броне.

– Зажгите свет, – командует Лукас Корта.

Боты сбегают по пандусу в кромешную тьму. Свет: рухнувшая крыша павильона, разбитые колонны, деревья без листьев, промерзшие до самого сердца. Миг спустя пробуждается еще один источник света: полные, чувственные губы Йансы, проблеск льда. И еще: каменистое русло мертвой реки, мгновенно замерзшая лужайка. Через минуту весь лавовый туннель освещен. Лики ориша, театрально подсвеченные снизу, глядят свысока на руины Боа-Виста.

Лукас Корта слышит на общем канале, как ахает Алексия.

– Вы здесь жили?

– Это был дворец моей матери.

А она, думает Лукас, хорошо управляет жестким скафандром для Джо Лунницы. Еще один из ее заметных талантов. Лукасу проще – внутренний скелет скафандра поддерживает его искалеченные мышцы. Это его первая прогулка в вакууме с детских лет. С той поры, как мать взяла его посмотреть на огни далекой Земли. Потом он понимает: не совсем. Пять метров по Морю Изобилия, от ровера до станции «лунной петли». Ни костюма, ни кислорода, ни герметичности. Его личная Лунная гонка.

Он идет по пандусу мимо убежищ. Луна принесла сюда Лукасинью и каким-то образом спасла ему жизнь. Лукасинью увел Луну из Тве. Глупо и блестяще. Детишки.

Он сходит с пандуса на иссохшую лужайку. Замерзшая трава под ботинками превращается в пыль. Разрушения превосходят то, что он себе воображал: Лукас понимает, что ни разу не представлял себе мертвый Боа-

Виста, не позволил себе вообразить тот день, когда рубаки Маккензи взорвали главный шлюз и выпустили из дворца весь воздух. Разрушение, темная, ледяная смерть – это больше, чем он себе представлял, но меньше, чем боялся.

Он никогда не любил Боа-Виста так, как его любили Рафа и Лусика, Луна и Лукасинью, а также Адриана. Он предпочитал Жуан-ди-Деус – дистанцию от требований и драм семьи, квартиру с балконом, выходящим на проспект Кондаковой, лучшую акустическую комнату в двух мирах. Теперь эта мертвая скорлупа принадлежит ему, и он ее возьмет. Весь мир принадлежит ему.

Отряд собирается вокруг него: отобранные вручную эскальты, старые работники «Корта Элиу», все до единого.

– Синьор Корта?

– Как скоро мы можем начать?

Глоссарий

На Луне говорят на многих языках, охотно пополняя лексикон словами из китайского, португальского, русского, испанского, арабского, а также языков йоруба и акан.

А – стандартное сокращение для асексуала.

Абусуа – группа людей с общим предком по материнской линии. АКА сохраняет эти линии запретами на брак, чтобы уберечь генетическое разнообразие.

Адинкра – визуальные символы народа акан, представляющие собой концепции или афоризмы. Широко используются семейством Асамоа.

Амор – возлюбленный или партнер (любого пола).

Амория – полиамория, одна из многочисленных лунных форм партнерства и брака.

Анжинью – ангелочек. Ласковое обращение, принятое в семействе Корта.

Гала – австралийский какаду с розовой грудкой; термин используется в качестве сленгового обозначения шумного идиота.

Гапшан^[33] – главный канал в лунной социальной сети, распространяющий сплетни.

Глобо – упрощенная форма английского, лунный пиджин с кодированным произношением, которое могут воспринимать машины.

Джакару – сленг «Маккензи Металз» для обозначения рабочего-поверхностника; изначально – австралийское наименование помощника на овцеводческой ферме.

Джо Лунник/Лунница – новичок на Луне.

Заббалины – фрилансеры, перерабатывающие органические отходы, которые они потом продают КРЛ – организации принадлежит вся органика.

Защитник – наемный боец в суде посредством поединка.

Ирма/ирман – сестра/брат.

Кеджи-око – вторая супруга/супруг.

Корасан – «сердце мое». Выражение служит для проявления нежности.

Котоко – Совет АКА с членством на основе ротации.

Кочжао – пылезащитная маска.

Ладейра – лестница с одного уровня квадры на другой.

Лаовай – мандаринский китайский слэнг для обозначения не-китайцев.

Лаода – начальник поверхностной бригады «Тайяна».

Мадринья – суррогатная мать (в буквальном переводе – «крестная»).

Майн/мамайн – мать/мама.

Маландрагем – искусство быть трикстером, крутым.

Миуду – малыш.

Моту – трехколесное автоматическое такси.

Нана – термин ашанти, уважительное обращение к старшему.

Никах – брачный контракт. Термин арабского происхождения.

Око – супруг или супруга.

Омахене – генеральный директор АКА, меняющийся каждые восемь лет.

Ориша – божества и святые в синкретической афро-бразильской религии умбанда.

Пов-скаф – скафандр для работы на поверхности Луны.

Сантиньюс – «маленькие святые». Сленговое обозначение жителей Жуан-ди-Деуса.

Саудади – ностальгическая меланхолия. Замысловатый и чрезвычайно важный элемент музыкального стиля босанова.

Сер – обращение к нейтро.

Тиа/тиу – тетя/дядя.

Цзюньши – замначальника поверхностной бригады «Тайяна».

Черная звезда^[34] – рабочий-поверхностник АКА (термин происходит от неофициального названия сборной Ганы по футболу).

Четыре Базиса – воздух, вода, углерод и данные. Базовые предметы потребления в лунном обществе, за которые ежедневно взимается плата посредством чибов.

Чиб – маленькая виртуальная панель в интерактивной контактной линзе, которая показывает состояние личного счета, покрывающего расходы на Четыре Базиса.

Эката – единство, групповой разум волчьей стаи.

Эскольта – телохранитель.

Список действующих лиц

КОРТА

Ариэль Корта: бывший адвокат в Суде Клавия
Марина Кальцаге: личный ассистент и телохранитель Ариэль Корты
Робсон Корта: сын Рафы Корты и Рэйчел Маккензи
Луна Корта: дочь Рафы Корты и Лусики Асамоа
Лукас Корта: второй сын Адрианы Корты. Чонму^[35] «Корта Элиу»
Аманда Сунь: бывшая око Лукаса Корты
Лукасинью Корта: сын Лукаса Корты и Аманды Сунь
Вагнер «Лобинью» Корта: четвертый (непризнанный) сын Адрианы Корты. Аналитик и лунный волк
Д-р Каролина Макарэг: личный врач Адрианы Корты

МАДРИНЬИ

Флавия: суррогатная мать Карлиньоса, Вагнера и Лукасинью Корты
Элис: суррогатная мать Робсона и Луны Корты

«МАККЕНЗИ МЕТАЛЗ»

Роберт Маккензи: основатель «Маккензи Металз», генеральный директор на пенсии
Джейд Сунь-Маккензи: вторая око Роберта Маккензи
Алисса Маккензи: око Роберта Маккензи (покойная)
Дункан Маккензи: старший сын Роберта и Алиссы Маккензи, генеральный директор «Маккензи Металз»
Анастасия Воронцова: око Дункана Маккензи
Аполлинария Воронцова: кеджи-око Дункана Маккензи
Эдриан Маккензи: старший сын Дункана и Аполлинарии; око Джонатона Кайода, Лунного Орла
Денни Маккензи: младший сын Дункана и Аполлинарии. Стал Первым Клинком после смерти Хэдли Маккензи.

«МАККЕНЗИ ГЕЛИУМ»

Брайс Маккензи: младший сын Роберта Маккензи, финансовый директор «Маккензи Металз», отец многочисленных «приемных детей»

Анелиза Маккензи: темная амор Вагнера Корты в его темной ипостаси

Хоан Рам Хун: приемный сын Брайса Маккензи и на короткий срок – око Робсона Корты

АСАМОА

Лусика Асамоа: омахене Котоко, АКА

Абена Асамоа: студентка, изучающая политологию, и время от времени – амор Лукаса Корты

Коджо Асамоа: коллега Лукасинью Корты по коллоквиуму и лунный бегун

Аделаия Оладеле: (недолгий) амор Лукасинью Корты

Афи: коллега Абены по коллоквиуму в Тве

СУНЬ

Леди Сунь: Вдова из Шеклтона, бабушка генерального директора «Тайяна»

Сунь Чжиюань: генеральный директор «Тайяна»

Сунь Гуань-инь: иньюнь «Тайяна» (заместитель генерального директора)

Сунь Ливэй: глава финансового отдела, «Тайян»

Джейд Сунь: око Роберта Маккензи

Тамсин Сунь: глава юридического отдела, «Тайян»

Дариус Маккензи-Сунь: сын Джейд и Роберта Маккензи

Аманда Сунь: бывшая око Лукаса Корты

ВТО

Валерий Воронцов: основатель ВТО. Генеральный директор «ВТО Космос»

Евгений Воронцов: генеральный директор «ВТО Луна»
Валентина Воронцова: капитан циклера ВТО «Святые Петр и Павел»
Доктор Воликова: личный врач Лукаса Корты
Григори(я/й) Воронцов(а): бывший/ая амор Лукасинью Корты

КОРПОРАЦИЯ ПО РАЗВИТИЮ ЛУНЫ

Джонатон Кайод: Орел Луны, президент Корпорации по развитию Луны
Видья Рао: экономист и математик, член «Белого Зайца» и Лунарианского общества, участник кампании за независимость

СЕСТРИНСТВО ВЛАДЫК СЕГО ЧАСА

Ирма Лоа: сестра и бывшая исповедница Адрианы Корты
Мадринья Флавия: присоединилась к Сестринству после изгнания из Боа-Виста
Майн-ди-санту Одунладе Абоседе Адекола: матрона Сестер Владык Сего Часа

МЕРИДИАН / ЦАРИЦА ЮЖНАЯ

Мариану Габриэл Демария: директор Школы Семи Колоколов, учебного заведения для наемных убийц

ВОЛКИ

Амаль: вожак волчьей стаи Меридиан Блю

Лунный календарь

Лунный календарь делится на двенадцать месяцев, названных в честь знаков зодиака: Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы, плюс день Нового года в начале месяца Овна.

Дни каждого месяца происходят от гавайской системы именования дней согласно разным фазам луны. Таким образом, в лунном месяце тридцать дней, которые не делятся на недели.

- 1: хило
- 2: хоака
- 3: ку-кахи
- 4: ку-луа
- 5: ку-колу
- 6: ку-пау
- 7: оле-ку-кахи
- 8: оле-ку-луа
- 9: оле-ку-колу
- 10: оле-ку-пау
- 11: хуна
- 12: мохалу
- 13: хуа
- 14: акуа
- 15: хоку
- 16: махеалани
- 17: кулуа
- 18: лаау-ку-кахи
- 19: лаау-куу-луа
- 20: лаау-пау
- 21: оле-ку-кахи
- 22: оле-ку-луа
- 23: оле-пау
- 24: калоа-ку-кахи
- 25: калоа-ку-луа
- 26: калоа-пау
- 27: кане

28: лоно
29: маули
30: муку

Кроме того, крупные города (за исключением Царицы Южной) функционируют на основе трехсменной суточной системы: маньяна, тарде, ноче. Разница между сменами составляет восемь часов. Полдень в маньяне – это восемь часов вечера в тарде и четыре утра в ноче.

notes

СНОСКИ

Отсылка к известной песне, джазовому стандарту «Fly me to the Moon» – «Унеси меня на Луну» (1954 г.). – *Здесь и далее прим. перевод.*

Мениск – термин из области гидростатики, обозначающий искривление свободной поверхности жидкости.

Майки с надписями «Фрэнки говорит [расслабься]» (Frankie says relax) спереди и «Не делай этого» (Don't Do It) сзади были популярны в 80-х гг. История их появления связана с песней «Relax» группы «Frankie Goes to Hollywood», которая была запрещена к ротации по радио и ТВ-каналам BBC ввиду непристойного содержания.

Трейсеры – то же, что паркурщики.

Ра-ра – короткая юбка с воланами.

Коктейль назван в честь года основания первой европейской колонии в Новом Южном Уэльсе.

Пинч с обращенным полем (reversed pinch field) – установка для магнитного удержания плазмы и термоядерного синтеза.

Qiānsuì – букв. «тысяча лет»; уважительное обращение к члену императорской семьи (*kit.*).

Звон или шум в ушах.

Шоуси (shǒuxí) – генеральный директор (*кит.*).

Катамит – мальчик-подросток, сожительствующий с более взрослым мужчиной.

Периселений (англ. *perilune*) – точка окололунной орбиты, минимально удаленная от Луны.

Подразумевается бильярдный шар № 8.

Прол – термин из романа Дж. Оруэлла «1984»; обозначает человека, принадлежащего к беспартийному пролетариату и живущего за чертой бедности.

Непереводимая игра слов, отсылающая к аутосексуальности Ариэль Корты.

Гуаябера – типичная мужская рубашка Центральной Америки.

Фестиваль ямса – праздник урожая у народа игбо.

Эразм Дарвин – английский врач, натуралист, изобретатель и поэт; деятель эпохи Просвещения. Один из основателей Лунного общества (Lunar Society).

Спасительное положение – медицинский термин; положение на боку с повернутой в сторону головой, верхняя нога и рука вытянуты вперед.

Райня ди тубос (Rainha de tubos) – королева труб (*порт.*).

Скрэмблер (scrambler bike) – разновидность легкого городского мотоцикла.

Комбинация золотого (auri) и зеленого (verde), цветов бразильского флага.

Волк, Игорь Петрович – летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза.

Пусть твои ноги бегут уверенно (*порт.*).

Бежим со святыми (*порт.*).

Вечно (*порт.*).

Зайчик (*порт.*).

Поздняя тяжелая бомбардировка (также последняя метеоритная бомбардировка, или лунный катаклизм) – период, на протяжении которого предположительно сформировались многие кратеры на Луне.

«Хватит саудади» (*порт.*); известная песня в жанре босанова, наиболее популярная в исполнении Жуана Жильберту.

Эмпанада – пирожок с начинкой; блюдо, популярное в Испании и Латинской Америке.

Дэш-волт, лэш-волт, андербар и обратный андербар – термины из жаргона трейсеров (паркурщиков), обозначающие те или иные движения и трюки.

Гэся (géhéxià) – уважительное обращение в мандаринском китайском, эквивалентом которого служит «ваше сиятельство», «ваше превосходительство» и т. д.

Gupshup на хинди и урду означает «бессмысленная болтовня».

Кроме того, *черная звезда* – символ борьбы народов Ганы с колониализмом.

Чонму – корейский корпоративный титул (управляющий директор).